

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

Научно-теоретический журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования" выходит в свет с 2006 года, с 2009 года издается ежеквартально.

Журнал зарегистрирован федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77–30578 от 12.12.2007 г. ISSN 1998-6785.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Владивостокский государственный университет". Адрес: 690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41.

Целью журнала является содействие разработке методологии междисциплинарного синтеза знаний о региональных (социально-территориальных) системах, а также планированию на ее основе регионоведческих исследований и региональной политики.

Среди основных задач нашего издания:

- мониторинг и критическая оценка текущих публикаций и научной жизни регионоведческого сообщества (в первую очередь, в рамках российского Дальнего Востока);
- организация дискуссии по теоретическим и методологическим проблемам регионоведения;
- представление мнений и рекомендаций ученых по актуальным прикладным проблемам регионального управления;
- пропаганда идей и методологии междисциплинарного синтеза;
- подготовка и доведение до научной аудитории программ фундаментальных и прикладных регионоведческих исследований и освещение результатов их выполнения.

Авторами и читателями нашего журнала являются преподаватели вузов и сотрудники академических учреждений как дальневосточного, так и других регионов России, а также учёные из стран Азиатско-Тихоокеанского региона и СНГ.

Журнал включает в себя следующие основные рубрики:

- ◆ Теория и методология регионоведческих исследований
- ◆ Историческое регионоведение
- ◆ Экономика и природопользование
- ◆ Социальные и демографические структуры
- ◆ Культурные и идеологические факторы регионализации
- ◆ Политические отношения и управление регионом
- ◆ Мировая система и международные регионы
- ◆ Междисциплинарные и системные исследования региона
- ◆ Регион в документах и свидетельствах
- ◆ Науковедение
- ◆ Дискуссия
- ◆ Рецензии и обзоры
- ◆ Научная жизнь

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации

Научные специальности и соответствующие им отрасли науки, по которым издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (по состоянию на 15.02.2023 года):

- 5.4.1. – Теория, методология и история социологии (социологические науки)
- 5.4.2. – Экономическая социология (экономические науки)
- 5.4.2. – Экономическая социология (социологические науки)
- 5.4.4. – Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)
- 5.5.1. – История и теория политики (исторические науки)
- 5.5.1. – История и теория политики (политические науки)
- 5.5.2. – Политические институты, процессы, технологии (политические науки)
- 5.5.3. – Государственное управление и отраслевые политики (политические науки)
- 5.5.4. – Международные отношения (политические науки)
- 5.6.1. – Отечественная история (исторические науки).

Адрес редакции: 692900, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.

Официальный сайт журнала: <http://www.ojkum.ru>. E-mail: ojkum@rambler.ru

Журнал печатается во множительном участке ВВГУ. Адрес: 690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41.

Вышло в свет 21.12.2023 г. Тираж 200 экз. Цена свободная.

Главный редактор

Филипова Александра Геннадьевна – доктор социологических наук, заведующий лабораторией комплексных исследований детства Владивостокского государственного университета (*г. Владивосток, Россия*).

Ответственный редактор

Журбей Евгений Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток, Россия*).

Редакционная коллегия

Барбенко Ярослав Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток, Россия*).

Бурлаков Виктор Алексеевич – кандидат политических наук, доцент департамента коммуникации и медиа Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток, Россия*).

Винокурова Анна Викторовна – кандидат социологических наук, доцент департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток, Россия*).

Волыничук Андрей Борисович – доктор политических наук, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник отдела международных отношений Центра глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, профессор кафедры экономики и управления Владивостокского государственного университета (*г. Владивосток, Россия*).

Григоричев Константин Вадимович – доктор социологических наук, проректор по научной работе и международной деятельности Иркутского государственного университета (*г. Иркутск, Россия*).

Демьяненко Александр Николаевич – доктор географических наук, главный научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН (*г. Хабаровск, Россия*).

Дударёнок Светлана Михайловна – доктор исторических наук, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (*г. Владивосток, Россия*).

Золотухин Иван Николаевич – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток, Россия*).

Караман Вадим Николаевич – кандидат исторических наук, ведущий методист Государственного объединённого музея-заповедника истории Дальнего Востока имени В.К. Арсеньева (*г. Владивосток, Россия*).

Киреев Антон Александрович – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток, Россия*).

Кожевников Владимир Васильевич – кандидат исторических наук, профессор кафедры японоведения Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток, Россия*).

Кристоферсен Гайе – Ph.D., профессор Университета Джона Хопкинса (*г. Нанкин, КНР*).

Кузнецов Анатолий Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток, Россия*).

Латушко Юрий Викторович – кандидат исторических наук, заведующий Центром островной и прибрежной антропологии АТР Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (*г. Владивосток, Россия*).

Лебедева Марина Михайловна – доктор политических наук, кандидат психологических наук, заведующий кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России (*г. Москва, Россия*).

Лексютин Яна Валерьевна – доктор политических наук, профессор кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета (*г. Санкт-Петербург, Россия*).

Литошенко Денис Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии и государственно-правовых дисциплин Морской академии Морского государственного университета имени адмирала Г.И. Невельского (*г. Владивосток, Россия*).

Лукин Артем Леонидович – кандидат политических наук, заместитель директора по науке и инновациям Восточного института – Школы региональных и международных исследований, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток, Россия*).

Римская Татьяна Григорьевна – кандидат исторических наук (*г. Находка, Россия*).

Рыжова Наталья Петровна – доктор экономических наук, заведующий Приморской лабораторией экономического развития и сотрудничества Института экономических исследований ДВО РАН, профессор академического департамента Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток, Россия*).

Севастьянов Сергей Витальевич – доктор политических наук, профессор кафедры политологии и международных отношений Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики" (*г. Санкт-Петербург, Россия*).

Хисамутдинова Наталья Владимировна – доктор исторических наук, профессор кафедры межкультурных коммуникаций и переводоведения Владивостокского государственного университета (*г. Владивосток, Россия*).

Шестак Ольга Игоревна – кандидат исторических наук, начальник научного управления Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного университета (*г. Владивосток, Россия*).

Шин Беом-Шик – Ph.D., профессор кафедры политических наук и международных отношений Сеульского национального университета (*г. Сеул, Республика Корея*).

Широ Сасаки – Ph.D., профессор кафедры передовых исследований в антропологии Национального музея этнологии, директор Национального музея культуры айнов (*г. Сираой, Япония*).

Ячин Сергей Евгеньевич – доктор философских наук, профессор департамента философии и религиоведения Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток, Россия*).

The scientific-theoretical journal "Ojkumena. Regional Researches" has been published since 2006, since 2009 it has been published quarterly.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Mass Communications, Communications and Protection of Cultural Heritage. Registration certificate: PI № F577–30578, dated December 12, 2007. ISSN 1998-6785.

Founder and publisher: Federal state budgetary educational institution of the higher education "Vladivostok State University". Address: 690014, Russia, Vladivostok, Gogolya St., 41.

The main goal of the journal is to contribute to the development of a methodology for interdisciplinary synthesis of knowledge about regional (social-territorial) systems, as well as planning regional studies and regional policy based on it.

Among the main tasks of our journal:

- monitoring and critique of the current publications and research in the field of the regional studies (primarily, but not exclusively, the Russian Far East);
- initiating and supporting discussions on the theoretical and methodological issues of regional studies;
- presentation of opinions and recommendations of scientists on topical problems of regional management;
- advancement of the ideas and methodology of interdisciplinary research;
- development of the programs for fundamental and applied regional studies and publication of their results.

The authors and readers of our journal are university professors and members of academic institutions in both the Far East and other regions of Russia, as well as scientists from the countries of the Asia-Pacific region and the CIS.

The journal includes the following thematic sections:

- ◆ Theory and Methodology of Regional Studies
- ◆ Historical Regional Studies
- ◆ Economy and Nature
- ◆ Social and Demographic structures
- ◆ Cultural and Ideological Factors of Regionalization
- ◆ Political Relations and Management of the Region
- ◆ World System and International Regions
- ◆ Interdisciplinary and Systemic Research of the Region
- ◆ Region in the Documents and Testimonies
- ◆ Study of Science
- ◆ Discussion
- ◆ Reviews
- ◆ Scientific Life

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific journals recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of Russian Federation

Scientific specialties and the corresponding branches of science, for which the publication is included in the List of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science, for the degree of Doctor of Science are to be published (as of 15.02.2023):

- 5.4.1. – Theory, methodology and history of sociology (sociological sciences)
- 5.4.2. – Economic sociology (economic sciences)
- 5.4.2. – Economic sociology (sociological sciences)
- 5.4.4. – Social structure, social institutions and processes (sociological sciences)
- 5.5.1. – History and theory of politics (historical sciences)
- 5.5.1. – History and theory of politics (political sciences)
- 5.5.2. – Political institutions, processes, technologies (political sciences)
- 5.5.3. – Public administration and sector policies (political sciences)
- 5.5.4. – International relations (political sciences)
- 5.6.1. – Domestic history (historical sciences).

Editorial address: 692900, Primorsky Territory, Nakhodka, st. Ozernaya, 2.

Official website of the journal: <http://www.ojkum.ru>. E-mail: ojkum@rambler.ru

The journal is printed in the copying section of VVSU. Address: 690014, Russia, Vladivostok, Gogolya St., 41.

Published 21.12.2023. Circulation 200 copies. The price is free.

Editor in Chief

Alexandra G. Filipova – Doctor of Sociology, Associate Professor, Head of the Laboratory for Comprehensive Research of Childhood, Vladivostok State University (*Vladivostok, Russia*).

Executive Editor

Evgeny V. Zhurbey – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Editorial Board

Yaroslav A. Barbenko – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Viktor A. Burlakov – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Communication and Media, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Anna V. Vinokourova – Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Andrey B. Volynchuk – Doctor of Political Sciences, Candidate of Geographical Sciences, Leading Researcher of the Department of International Relations of the Center for Global and Regional Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Professor, Department of Economics and Management, Vladivostok State University (*Vladivostok, Russia*).

Konstantin V. Grigorichev – Doctor of Sociology, Associate Professor, Vice-Rector for Research and International Activities, Irkutsk State University (*Irkutsk, Russia*).

Alexandr N. Demyanenko – Doctor of Geographical Sciences, Chief Researcher, Economic Research Institute, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (*Khabarovsk, Russia*).

Svetlana M. Dudaryonok – Doctor of Historical Sciences, Candidate of Philosophy, Leading Researcher of the Department of Socio-Political Research, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (*Vladivostok, Russia*).

Ivan N. Zolotukhin – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Head of Department of International Relations, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Vadim N. Karaman – Candidate of Historical Sciences, leading methodologist of Vladimir K. Arseniev Museum of Far East History (*Vladivostok, Russia*).

Anton A. Kireev – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Vladimir V. Kozhevnikov – Candidate of Historical Sciences, Professor, Department of Japanese Studies, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Gaye Christoffersen – Ph.D., Professor, John Hopkins University (*Nanjing, China*).

Anatolij M. Kuznetsov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Yurij V. Latushko – Candidate of Historical Sciences, Head of the Center for Island and Coastal Anthropology of APR, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (*Vladivostok, Russia*).

Marina M. Lebedeva – Doctor of Political Sciences, Candidate of Psychology, Professor, Head of Department of World Political Processes, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russia*).

Yana V. Leksyutina – Doctor of Political Sciences, Professor, Department of American Studies, St. Petersburg State University (*St. Petersburg, Russia*).

Denis A. Litoshenko – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History, Political Science and Public Law Disciplines, Maritime State University named after Admiral G.I. Nevelskoy (*Vladivostok, Russia*).

Artyom L. Lukin – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Deputy Director for Science and Innovation of Institute of Oriental Studies – School of Regional and International Studies, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Tatyana G. Rimsкая – Candidate of Historical Sciences (*Nakhodka, Russia*).

Natalia P. Ryzhova – Doctor of Economics, Professor, Head of the Primorsky Laboratory for Economic Development and Cooperation, Institute for Economic Research, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences, Professor, Academic Department, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Sergej S. Sevastyanov – Doctor of Political Science, Professor, Department of Political Science and International Relations, National Research University Higher School of Economics (*St. Petersburg, Russia*).

Natalya V. Khisamutdinova – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Intercultural Communication and Translation Studies, Vladivostok State University (*Vladivostok, Russia*).

Olga I. Shestak – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of Scientific Department, Far Eastern State Technical Fisheries University (*Vladivostok, Russia*).

Beom-Shik Shin – Ph.D., Professor, Department of Political Science and International Relations, Seoul National University (*Seoul, Republic of Korea*).

Sasaki Shiro – Ph.D., Professor, Department of Advanced Studies in Anthropology, National Museum of Ethnology, Director of the National Museum of Ainu Culture (*Shiraoi, Japan*).

Sergej E. Yachin – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Religious Studies, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

2024

№ 1 (68)

научно-
теоретический
журнал

Выходит
4 раза в год

Основан
в 2006 г.

ISSN 1998-6785

ТЕМА НОМЕРА: АДАПТАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ СКОТОВОДЧЕСКИХ КУЛЬТУР К СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ

От редактора рубрики 9

Тиникова Е. Е. Этносоциальные процессы
в Республике Хакасия: динамика и тенденции развития
(по материалам экспертного опроса) 11

Миягашева С. Б. Городской шаманизм в Бурятии:
к вопросу о модификации обрядового комплекса 20

**Умиткалиев У. У., Яковлев А. И.,
Тлеугабулов Д. Т., Необутова Н. И.**
Пространственная организация памятника
"Кырыкүнгир" и мест проведения современного
традиционного праздника ысыах 28

Васильева О. В. Зооморфные символы как ресурс
групповой идентификации в Республике Саха (Якутия) 42

ИНТЕРВЬЮ

Новая мировая реальность и тенденции в развитии
российских исследований международных отношений:
интервью с М.М. Лебедевой 49

ИСТОРИЧЕСКОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

Васильева Т. А. Фортификация и внутренняя
планировка Екатерининского городища – памятника
чжурчжэньской культуры государства Восточное Ся
(1215–1233 гг.) 57

Цихаус С. В руках иностранных подданных: формы
нерусского землевладения в Амурской области в 1861–
1917 гг. (Часть 1) 69

Петров А. С. Значение огнестрельного оружия
в криминализации Восточной Сибири в начале XX века 81

Власов С. А. История города Советская Гавань
в контексте советской урбанизации 89

Журбей Е. В., Бунина В. И., Пушкарева Д. А.
Проблемы адаптации и интеграции бразильских
иммигрантов в США во второй половине XX – XXI вв. 96

СОЦИАЛЬНЫЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ

Гонцовская Е. В., Давыдова А. С., Михалев К. П.
Социальная активность российской молодёжи (на
материалах Приморского края) 112

Владивосток
2024

**КУЛЬТУРНЫЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ
РЕГИОНАЛИЗАЦИИ**

Латушко Ю. В., Панкина А. И. Археологические объекты в этнокультурных ландшафтах Дальнего Востока России **122**

Самойленко П. Ю. Мастер-планы городов Приморского края как ресурс брендинга территории **133**

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И УПРАВЛЕНИЕ РЕГИОНОМ

Уханов А. Д. Гомогенная и плюралистическая формы общественно-политической целостности: проблемы и перспективы в цифровую эпоху **142**

Давыборец Е. Н., Шкотов А. В. Социокультурный аспект политической коррупции в Японии на современном этапе **149**

Цагаан Ганболд, Бадараев Д. Д. Пограничная безопасность Монголии: современные угрозы и возможности совершенствования **159**

МИРОВАЯ СИСТЕМА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ РЕГИОНЫ

Гарбузарова Е. Г. Геополитический треугольник "Россия-Иран-Китай" в условиях глобальных трансформаций **166**

Адрес редакции: 692900, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.

Официальный сайт журнала: <http://www.ojkum.ru>

Электронная почта редакции: ojkum@rambler.ru

Редактор электронной верстки: В. Н. Караман

Графическое оформление: Я. А. Барбенко, В. Н. Караман, В. В. Постников.

Корректор: О. А. Золотухина

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Подписка на журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования" принимается во всех почтовых отделениях.

Подписной индекс журнала – 79089.

Информация о статьях, опубликованных в журнале (с 2009 г.), размещается в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на сайте Научной электронной библиотеки (elibrary.ru).

scientific-
theoretical
journal

Issued
4 times a year

Founded
in 2006

ISSN 1998-6785

**THE THEME: ADAPTATION OF TRADITIONAL PASTORAL CULTURES
TO THE MODERN CULTURAL ENVIRONMENT**

- From the editor of the heading 9
- Tinikova E. E.** Ethnosocial Processes in the Republic
of Khakassia: Dynamics and Development Trends
(Based on Expert Survey Materials) 11
- Miyagasheva S. B.** Urban shamanism in Buryatia:
on the issue of modification of the ritual complex 20
- Umitkaliyev U. U., Yakovlev A. I., Tleugabulov D. T.,
Neobutova N. I.** Spatial organization of the monument
"Kyryk ungir" and the venues of modern traditional holidays
ysyakh 28
- Vasilyeva O. V.** Processes of ethnic identity construction in
the Republic of Sakha (Yakutia): zoomorphic symbols
as a resource of group identification 42

INTERVIEW

- New world reality and trends in the development
of Russian studies of international relations:
interview with M.M. Lebedeva 49

HISTORICAL REGIONAL STUDIES

- Vasilyeva T. A.** Fortification and internal layout
of the Ekaterinovskoe walled town – a monument
of the Jurchen culture of the Eastern Xia state (1215–1233) 57
- Ziehaus C.** In the hands of foreign subjects:
forms of non-Russian land tenure in the Amur region
in 1861–1917. (Part 1) 69
- Petrov A. S.** The importance of firearms
in the criminalization of Eastern Siberia at the beginning
of the twentieth century 81
- Vlasov S. A.** History of the city of Sovetskaya Gavan
in the context of Soviet urbanization 89
- Zhurbey E. V., Bunina V. I., Pushkareva D. A.**
Problems of adaptation and integration of Brazilian
immigrants to the United States in the second half of the XX
– XXI centuries 96

SOCIAL AND DEMOGRAPHIC STRUCTURES

- Gontsovskaya E. V., Davydova A. S., Mikhalev K. P.**
Social activity of Russian youth (based on the materials
of the Primorsky Territory) 112

CULTURAL AND IDEOLOGICAL FACTORS OF REGIONALIZATION

- Latushko Yu. V., Pankina A. I.** Archaeological objects in
the ethnocultural landscapes of the Russian Far East 122

Vladivostok
2024

Samojlenko P. Yu. Master plans of cities of Primorye Territory as a resource for territory branding	133
POLITICAL RELATIONS AND MANAGEMENT OF THE REGION	
Ukhanov A. D. Homogeneous and pluralistic forms of socio-political integrity: problems and prospects in the digital age	142
Davyborets E. N., Shkotov A. V. The socio-cultural aspect of political corruption in Japan nowadays	149
Tsagaan Ganbold, Badaraev D. D. Current Problems of Border Security in Mongolia	159
WORLD SYSTEM AND INTERNATIONAL REGIONS	
Garbuzarova E. G. The geopolitical triangle "Russia-Iran-China" in the context of global transformations	166

Editorial address: 692900, Primorsky Territory, Nakhodka, st. Ozernaya, 2.

Official website of the journal: <http://www.ojkum.ru>

E-mail: ojkum@rambler.ru

Electronic computer is made up by V. N. Karaman

Graphic registration: Ya. A. Barbenko, V. N. Karaman, V. V. Postnikov.

Corrector O. A. Zolotukhina

Authors' points of view on the problems under investigation do not necessarily coincide with those of the Editorial Board.

Subscription to the journal "Ojkumena. Regional Researches" is accepted in all post offices.
The journal's subscription index is 79089.

Information about articles published in the journal (since 2009) is placed in the database of the Russian Science Citation Index (RSCI) on the website of the Scientific Electronic Library (elibrary.ru).

От редактора рубрики

Коневодство и скотоводство, как традиционные виды жизнедеятельности, являются традиционной культурой жизнеобеспечения, если не для всех, то практически для большинства народов, проживающих на Евразийском пространстве. Независимо от климатических и ландшафтных особенностей конкретных регионов континента и международной политики государств в различные эпохи человеческой истории остается неизменной особенностью скотоводческих культур – высокая адаптивность, "мобильные" и "мобилизационные" возможности. Это древняя ментальная особенность кочевника-скотовода дает возможность сравнительно легко колонизировать любую среду, быстро находить способы выживания в постоянно меняющейся жизни. Сама жизнь – это постоянно изменяющееся пространство, которое находится в движении.

Верно отмечает А.В. Головнев: "Стремление кочевника к пути и охвату большого пространства инстинктивно; оно не мотивировано, поскольку путь и есть мотив"¹. Цель этого пути – колонизировать, освоить новое пространство для современных скотоводов, кочевников, пусть и на не материальном уровне. Осваивая новое пространство и адаптируясь к новым реалиям, человек, будь он оседлый земледelec или кочевник-скотовод, сталкивается прежде всего с новыми опасностями и жизненными обстоятельствами. Например, процессы урбанизации можно рассматривать с позиции, что сельский житель также "колонизирует" город, переезжая в него и сталкиваясь не просто с материальными трудностями, но, прежде всего, с трудностями личностного позиционирования в новой среде. Такой подход "очеловечивает" глобальные и локальные проблемы, с которыми человек встречается в повседневной жизни.

Глобализация и регионализация (глокализация), возросшая социальная мобильность и урбанизация во многом формируют повседневность жизни человека на протяжении последних нескольких десятилетий. Не избежали этого и носители традиционных скотоводческих культур, жизнь которых начинает усложняться, трансформироваться, что приводит к тому, что в некоторых местах ее специфика может исчезать полностью. В рамках этого многоэтапного процесса в разных регионах России можно выделить как особенности, определяющиеся культурой и традициями, так и общие стратегии и тактики адаптации носителей традиционной культуры скотоводов к современным социокультурным, экономическим и политическим процессам.

Рубрика показывает многогранность подходов и взглядов на результаты трансформации традиционных скотоводческих культур, формы ее осовременивания и ревитализации. Открывает рубрику статья Е.Е. Тиниковой, посвященная теме метисации хакасов. Статья представляет анализ экспертных интервью по теме, которая является острой для республики. Процесс метисации, ускоряющийся процесс утери языка, на почве конфликта города и села, обостряет проблему адаптации хакасов – носителей скотоводческой культуры, заставляет исследователей задуматься над вопросами поиска новых стратегий и тактик сохранения традиционной культуры, что и показано в данной статье.

Поиск новых стратегий и тактик выживания является примером того, как носители традиционной культуры пытаются определить границы, где она может легче стать частью повседневной реальности, а значит не потеряться в фондах музеев и библиотек, где про нее будут знать только историки и этнографы. Динамику возрождения этнокультурных маркеров демонстрирует исследование С.Б. Миягашевой. В статье показана интригующая этнографов и историков-антропологов тема урбан-шаманизма, который является примером не просто успешной ревитализации традиций, но и их модификации. Статья освещает успешную адаптацию шаманизма как части традиционной культуры бурятов к современности, то, как он стал элементом повседневности Улан-Удэ, столицы и центра буддистского мира России. Так традиционная

---

¹ Головнев А.В. Феномен колонизации. Екатеринбург: Уральское отделение РАН, 2015. С. 93.

культура скотоводов – вера в Тенгри² и шаманизм – тесно переплетаются с мировыми религиями (буддизмом, христианством и исламом), создавая интересные, яркие формы синкретизма в современных условиях. Успешность полученного продукта адаптации и модификации традиционной культуры выражается, в том, что бурятские урбан-шаманы начинают экспортировать традиционную культуру бурят не только среди самих этнофоров, но и среди представителей других культур, этносов и рас.

Надо отметить, что "мосты прокладываются" не только между традиционной культурой и современным глобальным миром (о чем свидетельствует урбан-шаманизм). В процессе ревитализации и модификации традиционной культуры в современной городской и сельской среде "оживляются" глубинные, казалось бы, утерянные, но хранящиеся в исторической памяти связи между различными регионами Евразии. Авторы следующей статьи (У.У. Умиткалиев, А.И. Яковлев и др.) проводят параллели между эпохой Бронзы Восточного Казахстана и современной культурой якутов, самых северных представителей скотоводческой культуры, одними из предков которых можно считать как раз скотоводов и коневодов из Центральной Азии.

Закрывает рубрику работа О.В. Васильевой, которая выявляет роль исторической памяти в вопросе формирования этнокультурной идентичности в Республике Саха (Якутия) на современном этапе. Автор рассматривает различные зооморфные символы, которые имеют исторические основания, на предмет их мобилизационного потенциала. Именно эта статья завершает рубрику, так как показывает, как проходит процесс мобилизации этничности в современных условиях. Работа ценна тем, что демонстрирует, как формировалось представление об общей культурной основе якутского народа, и как именно скотоводческая культура и символ лошади в настоящее время стали этноинтегрирующими образами для якутов, в том числе тех, кто давно переселился в города и не имеет отношения к скотоводству напрямую.

Составляя данную рубрику, мы попытались показать, как скотоводческие, кочевые культуры противостоят, адаптируются, мобилизуются для ответа культурным и цивилизационным вызовам нашего времени. Пусть эти вызовы не лежат на поверхности нашей повседневной жизни, но они являются фундаментом всех тех процессов, которые создают современный Мир, в котором живет человек.

А.И. Яковлев

---

² бурят. Тэнгэри, якут. Тангара

Этносоциальные процессы в Республике Хакасия: динамика и тенденции развития (по материалам экспертного опроса)

Елена Евгеньевна Тиникова

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан, Россия, lena.tinikova.ru

Аннотация. В настоящей статье представлены отдельные результаты экспертного опроса, посвящённого проблеме динамики этносоциальных процессов в Республике Хакасия (РХ). На основе полученной информации автором выделены укоренившиеся обобщённые проблемы: снижение численности представителей титульного этноса, обусловленное в том числе и увеличением числа национально-смешанных браков, и, как следствие, в ряде случаев это приводит к постепенному размыванию этнической идентичности, языковой и культурной ассимиляции хакасов. Результаты проведённого исследования можно использовать для лучшего обоснования и более эффективной реализации региональных социальных программ, информационно-просветительской работы, направленной на популяризацию хакасского языка и культуры.

Ключевые слова: *этнический состав населения, этносоциальные процессы, национально-смешанные браки, этническая идентичность, Республика Хакасия*

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-10040, <https://rscf.ru/project/23-28-10040/>

Для цитирования: Тиникова Е. Е. Этносоциальные процессы в Республике Хакасия: динамика и тенденции развития (по материалам экспертного опроса) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 1. С. 11–19. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/11-19>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/11-19>

Ethnosocial Processes in the Republic of Khakassia: Dynamics and Development Trends (Based on Expert Survey Materials)

Elena E. Tinikova

Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia, lena.tinikova@mail.ru

Abstract. This paper presents main results of an expert survey devoted to the problems of the dynamics of ethnosocial processes in the Republic of Khakassia. Based on the information received, the author has identified deep-rooted generalized problems: a decrease in the number of representatives of the titular ethnic group, due, among other things, to an increase in the number of nationally mixed marriages, and, as a consequence, in some cases this leads to a gradual erosion of ethnic identity, linguistic and cultural assimilation of Khakassians. The results of the study can be used to better substantiate and more effectively implement regional social programs, information and educational work aimed at popularizing the Khakass language and culture.

Key words: *ethnic composition of the population, ethnosocial processes, national mixed marriages, ethnic identity, Republic of Khakassia*

The reported study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-10040, <https://rscf.ru/project/23-28-10040/>

For citation: Tinikova E. E. Ethnosocial Processes in the Republic of Khakassia: Dynamics and Development Trends (Based on Expert Survey Materials) // Ojkumena. Regional researches. 2024. No. 1. P. 11–19. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/11-19>

Введение

Современное положение и перспективы регионального развития субъектов Российской Федерации во многом определяются характеристиками проживающего там населения. В данном ключе состояние и динамика этносоциальных процессов позволяют получить представление об основных характеристиках местных сообществ, перспективах развития национального состава населения той или иной территории с учётом социокультурных, языковых и др. компонентов. Всё это можно использовать для лучшего обоснования и более эффективной реализации региональных социальных программ, информационно-просветительской работы, направленной на популяризацию культур, языков и т. п. народов, проживающих в России.

Дополним, что региональные различия, связанные с полиэтничностью современного российского социума, отражены в федеративном устройстве нашей страны. Все субъекты РФ условно можно разделить на те, которые образованы по территориальному принципу, и те, которые образованы по национальному принципу. В первом случае национальный состав их населения

значения не имеет, во втором – есть "титულный" этнос, который и даёт название этому субъекту.

Подробнее остановимся на регионах Сибирского федерального округа (СФО), где по национальному принципу образованы следующие субъекты: Республика Алтай, Республика Тыва, Республика Хакасия. В Тыве доля представителей титульного этноса составляет 82,6% от общей численности населения, в Республике Алтай – 33,9%, в Хакасии – 12,7% [приводится по: 18]. Как видим, в РХ доля представителей титульного этноса (хакасов) является наименьшей по сравнению с другими республиками СФО.

Всероссийская перепись населения (ВПН) 2020 года зафиксировала значительные изменения в национальном составе населения Республики Хакасия. По сравнению с данными ВПН–2010, общая численность хакасов, проживающих в РХ, снизилась на 13,4% (с 63,6 тыс. чел. до 55,1 тыс. чел.). Сейчас численность хакасов в регионе примерно соответствует уровню 1970-х гг. Местами наиболее компактного проживания хакасов являются город Абакан (14,3 тыс. чел.), Аскизский (21,2 тыс. чел.), Таштыпский (6,6 тыс. чел.), Бейский (3,4 тыс. чел.), Усть-Абаканский (2,8 тыс. чел.), Алтайский (2,2 тыс. чел.) и Ширинский (2,2 тыс. чел.) районы. В межпереписной период 2010–2020 гг. в городских поселениях численность хакасов снизилась на 6 тыс. чел. (24,6% от общего числа городских хакасов), в сельской местности – на 2,5 тыс. чел. (6,4% от общего числа сельских хакасов) [см. подробнее: 9; 10; 18].

Указанные не вполне благоприятные тренды, характеризующие динамику этносоциальных процессов, представлены не только в официальных статистических данных, но и в исследовательских работах. Так, учёными обсуждаются вопросы этнической идентичности хакасов, межнациональных отношений в республике [1; 2; 3; 16; 18]. Имеется ряд исследований, посвящённых проблемам сохранения хакасского языка, культуры и традиций хакасского народа [4; 6; 7; 15; 17; 22]. Отметим, что большинство трудов по интересующей нас проблематике носят исторический, этнографический характер, работ социологической направленности не так много. Исходя из этого, в своей статье мы попытались более детально рассмотреть динамику и тенденции развития этносоциальных процессов в Республике Хакасия, полагаем, что разносторонние исследования такого рода выступают одним из условий повышения эффективности региональной национальной политики.

Методология и методы исследования

Проведённое нами исследование опирается на качественную методологию, выполнено в рамках разведывательного стратегического плана. Качественные исследования, в отличие от количественных, которые, как правило, являются описательными, считаются интерпретационными, позволяют получить ответ на вопрос: "Почему?". Дополним, что только в количественных исследованиях предъявляются жёсткие требования к выборке, базирующиеся на теории вероятности и математической статистике. К качественным исследованиям подобные требования неприменимы [см. подробнее: 19, с. 23–28].

Эмпирическая часть исследования выполнена с использованием метода экспертного опроса, который был реализован в форме полуструктурированных интервью. Гайд интервью включал в себя два основных блока: общая оценка этносоциальной ситуации в Республике Хакасия; характеристика региональных этносоциальных процессов через призму языковой, социокультурной, религиозной составляющих.

Выбранный метод работы с экспертами подразумевает личную и продолжительную беседу на заданную тему. Мы полагаем, что прямой контакт с экспертами является важным условием, что объясняется сложностью предварительной и полной формализации получаемых в ходе исследования данных. На момент проведения экспертного опроса нами отмечалась количественная ограниченность территориально доступных специалистов, согласных на прямую и длительную беседу. Используя метод снежного кома, нам удалось решить эту проблему. Также важно подчеркнуть, что при очных опросах ряд исследователей определяет наиболее оптимальный количественный состав группы экспертов в пределах 5–7 (максимально 10–15) человек [14]. Всего нами было опрошено десять экспертов (n=10), представляющих вузы, научные и общественные организации, региональные СМИ и органы власти Респу-

блики Хакасия¹. Сфера исследовательских интересов экспертов, принявших участие в опросе, непосредственно связана с проблематикой межэтнических отношений в республике или находится в смежной сфере исследований и практической деятельности. Полевые работы проводились в сентябре 2023 года в городе Абакане.

Основные результаты исследования

Во-первых, проведённый нами опрос экспертов показал, что в Хакасии наблюдаются существенные трансформации, связанные с изменением этнического состава населения республики. В частности, изменилось соотношение числа представителей наиболее многочисленных национальностей, проживающих в РХ. Так, по данным ВПН–2020 зафиксирован рост числа тувинцев. Если в 2010 году их насчитывалось 936 чел. (0,2% от общей численности населения Республики Хакасия), то в 2020 году – уже 2051 чел., что соответствует 0,5% от общего числа жителей РХ [9; 10]. Нашими экспертами отмечается "феномен тувинских квартир", когда уроженцы Тувы активно скупают недвижимость в Абакане и переезжают сюда на постоянное место жительства. Также констатируется, что "... большинство приезжающих в регион тувинцев имеют определённый социальный багаж. Как правило, это люди уже с высшим образованием, либо приезжающие сюда учиться. Многие из них потом остаются. Одна из причин – качество жизни в Хакасии выше, чем у соседей. Много представителей тувинской национальности работают сегодня в медицине" (Э5). Другой эксперт, который в силу своей профессиональной журналистской деятельности, часто общается с теми, кто приезжает в республику на постоянное место жительства, в том числе и тувинцами, отметил: "... из разговора с врачом скорой помощи, который приехал в Абакан из Кызыла, я понял, что основным мотивом его переезда стала потребность в безопасности. Он рассказывал, что каждый раз, выезжая ночью на вызов, опасался того, что могут прирезать. Хотя, думаю, что привлекают тувинцев здесь в первую очередь цены на жильё, которые у нас значительно ниже, чем в Кызыле. Здесь выше уровень жизни, больше развита социальная инфраструктура" (Э6).

Ещё одной из причин миграции тувинцев в Хакасию экспертами названа существующая клановость: "... в Туве очень сложная социальная архитектура. В Хакасии в этом плане значительно проще. Поэтому есть смысл переезда в другой регион, когда ты понимаешь, что твои возможности в карьерном плане на родине ограничены" (Э3).

Следующий аспект, на который необходимо обратить внимание в части изменения этносоциальной ситуации – это увеличение численности мигрантов из государств Закавказья (из Армении, Азербайджана) и Центральной Азии (Узбекистана, Таджикистана и особенно из Кыргызстана). Последнее обстоятельство вызывает некоторые опасения, что отмечено и в научной литературе (распространённая среди кыргызов концепция нахождения их прародины в Минусинской котловине) [см. подробнее: 5], и в ходе нашего исследования:

¹ Э1 – профессор Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова (ХГУ), доктор философских наук.

Э2 – представитель Республиканского Совета старейшин хакасского народа, кандидат исторических наук.

Э3 – профессор ХГУ, доктор философских наук.

Э4 – представитель Министерства образования и науки Правительства Республики Хакасия, кандидат педагогических наук.

Э5 – представитель Министерства национальной и территориальной политики Правительства Республики Хакасия.

Э6 – корреспондент Информационного телевизионного центра "Хакасия", заместитель председателя Региональной общественной организации по сохранению и развитию хакасского языка "Ине Тили".

Э7 – доцент ХГУ, кандидат философских наук.

Э8 – представитель Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ХакНИИЯЛИ), председатель Региональной общественной организации по сохранению и развитию хакасского языка "Ине Тили", кандидат филологических наук.

Э9 – заместитель Главы Республики Хакасия – Председателя Правительства Республики Хакасия.

Э10 – научный сотрудник музея Улут Хуртуях Тас, кандидат исторических наук.

"... как мне кажется, у нас сложное взаимодействие с представителями Кыргызстана. Связано это с сохранившейся мифологией о том, что они вышли из этой территории с незапамятных времен. Это утверждение, что Хакасия является их родиной, активно пропагандируется. Я могу перечислить конфликтные ситуации, которые возникали на этой почве в таёжных местах Хакасии, где сохраняется скрытая межнациональная напряжённость между местным хакасским населением и приезжими кыргызами. Связна она была с захватом рынка дикоросов в таёжных зонах" (Э3).

Другая возможная угроза – строительство мечети в районе, где проживает много молодёжи. Сообщество людей, исповедующих ислам, в Хакасии составляет около 17 тыс. чел., в основном это представители узбекской, таджикской, азербайджанской и киргизской диаспор. Выделение участка для постройки мечети муниципальной администрацией произошло еще в 2006 году, но в течение длительного срока не было разрешения на её строительство, официально оно было получено лишь в конце 2010-х гг. *"Когда много лет назад было определено место под мечеть, этот район города считался окраиной. Пока решались юридические вопросы, данное место стало практически центром нового отстроенного района. Здесь проживает молодое население. Я волнуюсь, так как это может спровоцировать конфликтные ситуации" (Э1).*

Серьёзные опасения у экспертов вызывает не просто снижение численности хакасов в регионе, а их невысокая доля в общей массе населения. *"В отличие от тувинцев, которые составляют большинство населения своей республики и в связи с этим спокойны, как мамонты, не испытывая угроз ассимиляции, а также алтайцев, представляющих в своем национальном регионе треть населения и потому сохраняющие себя как субъекты, хакасы испытывают на себе стресс меньшинства, уязвимость. Я считаю, что это такая этническая апатия и капитуляция перед всеми миграционными процессами. Вот так мощно мы демонстрируем это, в том числе и через межэтнические браки" (Э1).*

Таким образом, мы подходим к следующему аспекту рассматриваемой нами проблематики: какое влияние на этносоциальные процессы в регионе оказывают национально-смешанные браки. По оценкам В. Г. Костюка и Г. С. Гончаровой, 19,2% всех семей Хакасии в 1989 г. были этнически смешанными, в 2010 г. этот показатель снизился до 14,8% [11, с. 108]. По расчётам В. П. Кривоногова, доля смешанных семей значительно выше: в 2007 году в сёлах, по данным хозяйственных книг, она составляла 26,3%, в городах в 2008-2009 гг. по 5%-ной выборке – 28,3% [12, с. 11]. Опубликованные результаты переписи населения 2020 года позволяют судить лишь о таком косвенном показателе распространённости национально-смешанных браков, как количество частных домохозяйств, в которых все члены указали разную национальную принадлежность. Доля таковых в республике составила 7,6% от общего числа частных домохозяйств. В сельской местности их количество выше, чем в городе: 11,7% против 5,7% [18].

Негативная реакция со стороны хакасских родственников на заключение межэтнических браков оценивается рядом экспертов как форма самозащиты. *"В городе к таким бракам относятся проще, так как там они уже воспринимаются как норма. А вот в хакасских деревнях, где мало русских, на такие браки реагируют очень остро. Знаю случаи, когда родители или родственники не принимали такие союзы. Это связано с опасением за будущее своего народа, так как дети, рождённые в этих браках, скорее всего, примут сторону большинства и будут считать себя русскими" (Э6).*

Вместе с тем, как известно, этномобилизационные процессы в городе проявлены ярче, чем в деревне. Для горожан их этнический статус играет большую роль, чем для сельчан. Наши предыдущие исследования показывают, что городские хакасы чаще, чем сельские хакасы и городские русские, воспринимают окружающую среду как агрессивную, а также ощущают наличие межэтнического социального неравенства [20, с. 545]. Это подтверждают и результаты экспертного опроса: *"... если Абакан изначально формировался как многонациональный город, то в остальных городах Хакасии хакасов очень мало. Это влияет на восприятие межнациональных браков. Возьмем, к примеру, Черногорск. Там население в основном русское. И в основном соци-*

ально не очень благополучное. И в этой среде они чужаков не любят вообще, в принципе любых" (Э7).

Также экспертами отмечено преобладание национально-смешанных браков среди мужчин хакасов, при их незначительном распространении среди хакасских женщин в советский период и наличие противоположного тренда в настоящее время: *"... на уровне включенного наблюдения могу отметить, что, как правило, сегодня чаще браки заключаются между женщинами хакасками и русскими мужчинами. В советское время мы чаще видим обратные пропорции. Тогда даже существовала социальная байка, что это может способствовать карьерному росту мужчины" (Э1).*

Дополним, что В. П. Кривоноговым несколько десятилетий назад был отмечен факт взаимного тяготения к заключению браков у хакасов и соседних тюркоязычных и коренных народов Сибири, среди которых на первом месте стояли шорцы, тувинцы, затем в порядке уменьшения – якуты, буряты, алтайцы, народы Севера [13, с. 121]. Но полученные нами результаты пока не подтверждают сохранение данного тренда даже в условиях трансформации национальной структуры населения республики: *"... конечно, в связи с миграцией в регион тувинцев, гипотетически количество браков между хакасами и тувинцами может расти. Я сам знаком с несколькими подобными семьями, проживающими в Алтайском районе и пригородах Абакана. Но говорить о том, что это какое-то массовое явление, пока преждевременно" (Э5).*

Следующий аспект, который было предложено оценить экспертам: какие компоненты социокультурного капитала важно передать детям из смешанных семей. Помимо "классических" ответов о важности языка, традиций, религиозных убеждений эксперты отметили *"нравственные ценности, которые присущи народу, его мироощущению. Один из старейшин хакасского народа собрал их в Кодексе чести хакасов (см. подробнее: [21] – прим. авт.). Это нравственная основа народа. Эти ценности консолидируются и потом уже реализуются через язык и культуру" (Э2).*

Кроме того, экспертам было предложено сформулировать свое мнение о доминирующих факторах в самоидентификации детей из национально-смешанных семей. В этом вопросе эксперты были единодушны, в качестве такового признав ту социальную среду, в которой они (дети) воспитывались: *"... этот вопрос во многом зависит даже не от самих родителей, а скорее от социального круга. То есть имеется в виду, кого из родственников больше и самое главное – с кем у него (ребенка – прим. авт.) отношения ближе. То есть чья группа для него является референтной" (Э10).*

Дети из межэтнических семей могут определять свою национальную принадлежность не только по линии отца, но и по линии матери. По мнению экспертов, *"учёными давно выявлена закономерность, что в смешанных браках сохранение национальной идентичности передается чаще по материнской линии. Перед моими глазами прошло много подобных кейсов. Применительно к хакасам мне бы хотелось отметить следующее. По моим не подтвержденным ничем оцущениям, у разных народов мужской и женский компонент по идейному объёму распределён по-разному. У хакасов однозначно женщины всегда были сильнее. Об этом свидетельствует хакасский эпос. Да и в общественном движении, в семье женщина всегда доминировала. Это уже воспринимается как норма. И эта сильная позиция женщины способствует тому, что и её национальная принадлежность наследуется детьми" (Э1).*

Таким образом, дети из национально-смешанных семей при выборе национальной принадлежности опираются не столько на свой внешний облик, на уровень приобщенности к национальной культуре, сколько на этнические установки, которые были заложены родителями и ближайшим окружением.

Далее в ходе исследования с экспертами обсуждались этносоциальные процессы в контексте языковой составляющей, конкретно – в плане языковой ассимиляции. Предварительно отметим, что если в 2002 году численность лиц, проживающих в регионе и владеющих хакасским языком, составляла 46,6 тыс. чел., в 2010 г. – 38,9 тыс. чел., то в 2020 г. – всего 27,3 тыс. чел. [8; 9; 10]. Также итоги ВПН–2020 показали, что используют хакасский язык в повседневной жизни 23,9 тыс. чел. Языковая ассимиляция среди городского населения выражена ярче, чем в сельской местности. Владеть хакасским

языком 7,2 тыс. чел. в городе, используют в быту 5,6 тыс. чел. В сельской местности эти цифры соответственно равны 20,1 тыс. чел. и 18,3 тыс. чел. [18]. При сохранении подобных темпов существует реальная угроза исчезновения хакасского языка в течение нескольких десятилетий.

Эксперты из числа представителей исполнительной власти Хакасии показали, как на региональном уровне решается задача сохранения хакасского языка, которая входит в число приоритетных задач, решаемых Правительством республики: "... государственная языковая политика выражается у нас в виде реализации федеральных государственных образовательных стандартов, по родным языкам, в том числе и хакасскому. Особое внимание уделяется кадровой работе, подготовке специалистов в данной области, созданию условий материально-технического и информационно-технического характера" (Э4). Также эксперты выразили понимание тех ассимиляционных процессах, которые прослеживаются в языковой среде республики, поэтому одной из главных задач своей деятельности они видят поиск механизмов торможения данного процесса: "... я думаю, что и в Аскизском районе лет через двадцать перестанут говорить на хакасском языке. Должна сложиться мода на знание родного языка, иначе все напрасно" (Э8). Влияние интернета и телевидения на формирование подобной моды в условиях современного общества сложно переоценить: "... наша задача как власти должным образом финансировать инициативы, особенно со стороны молодёжи, направленные на сбережение хакасского языка. Например, проекты по внедрению его в интернет" (Э9).

В целом экспертами было отмечено, что "в условиях снижения количества людей, владеющих родным языком и знающих традиционную культуру, неизбежно встает проблема ассимиляции хакасского народа. Для того чтобы затормозить эти процессы, необходимо смириться с неизбежностью и заняться поисками других маркеров этнической идентичности хакасов" (Э1).

Что может выступать в качестве подобных маркеров? Ранее этносоциологами был отмечен следующий парадокс: рост этнического самосознания людей и интереса к отдельным проявлениям этники на фоне забвения традиционной культуры в повседневной жизни [23, с. 17]. В Хакасии востребованными остаются спектакли театра "Читиген", в том числе гастролирующего по сёлам региона, хакасского национального драматического театра имени А. М. Топанова, различные фестивали, пропагандирующие этническую культуру (Фестиваль чатханной музыки "Чазы үннер" (Степные голоса), Фестиваль хакасских игр), концерты, стендап-выступления на хакасском языке и прочее. Популярными стали возрождённые усилиями хакасской интеллигенции в более зрелищном и красочном варианте национальные праздники: Тун Пайрам, Чыл Пазы, Уртун Тойы. Этническая культура хакасов сегодня стала своеобразным брендом, призванным привлечь туристов и выгодно подчеркнуть своеобразие республики.

Заключение

На основе полученных в ходе проведенного исследования результатов можно обозначить следующие тенденции в развитии этносоциальных процессов в Республике Хакасия: снижение численности представителей титульного этноса, обусловленное в том числе и увеличением числа национально-смешанных браков, и, как следствие, в ряде случаев это приводит к постепенному размыванию этнической идентичности, ассимиляции хакасов. При этом ассимиляция народа в антропологическом аспекте, связанном с ростом количества национально-смешанных браков, протекает медленнее, чем языковая и культурная ассимиляция.

Соответственно, со стороны представителей власти и гражданского общества особенно важными становятся усилия, воплощённые в различные формы (нормативно-правовые акты, реализация различных просветительских программ и мероприятий и т. п.), направленных на сохранение и популяризацию хакасского языка, традиций, материальной и духовной культуры, поиск новых маркеров хакасской идентичности.

В целом имеет место необходимость пересмотра некоторых форм и методов в сфере реализации региональной национальной политики с учётом динамики современных этносоциальных процессов.

Литература

1. Абрамова М. А., Гончарова Г. С., Костюк В. Г. Типы идентичности молодежи и взаимодействие в межэтническом пограничье // Русин. 2018. № 1 (51). С. 282–298.
2. Анжиганова Л. В., Топоева М. В. "Новая этничность": теоретические аспекты исследования // Тезаурусы и проблемы культуры: материалы общероссийской (национальной) научной конференции с международным участием (Москва, 4 апреля 2019 года). М.: Московский гуманитарный университет, 2019. С. 281–292.
3. Анжиганова Л. В., Топоева М. В. Хакасы в условиях глобализации: ментальные деформации // Новые исследования Тувы. 2017. № 3. С. 100–111. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/728> (дата обращения: 18.02.2024).
4. Боргоякова Т. Г. Хакасский язык и языковой сдвиг в языковых биографиях хакасов // Гуманитарный научный вестник. 2021. № 12. С. 198–201.
5. Бутанаев В. Я., Худяков Ю. С. История енисейских кыргызов. Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2000. 272 с.
6. Горбатов Л. В. Национальные традиции хакасов в сфере питания // Успехи современной науки. 2016. Т. 4. № 4. С. 62–65.
7. Гусейнова А. В. Хакасский язык в национальном интернет-пространстве // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 5 (66). С. 349–351.
8. Итоги Всероссийской переписи населения – 2002 по Республике Хакасия // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. URL: <https://24.rosstat.gov.ru/folder/39103> (дата обращения: 19.02.2024).
9. Итоги Всероссийской переписи населения – 2010 по Республике Хакасия // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. URL: <https://24.rosstat.gov.ru/folder/39102> (дата обращения: 15.02.2024).
10. Итоги Всероссийской переписи населения – 2020 по Республике Хакасия // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. URL: <https://www.krasstat.gks.ru/storage/mediabank/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%20%D0%92%D0%9F%D0%9D%20-%20%D0%A0%D0%A5.pdf> (дата обращения: 15.02.2024).
11. Костюк В. Г., Гончарова Г. С. Взаимосвязь этнических типов семей и межэтнических взаимодействий в современной России // Сибирский философский журнал. 2015. Т. 13. № 4. С. 105–111.
12. Кривоногов В. П. Национально-смешанные браки и метисация у коренных малочисленных народов. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2023. 308 с.
13. Кривоногов В. П. Хакасы: этнические процессы во второй половине XX в. Абакан: Центавр, 1997. 144 с.
14. Кузьменко Т. В. Экспертный опрос как основа принятия управленческих решений // Социологический альманах. 2017. № 8. С. 434–443.
15. Кыржинаков А. А. Кожевенное дело хакасов: традиции и современность // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 461. С. 144–149.
16. Лушникова О. Л. Алтайцы, тувинцы, хакасы: вовлечение в урбанизационные процессы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 3 (58). С. 113–125.
17. Макина А. И. Традиции помощи на охоте у хакасов // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 7 (100). С. 75–81.
18. Национальный состав населения. Итоги ВПН–2020. Том 5. Национальный состав и владение языками // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Том5_Nacionalnyj_sostav_i_vladienie_yazykami (дата обращения: 15.02.2024).
19. Сёмина М. В. Метод интервью в социологии и маркетинге. Москва: КДУ, 2010. 308 с.
20. Тиникова Е. Е. Особенности этничности и межэтнических отношений в городской и сельской среде Хакасии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 533–548.
21. Торосов В. М. О Хакасии, хакасах и Кодексе чести хакасов. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2016. 160 с.
22. Тугужекова В. Н. Традиционные обряды хакасов: история и современность // Новые исследования Тувы. 2011. № 4. С. 124–130.
23. Фурсова Е. Ф. Проблемы этнической (этнокультурной) идентичности в научной литературе во второй половине XX–XXI веке (к курсу "Основы культурной антропологии") // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22. № 3: Археология и этнография. С. 9–23.

References

1. Abramova M. A., Goncharova G. S., Kostyuk V. G. The Types of Youth Identity and Interaction in Interethnic Border // *Rusin*. 2018. No. 1 (51). P. 282–298. (In Russ.).
2. Anzhiganova L. V., Topoeva M. V. "New Ethnicity": Theoretical Aspects of the Study // *Thesauruses and Problems of Culture: materials of the all-Russian (national) scientific conference with international participation (Moscow, April 4, 2019)*. M.: Moscow University for the Humanities, 2019. P. 281–292. (In Russ.).
3. Anzhiganova L. V., Topoeva M. V. *Khakasses under the Conditions of Globalization: Mental Deformations* // *The New Research of Tuva*. 2017. No. 3. P. 100–111. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/728> (accessed 18.02.2024). (In Russ.).
4. Borgoiaikova T. G. *Khakass Language and Language Shift in the Linguistic Biographies of the Khakass* // *Humanitarian Scientific Bulletin*. 2021. No. 12. P. 198–201. (In Russ.).
5. Butanaev V. Ya., Khudyakov Yu. S. *History of the Yenisei Kyrgyz*. Abakan: Publishing House of Khakass State University, 2000. 272 p. (In Russ.).
6. Gorbatov L. V. *National Traditions of Khakassia in Nutrition* // *Advances of Modern Science*. 2016. Vol. 4. No. 4. P. 62–65. (In Russ.).
7. Guseinova A. V. *Khakass Language in the National Internet Space* // *Mir Nauki, Kul'tury, Obrazovaniya*. 2017. No. 5 (66). P. 349–351. (In Russ.).
8. *Results of the All-Russian Population Census – 2002 for the Republic of Khakassia* // Territorial Authority of the Federal State Statistics Service in the Krasnoyarsk Territory, Republic of Tuva, Republic of Khakassia. URL: <https://24.rosstat.gov.ru/folder/39103> (accessed 19.02. 2024). (In Russ.).
9. *Results of the All-Russian Population Census – 2010 for the Republic of Khakassia* // Territorial Authority of the Federal State Statistics Service in the Krasnoyarsk Territory, Republic of Tuva, Republic of Khakassia. URL: <https://24.rosstat.gov.ru/folder/39102> (accessed 15.02. 2024). (In Russ.).
10. *Results of the All-Russian Population Census – 2020 for the Republic of Khakassia* // Territorial Authority of the Federal State Statistics Service in the Krasnoyarsk Territory, Republic of Tuva, Republic of Khakassia. URL: <https://www.krasstat.gks.ru/storage/mediabank/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%B-B%D0%B0%D0%B4%20%D0%92%D0%9F%D0%9D%20-%20%D0%A0%D0%A5.pdf> (accessed 15.02. 2024). (In Russ.).
11. Kostyuk V. G., Goncharova G. S. The Relationship of Ethnic Types of Families and Ethnic Interactions in Contemporary Russia // *Siberian Journal of Philosophy*. 2015. Vol. 13. No. 4. P. 105–111. (In Russ.).
12. Krivonogov V. P. *National mixed marriages and miscegenation among indigenous peoples*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2023. 308 p. (In Russ.).
13. Krivonogov V. P. *Khakasses: ethnic processes in the second half of the twentieth century*. Abakan: Centaurus, 1997. 144 p. (In Russ.).
14. Kuzmenko T. V. *Expert Survey as the Basis for Management Decision-Making* // *Sociological Almanac*. 2017. No. 8. P. 434–443. (In Russ.).
15. Kyrzhinakov A. A. *Leather Production by the Khakass People: Traditions and Modernity* // *Tomsk State University Journal*. 2020. No. 461. P. 144–149. (In Russ.).
16. Lushnikova O. L. *Altay people, Tuvans, Khakass people: involvement in urban processes* // *Oj-kumena. Regional researches*. 2021. No. 3. P. 113–125. (In Russ.).
17. Makina A. I. *Khakass Traditions of Hunting Assistance* // *Issues of National and Federative Relations*. 2023. Vol. 13. No. 7 (100). P. 75–81. (In Russ.).
18. *National Composition of the Population. Results of the All-Russian Population Census – 2020*. Volume 5. *National Composition and Language Proficiency* // Federal State Statistics Service. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladienie_yazykami (accessed 15.02. 2024). (In Russ.).
19. Syomina M. V. *Interview Method in Sociology and Marketing*. Moscow: KDU, 2010. 308 p. (In Russ.).
20. Tinikova E. E. *Features of Ethnicity and Interethnic Relations in Urban and Rural Areas in Khakassia* // *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 533–548. (In Russ.).
21. Tuguzhekova V. N. *Traditional Rituals of Khakas People: History and Modernity* // *The New Research of Tuva*. 2011. No. 4. P. 124–130. (In Russ.).
22. Torosov V. M. *About Khakassia, the Khakasses and the Code of Honor of the Khakasses*. Abakan: Khakass Book Publishing House, 2016. 160 p. (In Russ.).
23. Fursova E. F. *Problems of Ethnic (Ethno-Cultural) Identity in Scientific Literature in the Second Half of the 20th–21st Century (To the Course "Fundamentals of Cultural Anthropology")* // *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2023. Vol. 22. No. 3: *Archaeology and Ethnography*. P. 9–23. (In Russ.).

Информация об авторе

Елена Евгеньевна Тиникова, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, Абакан, Россия, e-mail: lena.tinikova@mail.ru

Information about the author

Elena E. Tinikova, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia, e-mail: lena.tinikova@mail.ru

Поступила в редакцию 16.01.2024

Received 16.01.2024

Одобрена после рецензирования 14.02.2024

Approved 14.02.2024

Принята к публикации 25.02.2024

Accepted 25.02.2024

Городской шаманизм в Бурятии: к вопросу о модификации обрядового комплекса

Суржана Борисовна Миягашева

Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
Улан-Удэ, Россия, surjana@yandex.ru

Аннотация. статья посвящена исследованию процессов модификации бурятского шаманского обрядового комплекса в условиях городского шаманизма. Определено, что в бурятском шаманизме, обладающем богатейшей семантикой, символикой и разнообразной практикой, происходит, с одной стороны, реставрация традиционных ритуальных механизмов, с другой стороны, их модификация. Показано, что основные изменения происходят в рамках "осовремененнвания" ритуалов, выполняющих прежние функции, а также путем возникновения "новых" ритуалов и нового осмысления символики религиозной практики шаманизма.

Ключевые слова: шаманская организация, бурятские шаманы, религиозность, инновация ритуала, глобальный шаманизм

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект "Письменные традиции народов Байкальского региона в контексте историко-культурного наследия России и Внутренней Азии", № 121031000263-3)

Для цитирования: Миягашева С. Б. Городской шаманизм в Бурятии: к вопросу о модификации обрядового комплекса // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 1. С. 20–27. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/20-27>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/20-27>

Urban shamanism in Buryatia: on the issue of modification of the ritual complex

Surjana B. Miyagasheva

Center of Oriental manuscripts of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch
of the Russian Academy of Science, Ulan-Ude, Russia, surjana@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the processes of modification of the Buryat shamanic ritual complex in the conditions of urban shamanism. It is determined that in Buryat shamanism, which has a rich semantics, symbolism and diverse practice, on the one hand, the restoration of traditional ritual mechanisms takes place, on the other hand, their modification. It is shown that the main changes occur within the framework of the "modernization" of rituals that perform previous functions, as well as through the emergence of "new" rituals and a new understanding of the symbolism of the religious practice of shamanism.

Key words: shamanic organization, Buryat shamans, religiosity, ritual innovation, global shamanism

The article was prepared within the framework of a state assignment (project "Written traditions of the peoples of the Baikal region in the context of the historical and cultural heritage of Russia and Inner Asia", No. 121031000263-3)

For citation: Miyagasheva S. B. Urban shamanism in Buryatia: on the issue of modification of the ritual complex // Ojkumena. Regional researches. 2024. No. 1. P. 42–27. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/20-27>

С 1990 гг. на территории этнической Бурятии идет активный процесс возрождения традиционных религиозных верований. После того, как в 1997 г. Народным Хуралом Бурятии был принят закон "О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия", который определил статус шаманизма как одной из традиционных и важных религий республики, наряду с буддизмом, православием и старообрядчеством, тем самым укрепив его юридические и правовые основы [9], начали формироваться шаманские организации. Подобные ассоциации стали представлять собой объединения шаманов для реализации и защиты общих интересов, деятельность которых направлена на сохранение, возрождение и дальнейшее развитие шаманизма [1, с. 187]. Как следствие, бурятские шаманы начали активную деятельность, направленную на возобновление утраченных обычаев и традиций, а также восстановление разрушенных и забытых мест религиозного культа [5].

Благодаря деятельности шаманов по возрождению бурятской культуры за последние 20 лет, многое из наследия этноса удалось сохранить, зафиксировать и ввести в процесс функционирования. В связи с этим интерес представляет динамика возрождения и изменений шаманских традиций, в частности традиционных ритуальных обрядов в условиях городского шаманизма.

Для раскрытия данной темы мы обратились к научным трудам современных бурятских наследственных шаманов – Б.Д. Базарова (2003, 2009), С.Ж. Гомбоева (2010), Б.Ж. Цырендоржиева, М.Р. Догбаевой-Ринчино (2019),

в которых отражены аспекты современной интерпретации бурятского шаманизма. Методология исследования основывается на описательном и сравнительно-историческом методах, которые позволяют выявить особенности в современном бурятском шаманизме. Кроме того, теоретико-методологической основой данного исследования являются концептуальные положения в области исследования шаманизма, выдвинутые Т.М. Михайловым, В.И. Харитоновой, Т.Д. Скрынниковой, Н.Л. Жуковской и др.

Первая зарегистрированная шаманская организация "Хэсэ хэнгэрэг" ("Грохочущий бубен") появилась в 1993 г., в 1997 г. она была переименована в "Боо мургэл" ("Шаманская вера"). Ассоциацией с 1998 г. впервые были возобновлены обряды общественных жертвоприношений в г. Улан-Удэ [1, с. 42]. Шаманы начали возрождение своей религиозной деятельности с проведения традиционных коллективных жертвоприношений-молебнов (*тайлган*), площадкой для которых была выбрана территория Этнографического музея народов Забайкалья (Верхняя Березовка, г. Улан-Удэ). "На территорию Этнографического музея съезжалось столько народу, чтобы помолиться, получить благословение богов. Шаманы-мужчины готовили аршан и проводили обряд очищения (угалы), а шаманы-кузнецы накаляли докрасна камни и совершали "гал тарим", окропляли верующих. В конце обряда всем присутствующим раздавали "даллга" [14], – статьи с подобным описанием деятельности шаманов часто встречались в СМИ.

В последующем шаманы расширили свою деятельность, и шаманских организаций, у которых юридическим адресом указаны как г. Улан-Удэ, так и районы республики, стало гораздо больше. В настоящее время в Республике Бурятия насчитывается свыше 20 зарегистрированных шаманских религиозных объединений, среди которых наиболее крупными можно указать общество "Тэнгэри", "Дархан Тэнгэри", "Угайм Сульдэ", "Дээжэ" и ряд других. Что касается шаманских организаций в районах Бурятии, многие из них представляют собой ассоциации, направленные на возрождение своих этно-локальных традиций, переданных путем преемственности. Например, организация "Сакхилгаан" ("Молния"), зарегистрированная в 1999 г. в Иркутской области, является эхирит-булагатской и практикует только те обряды, которые традиционно были распространены в среде эхирит-булагатов. Они проводят обряды, посвященные поклонению духам конкретной местности и родовым божествам [7, с. 188].

По-другому сложилась ситуация в условиях социокультурного ландшафта г. Улан-Удэ. Наиболее активной деятельностью отличается МРОШ "Тэнгэри" ("Небо"), зарегистрированная в 2003 г. Данная организация под руководством заарин боо, верховного шамана Б.Ж. Цырендоржиева, объединяет шаманов – выходцев из Иркутской области и агинских степей, проживающих в Республике Бурятия. Учитывая подобное разнообразие состава членов ассоциации, а также вследствие того, что многие шаманские традиции были забыты и утрачены, шаманы "Тэнгэри" начали возрождать культово-обрядовую практику бурят путем восстановления тайлганов, молебнов и обрядов, реставрации шаманской одежды и атрибутов. Для этого они активно собирали этнографический материал, привлекали архивные и музейные сведения, обучались у монгольских шаманов. Например, председатель МРОШ "Тэнгэри" Б.Ж. Цырендоржиев посещал Монголию в целях изучения шаманских традиций [1, с. 120]. В.И. Харитонова относит подобное явление к понятию "глобальный шаманизм", в котором "тенденция сводится к тому, что большинство городских (нео)шаманов изучают по этнографической литературе или "возрождают" традицию, опираясь на сохранившиеся воспоминания" [17, с. 112].

В результате в развитии современной культово-обрядовой практики, проводимой шаманами МРОШ "Тэнгэри", были сформированы определенные тенденции. Во-первых, следует отметить, что данная ассоциация включает в свои ряды шаманов не столько по родовому признаку, но также и просто по признаку факта обладания шаманским даром. Подобная унификация ритуально-обрядовой системы основана на представлении о том, что "шаман способен вселять в себя духов разных родов, племен" [1, с. 120]. Полагаясь на данный постулат, шаманы "Тэнгэри" берут на себя полномочия выполнять практически все известные шаманские обряды всех категорий сложности

всем божествам и духам для жителей любого района не зависимо от локальных особенностей [7, с. 189].

Во-вторых, члены МРОШ "Тэнгэри" внедряют единый пантеон божеств, где верховными признаны тэнгэрианские божества Бурхан Сагаан Гарбал ("Божественное Белое Начало") и Буха Ноен Баабай – Предводитель 13 Северных Хатов.

Бурхан Сагаан Гарбал отождествляется с седовласым старцем Буурал сагаан аба (Сагаан үбгэн). Белому старцу с древних времен поклонялись все монгольские народы, в преданиях и религиозных представлениях он позиционировался как божество плодородия, хозяин земли, воды и покровителя диких животных [13, с. 248]. Белый старец – божество Бурхан Сагаан Гарбал именуется шаманами "Тэнгэри" как святыня, дарующая богатство, счастье, крепкое здоровье, благополучие и благоденствие, как божественное начало, подобное "белому молоку матери". Культ божества Бурхан Сагаан Гарбал занимает центральное место в обрядовой практике городских шаманов: 8, 18 и 28 лунные сутки в его честь проводятся молебны. В здании шаманского центра установлена скульптура Белого старца, изображенного с двумя посохами – один с навершием в виде головы дракона (являющийся традиционной атрибутикой божества), второй посох представляет шаманскую трость. В здании администрации ассоциации установлена освященная икона Белого старца, в сувенирной лавке имеется в продаже печатная продукция с изображением божества для установления на домашних алтарях.

Что касается Буха ноена, то его образ связан с этногенезом западных бурят и ареалом их исторического расселения (Западная Монголия – При-саянье – Приангарье). В этнокультурной традиции Буха ноен приобрел черты божества общебурятского масштаба, чей генеалогический культ обладает особой консолидирующей силой в этнической истории прибайкальских кочевников-скотоводов [8, с. 214]. Поэтому не удивительно, что предводитель 13 Северных Хатов Буха Ноен Баабай наречен современными шаманами хранителем духовной гармонии между небесным и земным мирами – божествами и людьми. Скульптуры Буха Ноен Баабай и 13 Северных Хатов, восседающих на престоле, установлены в здании шаманского храма, также имеется освященная икона и печатная продукция с их изображением.

В-третьих, шаманский центр "Тэнгэри" представляет собой целый комплекс, состоящий из нескольких зданий административного (здание приема посетителей, гостевые дома) и культового назначения, а также ритуальных сооружений, таких как родовые коновязи, каменная насыпь обоо, именуемая *хулдэ*, модель горы Сумеру, скульптуры божеств и шаманский храм "Тэнгэриин Ордон – Дворец Неба". Наличие подобных культовых сооружений и современного комплекса для оказания религиозной помощи населению определило формирование новых семантических символов и выработку общей модифицированной модели ритуальной практики.

Интерес представляет интерпретация главных ворот шаманского центра, окрашенных в красный цвет как символ огня, окованных 99 металлическими шаманскими зеркалами *толи*, прохождение через которые олицетворяется как некое ритуальное действие, своеобразное сакральное очищение. Также на сайте МРОШ "Тэнгэри" регламентированы правила поведения в шаманском комплексе и в самом храмовом пространстве. Например, необходимо перед входом в храм трижды поклониться родовым *хулдэ* – божествам соответствующих родов, и совершить обход по кругу, по солнцу. При входе в храм нужно снять головные уборы, обход делать также по солнцу, также регулируются правила этикета в одежде: женщины должны посещать храм в юбках ниже колен, нельзя поворачиваться спиной к алтарю *тахилу*, следует отступить три-четыре шага, затем развернуться. Во время обрядовых действий, молебнов запрещается скрещивать руки, ноги, вытягивать тело в положение полулежача, особо рекомендуется женщинам воздержаться от посещения храма в женские дни. В период, когда боо, удаган вошли в транс и завели онгона, запрещено проведение фото- и видео съемок, важно соблюдать тишину: нельзя громко разговаривать, заранее поставить телефоны на беззвучный режим [12].

Подобные регламентированные правила храмового служения, которые в принципе совпадают с правилами посещения любого другого священного

места, как храм или дацан, формируют элементы в виде нововведений в культовой системе современного шаманизма. Кроме этого, сакрализация храмового пространства влечет возникновение так называемых "стихийных" обрядов, например, нами отмечен тот факт, что скульптурам двух драконов, установленным по двум сторонам от входа в "Тэнгэрийн Ордон", верующие подносят денежные купюры, кладя их в пасть небесного мифического существа. Особый интерес представляет возникновение "новых" ритуалов: например, примечательна практика совершения поклона, предлагаемая шаманами "Тэнгэри": при наклоне головы необходимо руки прикладывать к бровям, удерживая пальцы вместе; считается, что в левой руке расположен материнский род, в правой – отцовский [12].

К "новым" ритуалам также можно отнести обряд, именуемый "хий морин". Он проводится в дни празднования Белого месяца, во второй лунный день по лунному календарю и направлен на то, чтобы улучшить судьбу, укрепить свой жизненный потенциал. Для обряда требуется взять у ручья небольшой камень, назвать свое имя, попросив тем самым разрешения у хозяина воды Лусад. Шаманы говорят, что каждый камень, подобно живому существу, имеет душу, поэтому человек молится ему, просит, чтобы он помог вознести его сакральную энергию хий морин на вершину удачи, счастья и здоровья. Затем, камень следует уложить на гору Сумбэр и поднести угощение в виде напитков в сторону своего "буян хэшэг" – благоприятной стороны [10]. Символический образ горы Сумбэр располагается на возвышении на северной стороне шаманского комплекса и является олицетворением мифологической горы Сумеру – одного из значимых космологических тенгрианских и буддийских образов. Занимающая центральное место в географическом мифологическом пространстве гора Сумбэр, по словам самих шаманов, дарует людям удачу, здоровье, благополучие, долголетие, укрепляет дух, улучшает их судьбы [12]. Шаманский обряд возвышения "хий морин" схож с буддийским ритуалом вывешивания флажков, также именуемых "хий морин". Как отмечает исследователь шаманизма Л.А. Смолякова, в Республике Бурятия выработался религиозный синкретизм не только в позиции того, что буддизм перенял шаманские элементы, но и в отношении, что современный бурятский шаманизм вошел в тесное соприкосновение с буддизмом, и в нем четко отслеживается внешнее сходство в проведении обрядов [16, с. 62].

Наличие в черте города ритуального комплекса позволяет проводить шаманам прием верующих в одном месте, поэтому систематическое проведение обрядов проходит строго по графику. На базе МРОШ "Тэнгэри" шаманы проводят ежедневный прием посетителей, они оказывают услуги диагностики и лечения больных, проводят обряды *сэржэм*, ритуалы очищения, освящения талисманов. Особое место занимают обряды посвящения "избранников духов" – *шандруу*, *шанартай* и кузнечный. В определенные дни и сезоны, согласно графику расписания проводятся весенние и осенние молебны-*тайлганы* (открытие и закрытие Небесных врат), родовые или именные обряды (семейные, деловые), поклонение божествам.

Поскольку в ритуальной практике бурят существовал обширный пантеон тэнгриев, хатов, божеств, духов, *эжинов* – хозяев местности, гор и рек, которым необходимо было проводить разнообразные ритуалы, современные шаманы "Тэнгэри" поклоняются определенным культовым персонажам и проводят в их честь молебны. На сайте организации указан перечень шаманских молебнов и обрядов. Приведем их краткое описание:

1. Молебен в честь Бурхан Сагаан Гарбал – "Божественного белого начала". Шаманы "Тэнгэри" утверждают, что это божество помогает всем живым существам излечивать духовные и физические болезни. Поясняется, что божеству поклоняются тогда, когда человек болен или потерял, испытывает трудности в самореализации, страдает от внутренней дисгармонии, влекущей внешний разлад в отношениях и делах, в случае если нарушена связь с духовным родом (предками), проходит сложное обучение (трудности с получением образования).

Отметим, что для подношения с собой рекомендуется принести молоко, беленый чай, водку, сладости, сливочное масло, синий хадак, а также списки близких, которые будут зачитаны в конце обряда. В целом подношение четырьмя составляющими, такими как чай, белая пища, водка и молоко,

именуется шаманами "Тэнгэри" *дурбэн хултэй тахил* (букв. "подношение с четырьмя ногами") и является символом полноты, оконченности в делах [19, с. 99]. Хотя, согласно материалам потомственного шамана Базарова Б.Д., на молебны-тайлганы принято приносить белую пищу, молоко, небеленый чай, водку, и в отдельных случаях подносится хий-морин и хадак [2, с. 68].

2. Молебен в честь Арын 13 Ноед – почитание 13 северных нойонов. По словам членов "Тэнгэри", обряд направлен на гармонию и благополучие населения. Исследователи отмечают, что культ 13 северных ноенов является одним из основных в бурятском шаманизме, он имелся как в среде хори-бурят, так и прибайкальских (западных) бурят. Божества, входящие в состав 13 нойонов, фигурируют во многих мифах и преданиях, в генеалогиях бурятских родов и племен, они считаются родоначальниками, тотемными первопредками, а порой даже реальными историческими персонажами [19]. Известно, что перечень божеств у восточных и западных групп бурят варьируется и имеет этно-локальную дифференциацию. По интерпретации шаманской организации "Тэнгэри" в пантеон входят следующие божества: 1. Буха ноен – предводитель 13 хатов; 2. Ажарай ноен баабай – олицетворяет мудрость и ловкость ума; 3. Ангарын эзэн Ама Сагаан ноен – божество красноречия, слова; 4. Бөө Ехэ Найжа Бүхэ Шара Нагарай ахай – божество мудрости и меткости; 5. хотон ноен баабай – хозяин острова Ольхон, председатель собрания 13 хатов; 6. Эрхуугэй эзэн Эмниг Сагаан ноен баабай – божество богатства; 7. Хашаагай эзэн Хаан Заргаша ноен – божество правосудия и справедливости; 8. Хаан Шубуун ноен баабай – бог молодости и озорства; 9. Сэлэнгын эзэн Бүхэ Баатор ноен – божество богатырей; 10. Бэлиг Биюу Бишүү Заарин Дуурисха – божество талантливых людей красоты и изящества; 11. Баргажанай эзэн Бата Сагаан ноен баабай – хозяин духовности, чистоты мысли; 12. Байгалай эзэн Бахар Хара ноен – хозяин святого Байкала; 13. Далайн эзэн Дальжар Хара ноен – царь всех морей и океанов.

В летописи В. Юмсунова "История происхождения одиннадцати хоринских родов" приведен перечень 13 северных ноенов у восточных бурят: 1) сын Хана Хурмаста тэнгрия – Хан Гхото-ноен; 2) жена Гхото ноена – Хан Зулмата-ноен – гений-хранитель женщин; 3) Хашаа – Хаан Боо-ноен; 4) Хаан Боо-ноен; 5) Хаан Шубуу-ноен; 6) бычеголовый сын лисицы Ажирай-ноен; 7) Хуа Солбон; 8) Хажир Сагаан нойон; 9) Агуй Буумал-ноен; 10) хозяин Нижней Ангары Ама Сагаан-ноен; 11) хозяин Иркуты Хаан Заргаша-нойон; 12) хозяин узкой Лены – Эрдэмтэ Сагаан-ноен; 13) Бүхэ-нойон [4, с. 56].

Прибайкальские буряты сыновей тэнгэриев называют хатами и делят их на западных и восточных. Исследователи относят к западным хатам Буха ноена и его девять сыновей: 1) хозяин истока Ангары Буга сагаан-ноен, с женой Хуга сагаан-хатун; 2) Монгото зарин; 3) Хилма-ноен; 4) Китаран зарин, или Мульма-ноен; 5) Эмнэк сагаан-ноен; 6) Тульма-ноен; 7) Ута сагаан-ноен; 8) Хурба зарин, или Хомхо зарин; 9) Шарга-ноен. К восточным хатам относят: 1) Эрлен-хана; 2) Эрю хара-ноена; 3) Хан Хото-баабай; 4) Ажирай-бүхэ [18].

Как видно из приведенного выше материала, пантеон 13 северных хранителей по версии МРОШ "Тэнгэри" имеет свои особенности и отличается от пантеона восточных и западных (предбайкальских) бурят. Каждое из этих божеств проживает на определенной территории всего монгольского народа, является гением-хранителем бурятских родов, каждый из них отвечает за определенную сферу в жизни человечества. В связи с этим культ 13 северных ноенов является весьма универсальным и может проводиться как единый молебен в честь всех небожителей, так и в качестве обрядовой адорации индивидуально одному из 13 божеств в зависимости от его покровительских функций. Например, шаманами "Тэнгэри" дополнительно проводятся обряды в честь божества богатства хранителя казны Эмниг Сагаан ноен баабай.

Отметим, что в настоящее время, обряды 13 царям-ноенам – вершителям судеб и бытия людей на Земле, относятся к категории сложных, и совершаются только шаманами, достигшими ступени пятого посвящения хэсэтэ боо, и шаманками-одегонами, приравненными к мужскому полу и достигшими полных посвящений [6, с. 46]. Сам молебен проводится еженедельно.

3. Молебен в честь Дархан Тэнгэри – мощных и суровых кузнечных божеств. Шаманы говорят, что они покровительствуют мужчинам, творческим людям, ремесленникам, даруют силу, защиту и благополучие. Совместно с

ним проводится молебен грозному божеству Хиһаан Улаан Тэнгэри – "раскаленному красному божество", являющемуся покровителем судеб, дарующем вторую половину, семью и детей. Обряд направлен на гармонию и благополучие населения. Молебны Дархан Тэнгэри и Хиһаан Улаан Тэнгэри проводятся совместно, для участия также необходимо принести для подношения божествам молоко, беленый чай, водку, сладости, сливочное масло, синий хадак, а также списки близких. Молебен в честь этих божеств проводится еженедельно [15].

4. Молебен в честь Хойморой Эжы Хойморой (Бугаалин) Хатан Эжы. Это божество шаманы "Тэнгэри" именуют также Хойморой Эжы Шаңдагата басагантая. По словам шаманов "Тэнгэри", она позиционируется великой богиней, является дочерью Лусад Хана и протоматерью бурятских родов. Также считается, что она защищает беременных женщин, матерей и детей, а также дарует бездетным семьям ребёнка. В последнее время ей поклоняются в качестве защитницы воинов СВО. Молебен проводится один раз в неделю и выполняется женщинами-шаманками [15].

Молебны в честь Дархан Тэнгэри, Хиһаан Улаан Тэнгэри и Хойморой Эжы, на наш взгляд, относятся к категории реконструированных обрядов, включающем в себя различные культы, объединенные в единую ритуальную систему. Например, комбинация кузнечных божеств у восточных и западных бурят имела широкую этно-локальную дифференциацию. Кузнечные божества-гении делились на черных и белых кузнечных божеств, среди них можно упомянуть небесных кузнецов Тумэрши нойона, сыновей Божинтоя, сыновей Хожироя, небожителя Дархан сагаан тенгри и другие группы покровителей кузнечного искусства [3]. Городские шаманы объединили основные верховные божества и мифологические персонажи и выработали единый контаминированный культ кузнечных покровителей. Таким образом, происходит некое возрождение-реконструкция путем заимствования различных элементов из разноэтничных практик и их общей модернизации.

С древних времен шаманы проводили *тайлганы* и обращались к высшим силам с просьбами благополучного года, хорошего урожая и травостоя, увеличения скота, счастья в семьях, молились во избежание бед и несчастий. Во время *тайлганов* ритуальная деятельность шамана заключалась в проведении обряда путем умиловительного жертвоприношения разным категориям духов и небожителей, которые являлись причиной возникновения тяжелых заболеваний, больших несчастий, стихийных бедствий, жестоких эпидемий [11, с. 62]. На таких обрядах собирались представители родовых общин и улусов и каждый обряд посвящался определённым божествам, духам, эжинам. В условиях современной городской среды шаманская организация "Тэнгэри" проводит общебурятские тайлганы, консолидируя таким образом бурят по общеэтническому признаку, а не локально-родовому.

Многие обряды, молебны и тайлганы, проводимые шаманами в условиях городского пространства, относятся к категории традиционных обрядов с элементами реконструкции и адаптации под современные условия жизни. Если комплексные классические обрядовые церемонии различных разрядов и категорий проводились на уровне родового или семейного клана, то в настоящее время эти границы стерты, и участие в нем могут принять все желающие. Подобная практика проведения общих молебнов демонстрирует идею универсальности шаманизма, единообразия культа без этнодифференцирующих различий, без привязки к локальным особенностям и свидетельствует об изменении социокультурного пространства. В целом религиозная практика шаманов в условиях городской среды включает в себя обязательный комплекс обрядов, где происходит, с одной стороны, реставрация традиционных ритуальных механизмов, с другой стороны, и их модификация. Однако неизменно то, что все обрядовые церемонии исполнялись и исполняются во имя стабильного жизнеобеспечения общества.

Литература

1. Базаров Б. Д. Таинства и практика шаманизма. Кн. в 2-х частях. Улан-Удэ: ОАО «Республиканская типография», 2003. 236 с.
2. Базаров Б. Д. Таинства и практика шаманизма. Кн. 3: Человек во времени и пространстве. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2009. 208 с.
3. Банаева В.А. Кузнечные культы в религиозно-мифологических представлениях бурят // Вестник Бурятского государственного университета. 2008. № 10. С. 268–273.
4. Бурятские летописи [Сост., авт. предисл. Ш. Б. Чимитдоржиев]. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1992. 236 с.
5. Галсанова И. Б. Трансформация духовных ценностей бурятского этноса на фоне глобализации // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 14-1. С. 79–83.
6. Гомбоев С. Ж. Под Вечно Синим Небом. Шаманизм. Святая неугасимая вера. Улан-Удэ, н-п, 2010. 336 с.
7. Дарханова А. И. Современные тенденции в центральноазиатском шаманизме (на примере бурятского и монгольского шаманизма) // Вестник БГУ. 2010. № 8. С. 187–191.
8. Дугаров Б.С. Фольклорно-мифологические аспекты образа Буха-нойона // Культурное пространство Восточной Сибири и Монголии: традиции и инновации межкультурного взаимодействия. Улан-Удэ, 2015. С. 214–221.
9. Закон «О религиозной деятельности на территории РБ» от 23.12.1997. № 610-1 // Из истории религиозных конфессий Бурятии. XX век. Улан-Удэ, 2001. С. 238–244.
10. Как призвать удачу по шаманским традициям. Гайд. // URL: https://vk.com/doc291403292_671600641?hash=Ov3tlx8z4gUCmmTGbrmnHV6C6gB4iVdPMpO4my5QOUD (дата обращения: 25.01.2024).
11. Михайлов Т. М. Бурятский шаманизм: история, структура, социальные функции. Новосибирск, Наука, 1987. 286 с.
12. Наши правила. // Сайт МПОШ «Тэнгэри». URL: https://baikalshaman.com/rules_i (дата обращения: 13.01.2024).
13. Неманова Э. А. Обрядовый текст и контекст культа Белого старца в культуре монгольских народов // Oriental Studies. 2019. Т. 12, № 2 (42). С. 245–254.
14. Первые бурятские шаманы. Кто они? // Infropol: [сетевое издание]. URL: <https://www.infropol.ru/114852-pervye-buryatskie-shamany-kto-oni/> (дата обращения: 13.01.2024).
15. Расписание молебнов // Сайт «Тэнгэри. Религиозный центр шаманов. Шаманизм». URL: <https://vk.com/tengeri> (дата обращения: 13.01.2024).
16. Смолякова Л. А. Современные реалии бурятского шаманизма // Colloquium heptaplomeris. 2016. № 3. С. 62–69.
17. Харитоновна В. И. «А у нас все шаманы – православные...»: современный (нео)шаманизм и проблема культурной идентичности // Сибирские исторические исследования. 2016. № 1. С. 105–133.
18. Цыденов Э. М. Культ тринадцати северных нойонов в бурятском шаманизме // Новый исторический вестник. 2011. № 3(29). С. 25–32.
19. Цырендоржиев Б. Ж., Догбаева-Ринчино М. Р. Тэнгэрианство. Зов предков. Почитание рода. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2019. 142 с.

References

1. Bazarov B. D. The mysteries and practice of shamanism. The book is in 2 parts. Ulan-Ude: JSC «Republican printing house», 2003. 236 p. (In Russ.).
2. Bazarov B. D. The mysteries and practice of shamanism. Book 3: Man in time and space. Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat State University, 2009. 208 p. (In Russ.).
3. Banaeva V.A. Blacksmith cults in religious and mythological representations of the Buryats // Bulletin of the Buryat State University. 2008. No. 10. P. 268–273. (In Russ.).
4. Buryat chronicles [Comp., author's preface by Sh. B. Chimitdorjiev]. Ulan-Ude: Buryat. Publishing house, 1992. 236 p. (In Russ.).
5. Galsanova I. B. The transformation of the spiritual values of the Buryat ethnic group against the background of globalization // Bulletin of the Buryat State University. 2014. No. 14-1. P. 79–83. (In Russ.).
6. Gomboev S. Zh. Under An Eternally Blue Sky. Shamanism. Holy unquenchable faith. Ulan-Ude, N.P., 2010. 336 p. (In Russ.).
7. Darkhanova A. I. Modern trends in Central Asian shamanism (on the example of Buryat and Mongolian shamanism) // Bulletin of the BSU. 2010. No. 8. P. 187–191. (In Russ.).
8. Dugarov B.S. Folklore and mythological aspects of the image of Bukhara-noyon // Cultural space of Eastern Siberia and Mongolia: traditions and innovations of intercultural interaction. Ulan-Ude, 2015. P. 214–221. (In Russ.).

9. The Law «On religious activity in the Territory of the Republic of Buryatia» dated 23.12.1997. No. 610-I // From the history of religious denominations of Buryatia. The twentieth century. Ulan-Ude, 2001. P. 238–244. (In Russ.).
10. How to summon good luck according to shamanic traditions. The guide. // URL: https://vk.com/doc291403292_671600641?hash=Ov3tlx8z4gUCmmTGrbmnHV6C6gB4iVdPMpO4my5QOUD (accessed 25.01.2024). (In Russ.).
11. Mikhailov T. M. Buryat shamanism: history, structure, social functions. No.vosibirsk, Nauka, 1987. 286 p. (In Russ.).
12. Our rules. // MROSH "Tengeri" website. URL: https://baikalshaman.com/rules_i (accessed 13.01.2024). (In Russ.).
13. Nemanova E. A. The ritual text and the context of the cult of the White Elder in the culture of the Mongolian-speaking peoples // *Oriental Studies*. 2019. Vol. 12, No. 2 (42). P. 245–254. (In Russ.).
14. The first Buryat shamans. Who are they? // Infpol: [online edition]. URL: <https://www.infpol.ru/114852-pervye-buryatskie-shamany-kto-oni-/> (accessed 13.01.2024). (In Russ.).
15. Prayer service schedule // Website "Tengeri. The religious center of shamans. Shamanism." URL: <https://vk.com/tengeri> (accessed 13.01.2024). (In Russ.).
16. Smolyakova L. A. Modern realities of Buryat shamanism // *Colloquium heptaploeres*. 2016. No. 3. P. 62–69. (In Russ.).
17. Kharitonova V.I. «And all our shamans are Orthodox...»: modern (neo)shamanism and the problem of cultural identity // *Siberian Historical Research*. 2016. No. 1. P. 105–133. (In Russ.).
18. Tsydenov E.M. The cult of the thirteen Northern No.yons in Buryat shamanism // *New Historical Bulletin*. 2011. No. 3(29). P. 25–32. (In Russ.).
19. Tsyrendorzhiev B. Zh., Dogbaeva-Rinchino M. R. Tengerianism. The call of the ancestors. Veneration of the family. Ulan-Ude: Republican Printing House, 2019. 142 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Суржана Борисовна Миягашева, канд. ист. наук, научный сотрудник Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия, e-mail: surjana@yandex.ru

Information about the author

Surjana B. Miyagasheva, Candidate of Historical Sciences, Researcher, Center of Oriental manuscripts, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Ulan-Ude, Russia, e-mail: surjana@yandex.ru

Поступила в редакцию 16.01.2024

Received 16.01.2024

Одобрена после рецензирования 13.02.2024

Approved 13.02.2024

Принята к публикации 25.02.2024

Accepted 25.02.2024

Пространственная организация памятника "Қырықүңгір" и мест проведения современного традиционного праздника ысыах

Улан Умиткалиевич Умиткалиев
Евразийский Национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан, Uumitkaliev@bk.ru
Айтал Игоревич Яковлев

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
Якутск, Россия, aytalyakovlev@mail.ru
Данияр Толегенович Тлеугабулов

Евразийский Национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан, danchitto@mail.ru
Ньургуйаана Ильинична Необутова

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Якутск, Россия, nurguiaana1610@gmail.com

Аннотация. Казахская и якутская культура существуют в лоне культуры жизнеобеспечения коневодов и скотоводов. Среди двух народов, несмотря на то что первые относятся к исламской цивилизации, а вторые – к православной, можно найти достаточное количество параллелей: язык, быт, еда, духовные ценности. В статье будут затронуты вопросы о культурных параллелях скотоводческих культур казахов и якутов с точки зрения пространственной организации, архитектурных параллелей обрядово-культурных сооружений.

Ключевые слова: казахи, якуты, культурный ландшафт, курганы "с усамы", тусюлга

Для цитирования: Умиткалиев У. У., Яковлев А. И., Тлеугабулов Д. Т., Необутова Н. И. Пространственная организация памятника "Қырықүңгір" и мест проведения современного традиционного праздника ысыах // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 1. С. 28–41. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/28-41>

Original article

<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/28-41>

Spatial organization of the monument "Kyryk ungir" and the venues of modern traditional holidays ysyakh

Ulan U. Umitkaliyev
L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan, Uumitkaliev@bk.ru
Aital I. Yakovlev

Institute of Humanitarian Studies and Problems of Small Peoples of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Yakutsk, Russia, aytalyakovlev@mail.ru
Daniyar T. Tleugabulov

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan, danchitto@mail.ru
Nurguiaana I. Neobutova

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia, nurguiaana1610@gmail.com

Abstract. Kazakh and Yakut traditional culture exists in the bosom of the culture of life support for horse breeders and cattle breeders. Among the two peoples, despite the fact that the former belong to the Islamic civilization, and the latter to the Orthodox, one can find a huge number of parallels: starting with language, everyday life, food and ending with personal positions in relation to various manifestations of life in both every day and sacred matters. The article will raise questions about the cultural parallels of the pastoral cultures of modern Kazakhs and Yakuts, from the point of view of the identity of the territories.

Key words: kazakhs, yakuts, cultural landscape, mounds "with a mustache", Tusyulge

For citation: Umitkaliyev U. U., Yakovlev A. I., Tleugabulov D. T., Neobutova N. I. Spatial organization of the monument "Kyryk ungir" and the venues of modern traditional holidays ysyakh // Ojkumena. Regional researches. 2024. No. 1. P. 28–41. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/28-41>

В эпоху смены векторов культурной глобализации, когда трансформируются международные политические процессы, сдвигаются опорные точки жизненного мира, человек в поисках ментальной опоры обращается к своим традициям и родному языку. Повышается интерес к своему историческому прошлому, поиску "общих" и "чужих" предков. В противовес центробежной силе (регионализации) актуализируются общекультурные, евразийские настрояния. В этом ракурсе у современных казахов и якутов повышается интерес к поиску культурных параллелей, которые стали выходить на поверхность в межатническом общении в цифровой среде.

Помимо определенных языковых и хозяйственных параллелей, у современных казахов и якутов особенной объединяющей чертой является высокий процент урбанизации, который в последнее время стремится к отметке 70%. На данный момент мы считаем, что неоднозначный процесс урбанизации является главенствующей силой, которая влияет на современное состояние культуры этих двух скотоводческих народов. Урбанизация также становится катализатором процесса ревитализации традиционной культуры и этниза-

ции городского пространства. Одним из главных проявлений этого процесса является повышенный интерес к традиционному искусству, возрастанию религиозных взглядов среди молодежи, а также тяга к не только участию, но и организации народных, традиционных праздников.

Главной мыслью статьи является вопрос о поиске исходной точки пространственной организации традиционных праздников скотоводов Северной и Центральной Азии.

Методология и методика статьи

Источниковой основой статьи являются глубинные интервью, личные наблюдения и фотоматериалы авторов, собранные в наслегах Центральной и Западной Якутии в период с 2013 по 2023 годы. Также важным для статьи являются материалы, собранные в ауле Токтамыс, Абайского района, Восточно-Казахстанская области (2023 г.). Особую ценностью и опорой статьи выступают археологические исследования авторов в местности Кырыкунгир (*каз. кырыкунгир* – сорок пещер) рядом с аулом Токтамыс с 2014 года.

Главная проблема требует от нас подробного раскрытия историографии изучения курганов "с усами" и праздника ысыах, его пространственной организации. Курганы "с усами" в рамках данной статьи мы определяем как изначальную точку развития пространственной структуры праздника ысыах. Для раскрытия этой гипотезы мы опираемся на широкий спектр научных работ по истории, археологии и этнографии, направленных на изучение культур эпохи бронзы, древних и современных скотоводов Центральной и Северной Евразии.

Историографию нашей статьи делим на два блока: работы ведущих археологов, специализирующихся на курганах как культово-ритуальных сооружений [см. подробнее: 2; 3; 16; 17; 20; 28], а также работы, направленные на раскрытие пространственной организации и структуры якутского праздника ысыах [см. подробнее: 12; 13; 14; 18; 26; 27; 30]. Широкий обзор вопросов степного (южного) происхождения праздника ысыаха, его современного состояния отмечены в трудах современных этнографов и историков [см. подробнее: 1; 5; 7; 25; 29; 34]. Качественные научно-исследовательские материалы, итоги кросс-культурных исследований представлены в работах по вопросам ысыаха и курганов среди исследователей России и Казахстана [см. подробнее: 2; 3; 7; 17; 20; 23; 25; 28; 32; 33].

Курганы "с усами" тасмолинской культуры раннего железного века, повсеместно встречающиеся в Центральном Казахстане, уже более полувека являются объектом внимания ученых-археологов. Они рассматриваются как сложные комплексы с особой семантикой. Комплекс кургана "с усами" обычно состоит из двух отдельных курганов: "большого" кургана с западной стороны и "малого" – с восточной, от которого на восток отходят две каменные гряды ("усы") [4, с. 263].

Исследования данных памятников начались с раскопок Центрально-Казахстанской археологической экспедицией скопления курганов с каменными грядами в районе Улытау в западной части Центрального Казахстана. В связи с отсутствием в исследованных памятниках человеческих останков, А.Х. Маргулан пришел к заключению, что они в свое время использовались в ритуальных целях. Он полагал, что Центральный Казахстан был местом особого сосредоточения курганов "с усами", которые в других местах не встречаются в таких количествах [16, с. 306]. А.Х. Маргулан считал, что такие курганы продолжают традиции возведения погребальных сооружений Бегазы-Дандыбаевской эпохи, в частности, напоминают длинные коридоры мавзолеев могильника Бегазы. Он называл эти памятники ритуальными, возведенными для проведения поминок, что связано с проявлениями культа предков у племен раннего железного века [17, с. 54].

А.М. Оразбаев также придерживался мнения, что курганы "с усами" являются культово-ритуальными сооружениями. По его мнению, такие памятники были связаны с древними религиозными представлениями и традицией жертвоприношения лошади, с идеей поклонения священному солнечному божееству [20, с. 176].

В 1950-е – 1960-е годы М.К. Кадырбаев сделал первую типологию памятников, продатировал их и выделил тасмолинскую археологическую куль-

Фото 1. Погребально-поминальный комплекс "Курган 37 воинов".

Photo 1. The burial and memorial complex "37 warriors mound".

Источник: из архива авторов.

Source: from the authors' archive.

туру раннего железного века Центрального Казахстана [16, с. 303–308]. М.К. Кадырбаев, раскрывая ритуальное значение курганов "с усами", поддерживал мнения вышеназванных ученых. Он считал, что большое количество костей лошади, встречаемых на памятниках, связано с особым почитанием этих животных.

Начиная с конца 1990-х годов проблемой курганов "с усами" полномасштабно начал заниматься А.З. Бейсенов, который поставил на учет все известные курганы. Согласно его сведениям, на территории Республики Казахстан известно свыше 300 курганов "с усами", большинство из них сосредоточены в Центральном Казахстане [3, с. 19]. Также в его последних работах мы находим схожие по планировке с тюсюлга¹ курганы 37 воинов (фото 1) [см. подробнее: 2].

Картиной мира этнокультурного пространства у якутов является ысыах, поэтому ознакомимся с понятием. Дефиниций "ысыах" (с якутского Ыһыах) связан с действием ритуального акта рассеивания, разбрызгивания и кропления (с якутского ыс, ыһар) кумыса в честь подношения божествам для обновления мира, человеческого рода и восполнения ресурсов природы и человека [см. подробнее: 25]. По сведению доктора ист. наук Е.Н. Романовой, сакральный ландшафт ысыаха глубоко связан со средой поклонения айыы (небесным божествам) и иччи (духам природы и местности) [23, с. 316]. По мнению учёного Г.В. Ксенофонтова, ысыах – символ наследства степного шаманизма, являющийся центральной осью и знаком веры древних якутов [см. подробнее: 12]. Выводы, сделанные в фундаментальном труде Г.В. Ксенофонтова, являются до сих пор твердым мостом, который связывает все современные проявления скотоводческих элементов традиционной культуры народа саха с южными, степными предками. Но также другие авторы отмечают, что традиционный праздник ысыах, является не просто пришлым степным праздником, а окончательно сформировавшимся на территории Якутии.

¹ якут. түһүлгэ – место проведения праздника ысыах; пространство для разных мероприятий.

Фото 2. Курган "с усами" могильника Кырыкунгир.

Photo 2. The mound "with moustaches" of the Kyrykungir burial ground.

Источник: из архива авторов.

Source: from the authors' archive.

Народ саха в XVIII в. отмечал праздники в аласах² со всеми участниками якутского рода, но прослеживалась локальная особенность религиозной веры у родоплеменных групп, где моление главному божеству Юрюнг Аар Тойон совершалось не всеми родами [см. подробнее: 1]. В XIX в. богатые якуты или предводители родов устраивали ысыах в летних усадьбах без сакрального значения и в отсутствие белого шамана, целью которого являлось сплочение рода/родов [см. подробнее: 14].

Со второй половины XX в. форма и содержание праздника приобрела идеологический характер, и были стерты традиционно-обрядовые системы. Выбирали в то время место без сакрального значения – Парк культуры и отдыха, ипподромы, спортивные площадки, стадионы с трибунами, где вывешивали портреты вождей Советского Союза, лозунги, нацеленные популяризовать высокую производительность колхозов, а также доски с количественными показателями передовиков социалистического труда. По заказу партии и правительства роль И.В. Сталина возвышается до верховного вождя "божества", так как он удостаивался первого куба с кумысом. В период общественно-политической трансформации в начале 90-х XX в. с принятием "Декларации о государственном суверенитете республики" начинается возвращение к национально-обрядовому празднику и развитию этнокультурного пространства республики. Для проведения ысыаха республиканского назначения в 1998 г. была открыта местность "Үс Хатын" (якут. три берёзы) [24, с. 32–35]. С этого момента современный праздник ысыах возвращает свою религиозно и традиционно-обрядовую систему.

² якут. алаас – таёжные, термокарстовые образования с озером посередине и степной растительностью вокруг озера.

Фото 3. Курган "с усами" рядом с зимовкой Баймагул.

Photo 3. The mound "with moustaches" next to the wintering Baymagul.

Источник: из архива авторов.

Source: from the authors' archive.

Пространственная структура древних праздников

Начиная с 2014 года археологи Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, в том числе авторы данной статьи, выявили и поставили на учет более 20 курганов "с усами" на территории Абайского, Аягоского и Жарминского районов Восточно-Казахстанской области, на 2 из них были проведены археологические раскопки. Один из них – курган "с усами" могильника Кырыкунгир (*фото 2*), расположенного рядом с селом Токтамыс батыр Абайского района. Другой – курган "с усами" рядом с зимовкой Баймагул в 18 км (*фото 3*) на запад от села Кундызды, расположенный на второй террасе правого берега реки Шет.

В результате исследования обоих курганов, выяснилось, что они имеют разную конструкцию. Курган "с усами" могильника Кырыкунгир состоит только из основного кургана и двух каменных гряд, отходящих от него на восток. Оба уса направлены в сторону восхода солнца, на плоскую вершину известняковой скалы. Длина северного уса – 38 метров, южного – 42 метра. Вероятно, они направлены строго на место восхода солнца над скалой. От каменной насыпи – кургана, по направлению к солнцу идут каменная гряда, заканчивающаяся вертикально стоящими камнями, наподобие балбалов – каменных стел. Камни образуют некий вход или выход из круга, образующее грядой. Если человек стоит лицом к "выходу" из круга, то он будет ориентирован на весенний восход Солнца. Каменная гряда, "усы" кургана ориентированы на весеннее равноденствие 19-21 марта, т.е. Солнце в эти дни выходит ровно через эти каменные "ворота", или "вход". Этот момент дает нам возможность провести параллели между древними скотоводами и современными казахами, празднующими Науруз именно в эти дни [см. подробнее: 28].

В ходе раскопок каменных гряд были обнаружены остатки обгоревшего дерева и следы кострищ на вершинах каменных гряд. В основном кургане не было обнаружено захоронения, только лишь в юго-восточной части насыпи кургана была обнаружена передняя часть скелета лошади в анатомическом порядке. Таким образом, судя по отсутствию захоронения человека, наличию следов кострищ и костей лошади, можно определить курган как культово-обрядовый (поминальный) объект.

Курган "с усами" могильника Баймагул имеет несколько иную конструкцию. Он состоит из основного кургана с погребением человека и малого кургана с восточной стороны, от которого на восток отходят две каменные гряды. Длина обоих усов в пределах 25-30 метров.

Результаты этих исследований, в ходе которых были найдены кости лошади, фрагменты керамики, обнаружены следы кострищ, были положены в основу приведенных ниже выводов. Представляется вполне естественным, что по мере дальнейшего тщательного изучения курганов "с усами" будут появляться новые сведения и суждения об их функциях и предназначении. Нам кажется недостаточным представлять курганы "с усами" только лишь как погребальные памятники. Естественным кажется факт, что кочевники, считавшие место погребения предков священным, в определенные дни проводили там традиционные религиозные или праздничные мероприятия.

Направление "усов" кургана на восток, обе насыпи, остатки золы и обломков керамики под каменными грядами, а также находки костей лошади под насыпью малого кургана составляют единую сложную конструкцию. Поскольку такой комплекс является многосложным, соответственно, и функции, которые он выполнял в свое время, также были сложными и важными. Поэтому эти функции не могли утратить своего значения от поколения к поколению и не получить дальнейшего развития даже после того, как эти сооружения утратили некоторые признаки с течением времени [4, с. 87–88].

При первом взгляде человек, незнакомый с курганами "с усами", сразу может отметить удивительную схожесть мест проведения ысыаха – тюсюлгя современных якутов и каменных курганов. Схожесть двух разных по географии и времени сооружений не оставляет равнодушным практически никого.

Форма тюсюлгя и археологического памятника направлены на Восток и ориентируются к солнцу. Вместо кургана и каменных усов тюсюлгя имеет так называемые холумтан³ и чэчир мас⁴. Отсутствие на памятнике Курыккунгир признаков долгого пребывания людей и захоронений дает возможность предположить о культово-обрядовых функциях памятника. Одним из факторов, повлиявшим на это, была необязательность проведения торжественных поминальных мероприятий.

Развитие праздника ысыах, его архитектурная составляющая как единица этнокультурного ландшафта отражает развитие этноса на современном этапе. Остается малоизученной региональная модель архитектуры – это присутствие этнокультурного пространства со смысловым полем в виде тюсюлгя. Изучение с точки зрения пространственного подхода в архитектуре выявили новые отрасли средней и ландшафтной архитектуры.

В местности "Ус Хатын" размером в 47 га, расположенной в 17 км на севере от г. Якутска, археологические исследования доказывают, что найденные предметы имеют устойчивые ассоциации с определенными историческими явлениями в рамках праздника ысыах. Серебряная пуговица с орнаментом в виде соляного знака и бронзовая пряжка ремня с изображением городского герба могут быть деталями нарядного одеяния. Ещё другая находка в виде прямоугольной железной пластины символизирует защитный атрибут шаманского костюма. Медная сибирская копейка с гербом императрицы Екатерины II могут быть знаком торговли во время празднества [10, с. 26–27]. В связи с этими находками на этой местности, историки предполагают, что выбор места проведения традиционного праздника был не случайным. По мифологии народа, на священной равнине "Ус Хатын", располагающейся в долине

³ якут. холумтан – очаг, перенос. центр пространства.

⁴ якут. чэчир – буквально ветка, зеленые деревца, втыкающиеся в землю на месте проведения обряда благословения (алгыс).

Фото 4. Вход в тусюлга с. Бердигестях, Горный улус.

Photo 4. The entrance to tusulga in village of Berdigestyakh, Gorny district.

Источник: из архива авторов.

Source: from the authors' archive.

Туймаада, один из прародителей якутов Эллэй Боотур отпраздновал первый праздник ысыах и "...первым изобрел кумыс и посуду, построил урасу⁵, заменил костяное оружие деревянным, изобрел дымокур, первым устроил ысыах и установил религиозный культ в честь "святых божеств"⁵ [31, с. 19, 58].

С конца XX в. начинают появляться определенные праздничные площадки, отвечающие по культурно-обрядовому функционалу ысыаху. Места проведения ысыаха в советское время – стадионы, парки культуры и отдыха – однозначно не отвечали возродившемуся сакрально-обрядовому значению праздника. В 1998 г. переносится место празднования городского ысыаха с ипподрома, находящегося в черте города, за город в местность "Үс Хатын". Это становится трендом для всей Якутии, где в селах и районных центрах ранее праздновали традиционный праздник в местах, явно не приспособленных для обрядового праздника. Так, например, в 2004 г. в с. Майя Мегино-Кангаласского улуса место переносится со спортивного стадиона в местность Урасалаах в двух километрах от села. В с. Верхневиллойск Верхневиллойского района место празднования располагается в местности Тюгэхтэй, до этого праздновали в сельском Парке культуры и отдыха [32, с. 77]. Для выявления основных культовых объектов и сооружений архитектурного пространства праздника ысыах и их функциональные значения, рассмотрим местности "Үс Хатын" (Якутск), Урасалаах (с. Майя), Тюгэхтэй (с. Верхневиллойск). Надо сделать

⁵ якут. ураһа – традиционная конусообразная летняя постройка якутов из жердей и бересты.

оговорку, что "Үс Хатын" числится как "Священное место" (с якутского Ытык Сир) особо охраняемая территория республики с 2005 г. [см. подробнее: 9].

Универсальная модель тюсюлгя включает в себя ядро (ритуальное сооружение), малое и большое сакральные пространства (места традиционных праздников и природно-культурные объекты) и пограничную зону (запретные места – погребение). В нашем случае ядром становится Аал-Луук мас (Мировое древо). Ритуально-обрядовая тюсюлгя с культурными сооружениями и другие массовые тюсюлгя с природно-культурными объектами, такими как леса, речки, озера и др., заполняют сакральный ландшафт комплекса праздника ысыах. Авторами отмечено, что народ становится источником существования и продолжения развития сакрального места, так как традиции и память о сакральных объектах существует до сих пор [21, с. 75, 79].

В статье С.А. Дьяконовой рассмотрены этапы формирования архитектурно-художественной культуры народа саха [см. подробнее: 8]. Нас интересует современное архитектурно-планировочное решение национального комплекса ысыах, которое отражено и в работе Н.К. Даниловой [см. подробнее: 7]. Входная зона в тюсюлгя в виде арки "Аан Аартык" находится в восточной части и является символом разграничения между небесными божествами эпоса "Олонхо" и миром людей (фото 4). Деревянная арка с десятью орнаментированными столбами становится главным сооружением праздника [8, с. 106]. На ритуально-обрядовом тюсюлгя "Тунах" (центр кумысопития) главными компонентами комплекса выступают в центральной части ритуальные столбы Аар багах, на южной стороне – Могол ураса, в восточной части ставили сэргэ (коновязи).

Вход в тюсюлгя находился в восточной части. Границы тюсюлгя оформляются из свежесрубленных березок *чэчир*, на которые нанизывалась длинная плетеная веревка *салама* (от тюркского *шал* – грива), сделанная из волосяной нити белого и черного цвета конского волоса (с якутского *сиэл*). Э.К. Пекарский отметил происхождение слово *сиэл*, означающее конскую гриву, как у бурятов и монголов – *дал* [22, стб. 2188]. К саламе привязывались берестяные фигурки лошадей, коров, птичек, пучки из белого конского волоса и цветные лоскутки (тканевые ленточки). Использование белого и черного цвета означало гармонию и равновесие в пространственно-временном континууме. Основным функционалом атрибута является выполнение посредничества между духовным миром небесных божеств и миром людей [см. подробнее: 6].

Первое центральное ритуальное сооружение, упомянутое выше, соединялось переключиной, формировались столбы в виде сэргэ. На него подвешивали сосуд сири исит от бычьей кожи с кумысом, который украшается молодыми березками. Рядом с этим объектом ставили чороны (этническая посуда для распития кумыса). Края с двух сторон переключины оформлялись в виде головы лошади, по которому спускают с небес в сосуд божественную жидкость – Ильгэ.

Второе сооружение – Могол ураса⁶, находящееся на юге тюсюлгя, имеет конусообразную форму и состоит из трех частей, покрытых берестой. Высота его достигает до 12 метров. Форма создана из 12 изогнутых столбов, символизирующие двенадцать небесных миров. Источником света и дымового отверстия служит круглое основание сверху. В "Үс Хатын" Могол ураса имеет белый окрас, опояска посередине выполнена из стекла и закрывающего его полотнища, имитируют штриховые и крестовидные орнаментации. На восточной части по круговой диагонали расположены ритуальные сэргэ для небесных божеств. По поверью якутов с небес верхние божества спускаются в образе лошадей.

Для сооружения Аал-Луук мас издревле выбирали высокую лиственницу, украшали Мировое древо резным растительным орнаментом [7, с. 82]. В "Үс Хатын" ветви Аал-Луук мас выполнены в круговой, завитковой и лиственной орнаментациях, на концах присутствуют вырезанные зооморфные образы головы четырех коней, столб высотой девять метров получен путем соединения четырех переключин по вертикали. Нижняя часть оформлена в

⁶ якут. Моҕол ураһа – большая, дородная ураса. В Нюрбинском улусе, также определяют как цвет или образ – Моҕол өн/өнөөх ураһа – преисполненная, насыщенная красотой ураса.

Нумерация площадок на местности Ус Хатын

1. "Аан Аартык" - входная арка
- 1 А. "С эргэ 2008"
2. "Куну корсун" – центр встречи Солнца
3. Центр кумысолития
4. Центр Осуохая
5. Детская площадка
6. Малая концертная площадка
7. Центр "Тойук тобойо"
8. "Аан Алахчын Хотунп
9. Центр "Дьобьогой"

10. Комплекс "Северное сияние"
11. "Якутская усадьба"
12. Спортивная площадка № 1
13. Выставочные павильоны
14. Большая концертная площадка
15. "Алаһа" – тусюлтэ улусов и землячества
16. Торговые ряды
17. "Мобол ураһа" Президента РС (Я)
18. Тусюлтэ Гос. собрания Ил Тумэн РС (Я)
19. "Мобол ураһа" Главы города Якутска
20. Тусюлтэ ветеранов
21. Спортивная площадка № 2

22. "Талба талаан тҮҮлгэтэ"
23. Тусюлтэ Окружного совета города Якутска
24. Тусюлтэ подразделений Окружной администрации ГО "Якутск"
25. МВД
26. Тусюлтэ молодежи
27. Тусюлтэ Саха Цирка РС (Я)
28. Скорая помощь
29. МЧС
30. Автостоянка
31. Выставочный павильон

Рис. 1. Схема-карта архитектурно-обрядового комплекса в местности "Ус Хатын", г. Якутск.

Fig. 1. Schematic map of the architectural and ceremonial complex in the area "Us Khatyn", Yakutsk.

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

виде урасы, но главная композиция сосредоточена на верхних ветках (ПМА. Экспедиция в г. Якутск, Республика Саха (Якутия), 2023 г.).

Важнейшим сакральным местом считается тюсюлгя "Күнү көрсүү" (Встречи солнца) (рис. 1). На территории Ус Хагын имеются такие тюсюлгя, где проводятся конкурсы устного-народного творчества, этнического материального искусства, обряды очищения, благословения и отдыха. Имеется ураса Главы ГО г. Якутска и тюсюлгя Главы РС(Я). Тюсюлгя с летними жилищами-урасами для организаций и гостей со всех районов республики расположены вдоль водоемов. Центральные торговые ряды представляют якутскую кухню, ювелирные украшения из золота, бересты, а также другие изделия из дерева и кожи (ПМА. Экспедиция в г. Якутск, Республика Саха (Якутия), 2023 г.).

В с. Майя Мегино-Кангаласского улуса в 50-х г. XX в. ысыах проводился на месте старого стадиона, потом местом празднования выбрали открытую долину внутри села, которая позже была застроена домами. До 2000-х гг. празднование характеризуется отсутствием религиозно-ритуальной составляющей. Современные культовые сооружения, связанные с празднованием, появились в местности Урасалаах, расположенной между сёлами Майя-Бёкё, которая построена на средства "Игры Манчаары" 2005 г. В период с весны до зимы 2004 г. с села Сото были перенесены жилищные постройки и проведена электрификация, реконструкция дороги. В местности находятся якутский балаган, летняя ураса с тремя окнами, здание бывшего музея, *бабаарына* – шестигранная дом-кухня, жилой дом (амбар), жилой дом с гаражом. Особо отметим, что в этой местности было создано искусственное озеро шириной 4 метра и длиной 60 метров. Нынешняя ритуально-обрядовая тюсюлгя сооружена при финансировании ысыаха Олонхо. В 2013 г. бригадой во главе народного мастера РС(Я) и костореза Ф.И. Маркова был установлен на четырех сваях Аал-Луук мас с высотой двадцать семь метров [15, с. 523–524].

Сэргэ, в ритуально-обрядовом тюсюлгя в местности Урасалаах, с восточной стороны насчитываются в количестве двадцати одного, в том числе Сатанах сэргэ и в западной части Мас сэргэ. Между двух Могол урасы сосредоточились с юга на север девять культовых сооружений в виде урасы. В южной части имеется коновязь, верхушка которой сделана в форме урасы. Аал-Лук мас изображает лиственницу с восемью ветвями, где четыре перекладины более широкого размера, а остальные более узкого. В самом древе нарисованы листья зеленого цвета, а также вырезаны герои Олонхо [19, с. 36].

В 2022 г. прошла экспедиция ИФ СВФУ им. М.К Аммосова в Вилуйский и Верхневилуйский районы в местностях, где проводятся праздники ысыах. Во всех местах проведения ысыаха есть место где проводят обряд благословения – Алгыс. Где алгысчыт⁷ стоит в центре круга, очерченного сэргэ, чэчир вас, и проводит обряд благословения стоя лицом на Восток. Стоит отметить, что основным отличием от всех тюсюлгэ в местности Тюгяхтэй и "Кыырт Дала" (с. Верхневилуйск) является то, что дороги внутри местности асфальтированы, с самого начала до конца комплекса. Дорога, ведущая в тюсюлгя, "обрамлена" с двух сторон многочисленными сэргэ с верхушками в виде чорона, которые создают аллею. Интересной задумкой является наличие восьми сэргэ разных конструкций, вокруг одной сэргэ из меди – Алтан Сэргэ. Были построены современные летние балаганы для наслогов Верхневилуйского улуса (ПМА. Экспедиция в с. Верхневилуйский улус, Республика Саха (Якутия), 2022 г.).

Как показали беседы с организаторами ысыаха, сценарий и структура планировочной композиции ысыаха не сильно различаются, так как культовые сооружения сформированы на основе древних традиций народа. При конструировании архитектурных комплексов культово-обрядового значения – тюсюлгя строители, спонсоры и заказчики опираются прежде всего на представление местных жителей на место проведения ысыаха. Ими всегда выступают, как правило, старейшие жители села, имеющие большой авторитет в улусе и Республике. К планировке тюсюлгя приглашаются краеведы и знатоки традиционной культуры якутов.

⁷ якут. алгысчыт – отправитель бескровных жертвоприношений и якутского обряда благословения.

Заключение

Рассмотрев пространственную организацию, а также формы празднования ысыаха, можно отметить существование явных параллелей между древними курганами и современными скотоводческими праздниками. Сделать выводы, что курганы "с усами" могли быть местом проведения праздников аналогичных с ысыах. На это указывают структурные элементы разных построек – кургана "с усами" и тюсюлгя. Общая ориентировка планировки кургана и тюсюлгя на стороны света, схожесть ориентации на восход солнца ключевых построек (усов кургана, и "аллеи" из сэргэ). Также надо отметить, что ысыах является обрядовым праздником кумысопития, то есть праздником скотоводов, коневодов. Таким образом, нельзя не рассматривать такие этнографические параллели, уходящие корнями в глубокую древность, как случайные совпадения. Приведя анализ работ ведущих ученых, собственные наблюдения, мы приходим к мысли, что до сих пор современные якуты при конструировании архитектурных комплексов культово-обрядового значения ориентируются на представления скотоводов, проживавших в степной зоне с эпохи бронзы.

Литература

1. Алексеев Н.А. Традиционные религиозные верования тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1992. 239 с.
2. Бейсенов А.З. Погребально-поминальный комплекс "Курган 37 воинов" // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2015. № 1. С. 6–12.
3. Бейсенов А.З. Погребальные памятники и культово-ритуального сооружения древних народов Центрального Казахстана VII-I вв. до н.э.: автореф. ... канд. ист. наук. Алматы, 1997. 26 с.
4. Восточная Сарыарка. Прошлое и настоящее Каркаралинского региона. Алматы: Эверо, 2004, 703 с. + 88 цветных рисунков.
5. Гоголев А.И. Якуты (проблемы этногенеза и формирования культуры). Якутск: Изд-во ЯГУ, 1993. 149 с.
6. Данилова Н.К. Религиозный ландшафт: "сиэл", "салама" и "дэлбиргэ" в ритуальном пространстве в свете изучения эволюции бескровных жертвоприношений народа саха // Общество: философия, история, культура. 2019. № 12 (68). С. 30–35.
7. Данилова Н.К. Сакральная архитектура народа саха: традиции и современность // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 2. С. 80–87.
8. Дьяконова С.А. Этнос саха в музейно-выставочном комплексе "ысыах" // Архитектурный альманах. Выпуск 1 / СПбГАСУ СПб.: "Издательско-полиграфический комплекс "НП-Принт", 2016. С. 100–111.
9. Закон Республики Саха (Якутия) от 25.12.2003 PN 214 –III "Об особо охраняемых природных территориях Республики Саха (Якутия)". URL: <https://base.garant.ru/26708089/?ysclid=ltb7md8uj91637660> (дата обращения: 1.12.2023).
10. Заморщикова Л.С., Самсонова М.В. Исследования ландшафта: пространство и место // Арктика. XXI в. Гум. науки. 2006. № 4(10). С. 19–29.
11. Казбеков М. Наурыз: возрожденные традиции. Алматы: "Казахстан", 1991. 256 с.
12. Ксенофонтов Г.В. Ураангхай – сахалар: очерки по древ. истории якутов: в 2-х кн. Якутск: Нац. изд-во Респ. Саха (Якутия). Т. 1. 1992. 414 с.
13. Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан: Кн. изд-во, 1983. 176 с.
14. Маак Р.К. Виллюйский округ. М.: Яна, 1994. 576 с.
15. Майя: Документы. Статьи. Фотографии [инициатор проекта: адм. МО "Село Майя", глава Д. И. Тихонов; отв. за сод. части 2] / Под ред. В.В. Жирковой, Э.К. Жиркова, А.П. Федоровой, А.А. Федоровой, С. С. Скрябина, Д. С. Санникова и др.. Майя, 2021. 584 с.
16. Маргулан А.Х. Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрально-го Казахстана. Алматы, 1966. 434 с.
17. Маргулан А.Х. К изучению памятников района р. Сарысу и Улутау // АН Каз ССР. 1948. № 2(35). С. 54–67.
18. Миддендорф А.Ф. Путешествие на Север и Восток Сибири. СПб: Типография Академии наук, 1860–1878. Ч. 2. 1878. 619 с.
19. Необутова Н.И. Традиционные и современные культовые сооружения праздника ысыах // МНСК-2020: Материалы 58-й Международной научной студенческой конференции, Новосибирск, 10–13 апреля 2020 г. Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2020. С. 36–37.

20. Оразбаев А.М. Курган с "усами" в могильнике Джанайдар как архитектурный памятник // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алматы, 1969. С. 175–192.
21. Пахомова Л.С. Лукина О.Р. Сакральные ландшафты Олекминского и Ленского районов // Вестник СВФУ. Сер. "Наука о Земле". 2018. № 4(12). С. 72–80.
22. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка: в 3 т. 2-е изд. Т. 2. М.; Л., 1959. 3858 стб.
23. Романова Е.Н. Священные места Якутии: традиции и современность // Материалы научно-методического семинара "Образы евразийских пространств: пути, перекрестки, святые места". Новосибирск, ИАЭТ СО РАН 4 мая 2012 г. С. 309–316.
24. Романова Е.Н. Якутский национальный праздник ысыах в ситуации перехода: исторический миф, этнокультурный образ и современный праздничный нарратив / Е. Н. Романова, В. Б. Игнатъева // Этнографическое обозрение. 2011. № 4. С. 29–40.
25. Романова Е.Н. Якутский праздник ысыах. Истоки и представления. Новосибирск: Наука, 1994. 160 с.
26. Серошевский В.Л. Якуты: опыт этнографического исследования. 2-е изд. М: 1993. 713 с.
27. Трощанский В.Ф. Эволюция черной веры (шаманства) у якутов: съ 10 фигурами и 4 приложениями. Казань: Типо-литография Императорского университета, [1902 или 1903]. 185 с.
28. Умиткалиев, У. У. Курганы "с усамы" и архаические верования казахов / У. У. Умиткалиев, Д. Т. Тлеугабуллов // Научный Альманах ассоциации France-Kazakhstan. 2015. № 4. С. 67–72.
29. Уткин К.Д. Сборник трудов: в 16 кн. Кн.2: Национальная культура: векторы традиций / К.Д. Уткин: Ред. сост. К.Е. Гагарина. Якутск: Бичик, 2004. 272 с.
30. Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1969. 437 с.
31. Эргис Г.У. Исторические предания и рассказы якутов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 322 с.
32. Яковлев А.И. Тюсюлгя в современном культурном ландшафте: историко-антропологический ракурс // Гуманитарные науки в Якутии: исследования молодых ученых. 2020. С. 73–80.
33. Яковлев А.И., Яковлева К.М. Традиционный якутский праздник ысыах в современном культурном ландшафте // Общество: философия, история, культура. 2019. № 1 (57). С. 122–126.
34. Яковлев В.Ф. Ысыах: Туймаада – Эллэй – Үс хатын / [В.Ф. Яковлев; ответственный редактор А.И. Гоголев]. Якутск: Сахаполиграфиздат, 2005. 55 с.

References

1. Alekseev N.A. Traditional religious beliefs of the Turkic-speaking peoples of Siberia. No.vosibirsk: Nauka, Siberian Branch, 1992. 239 p. (In Russ.).
2. Beisenov A.Z. Funerary monuments and cult and ritual structures of the ancient No.mads of Central Kazakhstan of the VII-I centuries BC: abstract ... Candidate of Historical Sciences. Almaty, 1997. 26 p. (In Russ.).
3. Beisenov A.Z. Funeral and memorial complex "Kurgan 37 warriors" // Bulletin of SUSU. Series: Social and Humanitarian Sciences. 2015. No. 1. P. 6–12. (In Russ.).
4. Eastern Saryarka. The past and present of the Karkarala region. Almaty: Evero, 2004, p. 703 + 88 color drawings. (In Russ.).
5. Gogolev A.I. Yakuts (problems of ethnogenesis and culture formation). Yakutsk: Publishing house of YSU, 1993. 149 p. (In Russ.).
6. Danilova N.K. Religious landscape: "ciel", "salama" and "dalbirge" in the ritual space in the light of studying the evolution of bloodless sacrifices of the Sakha people // Society: philosophy, history, culture. 2019. No. 12 (68). P. 30–35. (In Russ.).
7. Danilova N.K. Sacred architecture of the Sakha people: traditions and modernity // Humanities in Siberia. 2012. No. 2. P. 80–87. (In Russ.).
8. Dyakonova S.A. The Sakha ethnos in the museum and exhibition complex "Ysyakh" // Architectural Almanac. Issue 1 / SPbGASU St. Petersburg: Publishing and printing complex NP-Print, 2016. P. 100–111. (In Russ.).
9. The Law of the Republic of Sakha (Yakutia) "On Specially protected natural territories of the Republic of Sakha (Yakutia) dated 12.25.2003 PN 214 – III" Article 12." URL: <https://base.garant.ru/26708089/?ysclid=ltb7md8ujy91637660> (дата обращения: 1.12.2023). (In Russ.).
10. Zamorshchikova L.S., Samsonova M.V. Landscape studies: space and place // Arctic. XXI century. Gum. sciences. 2006. No. 4(10). P. 19–29. (In Russ.).
11. Kazbekov M. Nauryz: revived traditions. Almaty: "Kazakhstan", 1991. 256 p. (In Russ.).
12. Ksenofontov G.V. Uraankhai – sakhalar: essays on ancient history. the stories of the Yakuts: in 2 books. Yakutsk: National Publishing House of the Republic. Sakha (Yakutia). Vol. 1. 1992. 414 p. (In Russ.).
13. Lindenau Ya.I. Description of the peoples of Siberia (the first half of the XVIII century): Historical and ethnographic materials about the peoples of Siberia and the No.rtheast. Magadan: Publishing House, 1983. 176 p. (In Russ.).

14. Maak R.K. Vilyuysky district. Moscow: Yana, 1994. 576 p. (In Russ.).
15. Maya: Documents. Articles. Photos [initiator of the project: Adm. MO "Maya Village", head D. I. Tikhonov; rel. for sod. parts 2] / Edited by V.V. Zhirkova, E.K. Zhirkov, A.P. Fedorova, A.A. Fedorova, S. S. Scriabin, D. S. Sannikov, etc.. Maya, 2021. 584 p. (In Russ.).
16. Margulan A.X Akishev K.A., Kadyrbayev M.K., Orazbayev A.M. Ancient culture of Central Kazakhstan. Almaty, 1966. 434 p. (In Russ.).
17. Margulan A.Kh. To the study of monuments of the Sarysu and Ulytau river area // Academy of Sciences of the Kazakh SSR. 1948. No. 2 (35). P. 54–67. (In Russ.).
18. Middendorf A.F. Journey to the North and East of Siberia. St. Petersburg: Printing House of the Academy of Sciences, 1860–1878. Part 2. 1878. 619 p. (In Russ.).
19. Neobutova N.I. Traditional and modern religious buildings of the Ysyakh holiday // MNSK-2020: Materials of the 58th International Scientific Student Conference, No.vosibirsk, April 10–13, 2020 No.vosibirsk: No.vosibirsk National Research State University, 2020. P. 36–37. (In Russ.).
20. Orazbayev A.M. Kurgan with "moustaches" in the Janaidar burial ground as an architectural monument // Culture of ancient pastoralists and farmers of Kazakhstan. Almaty, 1969. P. 175–192. (In Russ.).
21. Pakhomova L.S. Lukina O.R. Sacred landscapes of the Olekminsky and Lensky districts // Bulletin of the NEFU. Ser. "Science of the Earth". 2018. No. 4(12). P. 72–80. (In Russ.).
22. Pekarsky E.K. Dictionary of the Yakut language: in 3 vols. 2nd ed. Vol. 2. M.; L., 1959. 3858 stb. (In Russ.).
23. Romanova E.N. Sacred places of Yakutia: traditions and modernity // Materials of the scientific and methodological seminar "Images of Eurasian spaces: paths, intersections, holy places". No.vosibirsk, IAET SB RAS, May 4, 2012, P. 309–316. (In Russ.).
24. Romanova E.N. Yakut national holiday Ysyakh in a situation of transition: historical myth, ethnocultural image and modern festive narrative / E. N. Romanova, V. B. Ignatieva // Ethnographic review. 2011. No. 4. P. 29–40. (In Russ.).
25. Romanova E.N. Yakut holiday Ysyakh. Origins and representations. No.vosibirsk: Nauka, 1994. 160 p. (In Russ.).
26. Seroshevsky V.L. Yakuts: the experience of ethnographic research. 2nd ed. Moscow: 1993. 713 p. (In Russ.).
27. Troshchansky V.F. The evolution of the black faith (shamanism) among the Yakuts: with 10 figures and 4 appendices. Kazan: Typo-lithography of the Imperial University, [1902 or 1903]. 185 p. (In Russ.).
28. Umitkaliev U.U. Mustachioed plague // Journal of Kazakh history. Almaty, 2004. No. 2. P. 87–88. (In Russ.).
29. Utkin K.D. Collection of works: in 16 books. Book 2: National culture: vectors of traditions / K.D. Utkin: Ed. by K.E. Gagarin. Yakutsk: Bichik, 2004. 272 p. (In Russ.).
30. Khudyakov I.A. A brief description of the Verkhojansk district. L.: Nauka, Leningrad branch, 1969. 437 p. (In Russ.).
31. Ergis G.U. Historical legends and stories of Yakuts. M.; L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1960. 322 p. (In Russ.).
32. Yakovlev A.I. Tyusyulge in the modern cultural landscape: a historical and anthropological perspective // Humanities in Yakutia: research by young scientists. 2020. P. 73–80. (In Russ.).
33. Yakovlev A.I. Yakovleva K.M. The traditional Yakut holiday Ysyakh in the modern cultural landscape // Society: philosophy, history, culture. 2019. No. 1 (57). P. 122–126. (In Russ.).
34. Yakovlev V.F. Ysyakh: Tuimaada – Elley – Us Khaty / [V. F. Yakovlev; executive editor A. I. Gogolev]. Yakutsk: Sakhapoligrafizdat, 2005. 55 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Улан Умиткалиевич Умиткалиев, канд. ист. наук, заведующий кафедрой Археологии и этнологии Евразийского Национального университета им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан, e-mail: Uumitkaliyev@bk.ru

Айтал Игоревич Яковлев, канд. ист. наук, доцент исторического факультета Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова; научный сотрудник Лаборатории "Человек в Арктике" Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, Россия, e-mail: aytalyakovlev@mail.ru

Данияр Толегенович Тлеугабуров, старший преподаватель кафедры Археологии и этнологии Евразийского Национального университета им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан, e-mail: danchitto@mail.ru

Ньургуйаана Ильинична Необутова, магистрант Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия, e-mail: nurguiaana1610@gmail.com

Information about the authors

Ulan U. Umitkaliyev, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Archeology and Ethnology, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan, e-mail: Uumitkaliyev@bk.ru

Aital I. Yakovlev, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Faculty of History, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University; Researcher, Laboratory "Man in the Arctic", Institute of Humanitarian Studies and Problems of Small Peoples of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Yakutsk, Russia, e-mail: aytalyakovlev@mail.ru

Daniyar T. Tleugabulov, Senior Lecturer, Department of Archeology and Ethnology, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan, e-mail: danchitto@mail.ru

Nurguiaana I. Neobutova, Master's Student, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia, e-mail: nurguiaana1610@gmail.com

Поступила в редакцию 16.01.2024

Одобрена после рецензирования 15.02.2024

Принята к публикации 25.02.2024

Received 16.01.2024

Approved 15.02.2024

Accepted 25.02.2024

Зооморфные символы как ресурс групповой идентификации в Республике Саха (Якутия)

Ольга Валерьевна Васильева

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
Якутск, ovasiljeva.igi@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены зооморфные символы, которые лежат в основе современных процессов групповой самоидентификации в Якутии. Использован теоретический подход этносимволизма. Рассмотрено значение в качестве символов зооморфных образов тотемических представлений, а также животных хозяйственных комплексов Якутии. Показано, что для формирования общности в качестве этноинтегрирующего выбирается один образ.

Ключевые слова: этническая идентичность, зооморфные символы, животные хозяйственных комплексов, тотемические представления, лошадь, олень

Для цитирования: Васильева О. В. Зооморфные символы как ресурс групповой идентификации в Республике Саха (Якутия) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 1. С. 42–48. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/42-48>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/42-48>

Processes of ethnic identity construction in the Republic of Sakha (Yakutia): zoomorphic symbols as a resource of group identification

Olga V. Vasilyeva

Institute of Humanitarian Studies and Problems of Small Peoples of the North, Siberian Branch
of the Russian Academy of Science, Yakutsk, ovasiljeva.igi@mail.ru

Abstract. The article considers zoomorphic symbols that underlie modern processes of group self-identification in Yakutia. The theoretical approach of ethnosymbolism is used. The significance as symbols of zoomorphic images of totemic representations as well as animals of economic complexes of Yakutia is considered. It is shown that one image is chosen as ethnointegrating for the formation of community.

Key words: ethnic identity, zoomorphic symbols, animals of economic complexes, totemic representations, horse, deer

For citation: Vasilyeva O. V. Processes of ethnic identity construction in the Republic of Sakha (Yakutia): zoomorphic symbols as a resource of group identification // Ojkumena. Regional researches. 2024. No. 1. P. 42–48. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/42-48>

Введение

Постсоветский период в России ознаменовался новым этапом роста этнического самосознания в национальных регионах страны. Процесс этот сопровождался наполнением "сферы символического" новыми символами, которые отразились в целом в процессах символотворения, в том числе и на уровне отдельных регионов.

Следует отметить, что в региональной политике идентичности постсоветского периода большое значение возымели зооморфные образы. В данной статье мы рассмотрим зооморфные символы, которые лежат в основе современных процессов групповой самоидентификации в Якутии, проанализируем, каковы основания у этих символов, какой исторический контекст они имеют и как это связано с дискурсом в таких научных дисциплинах, как история и этнография.

Теоретические основания. Многие теоретики социального конструктивизма, говоря о таких категориях, как нация, этническая группа, понимают их как современное политическое явление. При этом, как правило, указывается, что такие групповые образования, как этносы или нации, сами по себе не обладают некоей базой этноинтегрирующих факторов естественным образом. Они обретают ее по мере того, как упорядочивающееся и доминирующее в них население "этнизирuется", то есть представляется в прошлом или в будущем, как если бы оно образовывало естественное сообщество и обладало изначальной идентичностью, культурой, интересами более высокими, чем индивиды и социальные условия.

Исходя из вышесказанного, в основе идентичности наций должен оказаться набор неких символов, способных мобилизовать сообщество, позволяющих воспринимать группу как "глубокое горизонтальное товарищество" [1].

Соглашаясь с конструктористами, что нация – это современный феномен индустриального общества эпохи модерна, Э.Д. Смит указывает, что символы, формирующие современные нации, берут свое начало в этничности. В своей работе "Этносимволизм и национализм: культурный подход" он пишет, что социальная реальность немыслима вне символизма. Говоря о значении символов для группы, он указывает, что такие явления, как ценности, коллективная память, ритуалы, традиции, не только формируют солидарность общности, но и помогают обеспечить чувство преемственности с прошлым поколениями общности [14].

Теоретический подход (инструмент), который он обосновал, заключается в интерпретации транслируемых в группе элементов культуры, символов, мифов, легенд, генеалогий, а также материальных вещей, воспринимаемых в качестве символов. Эти символы являются мощными дифференциальными элементами и напоминаниями об уникальной культуре и судьбе этнических сообществ.

В данной статье, исследуя процессы конструирования этнической общности якутов (саха), мы рассмотрим исторические основания современной политики идентичности на основе анализа зооморфных символов-объединителей, мы применим подход этносимволистов к анализу процесса формирования общности. В данной статье мы сконцентрируемся на проблеме зооморфных символов, используемых в политике идентичности для конструирования этнической идентичности якутов (саха). Покажем роль исторического и этнографического знания в данном процессе.

Тотемические культуры прошлого и символы этничности. Относительно зооморфных символов этнических групп следует отметить, что широкое пространство для политики идентичности могли бы представлять анималистические представления прошлого, зафиксированные первыми этнографами. Так, Г.Ф. Миллер указывает, что среди якутов почитаются главным образом орел и лебедь. На основании почитания данных зооморфных образов Г.Ф. Миллер типологизирует якутов следующим образом: батулинцы и хоринцы почитают орла. Намцы и относящиеся к ним волости почитают лебедя и орла. Остальные индифферентны, но все же почитают орла. Однако по результатам анализа других материалов его полевого дневника исследователи указывают, что информанты сообщали о наличии у якутов трех почитаемых тотемных животных. "Знатный шаман по имени Солук, родоплеменную принадлежность которого Г.Ф. Миллер не отметил (указано лишь, что он жил на р. Вилюй), разделил якутов на три группы, не уточняя, правда, их родоплеменной состав, следующим образом: некоторые якуты почитают орлов как божество, другие лебедей, третьи воронов. Воронов среди якутов почитают лишь хоринцы" [13]. Я.И. Линденау, будучи в Якутии в первой половине 40-х гг. XVIII в., также отметил, что роды коро главным образом почитали ворона [8, с. 18].

Позднее в работах мы видим, что у отдельных племенных групп исследователями указывается наличие почитания лошади. Так, указывается, что племя Ханалас почитали белого жеребца [9]. Эти этнографические сведения о тотемических представлениях могут быть отражением обряда жертвоприношения богам живыми конями, также зафиксированный Г.Ф. Миллером. "Это должны быть жеребцы или кобылы, но не мерины. После их посвящения они считаются священными. Никто не должен ездить на таком посвященном коне. Их не забивают, пока они не становятся совсем старыми. При забое выполняется особый ритуал" [13].

Позднее исследователи отмечали, что у представителей разных родоплеменных групп якутов тотемические представления различались [10], так в XIX в. 4 наслег Ботурусского и Баягантайского улусов почитали как предка орла (хотой) и льва (хахай). Племя Ханалас почитали белого жеребца, племя нам – лебедя (куба) [9], род Чорду – орла (хотой), род Бэти – лебедя, ворона (суор), род Осогостох – журавля (туруйя), род Оспех – лебедя, род Маймага – аиста, род Ботулу – орла и т.д.

В силу своего разнообразия и следующей из этого неспособности объединить коллективные общности разных родов, они со временем уступили свое

значение в формировании единой общности иным зооморфным символам – животным хозяйственных комплексов. Следует отметить, что схожие трансформации произошли и в культурах других народов Сибири, к примеру, в работах бурятских исследователей указывается, что именно способы ведения хозяйства, а для Бурятии это животноводство, привели к появлению национальных сельскохозяйственных животных.

Животные хозяйственных комплексов, проблемы утверждения коллективных идентичностей. В целом надо сказать, что исследователи склонны выделять в Якутии несколько этнолокальных групп якутов, чьи особенности обусловлены местом проживания. Такой географический детерминизм, который привязывает хозяйственные практики к ландшафту и его особенностям, действительно актуален для многих народов, ведущих натуральное хозяйство. Исследователи, анализируя такого рода явления, как правило, делают вывод о том, что мы можем ожидать, что этническая группа, занимающая территорию с варьирующимися экологическими условиями, будет проявлять региональное многообразие институционализированного внешнего поведения.

Образ жизни якутов во многом также обуславливался характером занятой ими территории. Следует отметить, что в развитии хозяйственных практик якутов на разных территориях наблюдаются разные тенденции (доминирование той или иной хозяйственной специализации), которые позволяют исследователям говорить о формировании этнолокальных групп якутского этноса [12]. Как правило, современные исследователи склонны выделять якутов Центральной группы улусов, Вилюйской группы улусов, а также Северной группы улусов [Данилова]. Главным фактором дифференциации тут выступают способы ведения хозяйства с выделением преобладающего типа хозяйства – скотоводческого, оленеводческого или промыслового (охота, рыболовство). Есть и некоторые иные трактовки, так В.В. Ушницкий выделяет больше этнолокальных групп с учетом большего числа особенностей ведения хозяйства в соответствии с природными ландшафтами местности [12].

Два типа согласно этнолокальным особенностям выделялось Г.В. Ксенофоновым. По его мнению, "якуты на протяжении всего исторического периода, освещаемого четкими писаными документами, распадаются на два обособленных отдела, а именно: на скотоводов, размножающих конный и рогатый скот, и на оленеводов, в хозяйстве которых охота и рыболовство играют не меньшую роль, являясь его конститутивными элементами" [7]. Первую группу он называет южными якутами или якутами-скотоводами, а вторую – северными якутами или якутами-олeneводцами. Эта последняя трактовка особенно интересна, поскольку с нею связаны различные теории этногенеза саха, где тип хозяйства и соответственно взаимодействие с разными животными является одним из принципиальных моментов.

Соглашаясь в том, что предки якутов имеют южное происхождение, имеются различия в представлениях о том, как территория Якутии была заселена. Одна из версий (в настоящее время являющаяся доминирующей) сообщает, что первой была заселена территория Лено-Амгинского междуречья, вторая о том, что первой была заселена территория Вилюя. При этом важным оказывается значение хозяйственных комплексов – оленеводства и скотоводства. Согласно первой теории, переселившись на территории Лено-Амгинского междуречья, скотоводы и коневоды якуты, лишь в последствии продвигаясь на север, переняли у тунгусов оленеводческое хозяйство. Вторую теорию предложил историк Г.В. Ксенофонов. Он считал, что существование самобытного оленеводческого ответвления якутов, занимающего в настоящее время самые северные пределы Якутского края, убеждает в том, что якутская колонизация на Лене могла начаться и началась с переселения туда в ранние исторические эпохи этих оленеводов, одновременно охотников и рыбаков, которые представляли собой обьякученных тунгусов со значительной примесью отунгусившихся по быту монгольских и якутских родов. На базе этой культуры и могла возникнуть значительно позже колония якутов-скотоводов [7]. Последующие волны переселенцев-скотоводов вытеснили их к северу. В виду указанных данных обитателей озера Ессей, бассейна Оленека, Жиганского и Усть-Янского улусов он относит к якутам первой волны, в то же время указывая, что якуты-скотоводы часто называли их тунгусами. Согласно Г.В. Ксено-

фонтову, тунгусами некоторых якутов стали называть в силу хозяйственных практик. Схожее мнение выражает И.С. Гурвич, который пишет, что с распространением якутов-оленоводо в тундровой зоне в северных и в виллойских улусах, термин "тунгус" стал употребляться в качестве синонима "кочевника-оленовода". Этнического смысла в этот термин якутское население не вкладывает, рассматривая эвенков, переписанных тунгусами, в отличие от якутов-скотоводов, как совершенно чужую, неродственную оленеводам-якутам, народность [5].

По мнению Гурвича И.С., такая традиция возникла в Виллойском округе, видимо, в период работы Второй ясачной комиссии, так как по "Уставу об управлении инородцами Сибири" к разряду бродячих были отнесены все кочевые оленеводы, и якуты, и тунгусы. Этнографические наблюдения, так же как и все приведенные выше документальные исторические данные, неопровержимо свидетельствуют об этническом единстве населения Северо-Запада Якутии и о принадлежности его к якутам.

Существует и мнение академика А.П. Окладникова. Имея в виду тюркское происхождение терминов оленеводства таба 'олень', тугут 'оленок до года', буур 'оленьбык', Окладников заключает, "что какая-то часть предков якутов была в соприкосновении с племенами Саяно-Алтайского нагорья, занимавшимися разведением северных оленей и ездившими на них, или даже прямо входила в число этих племен. Может быть, у них тоже в глубокой древности существовало свое оленеводство, имевшее независимое от тунгусского происхождения" [11, с. 292].

Антонов Н.К., изучивший основы-термины по якутскому оленеводству в сравнительно сопоставительном плане, приходит также к выводу, что "Материалы якутского языка подтверждают предположение о существовании у якутов своего оленеводства с глубокой древности, имевшего независимое от оленеводства северных народностей происхождение" [2, с. 65].

Надо отметить, что самоназвание якутов саха также объясняется некоторыми учеными от древнеиранского сака (олень), тотемного самоназвания ираноязычных племен Средней Азии. Слово saka = sakh дословно с древнеиранского переводится как "ветвь" или "ветвистый". На древнеиндийском оно передается через sakha "ветвь" [4]. Эту связь со скифо-сибирской эпохой исследователь объясняет участием в этногенезе якутов отореченных этногрупп индоиранского происхождения, имевших связи с пазырыкцами древнего Алтая [3, с. 14–15].

Таким образом, в якутской этнографии представлены разные мнения о значении и влиянии оленя и оленеводческого хозяйства на формирование этнической истории якутов (саха), и в том числе на хозяйственные практики одной из этнолокальных групп. Тем не менее в процессе национально-культурного доминирования стали символы скотоводческой культуры, и в настоящее время культура якутов почти полностью ассоциируется только с коневодческим и скотоводческим хозяйством, образ оленя вытесняется из общественного сознания на периферию этноинтегрирующих факторов.

При этом, как указывает историк Г.П. Башарин, значение конного или крупного рогатого скота в разные периоды времени также отличалось и выражалось в разных жанрах устной культуры. По его мнению, произведения олонхо являются духовным отражением подвижной кочевой жизни скотоводческих элементов якутского народа в степях Южной Азии, их постепенного передвижения на Севера и оседания на Средней Лене и на Амгино-Ленском плоскогорье. С переходом же к оседлости Башарин Г.П. указывает на то, что олонхо перестал быть основным духовным отражением якутской жизни, уступив свое место историческим преданиям. Произведения исторического жанра якутского фольклора представляют собой продукт более позднего этапа в развитии устного творчества якутов. Они отражают природу и общественную действительность новой родины якутских скотоводов. Скотоводство рисуется в нем скромным по масштабам, но в то же время подчеркивается хозяйственное и экономическое значение рогатого скота, дойной коровы [2].

Политический дискурс современности и зооморфные символы этничности. В настоящее время в массовом сознании современного населения Якутии лошадь и олень четко сепарированы как символы между якутами и иными коренными малочисленными общностями Якутии. Современные

представления о том, какие животные и какие типы хозяйства являются символами этнической культуры, усилились под влиянием процессов становления этнического самосознания в 90-е гг.

Об этом хорошо написала Е.Н. Романова, говоря о том, что в 90-е годы произошла реактуализация якутской мифологии. Мифосимволическое описание используется в политическом языке нациестроительства. Она приводит в пример обсуждение в СМИ эскиза герба Республики Саха. Внимание к этому проекту было привлечено в ходе обсуждения конкурсных заявок, поскольку в разработке атрибутов государственности могли принять участие как профессиональные, так и самодеятельные художники. Отмечается что большая часть предлагаемых на конкурс эскизов тогда была представлена животным миром Арктики (олень, мамонт, тюлень, морж, стерх и т.д.) и не вписывалась в политический дискурс. Известный всем нам ныне герб был предложен группой художников и искусствоведов с тем, чтоб связать культурную память с современной национальной историей. Центральный образ – это всадник на лошади [11].

Действительно, сейчас, говоря о якутской культуре и ее символах, наиболее устоявшимся является образ лошади. В 2022 г. сотрудниками молодежной лаборатории ИГиПИМНС СО РАН было проведено социологическое пилотное исследование в некоторых районах Якутии, которые как раз ассоциированы, в том числе с тем, что помимо разведения крупного рогатого скота, коневодства в данных районах было представлено и оленеводство. Исследование показало, что "олень" как символ якутской этнической культуры воспринимается очень редко. Такое мнение высказали 5 респондентов из Горного Верхоянского, Верхневиллюйского и Таттинского районов. Абсолютное большинство считает, что животное, имевшее наибольшее значение для развития якутского народа, – это лошадь (105 ответов). Второй по популярности ответ – корова, крупный рогатый скот (63 ответов). Интересно то, что на выборке коренных малочисленных народов, несмотря на довольно широкое проникновение якутской культуры, наибольшее число ответов о символе этнической культуры набрал ответ олень.

Заключение

Несмотря на то, что в России якутов считают оленеводами, в массовом сознании народов, населяющих Якутию, оленеводство и скотоводство четко разделены между якутами и малочисленными народами, такими как эвенки, эвены. Таким образом, животные, их образы становятся участниками политического дискурса, используются для нациестроительства и формирования представлений об этнических группах, политике идентичности. Тотемические представления прошлого в силу их дифференциации не могут выступать в качестве символов, способных объединить этническую группу, и выражают в настоящее время идентичности локальных, районных общностей. Коллективные идентичности нуждаются в этноинтегрирующих образах символах, и в настоящее время такими начинают выступать животные хозяйственных комплексов, и на примере Якутии мы можем видеть почти полное разделение животных хозяйственных комплексов, таких как олень, лошадь, между разными этническими группами. Наши современные представления об этнических группах, хотя и имеют реальную базу, укорененную в ландшафте, тем не менее отчасти формируются и под влиянием этнографической литературы, современных политических процессов, в том числе таких, как утверждение герба, флага.

Литература

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; Вступ. ст. С. Баньковской. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. 288с.
2. Антонов Н.К. Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск: Якутское книжное изд-во, 1971. 172 с.
3. Башарин Г.П. История аграрных отношений в Якутии / Башарин Георгий Прокопьевич; [предисл. и ред В. Н. Иванова; примеч., коммент. Н. Г. Башариной, Г. В. Башариной]; Ин-т гумани-

- тар. исслед. Акад. наук Респ. Саха (Якутия). М.: Арт-Флекс, 2003. Т. 1: Аграрные отношения с древних времен до 1770-х годов. 443 с.
4. Гоголев А.И. Якуты: (проблемы этногенеза и формирования культуры) / А. И. Гоголев; М-во культуры Респ. Саха, Якут. гос. ун-т им. М. К. Аммосова. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1993. 149 с.
  5. Гоголев А.И. Происхождение народа саха и его традиционной культуры. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2018. 255 с.
  6. Гурвич И.С. Культура северных якутов-оленьеводов: К вопросу о поздних этапах формирования якутского народа. М.: Наука, 1977. С. 26–27.
  7. Данилова Н.К. Доминантные символы пространства: ландшафт и социум (этнолокальные модели на примере якутского народа // Всадники Северной Азии и рождение этноса: этногенез и этническая история саха. Новосибирск, 2014. С. 254–266.
  8. Зориктуев Б.Р. Якутские хоролоры: кто они? (к проблеме этнической идентификации)// Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 2 (46). С. 119–127.
  9. Ксенофонтов Г.В. Ураангхай-сахалар: очерки по древ. истории якутов. Т. 1. Якутск: Нац. изд-во Респ. Саха (Якутия), 1992. 414 с.
  10. Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII в.): Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан: Кн. изд-во, 1983. 176 с.
  11. Окладников А.П. История Якутской АССР. Т. 1: Якутия до присоединения к русскому государству. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1955. 430 с.
  12. Павлинов Д.М., Виташевский Н.А., Левенталь Л.Г. Материалы по обычному праву и по общественному быту якутов. Ленинград: Изд-во АН СССР, 1929. 461 с.
  13. Попов Г.А. Следы анимизма и тотемизма в верованиях якутов / Г. П. [Б. м.: б. и.], 1914. 24 с.
  14. Романова Е.Н., Игнатъева В.Б., Дьяконов В.М. Степная сага коневодов арктики: от древних времен до недавних событий // Этнографическое обозрение. 2016. № 4. С. 9–19.
  15. Ушницкий В.В. Формирование магистральной якутской культуры // Этнографическое обозрение. 2012. № 5. С. 158–170.
  16. Элерт А.Х. Новые материалы о пантеоне якутских божеств и духов в первой половине XVIII века (статья первая) // Общественное сознание и литература XVI–XX вв.: сб. науч. тр. Вып. 21. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001. С. 107–124.
  17. Smith A.D. Ethno-symbolism and Nationalism: A Cultural Approach. New York: Routledge, 2009. 184 p.

References

1. Anderson B. Imaginary communities. Reflections on the origins and spread of nationalism / Trans. by V. Nikolaev; Introduction by S. Bankovskaya. M.: "CANON-press-C", "Kuchkovo field", 2001. 288 p. (In Russ)
2. Antonov N.K. Materials on the historical vocabulary of the Yakut language. Yakutsk: Yakut Book Publishing House, 1971. 172 p. (In Russ)
3. Basharin G.P. The history of agrarian relations in Yakutia / Basharin Georgy Prokopyevich; [preface and edited by V. N. Ivanov; No.te, comment by N. G. Basharina, G. V. Basharina]; In-t of humanitarian research. Academy of Sciences Rep. Sakha (Yakutia). Vol. 1: Agrarian relations from ancient times to the 1770s. M.: Art-Flex, 2003. 443 p. (In Russ)
4. Gogolev A.I. Yakuts: (problems of ethnogenesis and culture formation) / A. I. Gogolev; Ministry of Culture Rep. Sakha, Yakut State University named after M. K. Ammosov. Yakutsk: Publishing House of YSU, 1993. 149 p. (In Russ)
5. Gogolev A.I. The origin of the Sakha people and their traditional culture. Yakutsk: NEFU Publishing House, 2018. 255 p. (In Russ)
6. Gurvich I.S. Culture of the Northern Yakut reindeer herders: On the question of the late stages of the formation of the Yakut people. M.: Nauka, 1977. P. 26–27. (In Russ)
7. Danilova N.K. Dominant symbols of space: landscape and society (ethno-local models on the example of the Yakut people // Horsemen of Northern Asia and the birth of an ethnos: ethnogenesis and ethnic history of Sakha. Novosibirsk, 2014. P. 254–266. (In Russ)
8. Zoriktuev B.R. Yakut khorolors: who are they? (on the problem of ethnic identification)// Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia. 2011. No. 2 (46). P.119–127.
9. Ksenofontov G.V. Uraanghai-sakhalar: essays on ancient history. the stories of the Yakuts. Vol.1. Yakutsk: National Publishing House of the Republic Sakha (Yakutia), 1992. 414 p. (In Russ)
10. Lindenau Ya.I. Description of the peoples of Siberia (the first half of the XVIII century): Historical and geographical materials about the peoples of Siberia and the Northeast. Magadan: Publishing House, 1983. 176 p. (In Russ)
11. Okladnikov A.P. History of the Yakut ASSR. Vol. 1: Yakutia before joining the Russian state. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1955. 430 p. (In Russ)

12. Pavlinov D.M., Vitashevsky N.A., Leventhal L.G. Materials on customary law and public life of the Yakuts. Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1929. 461 p. (In Russ)
13. Popov G.A. Traces of animism and totemism in the beliefs of the Yakuts / G. P. 1914. 24 p. (In Russ)
14. Romanova E.N., Ignatieva V.B., Dyakonov V.M. The Steppe saga of Arctic horse breeders: from ancient times to recent events // Ethnographic review. 2016. No. 4. P. 9–19. (In Russ)
15. Ushnitsky V.V. Formation of the main Yakut culture // Ethnographic review. 2012. No. 5. P. 158–170. (In Russ)
16. Elert A.H. New materials on the pantheon of Yakut gods and spirits in the first half of the XVIII century (article 1) // Public consciousness and literature of the XVI–XX centuries: Collection of scientific papers. Issue 21. No.vosibirsk: Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2001. P. 107–124. (In Russ)
17. Smith A.D. Ethno-symbolism and Nationalism: A Cultural Approach. New York: Routledge, 2009. 184 p.

Информация об авторе

Ольга Валерьевна Васильева, канд. полит. наук, старший научный сотрудник отдела этносоциологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, Россия, e-mail: ovasileva.igi@mail.ru

Information about the author

Olga V. Vasilyeva, Candidate of Political Sciences, Senior Researcher, Department of Ethnosociology, Institute of Humanitarian Studies and Problems of Small Peoples of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Yakutsk, Russia, e-mail: ovasileva.igi@mail.ru

Поступила в редакцию 16.01.2024

Received 16.01.2024

Одобрена после рецензирования 14.02.2024

Approved 14.02.2024

Принята к публикации 25.02.2024

Accepted 25.02.2024

Интервью
УДК 303.4
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/49-56>

Новая мировая реальность и тенденции в развитии российских исследований международных отношений: интервью с М.М. Лебедевой

Марина Михайловна Лебедева
Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России
Москва, Россия, mmlebedeva@gmail.com

Ключевые слова: *исследования международных отношений, глобализация, фрагментация, мировой порядок, тренды, когнитивные технологии, оценка научной деятельности*

Для цитирования: Новая мировая реальность и тенденции в развитии российских исследований международных отношений: интервью с М.М. Лебедевой // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 1. С. 49–56. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/49-56>

Interview
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/49-56>

New world reality and trends in the development of Russian studies of international relations: interview with M.M. Lebedeva

Marina M. Lebedeva
Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
Moscow, Russia, mmlebedeva@gmail.com

Key words: *international relations studies, globalization, fragmentation, world order, trends, cognitive technologies, assessment of scientific activity*

For citation: New world reality and trends in the development of Russian studies of international relations: interview with M.M. Lebedeva // Ojkumena. Regional researches. 2024. No. 1. P. 49–56. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/49-56>

С рубежа 2010-х – 2020-х гг. обстановка вокруг российских границ и ситуация в мире в целом вступили в период стремительных и кардинальных изменений. Что стоит за этой ускоряющейся международной динамикой и какое значение она имеет для развития нашей страны в долгосрочной перспективе? Трансформации международной реальности сопутствуют (и это, судя по всему, не случайное совпадение) важные институциональные перемены в российской науке, которые неизбежно затронут все ее звенья – от публикационной активности отдельных исследователей до деятельности научных журналов, диссертационных советов и научно-образовательных организаций разного типа. Чтобы помочь нашим читателям разобраться в этих сложных и взаимообусловленных процессах, редакция "Ойкумены" обратилась к известном специалисте в области изучения международных отношений, члену редакционной коллегии нашего журнала М.М. Лебедевой.

***

В последние годы мы наблюдали устойчивый рост глобальной и региональной напряженности, многосторонний обмен санкциями, барьеризацию границ, разрыв множества сложившихся ранее торговых, миграционных и культурных связей между странами. Не теряет ли в этих условиях проблематика трансграничного сотрудничества свою прежнюю актуальность?

Согласна, что мы сейчас наблюдаем рост напряженности в мире. Причем, не только на глобальном и региональном уровнях, но и на уровне национальных государств. Примерами здесь могут служить протесты фермеров в Германии [1], во Франции в начале 2024 г. [3]. Проблемы не ограничиваются

Интервью провел Е.В. Журбей, ответственный редактор журнала "Ойкумена. Регионоведческие исследования"

Европой и аграрным сектором. Так, в США остро стоят вопросы в связи с незаконной миграцией на границе с Мексикой. В результате возник конфликт между федеральным правительством США и штатом Техас [12]. Примеров внутрисубъективных конфликтов множество, как и конфликтов и напряженностей на других уровнях.

Почему мир стал столь беспокойным в последние годы после идиллических настроений относительно политического будущего конца XX века? Наиболее частый ответ на этот вопрос, как в России, так и в других странах, заключается в том, что произошел распад биполярного мира, а новый миропорядок так и не был установлен. При этом миропорядок обычно понимается как структура взаимоотношений ведущих государств мира (см., напр.: [6; 10; 11; 16]), хотя существует множество нюансов в интерпретации этого понятия. За немногим более чем тридцатилетний период назывались различные конфигурации мирового порядка: однополярный мир во главе с США, многополярный мир, новая биполярность (США и КНР), а также различные модификации этих миропорядков.

Представляется, что ситуация более сложная, а именно, происходит трансформация всей системы политической организации мира, где взаимоотношения государств составляют лишь её часть. В самом общем виде политическая организация мира представляет собой структуру, которая состоит из трёх уровней. В основе лежит Вестфальская система мира с её ключевым звеном – государством. Следующий уровень образуют взаимоотношения ведущих государств (то, что обычно называется миропорядком). Наконец третий уровень – политические процессы в различных национальных государствах [7], которые, с одной стороны, все сильнее подвержены воздействию глобальных процессов, с другой – сами влияют на них. При этом каждый уровень политической организации мира имеет свою структуру. Так, межгосударственные отношения (мировой порядок) могут подразделяться на региональные межгосударственные отношения и т.п. В условиях, когда происходит эрозия основания политической организации мира, и на мировую арену в принципиально иных масштабах выходят негосударственные и частично государственные акторы, выстраивать мировой порядок (межгосударственные отношения) оказывается сложно, даже, скорее, невозможно, поскольку мир находится в глобальной трансформации, в смысле охвата и всего земного шара, и всех аспектов. При этом эрозия каждого из трёх уровней политической организации мира усиливает эрозию других уровней, образуя феномен "идеального шторма".

В этих условиях в ряде случаев наблюдается попытка вернуться к старому – усилению национального государства и ограничению трансграничного взаимодействия. Кстати, этому способствовала и пандемия COVID-19. Если говорить о мире в целом, то после пандемии трансграничные отношения всё же восстанавливаются. Хотя, конечно, консерваторы в Европе и США выступают против миграции, а также за необходимость развития национальной экономики. Но это как раз и есть попытка бороться с трансформацией политической организации мира путём возвращения к тому, что было ранее. Однако это невозможно в силу развития современных технологий и мировой экономики.

Должны ли наблюдаемые в международных отношениях тенденции изменить наше представление о роли в них такого актора как государство? Если государство вновь возвращается в эти отношения в качестве полновластного суверена, то что это будет означать для их негосударственных участников?

Прежде всего хочу отметить, что государство никуда не уходило, поэтому нет вопроса о его возврате. Мы жили и живем в Вестфальской модели мира, где ключевым актором является государство. Другое дело, что эта модель мира подвергается эрозии. Активность, роль негосударственных акторов и их количество на международной арене увеличиваются. Приведу лишь один пример усиления роли негосударственных акторов в современном мире. Тайваньская компания TSMC занимает 54% мирового рынка микрочипов, поставляя их, в том числе в США и Китай. Во время пандемии, когда активизировалась онлайн-коммуникация, возник дефицит микрочипов, и TSMC объявила своим основным заказчиком Apple. Остальным компаниям пришлось долго ожидать поставок [2]. Ситуация оказывается более сложной, если иметь

в виду, что отношения КНР с Тайванем находятся в конфликтном состоянии и периодически обостряются. В случае серьёзного обострения ситуации вокруг Тайваня мир может оказаться перед угрозой значительного дефицита микрочипов, что нарушит все сферы в мире, так или иначе связанные с цифровойизацией. Таким образом, тайваньская компания, являясь негосударственным актором, оказывается важным звеном отношений в мировой политике. Это не единичный пример. Государства и негосударственные акторы фактически находятся во взаимозависимости. Поэтому, несмотря на множество случаев противостояния государств и негосударственных акторов, все же в качестве основного тренда их взаимодействия прослеживается сотрудничество.

Как, на ваш взгляд, можно оценить нынешнее состояние глобализационных процессов. Глобализация остановлена, приторможена или же продолжается в некой новой форме?

Развитие никогда, ни в какой области не бывает линейным. Это касается мировой политики. Что касается глобализации, существует множество интерпретаций этого понятия. Например, нередко под глобализацией понимают процесс американизации или вестернизации – распространение норм, ценностей и т.п. с Запада на Восток. Такой процесс превратился "улицу с двухсторонним движением", иными словами, с Востока на Запад также идёт распространение определенных норм. Это хорошо видно на примере ресторанного бизнеса, когда рестораны азиатской кухни активно завоёвывают Европу и Америку. Если исходить из того, что глобализация представляет собой процесс транснационализации, т.е. процесс все большей прозрачности национальных границ государств, то она продолжается, особенно в сфере коммуникации. При этом необходимо подчеркнуть, что глобализация не является синонимом гомогенизации мира. Впрочем, в каких-то технологических областях такая универсализация происходит. И здесь нет нужды изобретать свою ширину железнодорожной колеи, как это было на заре развития железнодорожного транспорта.

Но, безусловно, проблема есть. Она чётко проявилась в изоляционистских тенденциях ряда государств. В чём здесь дело? Воспользуемся идеей С. Хантингтона о волнах демократизации [18]. Можно сказать, что аналогичный процесс наблюдается и в отношении глобализации: волны глобализации сменяются откатами, и происходит процесс де-глобализации [8]. В каждый временной период действуют процессы как глобализации, так и де-глобализации в разных сферах и в разных частях земного шара, но один из этих трендов проявляется наиболее ярко. Сегодня мы оказываемся свидетелями особого проявления де-глобализационной волны. Однако в ряде сфер преобладают процессы глобализации. Это хорошо видно на примере онлайн-коммуникации в период пандемии COVID-19 и после неё. Несмотря на то, что такие платформы, как Zoom, были созданы до пандемии, развитие они получили именно в ситуации, когда непосредственные контакты оказались прерваны. И в настоящее время, например, в научной сфере, используются гибридные формы проведения конференций, что позволяет охватить большее число участников. В целом же, общая тенденция такова, что процессы глобализации в силу экономического и технологического развития будут доминировать в исторической перспективе. Вообще пандемия значительно усилила коммуникацию онлайн и тем самым продолжила процессы глобализации.

Какой тренд в становлении нового мирового порядка вы считаете преобладающим? Приобретает ли мир полицентричную структуру, или мы, скорее, находимся на пороге новой биполярности?

Важно, о каком периоде времени мы говорим. Если речь идет о краткосрочном периоде, то здесь может быть всё что угодно: и новая биполярность, и хаотизация/мировой беспорядок, и попытки выстраивания каких-либо иных конфигураций. Кстати, многие исследователи указывают на тот или иной вариант развития событий, забывая о возможности остальных. В условиях транзита политической организации мира предсказать, какие будут апробироваться варианты построения политической организации мира, практически невозможно: слишком много действующих факторов, в том числе и субъ-ективных.

Что касается долгосрочного периода, то, на мой взгляд, будет формироваться полицентричная система. При этом под полицентричностью пони-

мается не многополярность, при которой полюсами выступают государства, а структура с центрами, образованными государствами, государствами и негосударственными акторами, негосударственными акторами. Эта полицентричность, скорее всего, будет выстраиваться по принципу специализации в той или иной сфере, а между центрами будут выстраиваться многомерные сетевые отношения. Политическая организация мира, состоящая из трёх уровней и описанная выше, перестанет существовать. Ее заменит, скорее всего, сетевая полицентричность. Отдельные элементы ее наблюдаются сейчас. Например, А.-М. Слоттер еще в начале XXI в. обратила внимание на формирование межгосударственных сетей [20]. Сетевые связи активно выстраивают бизнес-структуры и неправительственные организации, а также различные акторы друг с другом. В этой новой политической организации мира связи и отношения будут определять взаимозависимость. Отдельная проблема – обеспечение устойчивости данной системы. Здесь, возможно, помощь окажут исследования в области технических наук для определения параметров устойчивости связей.

В обстановке широко обсуждаемой "фрагментации" системы международных отношений, какие форматы региональной (трансрегиональной) интеграции являются сегодня наиболее перспективными для России?

Понятие "фрагментации" широко используется в современной научной литературе по международным исследованиям. Часто под этим термином понимается процесс, противоположный глобализации или процесс, порождаемый реакцией на глобализацию. В частности, К.С. Гаджиев, пишет, что "парадокс глобализации видится в том, что в силу комплекса факторов она создала условия для локализации, ренационализации, фрагментации и деконструкции современного мира" [4, с. 102]. Это действительно так. Однако фрагментация – это один из вариантов реакции на быструю глобализацию. Иногда используется понятие "регионализации". Существуют и другие термины, например, "изоляциялизм", как преднамеренные действия, предпринимаемые элитой для ограничения негативных последствий глобализации. Представляется более точным использовать термин "де-глобализация" в качестве общего, охватывающего эти и другие понятия.

Будет ли мир в итоге фрагментирован на отдельные территории? Нет, конечно. Опять-таки в силу экономического и технологического развития это невозможно. Сотрудничество, взаимопроникновение, впрочем, как споры и конфликты, будут связывать эти "фрагменты".

Что касается России и её включенности в различные форматы, то ответ будет очень простой: необходимо включаться в различные региональные и трансрегиональные форматы. Причём, включаться как на федеральном, так и на региональном уровнях, а также использовать форматы, ориентированные на бизнес, университеты и другие структуры.

В какой мере российский "поворот на Восток" распространяется на научную и образовательную сферу? Можно ли отметить какие-то результаты сотрудничества российских международных ученых с коллегами из Китая и других стран Восточной Азии? Участвует ли в этом сотрудничество МГИМО?

Прежде всего хочу подчеркнуть, что любой поворот в тот или иной регион или в какие-то сферы не может быть абсолютным. Иными словами, разворачиваясь на Восток и занимаясь образованием и наукой, нельзя забывать о других регионах и областях сотрудничества. В настоящее время понятно, что ЕС, США сами резко ограничили взаимодействие в научной, культурной, образовательной и спортивной сферах, доведя эти ограничения до абсурда. Тем не менее, необходимо быть знакомыми с научными результатами, тенденция-ми в области образования, культуры и спорта западных стран.

Теперь о российском "повороте на Восток" в области образования и науки. Надо сказать, что международные исследования в азиатских странах интенсивно развиваются. Интерес к ним проявляют и российские, и западные исследователи. Так, еще в 2010 г. большой резонанс в разных частях земного шара вызвала книга под редакцией А. Ачарья и Б. Бузана о незападных теориях международных отношений. В заключении редакторы, правда, приходят к выводу, что незападные теории международных отношений всё же

отсутствуют [15]. Впоследствии появилось немало работ, в том числе и в России, направленных на поиск западных теорий международных отношений. Каких-либо позитивных результатов, на мой взгляд, здесь нет. И это не потому, что исследователи в западном мире оказались слабее своих западных коллег. Дело в том, что сформированная на сегодняшний день политическая организация мира, в основе которой лежит Вестфальская модель, является западным конструктом. Западные теории могут появиться либо, как предложение новой системы политической организации мира, либо как анализ уже сложившейся или складывающейся новой политической организации мира. Китай предложил концепцию "Сообщества единой судьбы человечества". Насколько она реалистична – другой вопрос, но поработать в этом направлении вместе с китайскими исследователями стоит. Разумеется, формат работы должен быть открытым для возможности присоединения исследователей из других стран и континентов. Можно также обратиться к идее, родившейся в Советском Союзе, о мирном сосуществовании стран с различным общественным строем. Данная идея не получила должной разработки, но, по сути, речь шла о сосуществовании обществ с различными политическими ценностными ориентациями. Эта проблема стала очень актуальной в современном мире. В целом же роль академического сообщества, в том числе российских исследователей, которые могли бы стать инициаторами обсуждения новой политической организации мира, очень велика.

Сотрудничество российских специалистов в области международных отношений с коллегами из азиатских стран, безусловно, осуществляется. По всей видимости, такие контакты интенсивнее в азиатской части России, что обусловлено и "логистическими" соображениями, и историческими связями. МГИМО, конечно, взаимодействует с партнерами из стран Азии. В МГИМО есть кафедра востоковедения, которую возглавляет Д.В. Стрельцов, Центр АСЕАН (директор Е.В. Колдунова), Центр Китая, Восточной Азии и ШОС (директор А.В. Лукин), изучаются восточные языки. МГИМО заключил соглашения с рядом азиатских университетов и исследовательских центров. Надо сказать, что восточная проблематика не ограничивается азиатским регионом, а понимается шире, включая Ближний Восток, Африку, Латинскую Америку. В МГИМО есть также соответствующие кафедры и структуры. Преподаватели и исследователи МГИМО, разумеется, сотрудничают со своими зарубежными коллегами.

Сегодня много говорят о цифровизации, о том, что новые когнитивные технологии, в частности, искусственного интеллекта, должны кардинально изменить облик науки и образования. Очарование ИИ проистекает также из веры в то, что его внедрение окажет радикальное воздействие на широкий спектр секторов, от здравоохранения и транспорта до обороны, разработки оружия и кибербезопасности. По мере того, как государства пытаются приобрести эту новую технологию, ученые начали думать о ее последствиях для международных отношений. В то время как некоторые надеются, что ИИ может содействовать прогрессу в области глобального здравоохранения и облегчению торговли, другие более пессимистичны, предупреждая об эскалации конфликтов и эрозии демократических норм. Не преувеличены ли эти ожидания? Насколько заметен эффект от технологических инноваций в исследованиях международных отношений?

Начну с ответа на вопрос об ожиданиях. Ожидания не только не преувеличены, но, как мне представляется, недооценены. Что я имею в виду? Изначально современные технологии вошли в повседневную жизнь, прежде всего, благодаря интернету. Информационные и коммуникационные технологии многократно увеличили прозрачность национальных границ еще в конце прошлого века [19]. В результате эти технологии, по выражению Дж. Розенау, "спустили с поводка" процессы глобализации в мире.

Современные технологии сегодня охватывают целый спектр сфер. Это не только информационные и коммуникационные технологии, но и интернет вещей, искусственный интеллект, биотехнологии, когнитивные технологии, робототехника, большие данные, зеленые и энергосберегающие технологии и др. В XXI веке цифровые технологии стали перестраивать все сферы, связанные с мировой политикой. Например, использование беспилотных летатель-

ных аппаратов значительно изменило характер ведения боевых действий, причем, это отмечалось еще на примере миротворческих сил в Африке в 2017 г. [5], что, безусловно, по-новому поставило вопрос об обеспечении международной безопасности.

В настоящее время опубликовано множество работ по использованию современных технологий в отдельных отраслях – образовании, здравоохранении, торговле, производстве и т.п. Можно привести целый ряд исследований (причём совершенно различных по своим методологическим и теоретическим позициям), в которых показано, что изменения в экономике и технологиях ведут к перестройке политических отношений. Приведу лишь два примера. Первый пример – марксизм, в рамках которого получила развитие идея об определяющей роли базиса по отношению к надстройке. Политическая организация мира как раз и является такой надстройкой, если говорить в терминах марксизма. Так, Ф. Энгельс писал: "...согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом в конечном счете является производство и воспроизводство действительной жизни... Экономическое положение – это базис, но на ход исторической борьбы также оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно форму ее различные моменты надстройки..." [14, с. 394]. Второй пример – высказывание Ф. Фукуямы, который заметил, что развитие капитализма и формирование веберовского государства во многом было обусловлено развитием промышленного прогресса [17].

Наиболее ярко о новом технологическом повороте в современном мире заявил К. Шваб. К. Шваб обращает внимание на то, что технологии все более будут наделять граждан полномочиями [13, с. 56]. Это означает, с одной стороны, процессы дальнейшей демократизации на уровне национальных государств, с другой – возможности активизации террористических и преступных организаций. К. Шваб также предупреждает, что "гиперсвязанность мира в условиях растущего неравенства может привести к усилению фрагментации, сегрегации и социальных волнений, которые в свою очередь создадут ситуацию для развития насильственного экстремизма" [13, с. 65]. При этом необходимо иметь в виду, что доступ к новым технологиям и к их развитию не одинаков в разных частях земного шара, что усиливает неравномерность мирового развития.

В целом, очевидно, что современные технологии имеют как позитивные, так и негативные последствия. Однако основной вопрос заключается не в этом, а в том, как будет перестраиваться мир, прежде всего, политическая организация мира благодаря этим технологиям? Пока ответа на этот вопрос нет. Мы еще не понимаем, как мировая политика будет функционировать в целом в новых условиях. Есть основания только полагать, что политическая организация мира кардинальным образом изменится. Скорее всего, именно сетевые отношения будут выстраиваться между акторами, и на их основе будут формироваться узловые центры.

В России продолжается процесс реформирования системы управления национальной наукой. Одним из направлений реформ стало создание российской системы оценки результативности научной деятельности (ОРНД). Каковы, по вашему мнению, главные задачи преобразований в этой области?

Оценка научной деятельности довольно сложна, особенно, если исследователь предлагает нечто совершенно новое. Разным учёным приписывается высказывание о том, что истина проходит три стадии: сначала – этого не может быть, затем – в этом что-то есть, наконец – кто же этого не знает. Понятно, что оценка эффективности деятельности исследователя будет зависеть от того, на какой из этих стадий эта оценка осуществляется. И, тем не менее, иметь представление о результативности научной деятельности все же надо. Одним из параметров здесь выступают наукометрические показатели. Осенью 2023 г. Министерство образования и науки РФ издало Приказ, в котором представлена Методика оценки показателей научной деятельности молодых ученых [9]. Несмотря на то, что речь в нём идёт о молодых учёных, вопрос стоит шире – оценка эффективности научной деятельности вообще. Мне сложно оценить адекватность математического аппарата, предложенного в Методике. Что касается содержательных параметров, то, конечно, важна публикаци-

онная активность исследователей. Единственное, что, если ранее мы делали значительный акцент на интеграцию в мировую науку и, соответственно публикации в журналах, включенных в международные базы данных, то теперь – прямо противоположная тенденция, а именно, учёт лишь российских изданий. При всей сложности публикации за рубежом отечественных работ, особенно в социальных науках, вряд ли стоит российским авторам от зарубежных журналов и монографий отказываться. К тому же, есть журналы в странах Азии, Африки, Латинской Америки, впрочем, как и в России, включенные в международные базы данных.

Литература

1. "Всё съели Шольц и Зеленский". Германия восстала против правительства. В ФРГ усилились протесты фермеров против сокращения субсидий на топливо // Сайт РИА новости. 12.01.2024. URL: <https://ria.ru/20240112/germaniya-1920777802.html?in=t> (дата обращения: 01.02.2024).
2. Абдулбарова Ю. Производство микрочипов: крупнейшие компании, мировые рынки, тенденции в 2022 году // Сайт linDEAL – информационной цифровой платформы актуальных новостей и экспертных материалов. URL: <https://lindeal.com/trends/proizvodstvo-mikrochipov-krupnejshie-kompanii-mirovye-gynki-tendencii-v-2022-godu> (дата обращения: 01.02.2024).
3. Взяли в осаду. Европа вынуждена принять непростое решение. Французские фермеры осудили насаждаемые правительством экологические меры // Сайт РИА новости. 01.02. 2024. URL: <https://ria.ru/20240201/evropa-1924638112.html> (дата обращения: 01.02.2024).
4. Гаджиев К.С. О фрагментации миропорядка в эпоху глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 8. С. 102–112.
5. Доклад Специального комитета по операциям по поддержанию мира A/71/19, П. 46. Генеральная Ассамблея ООН. Основная сессия 2017 года (Нью-Йорк, 21 февраля – 17 марта 2017 года). URL: https://digitallibrary.un.org/record/1290750/files/A_71_19-RU.pdf (дата обращения: 01.02.2024).
6. Киссинджер Г. Мировой порядок. М.: АСТ. 2015. 540 с.
7. Лебедева М.М. Система политической организации мира: "Идеальный шторм" // Вестник МГИМО – университета. 2016. № 2. С. 125–133.
8. Лебедева М.М. Современные мегатренды мировой политики // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т.63. № 9. С. 29–37. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-9-29-37>
9. Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 11 сентября 2023 г. № 887 "Об утверждении Методики оценки результативности научной деятельности молодых ученых научных организаций и образовательных организаций высшего образования". URL: https://minobrnauki.gov.ru/upload/2023/10/Приказ_№_887_от_11.09.2023_g._pdf (дата обращения: 01.02.2024).
10. Фененко А. Мировой порядок как теоретико-методологическая категория // Международные процессы. 2023. Т. 21. № 1. С. 6–42.
11. Цыганков А. П. Эпоха полураспада: от миропорядка к миропереходу // Россия в глобальной политике. 2019. Т. 17. № 2. С. 20–31.
12. Что происходит в Техасе и могут ли события на мексиканской границе стать началом распада США. 29 января 2024 г. // Сайт РИАМО. URL: <https://riamo.ru/article/707615/chto-proishodit-v-tehase-i-mogut-li-sobytiya-na-meksikanskoj-granitse-stat-nachalom-raspada-ssha> (дата обращения: 01.02.2024).
13. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 229 с.
14. Энгельс Ф. Письмо к Йозефу Блоху в Кёнигсберг. Лондон, 21 [–22] сентября 1890 г. // Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса изд. 2. Т 37. С. 393–397.
15. Acharya A., Buzan B. Conclusion: On the Possibility of a non-Western International Relations Theory // Non-Western International Relations Theory: Perspectives On and Beyond Asia / Ed. by A. Acharya and B. Buzan. N.Y.: Routledge, 2010. P. 221–237.
16. Blackwill R. D., Wright T. The End of World Order and American Foreign Policy / Council on Foreign Relations. 2020. Vol. 86. 43 p.
17. Fukuyama F. Second Thoughts. The Last Man in a Bottle // The National Interest. 1999. Summer. P. 16–33. URL: <https://vdocuments.mx/second-thought-the-last-man-in-a-bottle.html> (дата обращения: 01.02.2024).
18. Huntington S. P. Democracy's Third Wave // The Journal of Democracy. 1991. No. 2. P. 12–34.
19. Katzenstein P.J., Keohane R.J., Krasner St.D. International Organization and the Study of World Politics // International Organization. 1998. Vol. 52. No. 4. P. 645–686.
20. Slaughter A.-M. A New World Order. Princeton: Princeton University Press. 2004. 368 p.

References

1. "Scholz and Zelensky ate everything1". Germany rebelled against the government. Farmers' protests against the reduction of fuel subsidies have intensified in Germany // RIA Novosti website. 12.01.2024. URL: <https://ria.ru/20240112/germaniya-1920777802.html?in=> (accessed 01.02.2024). (In Russ.).
2. Abdulbarova Yu. Microchip production: the largest companies, world markets, trends in 2022 // Website of linDEAL – a digital information platform for current news and expert materials. <https://lindeal.com/trends/proizvodstvo-mikrochipoov-krupnejshie-kompanii-mirovye-rynki-tendencii-v-2022-godu> (accessed 01.02.2024). (In Russ.).
3. Placed under siege. Europe is forced to make a difficult decision. French farmers condemned the environmental measures imposed by the government // RIA Novosti website. 01.02.2024. URL: <https://ria.ru/20240201/evropa-1924638112.html> (accessed 01.02.2024). (In Russ.).
4. Gadzhiev K.S. On the fragmentation of the world order in the era of globalization // World economy and international relations. 2019. Vol. 63. No. 8. P. 102–112. (In Russ.).
5. Report of the Special Committee on Peacekeeping Operations A/71/19, Item 46. The UN General Assembly. The 2017 substantive session (New York, February 21 – March 17, 2017). URL: https://digitallibrary.un.org/record/1290750/files/A_71_19-RU.pdf (accessed 01.02.2024). (In Russ.).
6. Kissinger G. World Order. Moscow: AST. 2015. 540 p. (In Russ.).
7. Lebedeva M.M. The system of political organization of the world: "An ideal storm" // Bulletin of MGIMO University. 2016. No. 2. P. 125–133.
8. Lebedeva M.M. Modern megatrends of world politics // The world economy and international relations. 2019. Vol.63. No. 9. P. 29–37. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-9-29-37> (In Russ.).
9. Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated September 11, 2023 No. 887 "On approval of the Methodology for evaluating the effectiveness of scientific activities of young scientists of scientific organizations and educational institutions of higher education". URL: https://minobrnauki.gov.ru/upload/2023/10/Приказ_№_887_от_11.09.2023г..pdf (accessed 01.02.2024). (In Russ.).
10. Fenenko A. World order as a theoretical and methodological category // International processes. 2023. Vol. 21. No. 1. P. 6–42. (In Russ.).
11. Tsygankov A. P. The epoch of half-life: from the world order to the world transition // Russia in global politics. 2019. Vol. 17. No. 2. P. 20–31. (In Russ.).
12. What is happening in Texas and whether events on the Mexican border could be the beginning of the collapse of the United States. January 29, 2024 // RIAMO website. URL: <https://riamo.ru/article/707615/chto-proishodit-v-tehase-i-mogut-li-sobytiya-na-meksikanskoj-granitse-stat-nachalom-raspad-ssha> (accessed 01.02.2024). (In Russ.).
13. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. Moscow: Eksmo, 2016. 229 p. (In Russ.).
14. Engels F. A letter to Joseph Bloch in Königsberg. London, September 21 [-22], 1890 // The writings of K. Marx and F. Engels. 2 ed. Vol. 37. P. 393–397. (In Russ.).
15. Acharya A., Buzan B. Conclusion: On the Possibility of a non-Western International Relations Theory // Non-Western International Relations Theory: Perspectives On and Beyond Asia / Ed. by A. Acharya and B. Buzan. N.Y.: Routledge, 2010. P. 221–237.
16. Blackwill R. D., Wright T. The End of World Order and American Foreign Policy / Council on Foreign Relations. 2020. Vol. 86. 43 p.
17. Fukuyama F. Second Thoughts. The Last Man in a Bottle // The National Interest. 1999. Summer. P. 16–33. URL: <https://vdocuments.mx/second-thought-the-last-man-in-a-bottle.html> (accessed 01.02.2024).
18. Huntington S. P. Democracy's Third Wave // The Journal of Democracy. 1991. No. 2. P. 12–34.
19. Katzenstein P.J., Keohane R.J., Krasner St.D. International Organization and the Study of World Politics // International Organization. 1998. V. 52. No. 4. P. 645–686.
20. Slaughter A.-M. A New World Order. Princeton: Princeton University Press. 2004. 368 p.

Информация об авторе

Марина Михайловна Лебедева, д-р полит. наук, канд. психол. наук, заведующий кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России, Москва, Россия, e-mail: mmlebedeva@gmail.com

Information about the author

Marina M. Lebedeva, Doctor of Political Sciences, Candidate of Psychology, Head of Department of World Political Processes, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia, e-mail: mmlebedeva@gmail.com

Научная статья
УДК 623.1/3(571.6)
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/57-68>

Фортификация и внутренняя планировка Екатерининского городища – памятника чжурчжэньской культуры государства Восточное Ся (1215–1233 гг.)

Татьяна Афанасьевна Васильева
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия, vasiljeva_ta@bk.ru

Аннотация. Исследования горных городищ Приморья XIII в. дают возможность подойти к решению вопросов, связанных со строительством, планировкой, назначением этих городов. В статье приводятся материалы из раскопок Екатерининского городища – одного из памятников этого периода. Впервые в научный оборот вводятся данные, связанные с фортификацией и планировкой данной крепости. Это подтверждает сведения о том, что города Восточного Ся строились по определенным правилам, которые должны были обеспечивать оборону и защиту города от врагов и позволяли городскому населению жить не только во время войны, но и в мирный период. Полученные материалы дают основание выявить назначение Екатерининского городища как города-крепости – муокэ.

Ключевые слова: чжурчжэни, государство Восточное Ся, города, планиграфия, Внутренние города, жилища

Для цитирования: Васильева Т. А. Фортификация и внутренняя планировка Екатерининского городища – памятника чжурчжэньской культуры государства Восточное Ся (1215–1233 гг.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 1. С. 57–68. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/57-68>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/57-68>

Fortification and internal layout of the Ekaterinovskoe walled town – a monument of the Jurchen culture of the Eastern Xia state (1215–1233)

Tatyana A. Vasilyeva
Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch
of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, vasiljeva_ta@bk.ru

Abstract. Research of walled townes of Primorye in the 13th century provide an opportunity to approach issues related to the construction, planning, and purpose of these cities. The article presents materials from excavations of the Ekaterinovskoe walled town, one of the monuments of this period. For the first time, data related to the fortification and layout of this fortress is being introduced into scientific circulation. This confirms the information that the cities of the Eastern Xia period were built according to certain rules, which were supposed to ensure the defense and protection of the city from enemies and allowed the urban population to live not only during war, but also during peace. The obtained materials give grounds to reveal the purpose of the Ekaterinovskoe walled town as a fortified city – mouke.

Key words: Jurchen, state of Eastern Xia, cities, planigraphy, Inner Cities, dwellings

For citation: Vasilyeva T. A. Fortification and internal layout of the Ekaterinovskoe walled town – a monument of the Jurchen culture of the Eastern Xia state (1215–1233) // Ojkumena. Regional researches. 2024. No. 1. P. 57–68. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/57-68>

Начало XIII в. стало губительным для чжурчжэньского государства Цзинь из-за постоянных войн с монголами и восстаний в самом государстве. Непрестанные угрозы вынудили военачальника Пусянь Ваньну со своим войском совершить переход на восток до современного Приморья и объявить о создании в 1215 г. нового чжурчжэньского государства Восточное Ся (Дун Ся) [2, с. 544, 561]. Образованные владения наследовали не только цзиньские земли, но и государственное устройство, систему иерархии. С этим временем на территории современного Приморья связан расцвет градостроительства, экономической жизни, торговли. На государственной земле возводились многочисленные горные городища, строительство которых было обязательной частью казенных общественных работ, благодаря чему обеспечивалась оборона, а также производство, транспортировка, хранение и распределение важнейших материалов и продуктов [12, с. 80–81]. На города-крепости возлагались военно-оборонительные, административные, экономические и культурные задачи [12, с. 15]. Горные городища чжурчжэньского времени в Приморье были способны противостоять натиску как внешнего врага, так и соседей. Строились они с учетом собственного опыта и умений предшественников в их возведении, а также использовались знания и навыки в сооружении горных горо-

дищ, расположенных рядом и схожих по рельефу местностях Когурё и Корё [3, с. 57]. Тщательно подбиралось место расположения крепости. Предпочтение отдавалось возвышенностям с тремя труднодоступными сторонами и выходом в долину. Все это окружалось крепостной стеной. Внутри должно присутствовать ущелье или распадок, где могли скрываться защитники крепости. Также в укреплении были необходимы источники пресной воды в случае осады.

Форма и фортификационные сооружения горных городищ Приморья целиком зависели от рельефа местности, выбранной для строительства. Как отмечается в истории государства Цзинь – "Цзинь-ши", избрав хорошие места, на них заводили военное поселение и, расселив отряды, производили посевы, охраняли поселения [9, с. 209]. Институт военных поселений (мэньань и моукэ) у чжурчжэней известен со времени образования государства Цзинь. В разное время они наделялись неодинаковыми полномочиями, но с комплексом неразделенных функций: общественной, экономической, военной [6, с. 55–57]. Данная структура была приспособлена к постоянному полувойсному функционированию. Эти коллективы обеспечивали себя всем необходимым и не забывали про военную тренировку. Немаловажным фактором было и то, что они получали от правительства казенные наделы на льготных условиях, тягловый скот и сельскохозяйственный инвентарь [6, с. 130]. Взамен землевладельцы выступали единственной массовой опорой власти. Была определена численность состава военных поселений – не менее 300 дворов [7, с. 81]. Но их количество также могло меняться. Для нормального функционирования города, который находился на самообеспечении, необходимо было, чтобы хозяйственная деятельность его населения носила комплексный характер и была приспособлена к потребностям как в мирной жизни, так и во время военных действий.

Экономическая стабильность предполагала неизбежность социальную – монолитность мэньань и моукэ, диктуемую обычаями и регламентацией, их боеспособность в военных и жизнеспособность – в мирных условиях [6, с. 136].

Екатерининское городище – один из интереснейших и достаточно хорошо изученных чжурчжэньских памятников (XIII в.) на территории Приморья. Оно возникло и существовало в этот период и должно было, как и многочисленные города-крепости, выполнять военно-оборонительную задачу, которая стояла перед военно-земледельческими поселениями типа моукэ.

Екатерининское городище находилось в бассейне р. Партизанской (р. Сучан) на оконечности южного отрога Ливадийского хребта, занимая открытый к востоку чашевидный склон сопки, разделенный распадком на две части, который спускается к широкой плодородной долине. Самая высокая его точка находится в юго-западной части на вершине сопки. По гребню сопки возведен мощный оборонительный вал протяженностью более 2,2 км. Он огораживает участок неправильной формы, повторяющий рельеф местности размерами в среднем 625 м с севера на юг и 718 м с востока на запад и площадью около 27 га (рис. 1). Высота крепостного вала в разных местах различна. В восточной части городища, где он проходит по пологому склону сопки, высота его более 4 метров. Незначительно он снижается в юго-восточной части и в месте поворота вал укреплен дополнительной насыпью с разрывом перед башней. В местах, где вал насыпан по краю крутых, почти отвесных склонов сопки со скальными выходами в южной части, его высота не превышает 0,5 метра. А в юго-западной оконечности, где по относительно пологому склону и далее по ложбине можно перейти на соседнюю гряду сопки, основной вал имеет высоту до 1 м и его внешняя поверхность обложена известняковыми гальками и кусками сланца. Помимо этого он укреплен двумя дополнительными невысокими валами со рвами между ними. Глубина рвов от гребня до низа – до 1 м. Ширина этой преграды 15-20 м. В 80 м от угловой башни к северу в основной насыпи сделан разрыв и к нему ведет перемычка через эти дополнительные валы и рвы. Таким способом был обустроен выход из города с юго-запада. Подходя к угловой башне, рвы огибают её и, поворачивая к югу, теряются. Примерно в 30 м от этой башни к юго-западу прослежен отсекающий ров, он служил дополнительной преградой, перекрывающей гребень сопки, по которому можно перейти на другой хребет и далее в долину, ведущую к г. Чандолаз, где находится ещё одно горное городище – Васильевское. Подобные преграды фиксируются на многих чжурчжэньских памятниках в Приморье [4, с. 42].

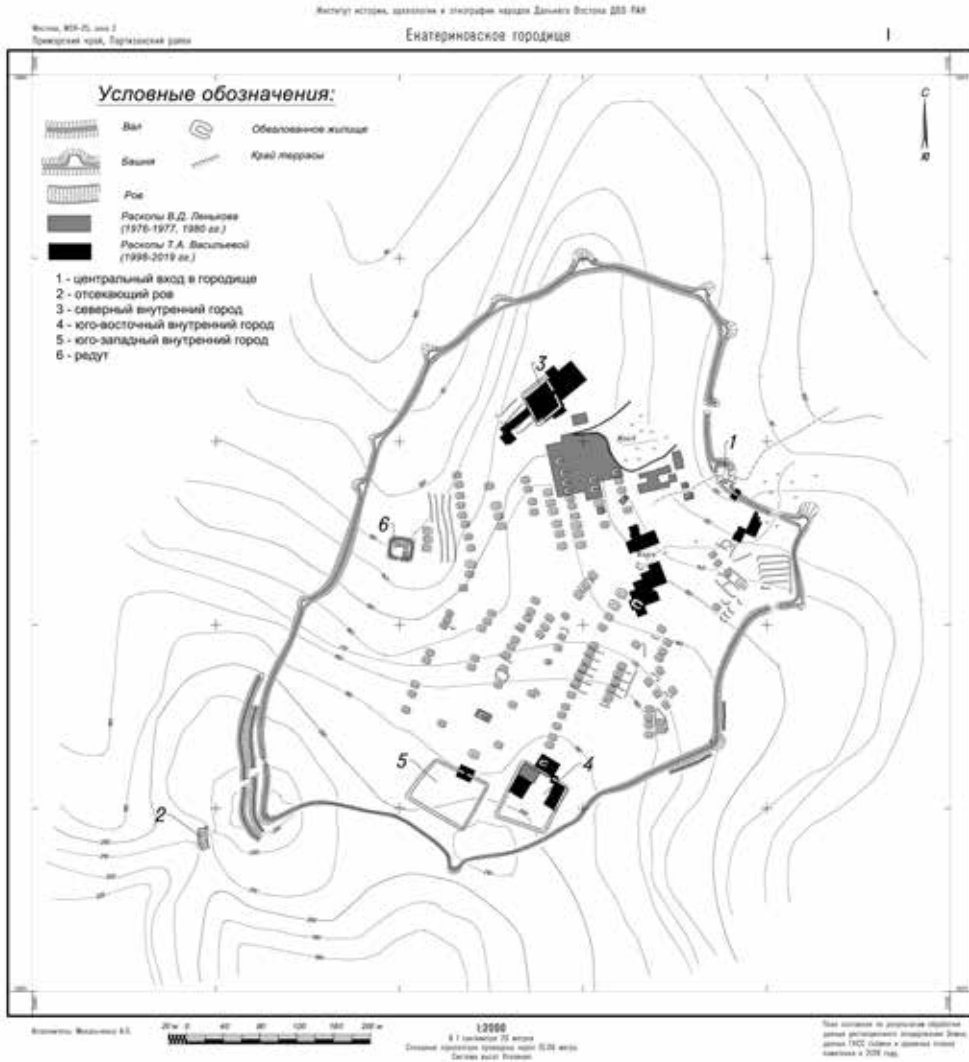

Рис. 1. План Екатериновского городища.

Fig. 1. Plan of the Ekaterinovskoe walled town.

Источник: составлено автором на основе результатов обработки данных дистанционного зондирования Земли, данных ГНСС съёмки и архивных планов памятника в 2019 г. исполненных А.П. Мельниченко.

Source: compiled by the author based on the results of the processing of the remote sensing of the Earth, the data of the GNSS of the shooting and archival plans of the monument in 2019 by A.P. Melnichenko.

Внутри городища под угловой башней из камней насыпана платформа размерами 20 x 10 м высотой до 0,5 м, на которой могло размещаться каменное орудие. Здесь же находились ядра и камни, которые при необходимости можно было использовать в качестве снарядов для катапульты.

Высота валов в северо-западной оконечности и с севера, несмотря на крутые склоны сопки, спускающиеся в долину ключа Тигрового, составляла 2-3 м.

По всему валу хорошо просматриваются остатки 14 земляных башен и башенных выступов, которые сооружены для усиления обороноспособности города. Их располагали по углам и по фронту с наружной стороны стен на расстоянии 30-80 м друг от друга и у ворот [6, с. 208]. Причем в восточной части городища, где склон был пологий, крепостная стена насыпалась с изгибом с выступающим углом поворота. Таким способом обеспечивался хороший обзор

и простреливаемость склонов на подступах к валу. На башнях также могли быть установлены камнететные машины. Верхняя площадка некоторых башен с северо-запада увеличена за счет насыпи с внутренней стороны вала. Скопления каменных ядер помимо юго-западной угловой башни находились между редутом и валом в северо-западной части городища. Нередки находки ядер в остатках жилищ и хозяйственных дворах на всех исследованных участках. Помимо этого некоторые башни могли быть наблюдательными сторожевыми пунктами.

Центральный вход в городище, укрепленный дугообразным захабом, находился с восточной стороны в самом низком месте распадка. Защитный вал образует камеру, её длина 22 м, ширина 10 м. Из городища вниз к долине р. Ольги (правого притока р. Партизанская) идет древняя дорога шириной 1,5 – 2 м, которая и сейчас не заросла деревьями. К сожалению, внутренняя камера входа в город разрушена. Из городища тяжелой техникой вывозили лес и по оставшейся колее, во время тайфунов и циклонов, поток воды смыл культурный слой и промыл овраг. С восточной же стороны вала, в местах, где наблюдаются неглубокие ложбины, в 80 м от центральных ворот к северу и югу сделаны два разрыва в вале, которые служили для сброса воды из городища во время таяния снега и сильных ливней и были дополнительными хозяйственными воротами – шлюзами. Сюда же стекает вода из двух родников, расположенных справа и слева от центральных ворот. Еще один разрыв в крепостной стене сделан с юго-восточной стороны в изгибе вала за второй башней и ведет в соседний распадок. Это были пятые ворота городища. Необходимость в такой мощной и продуманной фортификационной системе диктовалась политикой государства и отношениями с соседями. Эта сложная система защитных сооружений серьезно затрудняла захват города.

Чтобы выяснить способ сооружения оборонительного вала, в 15 м к юго-востоку от южной оконечности центральных ворот городища был сделан его разрез (рис. 1, 2). Перепад высоты с внешней стороны земляной насыпи составляет 6,09 м, а с внутренней – 3,44 м. Протяженность склона внешней стороны вала 11 м, а насыпи вала с внешней и внутренней сторон по 7 м. Возводился он на склоне сопки. Предварительно из очень вязкой желтой глины со щебенкой и крупными камнями формовалось основание. Его ширина 14,5 м. Подушка вала хорошо утрамбована, её мощность в центральной части 0,42-0,4 м, к краям она сходит на нет. На эту платформу насыпался довольно вязкий утрамбованный слой гумусированного суглинка со щебенкой и камнями мощностью тоже до 0,42 – 0,4 м, истончающийся к краям. Сверху – ещё один слой желтой щебенки с суглинком толщиной 0,4 м, перекрывающий слой гумусированной щебенки. Все три слоя были хорошо утрамбованы, плотные, вязкие. Далее, чередуясь между собой, шли десять слоёв гумусированного суглинка со щебенкой (черный) и желтой щебенки с суглинком толщиной от 0,1 до 0,3 м. По краям эти слои истончаются и опускаются, в то время как в центральной части они строго горизонтальны. Вверху под дерном – слой темного суглинка с камешками мощностью 0,2 м по гребню вала и исчезающий по краям. То есть вал насыпан способом чередования слоев, так называемой техникой ханту. На месте разреза его высота от вершины до материка составляет 3,4 м.

В местах прохождения вала у выходов на дневную поверхность городища скальников (юго-западная, северо-западная часть города) поверхность вала покрыта камнями.

Подобная картина возведения валов на чжурчжэньских памятниках Приморья известна по материалам исследований Шайгинского, Ананьевского, Краснояровского городищ [13, с. 8–12]. Имеющийся археологический и летописный материал позволяет исследователям утверждать, что существовал единый принцип возведения оборонительных сооружений практически на всей северо-восточной части чжурчжэньской империи. Как пишет М.В. Воробьев: "...при закладке вала после возведения фундамента забивали сваи на месте предполагаемой стены и сколачивали деревянный каркас. Глину, замешанную со щебнем, засыпали в каркас и утрамбовывали, затем сыпали слой чистой земли, переставляли каркас выше, и все начинали сначала" [6, с. 209].

На Екатеринбургском городище нет дополнительных внешних оборонительных сооружений типа реданов.

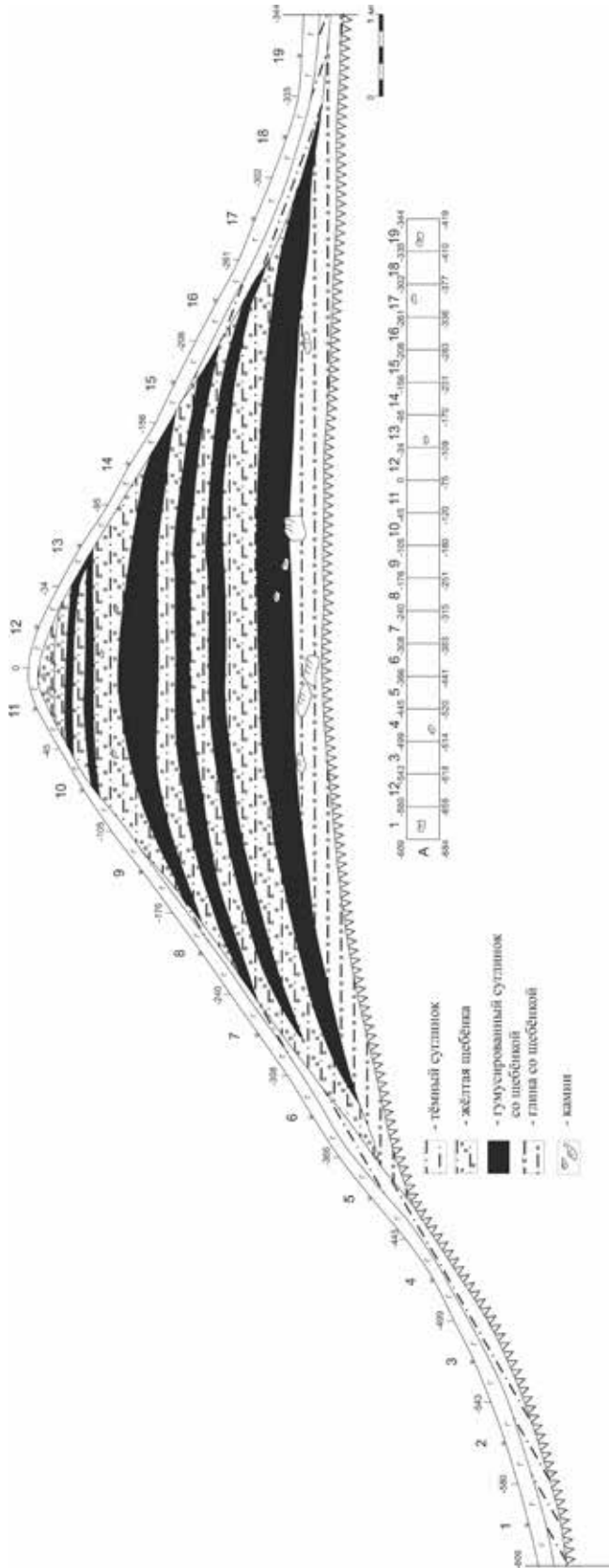

Рис. 2. Разрез вала Екатеринбургского городища.
 Fig. 2. Section of the rampart of the Ekaterinovskoe settlement.
 Источник: составлено автором.
 Source: compiled by the author.

Мощные крепостные стены и продуманные фортификационные сооружения должны были защищать войска, население и город от нападений противника и сделать его практически неприступным. Конструкция защитных валов обеспечивала как достаточную прочность, так и исключение возможности прохода врага через эти стены.

Чжурчжэньский город строился по строгим правилам и планам, выработанным предшественниками и соседями с учетом особенностей места нового поселения и предписаний по организации внутреннего пространства сообразно тогдашним законам градостроительства. У него не было единого центра, вокруг которого возводилась городская застройка. Планировка города допускала несколько пунктов – общественных мест или сооружений, определяющих расположение жилых кварталов и хозяйственных построек, административных и иных зданий. Таким традиционным элементом организации пространства для горных городищ чжурчжэньского времени были Внутренние города, которые выделяются не только своими формой и площадью, но прежде всего функциями и окружением.

На Екатеринбургском городище три Внутренних города. В северо-восточной части городища находился неправильной формы четырехугольный участок размерами 33-35 x 39-41 = 1360 кв. м, окруженный невысоким (до 0,5-1 м) земляным валом и ориентированный стенами по сторонам света. Вход был с южной и восточной сторон и выглядел как разрыв в вале. К южным воротам от расположенных в распадке жилищ поднимается дорога. Ворота были оформлены, скорее всего, аркой под четырехскатной черепичной крышей. Внутри насыпаны шесть искусственных земляных платформ. Перед восточным входом над дренажной канавой – мостик из крупных камней. Всю центральную часть внутреннего города занимала насыпная хорошо утрамбованная площадка размерами 19 x 19 м, которая подходила к главенствующей здесь искусственной платформе с остатками жилища. Это пространство вполне могло быть местом, где принимали посланников из центра или собирали горожан для оглашения распоряжений и указов.

В северном и южном углах внутреннего города находились прямоугольные в плане наземные жилища площадью по 80 кв. м. Каждое отапливалось тремя автономными каналами. Скорее всего, жилища такой площади и с раздельными лежанками служили казармами или местом для временного поселения представителей государственной власти либо иногородних посетителей. В жилищах внутреннего города нет никаких хозяйственных приспособлений (ямы, ступы), почти нет бытовых вещей. Зато есть керамическая тушечница в форме параллелепипеда, три железных цепи от 3 до 3,4 м длиной, причем одна с замком и 15 сосудов цилиндрической формы, у которых на верхней плоской горизонтальной поверхности может быть чашечка или отверстия и которые использовались как подставки или сервировочные столики. Чаще всего их находят не в обычных жилищах рядовых горожан.

Определенная изолированность и защищенность, достигнутая невысоким валом, также относительная близость к центральным воротам и конструктивные особенности построек, своеобразие материала, полученного при исследовании северного внутреннего города, – все говорит о том, что тут располагались административные учреждения. Здесь чиновники, являющиеся представителями государственной власти и наделенные соответствующими полномочиями, занимались вопросами, связанными с организацией повседневной жизни города, его благоустройством, снабжением. Подобное назначение северного внутреннего города известно в средневековом Китае, ближайшем соседе чжурчжэней [12, с. 18, 98].

К юго-западному отрезку вала внутреннего города примыкают пять узких длинных (до 40 – 45 м) искусственных террас, вытянутых с востока на запад и укрепленных каменной кладкой с севера и юга, которая видна на дневной поверхности. Как правило, в чжурчжэньских городах на террасах, расположенных рядом с северным внутренним городом, находились государственные амбары или складские помещения.

В северо-западной, возвышенной части городища, находился ещё один огороженный участок – редут, укрепленный мощным земляным валом высотой до 2 м с выходом с южной стороны. Его размеры 20 x 20 м, он ориентирован по сторонам света стенами. Защита этого участка выглядит намного

внушительнее вала северного внутреннего города. Внутри прослеживаются три обвалованные западины, которые, к сожалению, вскрыты браконьерами. Такие усадьбы, с подобной планировкой, характерны для многих городищ чжурчжэньского времени в Приморье [14, с. 64, 66; 11, с. 26–27] и были, скорее всего, ставками военачальника или коменданта крепости. К востоку и северо-востоку от усадьбы-редута находились длинные искусственные террасы. Подобные же площадки находились в северо-восточном углу городища и к юго-востоку от центральных ворот.

Еще два выгороженных участка – внутренних города Екатеринбургского городища – находились в его южной части на склоне сопки на расстоянии 20 м друг от друга рядом с юго-западным отрезком внешнего вала. В плане это также неправильной формы четырехугольники, окруженные невысоким (до 1 м) валом, который сооружался более простым способом, чем внешний вал. На месте его создания насыпалась платформа из супеси, пропитанная глинистым раствором мощностью до 0,3 м. В этот слой уложены камни. После высыхания полученная основа становилась прочной. Следующим слоем насыпался серо-коричневый суглинок мощностью 0,2 м и над ним – светло-коричневый суглинок мощностью 0,44 м на гребне вала и доходящий до 0,14 – 0,18 м на склоне. Ориентированы внутренние города углами по сторонам света. Размеры юго-восточного – 51 x 55 x 49 x 68 = 3075 кв. м. На его территории хорошо видны искусственные террасовидные площадки, три из которых исследованы.

Вход в оба города находился с северо-восточной стороны. В юго-восточном внутреннем городе разрыв в вале был обложен и укреплен камнями, часть из которых представляла вертикально стоящие плиты высотой от 0,42 до 0,51 м. Служили они, скорее всего, основанием или для укрепления деревянных конструкций ворот. Об этом говорят находки здесь крупных железных гвоздей с согнутыми шляпками и обломка железного штыря. В проеме находилось несколько плоских камней, которыми, вероятно, был вымощен вход, его ширина 3,6 м.

Поскольку внутренний город находился на склоне сопки, и самая низкая его часть расположена в северном углу, то для строительства здания была сооружена искусственная платформа из известняковых глыб и желто-серого суглинка с дресвой и щебенкой. Мощность подсыпки достигала 1,8 – 1,5 м. Края террасы укреплены кладкой из необработанных каменных плит и на ней были обнаружены остатки здания колоннадной конструкции № 1. Вся платформа покрыта ошлакованной до стеклообразного состояния обмазкой, выступающей на дневной поверхности. Под ней обнаружены четыре ряда каменных баз по 11 в каждом ряду. Только в центральной части площадки вместо четырех баз зачищены ямки от опорных столбов. Они предназначались для установки на них деревянных колонн, которые поддерживали, как правило, черепичную крышу. Размеры основания конструкции 7,5 x 18 м = 135 кв. м. В северо-восточной и юго-западной части строения находились открытые обогревательные печи в форме "замочной скважины", которые были образованы наклонными гранями мощных известняковых плит. Поскольку печи были открытыми, без вытяжной трубы, можно предположить, что здание должно быть павильонного типа, без сплошных стен в верхней части. Вход в здание находился с юго-восточной продольной стороны. В соседнем средневековом Китае следовали правилам единого стиля китайской архитектуры, сложившимися в древности и дожившими с небольшими изменениями вплоть до конца XIX в. [8, с. 347]. Чжурчжэни, завоевавшие северную часть территории Сунской империи, конечно же, были знакомы с достижениями соседей в области архитектуры и градостроительства и пользовались ими, добавляя свои традиционные элементы и детали. Здесь был стандартный тип постройки – одноэтажный павильон, прямоугольный в плане, сооруженный на каменной платформе, с открытой галереей вокруг здания или со стороны главного входа. В таких постройках колонны крепились балками, промежутки внизу заполнялись деревянными панелями, а сверху – деревянными решетками.

К северо-востоку в 17 м от здания колоннадной конструкции № 1 в восточном углу внутреннего города находилось здание № 2 подобной же конструкции. Оно также возведено на насыпной площадке высотой до 0,2-0,3 м, которая укреплена каменной кладкой по периметру. От вала платформа отделена ровиком-ливневкой. На возвышении зачищены три ряда каменных баз

по пять в каждом ряду. Размер основания строения $9,75 \times 5,6 = 54,6$ кв.м. Вход находился с продольной северо-западной стороны в сторону первого здания. Крыша, вероятно, была двускатная с поднимающимися кверху углами, которые поддерживались колоннами выносной галереи, установленными в ямки, выкопанные перед зданием. Эти летящие карнизы создавали дополнительную защиту от дождя и позволяли пользоваться естественным освещением внутри помещения [8, с. 349].

Как правило, крыша зданий колоннадной конструкции должна быть покрыта черепицей, но на данном участке не было найдено ни одного её фрагмента. Вполне вероятно, что в качестве кровельного материала использовалась деревянная черепица (гонт) или солома (камыш). Они послужили отличным горючим материалом во время пожара, когда глиняная обмазка, которая была видна на дневной поверхности, расплавилась до стеклообразного состояния.

К юго-западу от здания № 2, за задней его стеной, также на насыпной платформе были исследованы остатки постройки каркасно-столбовой конструкции с двумя рядами ям от опорных столбов по четыре в каждом ряду. Размеры строения $4 \times 9 = 36$ кв.м. Вход находился также с продольной стороны в сторону здания № 1. Крыша, вероятно, тоже была из деревянных дощечек (гонта) или соломы, как и на зданиях колоннадной конструкции.

Скорее всего, эта постройка была приспособлена для хозяйственных нужд, потребность в которых всегда присутствует в административных и общественных комплексах.

Можно предположить, что юго-восточный внутренний город с архитектурным ансамблем из двух зданий колоннадной конструкции был наделен общественными функциями. Здесь могли собирать жителей города для знакомства их с очередными указами и распоряжениями из столичных ведомств, а также решать какие-то общегородские дела и даже проводить праздники и торжества. И если первое строение благодаря обогревательным печам могло использоваться круглый год, то второе служило только в теплое время года.

В 20 м к западу от юго-восточного внутреннего города у южной границы городища находится юго-западный внутренний город. Это склон сопки с участком неправильной формы тоже огорожен невысоким (до 1 м) земляным валом. Его размеры $60 \times 55 \times 66 \times 50 = 3307$ кв. м и ориентирован он также углами по сторонам света. Грунт для возведения северо-восточного участка вала брался из ям, расположенных у подошвы возводимого вала. В юго-восточной части раскопа находится яма 1 размерами $3,5 \times 4$ м и глубиной до 0,5 м.

Исследование входа в юго-западный внутренний город, который был оформлен как проход-разрыв в вале с оползшими склонами земляной насыпи, показало, что на поверхности юго-восточного участка вала лежали разрозненные камни. Часть из них сползла вниз по склону. Ширина прохода 2,8 м. Оконечность северо-западного участка вала укреплена кладкой, состоящей из крупных камней, выложенных по округлому контуру этой поверхности. Крупные камни зачищены на насыпи западного отрезка вала этого участка. На протяжении трёх метров земляная насыпь завалена беспорядочно лежащими камнями. Камни крупные, сваленные беспорядочно. Вполне возможно, что они были приготовлены для строительства какого-то сооружения на территории юго-западного Внутреннего города. Никаких следов построек не найдено. На дневной поверхности выше по склону не прослеживаются искусственные платформы, на которых возводились сооружения во внутренних городах. Вполне вероятно, что строительство в юго-западном внутреннем городе ещё не завершилось.

Вся остальная внутренняя поверхность склонов сопки внутри городища покрыта в виде ступеней обвалованными и не обвалованными террасовидными площадками различной величины, предназначенными для сооружения на них жилых и хозяйственных комплексов. При строительстве чжурчжэньских крепостей придерживались строго определенных планов и соблюдали правила градостроительства, поэтому город воплощал незабываемый земной и космический порядок [10, с. 87]. В средневековом Китае древние строители старались по возможности выстроить жилища и улицы по оси север – юг [12, с. 106]. Подобная картина прослеживается при раскопках чжурчжэньских

городищ, где четко видны упорядоченные ряды жилищ, вытянутых в улицы. Иногда ориентировка зависела от рельефа местности, выбранной для строительства, и ось север – юг могла смещаться, но основные принципы по возможности соблюдались. Такую внутреннюю планиграфию можно проследить на многих исследованных чжурчжэньских памятниках – Шайгинском городище в Партизанском районе, Ананьевском – в Надеждинском [1, с. 2; 45], Горнохуторском в Черниговском [5, с. 322]. Подобная застройка наблюдается и на Екатеринбургском городище.

Даже по прошествии почти восьми веков с момента существования Екатеринбургского городища, на дневной поверхности можно проследить следы внутренней застройки города, которые, конечно же, сообразовываясь с рельефом местности, подчинялись строгим канонам средневекового градостроительства. Остатки большинства жилищ этого памятника хорошо видны на дневной поверхности благодаря завалинке-обваловке в виде невысокого вала, окружающего стены жилища с трех сторон, прерываясь перед входом. Высота её 0,2-0,6 м, она насыпалась из коричневого суглинки со щебенкой и камнями, иногда довольно крупными. Эти завалинки хорошо просматриваются на снимках из космоса, когда ряды обвалованных жилищ, выстроенных в улицы, тянутся с небольшим склонением с севера на юг и с востока на запад.

Террасы врезаны в склон сопки и внешний край подсыпан и укреплен каменной опорной стенкой. Ряды жилищ, выстроенных в улицы, начинаются на южном склоне чуть ниже внутренних городов. Можно проследить 8 улиц, которые спускаются до нижней части распадка, и слегка изменив направление, поднимаются по склону к северному внутреннему городу. Расстояние между рядами колеблется от 10 до 20 м, между постройками внутри ряда 6-12 м. Промежуток оставлен лишь для амбара или хозяйственного двора, если они находятся на той же террасе, потому что основой организации жилищного пространства в чжурчжэньском городе был дом-усадебный двор, включающий в себя жилище и амбар или хозяйственный двор.

Хозяйственные дворы на Екатеринбургском городище в Партизанском районе были своеобразными. Свайные амбары, как на большинстве чжурчжэньских памятников, здесь отсутствуют. Но рядом с 14 жилищами из 39 исследованных, зачищены каменные кладки прямоугольной формы. Они служат основанием фундамента для хозяйственных построек, где хранили продовольственные запасы и инвентарь. Размеры их разнообразны: от 1,9 x 2,9 до 4,5 x 6,5 и даже 6 x 10 м. Они находились на одной террасе с жилищем, но сбоку от него или на площадке, расположенной ниже по склону, и тогда расстояние между рядами обвалованных жилищ увеличивается до 15-22 м. Эти террасы также тянутся рядами, но на них нет завалинки. Такое местонахождение хозяйственных построек было практически у всех жилищ в восточной части городища. Ориентированы они по сторонам света или продольными сторонами, или углами. Причем расположение хозяйственных построек относительно жилищ было однотипным для жилищ одной улицы. Материал, собранный на жилище рядом с хозяйственным двором, как правило, представляет единый комплекс (фрагменты от одного сосуда, обломки железных изделий, инструменты, характерные для занятия владельца усадьбы). В некоторых амбарах Екатеринбургского городища были обнаружены каменные ступы из базальта или туфа (раскоп 31).

В целом же комплекс жилище – хозяйственный двор чжурчжэней Приморья был приспособлен к окружающей среде и местным условиям и следовал общим устоявшимся традициям домостроения, соблюдаемым на всей территории империи, в том числе и на большей части Приморского края. При этом допускались определенные отклонения от этих правил, характерные для отдельных памятников, обусловленные причинами климатического характера (близость к морю, повышенная влажность), наличием доступного строительного материала в виде камня внутри самого города.

Упорядоченность застройки хорошо видна в центральной части города и на южном и северном склонах распадка. В северо-восточной части за жилищами, раскопанными В.Д. Ленковым в 1976 – 1980-х гг., находится заболоченный участок, в западной части которого на поверхности пробивается чистая и всегда холодная вода небольшого родника, которым, надо полагать, пользовались горожане, живущие поблизости. Это не единственный источник

воды на городище. Такой же заболоченный участок и родник есть слева от центральных ворот. Ключи, которые берут начало из этих родников, стекают в разрывы вала справа и слева от главного входа. В юго-восточной части города вдоль русла ручья на его более низком левом берегу насыпана земляная дамба, чтобы уберечь расположенные рядом жилища от разлива воды в половодье. Здесь же, на оконечности мыса, насыпана искусственная плотно утрамбованная терраса, которая была необходима горожанам в качестве свободной от построек площади. Ведь за водой к роднику не только приходили, но могли и приезжать водовозы на повозках с бочками, которые доставляли воду за определенную плату горожанам. Также здесь могла находиться и базарная площадь.

На противоположном берегу ключа начиналась улица, где остатки амбаров располагались на террасах, лежащих ниже жилищ. Ближний к воде амбар представлен остатками каменной кладки прямоугольной формы из крупных валунов размерами $5 \times 5 = 25$ кв. м. Он отличается от остальных основательностью и не привязанностью к какому-либо жилищу. Скорее всего, эта постройка принадлежала городскому хозяйству. Здесь мог храниться инвентарь смотрителей, следящих за состоянием родника и регулирующих выдачу воды жителям города.

Помимо этих источников воды есть более мелкие роднички в западной части города.

Рядом с раскопанными террасами, в промежутках между улицами и параллельно им, были зачищены ряды крупных камней, которые могли быть выложены по краю дороги, идущей по городищу. Такие проходы – проезды хорошо видны и на дневной поверхности. Они фиксируются в направлении север – юг при подходе к северному и юго-восточному внутренним городам, роднику с южной стороны и от центральных ворот вверх по склону сопки. Этих дорог больше, но не все они пока выявлены.

В XIII в. в Приморье появилось большое количество горных городищ, окруженных мощными оборонительными сооружениями, возведенными по всем правилам фортификации и способными выступать серьезной защитой для этих населенных пунктов и государства. Ведь одной из основных функций города была оборона, наряду с производством, транспортом, хранением и распределением важнейших материалов и продуктов [12, с. 80–81]. Строились эти города в очень короткие сроки по отработанным канонам и правилам с соблюдением определенных требований к выбору места для нового поселения. Проложены дороги. Соблюдались правила по организации внутреннего пространства города, которые опирались на опыт градостроительства предшественников и соседей. На улицах городов по четко разработанным правилам сооружались административные, дворцовые, жилые и хозяйственные постройки, защищенные от непогоды и обустроенные для жизни в условиях приморского климата. Определены правила расположения жилых кварталов, сообразно рельефу местности, а также по имущественному, профессиональному и производственному признакам.

Анализ материала, полученного при исследовании горных городищ чжурчжэньского времени в Приморском крае, позволяет проследить не только общее в их характеристиках (фортификация, планировка внутреннего пространства, организация производственных процессов, элементы материальной и духовной культуры и т.д.), но и выявить различия в назначении чжурчжэньских городов. Военно-земледельческие поселения типа моукэ, будучи расположены в стратегически важных пунктах, наделялись защитными функциями и поэтому имеют сложную фортификационную систему, состоящую из мощных земляных валов и дополнительных сооружений. Заполнение внутреннего пространства города также традиционно. Всегда присутствуют. Внутренние города разного функционального назначения – административного, общественного, ставка военного коменданта – редут. Остальное пространство занимали жилые и хозяйственные объекты, которые были связаны между собой дорогами. Рядом с источниками воды находились отсыпанные пустые площадки, где могла быть торговая зона. Эти города-крепости, построенные с учетом опыта возведения горных городищ предшественниками и соседями, наделенные определенными функциями, представляли собой оптимальный вариант поселения для данной территории в XIII в.

Литература

1. Артемьева Н.Г. Домостроительство чжурчжэней Приморья (XII–XIII вв.). Владивосток: Дальпресс, 1998. 308 с.
2. Артемьева Н.Г. Города чжурчжэней Приморья // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 542–591.
3. Артемьева Н.Г. Корейские традиции в фортификации чжурчжэньских крепостей // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2009, № 1 (8). С. 56–62.
4. Артемьева Н.Г. Шайгинское городище (фортификация, внутренняя топография, жилищная архитектура). Т. 1. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН. 2021. 600 с. (Свод археологических источников по средневековой истории Приморья. Средневековые города Приморья XII–XIII вв.).
5. Васильева Т.А. Исследование центральной части Горнохуторского городища (Приморский край) // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. Материалы международной конф. "Из века в век", посвященной 95-летию со дня рождения академика А.П. Окладникова и 50-летию Дальневосточной археологической экспедиции РАН. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2003. С. 320–323.
6. Воробьев М.В. Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. – 1234 г.). Исторический очерк. М.: Наука, 1975. 448 с.
7. Воробьев М.В. Культура чжурчжэней и государства Цзинь (XII в. – 1234 г.). М.: Наука, 1983. 367 с.
8. Всеобщая история архитектуры: в 12 т. Т. 9. Архитектура Восточной и Юго-восточной Азии до середины XIX в. Л.-М.: Изд-во литературы по строительству, 1971. 643 с.
9. История Золотой империи. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1998. 288 с.
10. Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос в средние века (VII–XIII вв.). М.: Наука, 1984. 336 с.
11. Леньков В.Д., Артемьева Н.Г. Лазовское городище. Владивосток: Дальнаука, 2003. 284 с. (Свод археологических источников по средневековой истории Приморья; Средневековые города Приморья XII–XIII вв.).
12. Стужина Э.П. Китайский город XI–XIII вв.: экономическая и социальная жизнь. М.: Наука, 1979. 408 с.
13. Хорев В.А., Васильева Т.А. Крепостной вал Ананьевского городища // Новое в дальневосточной археологии (материалы медиевистов). Южно-Сахалинск, 1989. С. 8–12.
14. Шавкунов Э.В. Культура чжурчжэней-удигэ XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М.: Наука, 1990. 282 с.

References

1. Artemyeva N.G. House-building of the Jurchens of Primorye (XII–XIII centuries). Vladivostok: Dalpress, 1998. 308 p. (In Russ.).
2. Artemyeva N.G. Cities of the Jurchens of Primorye // Russian Far East in antiquity and the Middle Ages: discoveries, problems, hypotheses. Vladivostok: Dalnauka, 2005. P. 542–591. (In Russ.). (In Russ.).
3. Artemyeva N.G. Korean traditions in the fortification of Jurchen fortresses // Ojkumena. Regional researches. 2009. No. 1 (8). P. 56–62. (In Russ.).
4. Artemyeva N.G. Shaiginskoye settlement (fortification, internal topography, residential architecture). T. 1. Vladivostok: INAE FEB RAS. 2021. 600 p. (Code of archaeological sources on the medieval history of Primorye. Medieval cities of Primorye XII–XIII centuries). (In Russ.).
5. Vasilyeva T.A. Study of the central part of the Gornokhutorsk settlement (Primorsky Territory) // Problems of archeology and paleoecology of the No.rth. East and Central Asia. Proceedings of the international conference. "From Century to Century", dedicated to the 95th anniversary of the birth of Academician A.P. Okladnikov and the 50th anniversary of the Far Eastern Archaeological Expedition of the Russian Academy of Sciences. No.vosibirsk: Publishing House of the Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, 2003. P. 320–323. (In Russ.).
6. Vorobyov M.V. Jurchens and the Jin state (X century – 1234). Historical sketch. M.: Nauka, 1975. 448 p. (In Russ.).
7. Vorobyov M.V. Culture of the Jurchens and the Jin state (XII century – 1234). M.: Nauka, 1983. 367 p. (In Russ.).
8. General history of architecture: in 12 volumes. Vol. 9. Architecture of East and Southeast Asia until the mid-19th century. L.-M.: Publishing house of literature on construction, 1971. 643 p. (In Russ.).
9. History of the Golden Empire. No.vosibirsk: Publishing House of the Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, 1998. 288 p. (In Russ.).
10. Kryukov M.V., Malyavin V.V., Sofronov M.V. Chinese ethnic group in the Middle Ages (VII–XIII centuries). M.: Nauka, 1984. 336 p. (In Russ.).

11. Lenkov V.D., Artemyeva N.G. Lazovskoye settlement. Vladivostok: Dalnauka, 2003. 284 p. (Code of archaeological sources on the medieval history of Primorye; Medieval cities of Primorye XII–XIII centuries). (In Russ.).
12. Stuzhina E.P. Chinese city of the 11th – 13th centuries: economic and social life. M.: Nauka, 1979. 408 p. (In Russ.).
13. Khorev V.A., Vasilyeva T.A. The fortress rampart of the Ananyevsky settlement // New in Far Eastern archeology (materials of medievalists). Yuzhno-Sakhalinsk, 1989. P. 8–12. (In Russ.).
14. Shavkunov E.V. Culture of the Jurchen-Udige XII-XIII centuries and the problem of the origin of the Tungusic peoples of the Far East. M.: Nauka, 1990. 282 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Татьяна Афанасьевна Васильева, научный сотрудник Сектора средневековой археологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия, e-mail: vasiljeva_ta@bk.ru

Information about the author

Tatyana A. Vasilyeva, Researcher, Sector of Medieval Archeology, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: vasiljeva_ta@bk.ru

Поступила в редакцию 27.10.2023

Одобрена после рецензирования 14.02.2024

Принята к публикации 25.02.2024

Received 27.10.2023

Approved 14.02.2024

Accepted 25.02.2024

В руках иностранных подданных: формы нерусского землевладения в Амурской области в 1861–1917 гг. (Часть 1)

Стефани Цихаус
Венский университет, Вена, Австрия, ziehausstephanie@gmail.com

Аннотация. В статье представлен исторический анализ иностранного землевладения на Дальнем Востоке Российской империи, а именно: корейцев села Благословенное, Зазейских маньчжуров, а также эвенков и орохонов в Амурской области в период с 1861 по 1917 год. Опираясь на документы местной администрации, а также на официальные законодательные постановления, данная работа дает представление о пересечении суверенитета и подданства, исследует процессы наделения земель, запреты на иностранное землевладение и межевание. В статье показано, как российская администрация формировала институты землевладения и землепользования в зависимости от подданства пользователей земли. Корейцы могли легализовать свое пользование землей путем принятия имперского подданства. Для маньчжуров легализация земли представляла неразрешимую проблему, ведь их земельные владения были связаны с поддержанием суверенитета Цинского государства. Из-за доктрины terra nullius и отсутствия институтов инородного управления, империя не признавала землевладения коренного дальневосточного населения, хотя их самих рассматривала как действительных подданных империи.

Ключевые слова: *Российская империя, Амурская область, землевладение, имперское подданство, корейцы, маньчжуры, тунгусы*

Для цитирования: Цихаус С. В руках иностранных подданных: формы нерусского землевладения в Амурской области в 1861–1917 гг. (Часть 1) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 1. С. 69–80. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/69-80>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/69-80>

In the hands of foreign subjects: forms of non-Russian land tenure in the Amur region in 1861–1917. (Part 1)

Stephanie Ziehaus
University of Vienna, Vienna, Austria, ziehausstephanie@gmail.com

Abstract. The article presents a historical analysis of foreign land ownership in the Far East of the Russian Empire, namely the Koreans of the village of Blessed, the Zazeya Manchus, as well as the Evenks and Orochons in the Amur region in the period from 1861 to 1917. Drawing on documents from local administrations, as well as official legislative decrees, this work provides insight into the intersection of sovereignty and citizenship, and explores the processes of land allotment, bans on foreign land ownership and land surveying. The article shows how the Russian administration formed the institutions of land ownership and land use depending on the citizenship of land users. Koreans could legalize their use of land by accepting imperial citizenship. For the Manchus, the legalization of land presented an insoluble problem, because their land holdings were associated with maintaining the sovereignty of the Qing state. Due to the doctrine of terra nullius and the absence of institutions of foreign governance, the empire did not recognize land ownership of the indigenous Far Eastern population, although they themselves were considered as valid subjects of the empire.

Key words: *Russian Empire, Amur region, land ownership, imperial citizenship, Koreans, Manchus, Tungus*

For citation: Ziehaus S. In the hands of foreign subjects: forms of non-Russian land tenure in the Amur region in 1861–1917. (Part 1) // Ojkumena. Regional researches. 2024. No. 1. P. 69–80. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/69-80>

Введение

Будучи сельскохозяйственным центром, Амурская область играла важнейшую роль в процессе имперского строительства в конце XIX – начала XX века. Основанная в декабре 1858 года (ПСЗ II Т. 33, Ч. 2, № 33862, с. 452–457)¹, Амурская область находилась к востоку от Забайкальской области (образованной в 1851 году) и граничила на севере с Якутской областью (образованной в 1805 году). Она простиралась вдоль реки Амур, за которой находилась провинция Хэйлуцзян (основана в 1683 году) соседней империи Цин, до реки Уссури. Эти даты хорошо иллюстрируют постепенное расширение Российской империи и постепенную административную интеграцию Дальнего Востока в состав империи. В 1858 году Амурская область и Российский Дальний Восток в целом представляли собой terra incognita для российских администраторов. Генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-А-

¹ ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи

мурский представлял себе восточную окраину как *tabula rasa* [24, с. 1068], где будут реализованы имперские амбиции и прогрессивные идеи России.

Вопрос о распределении земли был центральным для имперских администраторов, которые поначалу предполагали, что проект заселения РДВ будет включать как российских граждан, так и иностранцев. Однако этот проект в конечном итоге вылился в создание Переселенческого управления (1897) и Столыпинские реформы (1906), в рамках которых основное внимание уделялось переселению колонистов из Европейской России и исключению иностранцев, таких как китайцы и корейцы, из числа владельцев земли на РДВ. В этом контексте институт формальной и неформальной собственности на землю представляет особый интерес, находясь на пересечении концепций подданства. Подданство позволило создать параллельные наборы прав и правил для различных подданных – различие в религии, этничность, язык и проч., – что позволило управлять многоэтническим плюралистическим обществом российской империи. Дискурс о концепциях и практиках имперского подданства демонстрирует, как разные категории подданных пользовались разными наборами прав [24, с. 1065–1066]. Вследствие права на землю также следует концептуализировать в зависимости от того, к какой административной категории принадлежали землевладельцы. Имперские категории различают население по вероисповеданию, сословию и этнической принадлежности.

В статье рассмотрены землепользование подданных Цинской империи (китайцев и маньчжуров) и корейцев в Амурской области и законодательные постановления, направленные на установление контроля над их земельными владениями.

В рамках данной работы термин "корейцы" охватывает мигрантов и переселенцев родом из Кореи. Термин "русские" относится в основном к этническим русским мигрантам из западной части империи, но также включает украинцев. Украинцы составляли значительную часть спонсируемых государством переселенцев через морской путь Одесса – Владивосток, открытый в 1860 году. "Китайцы" включали в себя ханьских мигрантов и переселенцев, а также маньчжуров и других подданных Китая различной этнической принадлежности. Такая классификация отражает формулировки первичных документов российской администрации, где применялись термины "кореец", "русский", "китаец" к людям, чья разнообразная и сложная этническая идентичность не обязательно отражалась этими обозначениями.

В рамках правил 1861 существовала возможность частной собственности на землю для иностранных граждан – точнее, для подданных иностранного государства (ПСЗ. II. Т. 36, № 36928, с. 682–685). Правительство имело в виду иностранцев европейских государств, инвестирующих капиталы на Российском Дальнем Востоке, но не подданных соседних азиатских государств, таких как Цинская империя и Чосон Корея, как владельцы недавно приобретённой земли. Хотя юридически земли могли быть предоставлены в собственность всем желающим переселиться на Амур, подданные азиатских империй получить землю легально не могли.

В целом легальная частная собственность на землю не стала базовым институтом на Российском Дальнем Востоке [15, с. 100]. Легитимная частная собственность, означает, что землевладельцы прошли необходимые процедуры межевания и юридического оформления [15, с. 97]. Вместо легальной собственности на землю существовали многообразные формы и практики землевладения, различающиеся для казаков, крестьян, маньчжуров, корейцев и инородцев.

Помимо институциональных особенностей маньчжурского и корейского землевладения, в статье рассмотрено землепользование коренного населения, которое, хотя и было преимущественно кочевым, тем не менее использовало рыболовные и охотничьи угодья и, следовательно, включалось в правовые практики на эти земли. Акцент на землепользовании коренного населения сделан для того, чтобы дать более нюансированное представление о неформальном характере землевладения, который преобладал на Российском Дальнем Востоке.

Два указанных типа нерусского землевладения в Амурской области рассмотрены на следующих кейсах: 1) корейское землевладение – село Благодословенное и 2) землевладение маньчжуров поселения в Зазейском районе.

Работа раскрывает ранее не рассмотренные вопросы земельной собственности в Российском Дальнем Востоке, поскольку до сих пор основное внимание в литературе уделялось русским крестьянам и казакам [16; 8, с. 69–73]. Конечно, существует огромное количество исследований о китайских рабочих на российском Дальнем Востоке [25, с. 20–32], в которых основное внимание уделяется фермерам-мигрантам и общему отношению к "желтой опасности" [33, с. 307–330; 35, с. 165–181]. Но в них не поднимался вопрос о владении землей. Растущий корпус работ о корейцах на Российском Дальнем Востоке затрагивает вопросы подданства, национальности и суверенитета [24, с. 1065–1081; 29, с. 3–4; 31, с. 157–197]. Эти работы также не уделяют внимания тому, как подданные и граждане отличались в зависимости от их прав владения землей. Фокус на землевладении позволяет проанализировать широко изученную интеграцию Дальнего Востока в состав Российской империи под новым углом зрения, сосредоточившись на вопросах землевладения и землепользования, а также организации доступа к земле и прав собственности на землю. Неодинаковые права разных групп иностранных землевладельцев демонстрируют, как плюралистическая империя, какой, видимо, была многонациональная Российская империя, концептуализировала и утверждала суверенитет, одновременно трансформируя физическое пространство для утверждения и удержания этого суверенитета.

В 1858 году имперские администраторы задумались над вопросом, кто должен обрабатывать землю в Амурской области. В связи с этим Муравьев и другие прогрессивные администраторы приняли закон от 26 марта 1861 года о поселении русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях. По закону участки должны были отводиться в вечное и постоянное пользование одного лица или одного общества из (как минимум) 15 семейств. Выкупить землю в собственность возможно было по цене 3 рубля за десятину и не более 100 десятин на каждое семейство (ПСЗ. II. Т. 36, № 36928, с. 682–685).

Что касается отношения к иностранцам, закон 1861 года отражал традиционные, инклюзивные установки многонациональной Российской империи раннего нового времени. Следуя прецеденту Екатерины Великой, привлекавшей немецких поселенцев щедрыми земельными пожалованиями и привилегиями, закон 1861 года позволял наделять землей и русских, и иностранцев. Цель его заключалась не в управлении земельными владениями иностранцев, которые уже существовали на Дальнем Востоке или могли приехать из ближайших регионов, а в том, чтобы служить инструментом колониального законодательства, перевозящим иностранцев из Европы на Дальний Восток. В Амурской области это оказалось безуспешным с точки зрения аграрной колонизации: почти все иностранные колонисты селились в городах [7, с. 3], что не устраивало российскую администрацию. Дефицит сельскохозяйственной продукции покрывался за счет поставок продовольствия из Маньчжурии через маньчжурских и китайских купцов. Администрация же хотела инициировать подъем сельского хозяйства на русской земле и тем самым ослабить зависимость от единственных поставщиков зерна и мяса (РГИА ДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д.75. Л. 56)². Ситуация осложнялась тем, что переселившиеся русские крестьяне не смогли перенести свои методы земледелия в незнакомый климат и регион. Поэтому распространение закона на другие группы иностранных земледельцев – а именно китайских и корейских – выглядел естественным: эти группы людей были хорошо знакомы с местными условиями, мало отличающимися от условий, к которым они привыкли на своей родине.

Землевладение корейцев села Благословенного

Заселение Дальнего Востока корейцами началось после Пекинского договора в ноябре 1860 года, когда была установлена граница между Российской империей и Кореей, бывшей в то время вассальным государством империи Цин, в результате уступки Уссурийского края России. В январе 1864 года 14 корейских семей поселились возле казачьего форпоста Новгородское в Приморье и вскоре после этого были обнаружены русским штабс-капитаном Гельмерсеном [18, с. 20]. Бухта Посыет была первым районом, где возникло корейское поселение и где было сосредоточено большинство поселений корей-

² РГИА ДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока

цев впоследствии. Корейские переселенцы были самыми успешными колонистами в Приморье не только потому, что они хорошо знали условия земли, но и потому, что им было выгодно адаптировать российскую подданническую и земельную политику [29, с. 154]. Корейцы, по мнению капитана Гельмерсена, были гораздо более желанными иммигрантами, чем китайцы: они проявили готовность выучить русский язык и принять российское подданство и православную веру [18, с. 25].

После сильных наводнений и неурожая в 1871 году 431 кореец был переселен из этого пограничного района на берега реки Амур. Это положило начало корейскому поселению Благословенное ("Благословенное село"), которое стало наиболее значительной концентрацией корейского поселения в Амурской области. По данным Кириллова, село было основано в 543 верстах от Благовещенска 103 корейскими семьями, численностью 431 человек. [10, с. 78]. Получив государственную помощь на строительство домов, эти поселенцы представляли успех для российских чиновников и внушали мысли о дальнейшем государственном устройстве поселений в Амурской области. Корейцы создали суды, советы старейшин, школы и другие учреждения, которые русские администраторы желали видеть в упорядоченных поселениях [2, с. 1–29]. Российские администраторы намеревались переселить всех прибывших корейцев в Амурскую область, подальше от границы (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 325. Л. 16–18). Благословенские корейцы селились на казачьих землях, поэтому собственниками этих земель были казаки станицы Михайло-Семеновской, которые сдавали землю в аренду корейским переселенцам. Эта казачья станица была основана в 1858 году с образованием административной единицы Амурской области казаками Амурского пехотного казачьего батальона (пешего казачьего батальона). До 1888 г. в станице были расположен штаб пешего казачьего полубатальона, перемещенный в ст. Екатерино-Никольскую [9, с. 251]. По данным Грум-Гржимайло, в 1893 году в станице насчитывалось 90 хуторов, которым было выделено 8380 десятин (8500 га) земли [5, с. 381–384].

Землепользование корейцев регулировалось в соответствии с правилами, установленными для землепользования членов крестьянского сословия. Официально на одно корейское хозяйство выделялось по 15 десятин высококачественной и низкокачественной земли ("удобья" и "неудобья"). Обычно предпочтение отдавалось русским переселенцам, которым выделялось до 100 десятин на хозяйство, но казаки не следовали этим указаниям в отношении землепользования в Благословенном. С их согласия корейцы селились, где хотели, и обрабатывали столько земли, сколько хотели, и не существовало никаких официальных записей о том, сколько земли они на самом деле обрабатывали. Корейские деревни обычно располагались вдоль речных долин и состояли из разрозненных хуторов. Корейцы, получившие российское подданство, основывали свои усадьбы на законных основаниях либо на государственной, либо на казачьей земле. Корейцы, которые оставались иностранными подданными, в итоге селились на окраинах зарегистрированных деревень, создавая скопления незаконных хуторов (выселок или заимок) [29, с. 178]. Фактическая обработка ими земли была незаконной, но тем не менее постоянной (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 227а. Л. 360б). Особенно в отношении законодательства о землевладении, корейцы были одной из групп, попавших в "правовую неопределенность" [31, с. 1070]. Благодаря принятию российского подданства и интеграции в крестьянское сословие, они пользовались привилегиями, предоставленными русским поселенцам, но все равно воспринимались как нерусский элемент и оставались гражданами второго сорта. По мнению генерала Приморской области П.Ф. Унтерберга, земельные наделы корейцам должны были выделяться только в местах, непригодных для русских поселений, так как необходимо было сохранить плодородную почву для русских поселенцев, нуждавшихся в земле для ведения сельского хозяйства (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 563. Л. 890б).

В 1880 году как русские крестьяне, так и корейцы в Российском Дальнем Востоке были наделены землей по землеустроительным законам (межевые законы) (РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 769. Л. 4). В 1885 году и в 1895 году землемеры выделили земли из казачьих владений корейским хуторам Благословенного. Ни карта первого землемера Тюменцова, ни второго Желей-

щкова не сохранились. Но, по словам самих корейцев Благословенного, на семью было выделено 100 десятин, что соответствовало законам о межевании земли. Согласно окладной ведомости, имеющейся в сельской управе (сельское управление), последний надел был выдан в размере всего 14 700 десятин (РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 4. Д. 1991, лл. 65–67).

По сравнению с китайскими мигрантами, корейцы никогда не воспринимались угрозой аналогичной угрозе, исходящей от китайских подданных, потому что Корейское королевство было намного слабее в своих политических позициях, чем империя Цин. Например, Приамурский генерал-губернатор Беневский утверждал, что корейцы не представляют опасности (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 7. Д. 40. Л. 117–121об). Тем не менее их воспринимали с подозрением, недоверием и расовыми предрассудками. Генерал-губернатор Унтербергер заявил, что главной целью империи на Российском Дальнем Востоке было переселение русских. Поэтому каждый участок земли, пригодный для сельского хозяйства, находящийся в руках корейцев, ослабляет позиции России на берегах Тихого океана [14, с. 95–96]. Корейцы стали рассматриваться как нежелательные и угрожающие, когда в дискурс администрации вошел расовый "желтый" оттенок [24, р. 1067]. В целом начиная с 1880-х годов у российской администрации существовало сильное желание разделить население на российских подданных и иностранцев, но условия на местах оказались более сложными для простого разделения.

По всей империи в конце XIX века российское правительство пыталось упростить и стандартизировать набор привилегий, льгот и прав, принадлежащих иностранцам и поданным [29, с. 124]. Администраторы стремились устранить двусмысленную юрисдикцию в пограничных районах.

В 1882 году закончился 20-летний срок бесплатной аренды казенных земель в Приамурье и Приморье (ПСЗ III, Т. 2, № 633, с. 26–27). Закон объявлял, что освобождение от местных налогов (земских повинностей), как денежных, так и натуральных, и от общих налогов не распространяется на иностранцев, поселившихся в Приморской и Амурской губерниях после 27 апреля 1881 года [29, с. 119]. В "особо достойных случаях" генерал-губернатору Восточной Сибири разрешалось делать исключения по своему усмотрению (ПСЗ III, Т. 2, № 633, с. 27).

Когда в 1892 году привилегии землевладения были расширены во второй раз (ПСЗ III, Т. 12, № 8755), в него был включен даже запрет на иностранное землевладение на Российском Дальнем Востоке [27, с. 87, 90] и категорически запрещено приобретение земли в Амурской и Приморской областях [17, с. 119–24]. В 1910 году даже запретили сдачу казенных земель под поселение лицам иностранного подданства, а также запретили аренду казенных земель в пределах Амурской губернии, Забайкалья и Иркутской губернии (ПСЗ III, Т. 30, № 33858, с. 825). Из-за наплыва китайцев и корейцев, которых государство рассматривало как потенциальную угрозу в случае обострения отношений между Россией и соседними странами [7, с. 93], российское правительство ограничило возможность получения ими постоянного статуса иностранцев [29, с. 120]. Желающие остаться и продолжить использование обрабатываемой земли должны были принять российское подданство; впрочем, такая возможность была не у всех.

В 1894 году корейцы Благословенного официально приняли российское подданство, следуя законодательным постановлениям, проведенным Приамурским генерал-губернатором А.Н. Корфом. В июле 1891 года Корф принял указ, который разделил корейцев на две группы, причислив их к поданным или иностранцам. Корейцам, прибывшим в Россию до 1884 года, была предоставлена возможность принять российское подданство. Каждая семья натурализованных русских получила 15 десятин земли при условии, что они не будут сдавать ее в аренду временным корейским переселенцам. Всем корейцам, прибывшим в Россию после 1884 года, было отказано в российском подданстве. Корейцы, уже поселившиеся в России, должны были отказаться от пользования государственными землями в течение двух лет. Для того чтобы решить, кто из корейцев получает тот или иной статус, в августе 1891 года специальной комиссии под руководством Александра Васильевича Суханова было поручено провести перепись корейцев. К 1893 году около 11 000 корейцев (или 2 900 семей) принесли присягу на верность царю и получили серти-

фикаты, подтверждающие их подданство. Хотя к 1894 году корейцам, которые были отнесены к категории иностранцев, было приказано освободить свои земли, десять лет спустя их все еще находили на тех же землях [29, с. 127]. В 1907 году корейское село (деревня) Благодолное выросло до 1531 жителя и занимало 1300 десятин (5080 га) (ГИА ДВ ф.704. Оп. 4. Д. 1991. Л. 2).

В конце XIX века беспокойство российской администрации по поводу иностранцев в значительной степени коренилось в фактическом землевладении, которое выражалось в обработке земли. Корейцы и китайцы, которые не принимали российское подданство, в основном обрабатывали землю, которая им не принадлежала. Официально землевладельцами (владельцами-собственниками) были казаки или крестьяне-землевладельцы, которые сдавали свои земельные участки в аренду корейским и китайским сельскохозяйственным рабочим. Благодолские корейцы не арендовали и не приобретали землю из государственной казны (из свободных казенных земель) напрямую. В итоге корейцы-иностранцы оказывались нежелательными землевладельцами еще и потому, что они не платили поземельных повинностей и сборов. Казаки юридически были собственниками земли, но государственное казначейство было тем субъектом, который обладал истинными правами собственности, то есть правом перепродажи земли. Казакам выделялась земля с условием, что они не имели права продавать земельные участки. Их права ограничивались пользованием и обработкой земли – именно эти права передавались иностранным подданным. Как писал чиновник переселенческого управления А.А. Кауфман о таком праве пользования: "На практике реализуя права владения, пользования и распоряжения, такой крестьянин фактически являлся полным, ничем не ограниченным собственником захваченной им земли" [10, с. 54].

В 1908 году Приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер выразил: "Хотя им земли более во владение не давались, но они нашли другой исход, т. е. брали ее в аренду у казны, крестьян, казаков, частных владельцев [...]" [18, с. 171].

Уравнение землепользования и землевладения являлось важным источником беспокойства местной и центральной администрации в отношении иностранных землевладельцев и в меньшей степени даже русских старо-поселенцев.

Как показал опыт колонизации русскими поселенцами Сибири, хотя русские старожилы не обладали правами собственности *de jure*, они имели права на пользование земли в силу того простого факта, что земля была расчищена, обработана и использована их хозяйством. Российскому правительству было трудно лишить этих фактических землевладельцев права собственности. Поэтому центральные власти испытывали внутреннюю неприязнь "к узакониванию любого землепользования, которое могло бы представлять собой исключительное право и как таковое было бы трудно отменить" [28, с. 12], включая родовую форму собственности бурятских земельных пожалований в Забайкалье и даже казачьих землевладений. Государственная территория была разделена на различные категории законного землевладения, которые представляли собой временное право пользования, однако в итоге земельные пожалования, будь то казакам или инородцам, оставались государственной землей и собственностью казны.

В 1861 году, в начале включения Российской империей Российского Дальнего Востока, корейцы ценились как важные поставщики зерна, а также как источник знаний о выращивании различных растений, прежде всего риса и сои. Корейцы выращивали различные культурные растения, такие как овес, гречиха, конопля, соевые бобы, табак и картофель, а также овощи. Их методы выращивания давали больший результат, чем русские. В 1880-х годах эти начинания рассматривались в менее благоприятном свете, как конкуренция за ограниченные пахотные земли. Нехватка пахотных земель относилась как к Приморью, так и к Амурской области [18, с. 52]. Юг вдоль Амура считался единственным районом, где были обнадёживающие перспективы для земледелия и выпаса скота [4, с. 93–106]. Как пишет чиновник особых поручений А.М. Казаринова в 1907 году в своей докладной записке об экономическом быте русских и корейцев, проживающих в Раздольнинской волости Никольск-Уссурийского уезда Приморской области: "они [корейцы]

обрабатывают здесь чужую землю, от 4 до 12 лет, благодаря попустительству соблюдая лишь свои интересы, коренного русского крестьянского населения, владельцев-собственников, нуждающихся в рабочих руках"; "поселившись не на свободных казенных землях, а на участках за кем-либо числящихся, они, [...], по обыкновенному здесь местному расчёту платят всякому хозяину". Он продолжает в докладе, что "сами крестьяне (за исключением нескольких одиночек) земледелием – хлебопашеством [...] не занимаются, " (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 302. лл. 96–102).

Корейцы могли легализировать свое землевладение путем принятия российского подданства, но процесс распределения земли не ограничивался только запретом на иностранное землевладение, а представлял собой обследование ранее существовавших земельных владений для установления порядка землевладения в районе, где захват земли происходил вне контроля правительства. Одним из наиболее заметных районов Амурской области, подлежащих обследованию, были земли, находящиеся во владении иностранных землевладельцев, а именно Зазейский район вблизи Благовещенска.

Землеустройство маньчжурских деревень Зазейского района

В отличие от корейцев, маньчжурские знаменщики, занимавшие эти земли, были неразрывно связаны со строительством империи Цин. Своим присутствием на российской территории и своим землевладением, освященным Айгунским договором, они утверждали цинский суверенитет на российской земле.

Несмотря на то, что по Айгунскому (1858) и Пекинскому (1860) договорам Амурская область и Уссурийский край были переданы Российской империи, во второй половине XIX века обе империи были вовлечены в сложный процесс распутывания паутины общего суверенитета и конфликтующих подвластных территорий в этих регионах. 64 селения в Маньчжурском Клине у Благовещенска представляли собой особенно сложный случай иностранного землевладения в Амурской области. Эти 64 деревни были военными поселениями, первоначально основанными в 18 веке для укрепления границы против опасности вторжения русских. Эти поселения были постоянными и, согласно первой статье Айгунского договора, наделялись неприкосновенными экстерриториальными правами на поселение.

Однако маньчжуры не были первыми поселенцами территории вокруг слияния реки Зеи и Амура (называемой Зазей). Самое позднее с XVII века в этом районе уже были поселены дауры, которые уже занимались хлебопашеством [21, с. 242]. Когда казачьи экспедиции в 1643 (Поярков) и 1650 (Хабаров) годах впервые достигли Амура и основали военную крепость Албазин, местные дауры еще не стали частью расширяющейся маньчжурской империи. Они поддерживали свободные даннические связи с маньчжурами. Из-за последовавших военных конфликтов эти первоначальные поселения дауров цинские власти переселили дальше на юг, в долину реки Нонни. Когда в 1689 году был заключен Нерчинский договор, маньчжуры успешно изгнали русских и прочно закрепились в этом районе. В результате они стратегически разместили цинских знаменщиков, состоящих из китайских, маньчжурских и даурских солдат, в недавно построенном гарнизоне Айгунь (китайский: Айхуэй 瑯瑯, также: Хэйлунцзян чэн 黑龙江城) на южном берегу Амура, а также на северном берегу реки, где ранее располагались даурские деревни. Около 1703 года [26, с. 21] некоторые из первоначальных даурских семей также вернулись из района реки Нонни в Маньчжурский клин. Вместе с примерно 32 казенными поселениями, занимавшими оба берега реки, эти солдаты занимались возделыванием земли и производством зерна для снабжения фортов, возведенных маньчжурами вдоль границы с Россией, и двух главных гарнизонов Айгунь и Цицикар [3, с. 83].

Эти земельные владения были общинными и представляли собой земельные пожалования цинской казны отставным знаменщикам. Идентификация Зазейских маньчжуров как воинов Восьми знамен и их военная служба тесно связывали их с императорами Цин. Система Восьми знамен служила основным инструментом интеграции населения приграничных районов в расширяющуюся империю, таким как дауры.

Особенно маньчжуры как этническая группа играли важную роль в Восьми знаменах, и их этническая идентичность и социальный статус были неразрывно связаны с империей Цин [23, с. 28].

Знаменные гарнизоны представляли собой самодостаточные сельскохозяйственные колонии, созданные в стратегически важных местах по всей империи. Знаменные земли (цтянь旗田) распределялись в соответствии с количеством взрослых мужчин в каждой семье, а совместное владение землей объединяло знаменщиков в компактные сообщества. Военные фермы (тунтянь屯田) были землями, отданными маньчжурским колонистам для укрепления границы [25, с. 36]. Образование маньчжурских знаменных земель и "императорских поместий", призванных обеспечить занятость для списанных солдат и обеспечить маньчжурский контроль над родиной, привлекало китайских арендаторов и крестьян, которые оставались в качестве арендаторов у маньчжурских помещиков или скваттеров на невостребованных землях [32, с. 505–507].

В процессе подписания Айгунского договора Российская империя столкнулась с группой иностранных землевладельцев, которые занимали земли, необходимые для успешной колонизации всего российского Дальнего Востока [22, с. 69–71]. Будучи подданными иностранной державы, они угрожали законному владению этой территорией. Хотя Российская империя получила землю, зазейские маньчжуры сохранили вечное право на поселение и обработку земли, что еще раз показывает, что фактическое землепользование было сопоставимо с землевладением, даже если правовая база не давала зазейским маньчурам права на частную собственность в рамках российского законодательства. Это право на пользование утверждал маньчурам Айгунский трактат: "Находящихся по левому берегу р. Амура от р. Зеи на юг, до деревни Хормолдзинь, маньчжурских жителей оставить вечно на прежних местах их жительства, под ведением маньчжурского правительства, с тем чтобы русские жители обид и притеснений им не делали" [11, с. 47].

Однако после подписания Айгунского трактата сборы за земли и разные притеснения возникали постоянно из-за того, что "по обнародовании Айгунского трактата не были приведены в точную известность пределы земель и угодий, бывших в то время в действительном пользовании китайцев, оставленных по тому трактату в пределах Амурской Области" [1, с. 2].

Кроме того, маньчжурские и русские чиновники имели разное понимание этой статьи Айгунского трактата. "Земля, состоящая во владении маньчжур, цинским правительством считалась государственной собственностью" [1, с. 8]. Когда возникли сборы за земли рядом с селом Гильчин в маньчжурском клине, амбан Айгуна ответил своему русскому коллеге, губернатору Амурской области, что договор между Россией и Цинской империей сохранил "неприкосновенность собственности", чтобы "возможности к спорам не возникало и добрая дружба укреплялась бы на вечные времена" (РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 537, лл.13 об – 14).

Было несколько попыток утвердить российский суверенитет и контроль в этом районе: строительство телеграфных столбов постоянно срывалось местными жителями, которые воровали столбы или умышленно повреждали линию (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 42). Военный губернатор был взбешен, но не имел полномочий наказывать маньчжуров самостоятельно; он написал амбану в Айгуне, чтобы тот велел своим подданным оставить телеграфные столбы в покое.

Самой решительной попыткой установить контроль стала первая комплексная съемка земли и населения в Маньчжурском клине, проведенная в 1881 году русским чиновником Назаровым, который сообщил о 13 923 жителях, включая маньчжуров, китайцев и дауров, занимавших площадь в 10 800 десятин (17699 га). В 1880 году российский землемер Лузин вместе с маньчжурским чиновником Селимбату провели временную границу между маньчурами Зазея и землями, обрабатываемыми русскими поселенцами [6, с. 114].

Летом 1881 года Александр Георгиевич Назаров был направлен в Зазейский край с целью изучения местного населения и сбора географического и статистического материала для военных. В 1882–1883 годах за общим обследованием Назарова последовали обширные земельные исследования (раз-

межевание). Назаров опубликовал описание Маньчжурского Клина, а также карту, на которой была показана территория 64 деревень [12, с. 17–48].

Военный губернатор Амурской области генерал-майор Баранов заметил, что, по мнению амбана Айгуна, "маньчжуры и другие подданные Китая в пределах Амурской области никогда и ни в чем не должны быть стесняемы и права их на природные богатства этой области должны оставаться такими же, какими были до Айгунского трактата" [1, с. 3]. По мнению Баранова, просто определить границу между территориями маньчжуров и русских недостаточно. Но для того, чтобы поставить межевые знаки и сохранить их целостность, то есть чтобы сохранить "неприкосновенность граничной межи" потребуются военные силы [1, с. 2].

Как пишет Баранов в 1881 году: "Вследствие чего, по их убеждению, мы не только не имеем никакого права ограничивать в этом отношении желания Маньчжур, но и действуем совершенно против трактатов, отмежевывая государственные земли с постановкой своих межевых знаков в общественную и личную собственность" [1, с. 3].

После предварительных исследований Назарова, в 1883 году русские геодезисты Лузин и Махов окончательно определили пространство, занимаемое маньчжурскими поселениями на территории Российской империи. Они провели конкретную пограничную линию между маньчжурским клином и русской Гильчинской волостью. Первоначально граница была обозначена рвом, вырытым под наблюдением маньчжурских и русских чиновников, а затем укреплена деревянными столбами с надписями на маньчжурском, китайском и русском языках, межевыми знаками и траншеями (РГИА ДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 164. Л. 15–17). Обследование земельных владений маньчжуров является частью более масштабного процесса по определению границ земельных участков, заселенных общинами до установления контроля российского правительства, такими как старожилы и инородцы.

19 ноября 1899 г. губернатор Амурской области К.Н. Грибский создал комитет, который должен был ознакомиться со всеми топографическими и разграничительными работами, произведенными на территории Зазейских маньчжур, и решить все назревающие конфликты с маньчжурами (РГИА ДВ. Ф. 705. Оп. 1. Д. 885. Л. 13). Судьба маньчжурского клина решилась 16 июля 1900 года в ходе Ихэтуаньского восстания: после мобилизации амбаном Айгуна вооруженных сил и осады Благовещенска, местный Амурский казачий полк начал ликвидацию Маньчжурского клина, изгнав из него около 10 000 жителей (по переписи населения 1897 года). Императорским указом в марте 1901 года земли маньчжурского клина были отданы Амурским казакам с целью заселения земель и защиты Приамурского края от дальнейшего военного противостояния с китайцами [26, с. 69–100].

В 1907 году Министерство иностранных дел Империи Цин пыталось договориться о компенсации или даже о восстановлении утраченного имущества маньчжуров, пережившего ликвидацию живущих в долине реки Нонни. Российская администрация ответила на запрос, что маньчжуры отказались от прав проживания и собственности, покинув свои поселения [36, с. 235–254].

Положение корейцев на Дальнем Востоке России совсем другое, чем у китайцев. Как успешные земледельцы, они оказались полезными для Российского государства и поддержали российскую колонизацию. Поэтому они могли легализовать их земельные владения путем предоставления им российского подданства, как и случилось в 1893 году.

В отличие от корейцев, российское правительство категорически исключило китайцев из каких-либо претензий на землю. Однако маньчжуры Маньчжурского Клина как китайские подданные представляют собой уникальный случай: Айгунский договор узаконил их землевладения. Своим присутствием они подрывали суверенитет России, и, будучи знаменными восьми знамен, их собственность, по сути, выражал собственность империи Цин. Российское государство должно было признать их землевладения, но попыталось путем тщательного межевания определить границы их земельных владений. Рост населения вызвал необходимость расширения территории, что привело к непрекращающимся земельным конфликтам. Комитет Грибского в 1900 году снова пытался определить границы участков маньчжуров, но новый проект землеустройства был прерван восстанием боксеров. Кажется, единственным

"решением" этого конфликта было бы физическое истребление и изгнание населения Маньчжурского клина, что и случилось в 1900 году.

(окончание следует)

Литература

1. Выписка из представления военного Губернатора Ам. Обл. Генерал-майора Баранова, от 6 марта 1881 г., за № 2020 // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью: Изд. по распоряжению ген.-губернатора Вост. Сибири Д.Г. Анучина. Т. 4 вып.1. Иркутск: тип. Штаба Вост. сиб. воен. окр., 1883. С. 2–11.
2. Вагин В.И. Корейцы на Амуре // Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах. Т. 1, вып. 1–2. Санкт-Петербург: Русская скоропечатня (П. С. Нихимова), 1875. Разд. паг. Паг. VIII. С. 1–29.
3. Васильев В. П. Записки о Нингуте // Записки Императорского Русского географического общества. Кн. XII. Санкт-Петербург: Типография императорской Академии наук, 1857. С. 79–110.
4. Гассовский Г.Н. Гиллой-Ольдойский охотничье-промысловый район. Результаты зимней экспедиции 1925–1926 г. // Производительные силы Дальнего Востока. Вып. 4. Хабаровск; Владивосток: Кн. дело, 1927. С. 471–570.
5. Грум-Гржимайло Г.Е. Описание Амурской области. Спб.: типо-лит. и переплетная С.М. Николаева, 1894. VI, 640, VIII с.
6. Дацышен В.Г. История российско-китайских отношений в конце XIX – начале XX века. Москва: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2014. 592 с.
7. Домбровский, Я.В., Частновладельческое хозяйство в Амурской области / Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции. Т. III. Вып. II. СПб., 1913. 307 с.
8. Дорощев М. В. Земельная реформа в Сибири 1896–1916 гг. (аспекты взаимоотношений власти и крестьянства) // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 303. С. 69–73.
9. Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей с включением некоторых пунктов сопредельных с ними стран / Сост. А. Кириллов. Благовещенск: Типография т-ва Д. О. Мокин и Ко., 1894. IV, 541, I с.
10. Кауфман А.А. Крестьянская община в Сибири. По мест. исслед. 1886–1892 г. СПб., 1897. 277 с.
11. Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 / под ред. Е. А. Адамова, сост. И. В. Козьменко. Москва: Госполитиздат, 1952. 462 с.
12. Назаров А.Ю. Маньчжуры, дауры и китайцы Амурской области // Известия Восточно-Сибирского отдела русского географического общества. 1883, т.14, № 1-2. 18 с.
13. Назаров А.Ю. Записка о китайских подданных Амурской области Генерального Штаба Подполковника Назаров // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью: Изд. по распоряжению ген.-губернатора Вост. Сибири Д.Г. Анучина. Т. 4 вып.1.Иркутск: тип. Штаба Вост. сиб. воен. окр., 1883. С.17–48.
14. Пак Б.Д. Корейцы в Российской империи (Дальневосточный период). Серия: "Корейцы Евразии". М.: Международный центр корееведения МГУ, 1993. 261 с.
15. Польская Е. В., Стасюкевич С. М. Частная собственность на землю на Дальнем Востоке России во второй половине XIX начале XX века // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2012. № 3. С. 91–101.
16. Ремнёв А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: изд-во Омского гос. ун-та, 2004. 552 с.
17. Тесленко А.М. Об ограничении имущественных прав иностранцев (физических лиц) в России в середине XIX – начале XX в. // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2016. № 6. С. 119–124.
18. Корейцы на российском Дальнем Востоке (1917–1923 гг.). Документы и материалы / Отв. ред. А. А. Торопов. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. 320 с.
19. История и культура дальневосточных эвенков: историко-этнографические очерки / отв. ред. Тураев, А.В. Российская акад. наук, Дальневосточное отд-ние, Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Спб: Наука, 2010. 332 с.
20. Усова А.В. История китайцев, маньчжуров и дауров Зайского края во второй половине XIX века. диссертация кандидата исторических наук: 07.00.03. М., 2005. 202 с.
21. Цыбенков Б.Д. Даурские роды в XVII в // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2011. №. 8. С. 238–246.
22. Bassin M.. Imperial Visions. Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865. Cambridge Studies in Historical Geography. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
23. Gerstfeld G. Über Die Zukunft Des Amur-Landes // Petermanns Mitteilungen. 1860. No. 1. P. 93–106.

24. Glebov S. Exceptional Subjects: Koreans, Settler Colonialism, and Imperial Subjecthood in the Russian Far East, 1860s–1917 // *Nationalities Papers*. 2021. No. 49. P. 1065–81.
25. Lee R. *The Manchurian Frontier in Ch'ing History*. Cambridge: Harvard University Press, 1969.
26. Lensen, G.A. *The Russo-Chinese War*. Diplomatic Press, 1967.
27. Lohr E. *Nationalizing the Russian Empire: The Campaign against Enemy Aliens during World War I*. Russian Research Center Studies 94. Harvard University Press, 2003.
28. Masoero A. Layers of Property in the Tsar's Settlement Colony: Projects of Land Privatization in Siberia in the Late Nineteenth Century // *Central Asian Survey*. 2010. No. 1. P. 9–32.
29. Park, Alyssa M. *Sovereignty Experiments: Korean Migrants and the Building of Borders in Northeast Asia, 1860–1945*. Cornell University Press, 2019.
30. Park H. *The Migration Regime among Koreans in the Russian Far East // Inner Asia*. 2013. No. 1. P. 77–99.
31. Petrov A. Koreans in Russia in the Context of History of Russian Immigration Policy // *International Journal of Korean History*. 2008. No. 12. P. 157–197.
32. Reardon-Anderson J. Land Use and Society in Manchuria and Inner Mongolia during the Qing Dynasty // *Environmental History*. 2000. No. 4. P. 503–530.
33. Siegelbaum L. Another 'Yellow Peril': Chinese Migrants in the Russian Far East and the Russian Reaction before 1917 // *Modern Asian Studies*. 1978. No. 2. P. 307–330.
34. Slocum J. Who, and When, Were the Inorodtsy? The Evolution of the Category of 'Aliens' in Imperial Russia // *The Russian Review*. 1988. No. 2. P. 173–190.
35. Stolberg E. The Siberian Frontier between 'White Mission' and 'Yellow Peril,' 1890s–1920 // *Nationalities papers*. 2004. No. 1. P. 165–181.
36. 薛衡天. 江東六十四屯慘案研究 = Сюэ Битянь. Исследование трагедии 64 деревень к востоку от реки Амур // *近代史研究* = Цзиньдайши яньцзю. 1981. № 1. С. 235–254.

References

1. Excerpt from the report of the military Governor of Amur Oblast, General Mayor Baranov, dated March 6, 1881, No. 2020 // Collection of the most important official documents on the management of Eastern Siberia: Ed. by order of the Governor General of the East. Siberia D.G. Anuchina. Vol. 4 issue 1. Irkutsk: type. Headquarters East Sib. military okr., 1883. P. 2–11. (In Russ.).
2. Vagin V. I. Koreans on the Amur // Collection of historical and statistical information about Siberia and its neighbouring countries. Vol. 1, issue. 1–2. St. Petersburg: Russian speed printing (P.S. Nikhimo), 1875. Sec. pag. Pag. VIII. P. 1–29. (In Russ.).
3. Vasiliev V.P. Notes about Ninguta // Notes of the Imperial Russian Geographical Society. Book XII. St. Petersburg: Printing house of the Imperial Academy of Sciences, 1857. P. 79–110. (In Russ.).
4. Gassovsky G.N. Gilyuy-Oldoisky hunting and fishing area. Results of the winter expedition of 1925–1926 // *Productive forces of the Far East*. Vol. 4. Khabarovsk; Vladivostok: Book. business, 1927. P. 471–570. (In Russ.).
5. Grum-Grzhimailo G.E. Description of the Amur region. St. Petersburg: typo-lit. and bookbinding S.M. Nikolaeva, 1894. VI, 640, VIII p. (In Russ.).
6. Datsyshen V.G. History of Russian-Chinese relations at the end of the 19th – beginning of the 20th century. Moscow: KSPU im. V.P. Astafieva, 2014. 592 p. (In Russ.).
7. Dombrovsky, Y.V., Privately owned farms in the Amur region / Proceedings of a business trip by the highest order. Vol 3. Issue 2. Saint Petersburg. 1913, 307 p. (In Russ.).
8. Dorofeev M.V. Land reform in Siberia 1896–1916. (aspects of the relationship between the authorities and the peasantry) // *Bulletin of Tomsk State University*. 2007. No. 303. P. 69–73. (In Russ.).
9. Geographical and statistical dictionary of the Amur and Primor'e regions with the inclusion of some points of neighboring countries / Compiled A. Kirillov. Blagoveshchensk: Printing house D. O. Mokin and Co., 1894. IV, 541, I p. (In Russ.).
10. Kaufman A.A. Peasant community in Siberia. According to local research 1886–1892. St. Petersburg: bookshop A.F. Zinzerlinga, b. Meslier and Co, 1897. 277 p. (In Russ.).
11. Collection of treaties between Russia and other states. 1856–1917 / ed. E.A. Adamova, comp. I.V. Kozmenko. Moscow: Gospolitizdat, 1952. 462 p.
12. Nazarov A.Yu. Manchu, Daur and Chinese of the Amur Region // *News of the East Siberian Department of the Russian Geographical Society*. 1883, vol. 14, N. 1–2. 18 p. (In Russ.).
13. Nazarov A.Yu. Note on Chinese subjects of the Amur Region of the General Staff of Lieutenant Colonel Nazarov // Collection of the most important official documents on the management of Eastern Siberia: Ed. by order of the Governor General of the East. Siberia D.G. Anuchina. T. 4 issue 1. Irkutsk: type. Headquarters East Sib. military okr., 1883. P. 17–48.
14. Pak B.D. Koreans in the Russian Empire (Far Eastern period). Series: "Koreans of Eurasia". M.: International Center for Korean Studies of Moscow State University, 1993. 261 p. (In Russ.).

15. Polskaya E. V., Stasyukevich S. M. Private land ownership in the Russian Far East in the second half of the 19th and early 20th centuries // *Bulletin of Leningrad State University named after. A.S. Pushkin*. 2012. No. 3. P. 91–101. (In Russ.).
16. Remnev A.V. *Russia of the Far East. Imperial geography of power in the 19th and early 20th centuries*. Omsk: Omsk State Publishing House. Univ., 2004. 552 p. (In Russ.).
17. Teslenko A.M. On the limitation of property rights of foreigners (private individuals) in Russia in the mid-19th – early 20th centuries // *Online supplement to the Russian Legal Journal*. – 2016. No. 6. P. 119–124. (In Russ.).
18. *Koreans in the Russian Far East (1917–1923). Documents and materials / Rep. ed. A. A. Toropov*. Vladivostok: Dalnevost Publishing House. Univ., 2004. 320 p. (In Russ.).
19. *History and culture of the Far Eastern Evenki: historical and ethnographic essays / rep. ed. Tu-raev, A.V. Russian academician Sciences, Far Eastern Department, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East*. St. Petersburg: Nauka, 2010. 332 p. (In Russ.).
20. Usova A.V. *History of the Chinese, Manchu and Daurs of the Zazey region in the second half of the 19th century*. dissertation of a PhD candidate of historical sciences: 07.00.03. M., 2005. 202 p. (In Russ.).
21. Tsybenov B.D. Daur clans in the 17th century // *Bulletin of the Buryat State University. Philosophy*. 2011. No. 8. P. 238–246. (In Russ.).
22. Bassin M. *Imperial Visions. Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865*. Cambridge Studies in Historical Geography. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
23. Gerstfeld G. Über Die Zukunft Des Amur-Landes // *Petermanns Mitteilungen*. 1860. No. 1. P. 93–106.
24. Glebov S. Exceptional Subjects: Koreans, Settler Colonialism, and Imperial Subjecthood in the Russian Far East, 1860s–1917 // *Nationalities Papers*. 2021. No. 49. P. 1065–81.
25. Lee R. *The Manchurian Frontier in Ch'ing History*. Cambridge: Harvard University Press, 1969.
26. Lensen, G.A. *The Russo-Chinese War*. Diplomatic Press, 1967.
27. Lohr E. *Nationalizing the Russian Empire: The Campaign against Enemy Aliens during World War I*. Russian Research Center Studies 94. Harvard University Press, 2003.
28. Masoero A. Layers of Property in the Tsar's Settlement Colony: Projects of Land Privatization in Siberia in the Late Nineteenth Century // *Central Asian Survey*. 2010. No. 1. P. 9–32.
29. Park, Alyssa M. *Sovereignty Experiments: Korean Migrants and the Building of Borders in Northeast Asia, 1860–1945*. Cornell University Press, 2019.
30. Park H. The Migration Regime among Koreans in the Russian Far East // *Inner Asia*. 2013. No. 1. P. 77–99.
31. Petrov A. Koreans in Russia in the Context of History of Russian Immigration Policy // *International Journal of Korean History*. 2008. No. 12. P. 157–197.
32. Reardon-Anderson J. Land Use and Society in Manchuria and Inner Mongolia during the Qing Dynasty // *Environmental History*. 2000. No. 4. P. 503–530.
33. Siegelbaum L. Another 'Yellow Peril': Chinese Migrants in the Russian Far East and the Russian Reaction before 1917 // *Modern Asian Studies*. 1978. No. 2. P. 307–330.
34. Slocum J. Who, and When, Were the Inorodtsy? The Evolution of the Category of 'Aliens' in Imperial Russia // *The Russian Review*. 1988. No. 2. P. 173–190.
35. Stolberg E. The Siberian Frontier between 'White Mission' and 'Yellow Peril,' 1890s–1920 // *Nationalities papers*. 2004. No. 1. P. 165–181.
36. Xue Bitian. Study of the tragedy of 64 villages to the east from the Amur River // *Jindaishi Yanjiu*. 1981. No. 1. P. 235–254. (in Chin.).

Информация об авторе

Стефани Цихаус, аспирант Венского университета, г. Вена, Австрия, e-mail: ziehausstephanie@gmail.com

Information about the author

Stephanie Ziehaus, Postgraduate Student, University of Vienna, Vienna, Austria, e-mail: ziehausstephanie@gmail.com

Поступила в редакцию 16.01.2024

Одобрена после рецензирования 03.02.2024

Принята к публикации 25.02.2024

Received 16.01.2024

Approved 03.02.2024

Accepted 25.02.2024

Значение огнестрельного оружия в криминализации Восточной Сибири в начале XX века

Артем Сергеевич Петров
Забайкальского государственного университета, Чита, Россия, partem11@rambler.ru

Аннотация. Анализ разноплановых исторических источников показал, что население Восточной Сибири в начале XX века было перенасыщено как законным, так и незаконным, как гражданским, так и военным огнестрельным оружием. Оружие часто применялось сибирскими правонарушителями при совершении всевозможных тяжких преступлений: убийств, разбойных нападений, хулиганств, телесных повреждений. Частые хищения огнестрельного оружия существенно повышали его противоправный оборот, а также общую доступность к оружию обывателей и частоту его использования в противоправных целях. Оружие выступало существенным фактором влияния на криминализацию Восточной Сибири в начале XX века.

Ключевые слова: *Российская империя, Восточная Сибирь, огнестрельное оружие, револьвер, преступность, убийства, хищения, военные*

Для цитирования: Петров А. С. Значение огнестрельного оружия в криминализации Восточной Сибири в начале XX века // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 1. С. 81–88. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/81-88>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/81-88>

The importance of firearms in the criminalization of Eastern Siberia at the beginning of the twentieth century

Artem S. Petrov
Transbaikal State University, Chita, Russia, partem11@rambler.ru

Abstract. An analysis of diverse historical sources showed that the population of Eastern Siberia at the beginning of the twentieth century was oversaturated with both legal and illegal, both civilian and military firearms. Weapons were often used by Siberian criminals when committing all kinds of serious crimes: murders, robberies, hooliganism, and bodily harm. Frequent thefts of firearms significantly increased their illegal trafficking, as well as the general availability of weapons to ordinary people and the frequency of their use for illegal purposes. Weapons were a significant factor influencing the criminalization of Eastern Siberia at the beginning of the twentieth century.

Key words: *Russian Empire, Eastern Siberia, firearms, revolver, crime, murder, theft, military*

For citation: Petrov A. S. The importance of firearms in the criminalization of Eastern Siberia at the beginning of the twentieth century // Ojkumena. Regional researches. 2024. No. 1. P. 81–88. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/81-88>

Актуальность проведённого исследования обусловлена возможностью основательно осмыслить обсуждаемые в настоящее время в России предложения по введению в свободное обращение огнестрельного оружия. Научная значимость темы заключается в установлении роли огнестрельного оружия в криминализации отдалённого, провинциального, приграничного региона Российской империи в начале XX века. Следует отметить, что историками уже поднималась проблема значимости огнестрельного оружия в различных исторических процессах регионального значения [2, с. 116–121].

История дальневосточных рубежей России начала XX века особенным образом связана с преступностью. Проблема криминализации восточной части Российской империи в начале XX века поднималась и анализировалась многими исследователями, в том числе Н.А. Шабельниковой, В.В. Синиченко, А.А. Сысоевым. В своих работах, основанных на богатом фактическом и статистическом материале, ученые приходили к выводу о высокой криминальности восточных территорий Российской империи в начале XX века [3; 12; 18; 20; 21; 22; 26]. Примечательно, что в трудах, посвященных борьбе органов правоохранительных органов с преступностью, учёными также отмечался высокий уровень криминализации восточной части страны в начале XX века [6; 9; 19; 25; 27; 28].

В начале XX века территория Восточной Сибири по уровню преступности обычно находилась в числе лидеров. В пересчете на число жителей тяжких преступлений в Восточной Сибири ежегодно регистрировалось гораздо больше, чем в среднем по стране. Так, в 1909 г. в Российской империи на 157 079 500 жителей (без учёта Финляндии) всего было зарегистрировано 410 896 преступлений. При этом в Забайкальской области на 806 500 жителей было зарегистрировано 2670 тяжких преступлений. В Иркутской губер-

нии на 656 900 жителей было зарегистрировано 4421 тяжких преступлений (почти в два раза больше, чем в Забайкальской области). В пересчете на число жителей в общей сложности в Забайкальской области и Иркутской губернии было зарегистрировано примерно в 2 раза больше тяжких преступлений, чем в среднем по стране. Особенно же много из года в год в восточной части Сибири совершалось убийств. Всего в стране в 1909 г. на 157 079 500 жителей было совершено 30 942 убийства. При этом в Забайкальской области, где проживало 806 500 человек, было совершено 483 убийства. В Иркутской губернии, где проживало 656 900 человек, было совершено 620 убийств. В пересчете на число жителей убийств в Забайкальской области было совершено примерно в 3 раза больше, чем в среднем по Российской империи. В Иркутской губернии убийств было совершено примерно в 5 раз больше, чем в среднем по стране. Для сравнения, в Санкт-Петербурге, где в этот год проживало 1 930 900 человек, было зарегистрировано всего 575 убийств. В Москве, где проживало 1 459 800 человек, было зафиксировано 485 убийств [7, с. 34–52, 55, 60; 17, с. 210–215].

Высокий уровень преступности восточных территорий Сибири был обусловлен многими факторами. Не последнюю роль в этом играло и огнестрельное оружие, а вернее, его наличие у обывателей региона.

С одной стороны, частое использование в Восточной Сибири огнестрельного оружия в различных преступлениях было обусловлено множеством незаселённых, таёжных, тихих и укромных участков местности, где присутствовала возможность применения оружия без привлечения внимания посторонних лиц. Применять оружие в преступных целях в густонаселённых и освоенных территориях гораздо сложнее.

С другой стороны, общество Восточной Сибири в начале XX века было не просто насыщено, а перенасыщено как законным, так и незаконным, как гражданским, так и военным огнестрельным оружием. Точную численность оружия, имевшегося в пользовании у населения Иркутской губернии и Забайкальской области в начале XX века, установить сложно. Однако то, что его количественно было очень много и что оно очень часто применялось при совершении всевозможных преступлений, ярко свидетельствуют различные исторические источники.

Например, анализ направляемых в Департамент полиции сводок правонарушений показал, что при совершении убийств, которых на территории Восточной Сибири регистрировалось особенно много, способ причинения смерти был достаточно разнообразным. Периодически убивали в регионе нанесением колото-резаных и рубленых ран в жизненно важные части тела казачьими шашками, топорами, кинжалами, кухонными, охотничьими и перочинными ножами. Причиняли смерть металлическими хватками, стягами, деревянными палками, буюхом топора. Периодически совершали убийства сожжением, удушением, отравлением, перерезыванием горла и утоплением. Порой в Восточной Сибири убивали и ударами кулака по телу. Однако тщательный анализ материала и подсчет фактических данных показал, что чаще всего убийства в Восточной Сибири совершались с использованием огнестрельного оружия (выстрелами в жизненно важные части тела, к примеру, в грудь, живот, спину, голову). Обычно таких убийств ежегодно фиксировалось около 1/3. Это был самый высокий показатель среди всех средств, используемых при совершении убийств. При этом чаще всего для совершения убийства использовались револьверы, немного реже – винтовки и гладкоствольные ружья (РГИА. Ф. 1405. Оп. 441. 1914–1915гг. Д. 9327–1138. Л. 3; Оп. 442. 1915г. Д. 10718–1138. Л. 5–7об; ГАИО. Ф. 25. Оп. 6. К. 489. Д. 2677. Л. 50–56; К. 507. Д. 3109. Л. 5–8; К. 512. Д. 3227. Л. 3–4; Д. 3245. Л. 4–6; К. 529. Д. 3685. Л. 5–6; К. 569. Д. 4339. Л. 110; К. 613. Д. 5150. Л. 5; ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 7024. Л. 113, 124, 126, 131, 135, 280, 327, 356; Д. 10083. Л. 92–93об, 192–203об, 328–337, 340–347об, 351об–354, 357–363, 403об, 474; Д. 10085. Л. 10–13, 148–149, 159–170, 175–179, 362–363, 411–420; Д. 10086. Л. 6, 13об, 31–39, 42; Д. 10288. Л. 35–48, 101–133, 145–151, 212–224, 244–254; Д. 10325. Л. 70–77, 94–96об, 124, 128, 130, 141, 146, 149, 160, 163, 170, 177–178, 194–195, 238–239, 286, 294–296, 302, 341, 367–371, 375, 377–380, 384–390, 400, 415, 423, 427–440, 498, 524–525, 541, 603, 691–692, 724, 751, 754–757об, 790, 796, 809–811; Д. 15048. Л. 49–56, 68–80, 166–

171; Ф. 13. Оп. 2. Д. 41. Л. 6–7, 17–20, 28, 32; Д. 42. Л. 8, 12, 17, 26, 29, 36; Оп. 3. Д. 6. Л. 8, 28–29, 42, 69, 80, 102, 117; Ф. 24. Оп. 1. Д. 292. Л. 23–23об, 42–44, 50, 52, 56, 63, 66, 75–75об, 81; Д. 267. Л. 10–22, 34–45, 67–88, 95–99; Оп. 3. Д. 10. Л. 17, 27, 43, 46, 51, 55, 58, 69, 73, 85–86, 90, 96; Оп. 4. Д. 30. Л. 5, 27, 45–46, 100, 103, 128, 144, 153, 161, 197, 206)¹. Так, весьма характерное для Восточной Сибири убийство произошло 20 февраля 1912 г. в четырехклассном училище с. Петро-Заводское Забайкальской области. В тот день ученик четвертого класса Меер Вихнер выстрелом из револьвера в спину лишил жизни своего учителя Константина Ивановича Черепанова. Это была месть ученика за то, что учитель в прошлом проявил принципиальность и наказал Вихнера за шалость (ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 10122. Л. 132). Другой типичный случай произошёл в ночь с 26 на 27 октября 1913 г. в Читинском уезде, Забайкальской области. Утром 27 октября между п. Песчанка и расположением 14-го Сибирского стрелкового полка был найден труп стрелка 4 роты этого полка Мирона Жулина с огнестрельным ранением головы. Погибший являлся вестовым подполковника Кегеля. По подозрению в убийстве был задержан читинский мещанин Илья Даделин (ГАЗК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 374. Л. 77).

Использовалось огнестрельное оружие в Восточной Сибири в исследуемый период не только при совершении убийств, но и во время ссор и драк, при совершении хулиганств и разбойных нападений (ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 10085. Л. 416). Характерное преступление произошло 28 марта 1912 г., когда в степи на берегу реки в Татауровской волости Читинского уезда Забайкальской области крестьянин Алексей Сульженко во время ссоры из мести выстрелил из дробового ружья в односельчанина Осипа Алферова, чем нанес ему огнестрельное ранение шеи, правой лопатки и руки (ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 10122. Л. 204). Другим примером является преступление, произошедшее 9 мая 1915 г. В тот день в 3 верстах от селения Верхняя Кара Нерчинского уезда Забайкальской области 2 неизвестных лица осуществляли прицельные выстрелы из берданок в китайского подданного Фан-ты-суня, который ехал верхом на лошади на прииск "Лобазная". Выстрелами преступники причинили Фан-ты-суню ранение правой руки (ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 10122. Л. 263).

Оружие в Восточной Сибири в руках у преступников оказывалось в следствии различных причин. Однако существенный вклад в насыщение регион оружием, его распространение и частое использование вносили военнослужащие Российской армии и казачество, которые массово содержались государственной властью в восточной части империи. Необходимость содержать в Восточной Сибири крупные воинские формирования возникла из-за приграничного положения региона и его стратегической важности (РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. 1906–1916 гг. Д. 37. Л. 18–19об, 30). Концентрация военных и казаков в регионе была очень высокая. Если в Российской империи в начале XX века крестьянское сословие было преобладающим, то в Восточной Сибири военные чины и казаки с лёгкостью конкурировали с крестьянами. Поэтому Восточная Сибирь была далеко не крестьянским, а военно-казачьим регионом (ГАЗК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 312. Л. 2–2об, 228; Оп. 2. Д. 64. Л. 81об, 84) [4, отд. 5, с. 11–12, 15; 5, отд. 7, с. 15, 17, 24; 1, с. 57; 11, приложение – численность населения по сословиям с. 2–3].

С одной стороны, сами военные чины и казаки, наделённые служебным огнестрельным оружием, часто использовали его в противоправной деятельности. Например, в ночь на 29 августа 1910 г. казаки 1-го Верхнеудинского казачьего полка Михаил Хлебников и Прокопий Шильников избили крестьянина Степана Гольсова. При задержании с поличным казаки, используя табельное оружие, оказали полицейским чинам вооруженное сопротивление (ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 10083. Л. 96).

С другой стороны, служебным оружием военных и казаков достаточно часто пользовались совершенно посторонние лица. Оружие военные чины и казаки растрачивали (теряли, продавали, обменивали, дарили). Характерный для Восточной Сибири случай произошел 2 августа 1910 г., когда в г.

¹ ГАЗК – Государственный архив Забайкальского края;
 ГАИО – Государственный архив Иркутской области;
 РГИА – Российский государственный исторический архив

Чите в вечернее время за железнодорожной линией возле Артиллерийского склада на телеге, запряженной парой лошадей, был задержан читинский мещанин Абрам Магит и нижний чин артиллерийского склада Андрей Литвин. В их телеге оказалось 18 трехлинейных винтовок, похищенных из оружейной мастерской артиллерийского склада. При дальнейших розыскных мероприятиях в пустом доме на углу улиц Амурской и Селенгинской найдено ещё 19 похищенных ими винтовок (ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 10086. Л. 22–22об). Периодически преступники отбирали оружие у военных. Особенно же часто в регионе случались кражи военного оружия. Очень крупные кражи военного огнестрельного оружия произошли в 1906 г. К примеру, 4 января 1906 г. в Чите было разворовано 13 вагонов с боевым оружием, которое перевозилось с Манчжурии. Затем спустя 8 дней (12 января 1906 г.) с железнодорожных вагонов было похищено ещё 8407 боевых винтовок, 3750 пудов патронов, 900 пудов пироксилиновых пашек [8, с. 284]. Всё это мощно насыщало восточную часть Сибири огнестрельным оружием.

Но не только военные и казаки обладали огнестрельным оружием. В Восточной Сибири в большом количестве оружие имелось и у чиновников различных государственных ведомств, в том числе правоохранительных. Выдавалось оно также и служащим различных государственных и частных организаций: сторожам, охранникам, вахтерам, железнодорожным кондукторам и т.п. Примечательно, что те, кто по служебной необходимости был наделен правом ношения и применения огнестрельного оружия, достаточно часто использовали его не по назначению. Например, 2 апреля 1913 г. на Сенной площади г. Читы Забайкальской области в 20 часов в доме терпимости Кузиной в состоянии опьянения тюремные надзиратели Читинской тюрьмы Малышев, Карензский и Сычев достали служебное оружие и беспричинно произвели 5 выстрелов в граждан, находящихся в доме терпимости. При задержании и преследовании эти тюремные надзиратели оказали вооруженное сопротивление ещё и прибывшим для разбирательства сотрудникам полиции, произведя и в полицейских несколько выстрелов (ГАЗК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 374. Л. 32).

Обычные жители Восточной Сибири, не осуществлявшие какую-либо служебную деятельность и не наделённые правом иметь и использовать огнестрельное оружие по служебной необходимости, также в достаточном количестве имели огнестрельное оружие в личном пользовании. Те же обыватели, кто по какой-либо причине ещё не приобрел оружие, всеми силами стремились его приобрести как законными, так и незаконными методами. Во-первых, сельская и таежная местность порождала насущную потребность иметь оружие как с целью пропитания, так и с целью самообороны от диких лесных зверей. Во-вторых, в Восточной Сибири многие жители не раз становились жертвами всевозможных преступлений. Они считали, что, проживая в регионе с высоким уровнем преступности, защитить себя и своих близких возможно только с помощью огнестрельного оружия. В-третьих, приобрести оружие нередко стремились и преступники, которые обладали преступным опытом и понимали, что совершать имущественные и насильственные преступления с помощью огнестрельного оружия гораздо легче.

На огнестрельное оружие в восточной окраине империи у населения имелся очень большой спрос. Периодическая печать в городах региона пестрила объявлениями о его продаже и ремонте [13]. Практически в каждом более-менее крупном городе Восточной Сибири было несколько оружейных магазинов, а также мастерских [23, с. 174]. При этом нередко в магазинах и мастерских отсутствовала должная охрана оружия. К примеру, 11 июня 1913 г. в городе Чите Забайкальской области по Александровской улице из оружейного магазина, принадлежащего Марии Ивановне Виноградовой, в часы торговли неустановленными лицами было похищено 3 револьвера системы "Маузер" и один системы "Боярд" на общую сумму 99 рублей (ГАЗК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 374. Л. 51–52).

Следует отметить, что общая доступность огнестрельного оружия в регионе из года в год увеличивалась благодаря частым случаям его хищения (ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 10085. Л. 12–12об; Ф. 26. Оп. 1. Д. 374. Л. 96–97). Выше уже упоминалось о частых и крупных хищениях оружия у военных. Однако массово похищалось оружие ещё и у гражданских лиц. Так как среди обывателей особенно высок был спрос на короткоствольные виды оружия, то

чаще всего в восточной части Сибири похищали револьверы. В исторических источниках сообщений о хищении револьверов встречается огромное множество (ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 7024. Л. 223об; Д. 10083. Л. 274, 296, 455–457; Д. 10085. Л. 416об; Д. 10086. Л. 27–27об; Д. 10325. Л. 290–290об, 356об, 786об; Д. 10122. Л. 197об, 221об; Ф. 26. Оп. 1. Д. 374. Л. 75; Д. 427. Л. 36, 59–59об) [10]. Типичный пример хищения револьвера наблюдался в г. Иркутске 12 октября 1914 г. В тот день по ул. Жандармской д. 8 из квартиры Надежды Васильевой, которая являлась супругой военного офицера, был похищен револьвер системы "Смита и Виссона" стоимостью 30 рублей [14]. Порой количество похищенных револьверов исчислялось несколькими десятками. Например, 21 апреля 1911 г. в Забайкальской области, на ст. Чита-2, из оружейной комнаты нарядчика железнодорожных кондукторских бригад путем подбора ключа было похищено 57 револьверов системы "Смита и Виссона" и 6443 боевых патрона (ГАЗК. Ф. 305. Оп. 1. Д. 59. Л. 189). Периодически похищали ружья, берданки и трехлинейные винтовки (ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 10083. Л. 155–156, 332об; Д. 10325. Л. 713; Д. 10122. Л. 237об, 273, 359об). Ружья и винтовки также нередко похищали десятками (ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 7024. Л. 349; Д. 10086. Л. 27–27об; Ф. 13. Оп. 3. Д. 6. Л. 68–70; Ф. 26. Оп. 1. Д. 427. Л. 39). Воровали в регионе взрывчатые вещества, динамит, порох и боеприпасы к огнестрельному оружию (ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 10083л. 196об; Д. 10325. Л. 84об; Ф. 13. Оп. 3. Д. 6. Л. 5).

Примечательно, что, с одной стороны, обыватели Восточной Сибири, владеющие огнестрельным оружием, часто беспечно относились к его сохранности и нередко хранили оружие в незапертых жилых помещениях, а порой и даже в незапертых хозяйственных постройках: сенах, кладовых и амбарах (ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 10325. Л. 713) [4]. Так, днем 3 апреля 1912 г. в Баргун-Нарингуйтайском булуке Верхнеудинского уезда Забайкальской области в незапертое жилое помещение инородца Очира Ирдынеева проник ссыльно-поселенец Тамирской волости Верхнеудинского уезда Егор Зюзин и похитил берданку (ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 10122. Л. 237об–238). С другой стороны, и бдительное отношение к сохранности оружия не всегда предотвращало его утрату. Местный криминалитет в буквальном смысле охотился за огнестрельным оружием. Нередко именно огнестрельное оружие становилось целью кражи. В регионе встречались случаи похищения огнестрельного оружия даже из судебных и следственных кабинетов. Это было уже однажды похищенное оружие, затем найденное, изъятое и приобщенное к материалам уголовного дела в качестве вещественных доказательств (ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 10083. Л. 456).

Часто в регионе огнестрельное оружие отбирали в результате грабежа или разбойного нападения (ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 10122. Л. 63, 263–263об, 344об, 398). Например, 12 сентября 1910 г. в 22 часа греческий подданный Фоку Герасимов Лазарато, проходя по Семеновской улице на Дальнем вокзале в городе Чите Забайкальской области, подвергся нападению двух неизвестных лиц. Они сдавили Лазарато горло и отобрали револьвер, которым он намеревался защититься (ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 10083. Л. 140). Ещё в качестве примера можно привести преступление, произошедшее в 14 октября 1914 г. около 19 часов на ул. Мало-Ланинской в г. Иркутске. В тот вечер вооруженные револьверами 3 злоумышленника напали на иркутского крестьянина Константина Григорьева Иванова и отобрали у него часы, 2 рубля, а также револьвер системы "Смита и Виссона" [15].

В итоге получалось так, что огнестрельным оружием обладало практически всё взрослое население региона. Одни обыватели Восточной Сибири имели оружие на законных основаниях, другие добывали его незаконным образом. Хотя незаконное хранение и ношение огнестрельного оружия в то время каралось законом [24, ст. 117]. К суду же в регионе за незаконное хранение и ношение огнестрельного оружия привлекали крайне редко. Да и тяжесть наказания в самом худшем случае была не более 5 дней ареста или 25 рублей штрафа (ГАЗК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 22. Л. 199).

Огнестрельное оружие нередко в Восточной Сибири имели священнослужители. Множество несчастных случаев с участием детей и подростков, в руках которых оказывалось огнестрельное оружие, свидетельствует о том, что доступ к нему имели подростки и дети (ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 10083.

Л. 276; Д. 10325. Л. 572об; Ф. 26. Оп. 1. Д. 427. Л. 17) [16]. Например, 7 февраля 1913 г. в 12 часов дня на ул. Корейской в г. Чите выстрелом из револьвера "Монте-Кристо" нечаянно смертельно ранил себя в живот мальчик 11 лет Павел Стуков, сын священника Михаила Стукова (**ГАЗК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 374. Л. 18**). Другой случай произошёл 29 ноября 1915 г. в 24 часа в поселке при станции Амазар западной части Амурской железной дороги. Во время драки выстрелом из револьвера 16 летний сын крестьянина Степан Потапов ранил в грудь Алексея Леонова, которому также было 16 лет (**ГАЗК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 374. Л. 743об**). Множественные случаи самоубийств в Восточной Сибири с применением огнестрельного оружия дополнительно свидетельствуют о насыщенности оружия в местном обществе (**ГАЗК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 374. Л. 32об, 39об, 63–63об**).

В свете этого уместным будет привести характеристику криминальной обстановки в административном центре Забайкалья, сделанной Военным губернатором области генералом М.И. Эбеловым. По сообщению губернатора, на рубеже конца 1906 – начала 1907 гг. общественная безопасность в городе была в крайне неудовлетворительном состоянии. Грабежи, разбои, насилия были просто заурадными явлениями. В ночное же время город наполнялся неумолкающей уличной стрельбой, что приводило просто в трепет все добропорядочное население (**ГАЗК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 22. Л. 81–84**). Выявленные по заявленной проблеме материалы подчеркивают и слова Н.М. Ядринцева о том, что из-за преступлений Сибирь была похожа на постоянное поле битвы, где оставшиеся в живых мало говорили об убитых [29, с. 224].

Таким образом, в начале XX века территория Восточной Сибири отличалась повышенным уровнем тяжкой преступности. По убийствам Восточная Сибирь находилась и вовсе в числе лидеров. Существенное влияние на криминальную обстановку оказывала насыщенность региона огнестрельным оружием. Огнестрельное оружие выступало существенным фактором, влиявшим как на уровень, так и на характер преступности в Восточной Сибири. Специфические условия жизни региона стимулировали местное население приобретать огнестрельное оружие как законным, так и незаконным способом. Постоянные хищения оружия существенно повышали его доступность и частоту использования в противоправных целях. Огромную роль в насыщении регион оружием играли воинские формирования, сконцентрированные в начале XX века в Восточной Сибири в достаточно крупном количестве.

Литература

1. Алепко А.В. Служба охраны границ России (IX–XX вв.). Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2018. 461 с.
2. Безай О.В., Безгин В.Б. "Прощай, оружие!": значение оружия в Тамбовском восстании 1920–1921 гг. // Проблемы аграрной истории России. Материалы Третьей Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию профессора В.М. Важинского (1930–2010). Липецк, 2020. С. 116–121.
3. Васильева Н.Л. Преступность на Дальнем Востоке: история и современность // Современные тенденции развития науки и технологий. 2017. № 2-7. С. 16–22.
4. Весь Иркутск с отделом Забайкальской области. Адресно-справочная и торгово-промышленная книга на 1908 г. (1-й год издания) / изд. Е.Р. Бендер. Иркутск: Электро-типография С.А. Серебрянникова, 1908. 345 с.
5. Весь Иркутск с отделами Забайкальской и Якутской областей. Адресная и справочная книга на 1909 г. (2-й год издания) / изд. Е.Р. Бендер, сост. Н. Бендер. Иркутск: Типография Макушина и Посохина, 1909. 545 с.
6. Гамерман Е.В. Правоохранительные органы российского Дальнего Востока во второй половине XIX–начале XX вв. (1856–1917 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2008. 236 с.
7. Ежегодник России 1909 г. (год шестой). Издание центрального статистического комитета МВД. СПб.: Типо-литография Н.Л. Ныркина, 1910. 476 с.
8. История Сибири. В 5 т. / под ред. А.П. Окладникова. Л.: Наука, 1968. Т.3. 529 с.
9. Коробченко А.И., Синиченко В.В. История правоохранительной деятельности полицейских служб России в отношении китайского населения в период с 1860 по 1917 гг. (на примере Восточной Сибири и русского Дальнего Востока). Иркутск: Оттиск, 2011. 162 с.
10. Кража в поезде // Восточная заря. 15.07.1909. № 71. С. 2.

11. Обзор Забайкальской области за 1910 год. Чита: Типография Забайкальского областного правления, 1911. 144 с., приложения и ведомости.
12. Поздняк Т.З. Опыт легализации опиокурения во Владивостоке в начале XX в. // Известия Восточного института. 2021. № 1 (49). С. 6–19.
13. Продаются // Забайкальская новь. 21.02.1910. № 783. С. 4.
14. Происшествия – кража // Иркутская жизнь. 14.10.1914. № 40. С. 4.
15. Происшествия – ограбление // Иркутская жизнь. 16.10.1914. № 42. С. 4.
16. Происшествия – неосторожное обращение с ружьем // Иркутская жизнь. 29.12.1914. № 115. С. 4.
17. Сборник статистических сведений министерства юстиции. Выпуск 25. Сведения о личном составе и о деятельности судебных установлений Европейской и Азиатской России за 1909 г. Издание 1 Департамента МЮ по 3-му делопроизводству, статистического отделения. СПб.: Сенатская типография, 1911.
18. Синиченко В.В. Вооруженное вторжение в Россию китайских незаконных формирований в июле 1915 г. (неизвестные страницы истории Первой мировой войны) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 3. С. 177–189. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-3-177-189>.
19. Синиченко В.В. Деятельность корчемной стражи и акцизного надзора на востоке Российской империи // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2020. № 2 (88). С. 20–27.
20. Синиченко В.В. Правонарушения иностранцев на востоке Российской империи во второй половине XIX – начале XX веков. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2003. 191 с.
21. Сысоев А.А. Пенитенциарный рецидив как проявление множественной уголовной преступности в Восточной Сибири на рубеже XIX – XX столетий // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2019. № 2 (36). С. 177–182.
22. Сысоев А.А. Умышленные убийства на территории Восточной Сибири досоветского времени // Известия лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 1 (42). С. 151–160.
23. Торгово-промышленный ежегодник на 1910 год. Вся Чита и Забайкалье с отделом Приамурья в районе постройки Амурской железной дороги. Чита: Типография товарищества Беркут и сын, 1910. 237 с.
24. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Издание 1885 г. С дополнениями по продолжению 1885 г., с приложением мотивов и извлечений из решений кассационных Департамента Сената / изд. Н.С. Таганцевым. 14-е изд., доп. СПб.: Государственная типография, 1902. 437 с.
25. Шабельникова Н.А., Беляева Н.А. Деятельность правоохранительных органов и спецслужб на Дальнем Востоке России в ракурсе современных отечественных исследований // Клио. 2023. № 7 (199). С. 29–38.
26. Шабельникова Н.А. Исторический феномен хунхузнчества в рамках современной историографии // Клио. 2021. № 3 (171). С. 45–52.
27. Шабельникова Н.А. На страже правопорядка: история органов внутренних дел России в современной дальневосточной историографии // Клио. 2020. № 5 (161). С. 20–27.
28. Шелудько В.О. Российская полиция на Северо-Востоке Китая в конце XIX–начале XX вв. // Клио. 2019. № 10 (154). С. 32–37.
29. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении // История Сибири. Первоисточники. Выпуск III / отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 555 с.

References

1. Alepko A.V. Russian Border Protection Service (IX–XX centuries). Khabarovsk: Pacific State University, 2018. 461 p. (In Russ.).
2. Bezai O.V., Bezgin V.B. "Farewell to arms!": the meaning of weapons in the Tambov uprising of 1920–1921 // Problems of the agrarian history of Russia. Materials of the Third All-Russian Scientific Conference dedicated to the 90th anniversary of Professor V.M. Vazhinsky (1930–2010). Lipetsk, 2020. P. 116–121. (In Russ.).
3. Vasilyeva N.L. Crime in the Far East: history and modernity // Modern trends in the development of science and technology. 2017. No. 2-7. P. 16–22. (In Russ.).
4. All of Irkutsk with the department of the Transbaikalian region. Address, reference and trade and industrial book for 1908 (1st year of publication) / ed. E.R. Bender. Irkutsk: Electro-printing house S.A. Serbryannikova, 1908. 345 p. (In Russ.);
5. All of Irkutsk with departments of the Transbaikalian and Yakutsk regions. Address and reference book for 1909 (2nd year of publication) / ed. E.R. Bender, comp. N. Bender. Irkutsk: Printing house of Makushin and Posokhin, 1909. 545 p. (In Russ.).
6. Gamerman E.V. Law enforcement agencies of the Russian Far East in the second half of the nineteenth and early twentieth centuries. (1856–1917). Vladivostok: Dalnauka, 2008. 236 p. (In Russ.).

7. Yearbook of Russia 1909 (sixth year). Publication of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. St. Petersburg: Typo-lithography N.L. Nyrkina, 1910. 476 p. (In Russ.).
8. History of Siberia. In 5 volumes / ed. A.P. Okladnikova. – L.: Science, 1968. V. 3. 529 p. (In Russ.).
9. Korobchenko A.I., Sinichenko V.V. History of law enforcement activities of Russian police services in relation to the Chinese population in the period from 1860 to 1917. (using the example of Eastern Siberia and the Russian Far East). Irkutsk: Ottisk, 2011. 162 p. (In Russ.).
10. Theft on a train // Eastern Dawn. 07.15.1909. No. 71. P. 2. (In Russ.).
11. Review of the Transbaikal region for 1910. Chita: Printing house of the Transbaikal regional government, 1911. 144 p., appendices and statements. (In Russ.).
12. Pozdnyak T.Z. The experience of legalizing opiate smoking in Vladivostok at the beginning of the twentieth century // News of the Eastern Institute. 2021. No. 1 (49). P. 6–19. (In Russ.).
13. For sale // Transbaikal news. 02.21.1910. No. 783. P. 4. (In Russ.).
14. Incidents – theft // Irkutsk life. 10.14.1914. No. 40. P. 4. (In Russ.).
15. Incidents – robbery // Irkutsk life. 10.16.1914. No. 42. P. 4. (In Russ.).
16. Incidents – careless handling of a gun // Irkutsk life. 12.29.1914. No. 115. P. 4. (In Russ.).
17. Collection of statistical information of the Ministry of Justice. Issue 25. Information on the personnel and activities of judicial institutions of European and Asian Russia for 1909. Edition 1 of the Department of the Ministry of Justice for the 3rd Office of Records Management, Statistical Division. St. Petersburg: Senate Printing House, 1911. (In Russ.).
18. Sinichenko V.V. Armed invasion of Russia by Chinese illegal groups in July 1915 (unknown pages of the history of the First World War) // News of the Laboratory of Ancient Technologies. 2019. Vol. 15. No. 3. P. 177–189. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-3-177-189>. (In Russ.).
19. Sinichenko V.V. Activities of tavern guards and excise supervision in the east of the Russian Empire // Bulletin of the Ufa Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 2 (88). P. 20–27. (In Russ.).
20. Sinichenko V.V. Crimes of foreigners in the east of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2003. 191 p. (In Russ.).
21. Sysyoyev A.A. Penitentiary recidivism as a manifestation of multiple criminal offenses in Eastern Siberia at the turn of the 19th – 20th centuries // Problems of socio-economic development of Siberia. 2019. No. 2 (36). P. 177–182. (In Russ.).
22. Sysyoyev A.A. Intentional murders on the territory of Eastern Siberia in pre-Soviet times // News of the Laboratory of Ancient Technologies. 2022. V. 18. No. 1 (42). P. 151–160. (In Russ.).
23. Trade and industrial yearbook for 1910. All of Chita and Transbaikalia with the Amur region section in the area where the Amur Railway was built. Chita: Printing house of the Berkut and Son partnership, 1910. 237 p. (In Russ.).
24. Charter on punishments imposed by justices of the peace. Edition 1885. With additions to continue 1885, with the application of motives and extracts from the decisions of the cassation Department of the Senate / ed. N.S. Tagantsev. 14th ed., add. St. Petersburg: State Printing House, 1902. 437 p. (In Russ.).
25. Shabelnikova N.A., Belyaeva N.A. Activities of law enforcement agencies and intelligence services in the Russian Far East from the perspective of modern domestic research // Clio. 2023. No. 7 (199). P. 29–38. (In Russ.).
26. Shabelnikova N.A. The historical phenomenon of Honghuzism within the framework of modern historiography // Clio. 2021. No. 3 (171). P. 45–52. (In Russ.).
27. Shabelnikova N.A. On guard of law and order: the history of the internal affairs bodies of Russia in modern Far Eastern historiography // Clio. 2020. No. 5 (161). P. 20–27. (In Russ.).
28. Sheludko V.O. Russian police in Northeast China at the end of the 19th and beginning of the 20th centuries // Clio. 2019. No. 10 (154). P. 32–37. (In Russ.).
29. Yadrintsev N.M. Siberia as a colony in geographical, ethnographic and historical terms // History of Siberia. Primary sources. Issue III / resp. ed. L.M. Goryushkin. Novosibirsk: Siberian Chronograph, 2003. 555 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Артем Сергеевич Петров, канд. ист. наук, доцент кафедры международного права и международных связей Забайкальского государственного университета, г. Чита, Россия, e-mail: partem11@rambler.ru

Information about the author

Artem S. Petrov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of International Law and International Relations, Transbaikal State University, Chita, Russia, e-mail: partem11@rambler.ru

История города Советская Гавань в контексте советской урбанизации

Сергей Александрович Власов
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия, vlasov54@bk.ru

Аннотация. В статье исследована история становления и развития малого дальневосточного города Советская Гавань через призму урбанизационных процессов, проходивших в стране в годы советской власти. Ранее существовавшее поселение получило статус города благодаря индустриализации, когда на Дальнем Востоке создавались промышленные предприятия, в том числе и судоремонтные заводы, которые появились в Советской Гавани и дали импульс для становления и развития города. Выявлено, что наиболее благоприятный период для Советской Гавани пришелся на 1960–1980-е гг., когда росло население, велось жилищное строительство, создавались объекты социально-бытовой и культурной инфраструктуры, улучшающие жизнь горожан, у них формировался городской образ жизни. Отмечено, что "успешность" развития города носила во многом условный характер, т.к. ряд проблем повседневной жизни жителей Советской Гавани так и не был решен.

Ключевые слова: индустриализация, судоремонтные заводы, малый город, социально-бытовая инфраструктура, градообразующие и градообслуживающие предприятия

Для цитирования: Власов С. А. История города Советская Гавань в контексте советской урбанизации // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 1. С. 89–95. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/89-95>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/89-95>

History of the city of Sovetskaya Gavan in the context of Soviet urbanization

Sergei A. Vlasov
Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch
of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, vlasov54@bk.ru

Abstract: The article explores the history of the formation and development of a small Far Eastern city – Sovetskaya Gavan through the prism of urbanization processes that took place in the country during the pride of Soviet power. The previously existing building received city status thanks to industrialization, when industrial enterprises were created in the Far East, including ship repair plants, which appeared in Sovetskaya Gavan and gave impetus to the formation and development of the city. It was revealed that the most favorable period for Sovetskaya Gavan occurred in the 1960s – 1980s, when the population grew, housing construction was carried out, social, everyday and cultural infrastructure facilities were created that improved the lives of citizens, and their urban lifestyle was formed. It is noted that the "success" of the city's development was largely conditional, since a number of problems in the everyday life of the residents of Sovetskaya Gavan were never resolved.

Key words: industrialization, ship repair yards, small towns, social infrastructure, city-forming and city-servicing enterprises

For citation: Vlasov S. A. History of the city of Sovetskaya Gavan in the context of Soviet urbanization // Ojkumena. Regional researches. 2024. No. 1. P. 89–95. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/89-95>

Урбанизация – это процесс, связанный с появлением новых городов, развитием существующих, ростом и концентрацией населения в городах, повышением их роли в социально-экономическом развитии общества, а также распространением городского образа жизни на всю сеть населенных мест. Урбанизация – явление общемировое, характерное для всей человеческой цивилизации, она получила развитие поначалу в странах Западной Европы и Северной Америки в XIX в, где развернулась промышленная революция, сопровождавшаяся созданием фабрик и заводов в городах, что повлекло туда большой приток людей. В конце XIX и начале XX в. эти процессы охватили другие страны мира, в том числе и Россию.

Началом советской урбанизации стала индустриализация, когда появляются новые города, развиваются уже существующие, растет городское население. За четыре десятилетия (1930-е – 1960-е гг.) наша страна осуществила исторический переход от сельского, патриархального, аграрного общества к городскому и индустриальному, численность городского населения существенно выросла, в 1970 г. его доля составила 56,3% [1, с. 88].

С индустриализацией, промышленным развитием Дальнего Востока, начавшимся в 1930-е гг., связано появление в регионе новых городов, в том числе и Советской Гавани – регионального центра судоремонта.

Историография становления и развития города Советская Гавань насчитывает всего несколько работ. Все наиболее значимые, заслуживающие интерес научной общественности, упомянуты в тексте, нет необходимости вы-

делять какие-либо из них особо. Поскольку публикаций обобщающего характера, рассматривающих историю города комплексно, всесторонне в контексте советской урбанизации нет, данная статья является новым вкладом в исследование одного из малых дальневосточных городов.

До начала индустриализации единственным местом на Тихоокеанском побережье нашей страны, где ремонтировались морские суда, был Дальзавод во Владивостоке. В то время как потребность в предприятиях подобного профиля была крайне необходима, поскольку Морской торговый флот пополнялся новыми судами, росла численность боевых кораблей Тихоокеанского флота, новые суда появлялись в рыбопромысловом флоте – все они нуждались в периодическом ремонте. Поэтому в первой половине 1930-х гг. было принято решение о создании целой серии предприятий судостроительной и судоремонтной промышленности в разных местах Дальнего Востока (Комсомольск-на-Амуре, Николаевск-на-Амуре, Петропавловск-Камчатский), в том числе и в Советской Гавани.

В 1935 г. в одной из бухт залива Советская гавань началось строительство судоремонтного завода. Он еще находился в стадии становления – велись строительные работы, монтаж оборудования, его производственные мощности были готовы на треть, тем не менее, когда летом 1937 г. на завод прибыл плавучий док, это позволило приступить к ремонту первого судна и успешно завершить его в конце года. В 1938–1939 гг. на заводе было отремонтировано 22 судна [3, с. 156].

Одновременно со строительством судоремонтного завода вблизи, по берегам соседних бухт, возводились и начинали работать другие предприятия, необходимые будущему городу: лесопильный завод, рыбокомбинат, мелькомбинат, Дальневосточная электростанция специального назначения (ДЭСНА).

В 1939 г. Советская Гавань официально получила статус рабочего поселка, а 18 января 1941 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР рабочий поселок был переименовывается в город.

В годы Великой Отечественной войны в Советской Гавани начал работать второй судоремонтный завод № 263 (Северный судоремонтный завод – ССРЗ). Таким образом, город стал одним из центров судоремонтной промышленности Дальнего Востока.

В послевоенные годы, когда все ресурсы были направлены на восстановление западных районов страны, пострадавших от боевых действий и оккупации, Дальнему Востоку, в том числе и Советской Гавани, внимания не уделялось. Город практически не развивался и испытывал все проблемы, присущие другим дальневосточным городам – неразвитость социально-бытовой инфраструктуры, нехватку жилья, дефицит продуктов и товаров, что являлось особенностью советской модели урбанизации, когда в первую очередь уделялось внимание промышленному развитию, а социальная сфера была вторичной. Секретарь Советско-Гаванского горкома ВКП(б) Фомичев в своем выступлении на Приморской краевой партконференции (февраль 1948 г.) отмечал, что жилищно-коммунальное хозяйство города неразвито, не хватает жилья, лечебных учреждений, школьных зданий, нет коммунальной бани, кинотеатра и других социально-бытовых и культурных объектов (**Государственный архив Приморского края. Ф. П-68. Оп. 6. Д. 84. Л. 153**). Большая часть города была не благоустроена, на многих улицах отсутствовали тротуары и уличное освещение; дороги находились в непроезжем состоянии. Население города плохо обеспечивалось продовольственными и промышленными товарами (**Государственный архив Хабаровского края. ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 14. Д. 154. Л. 7, 19**). К этому нужно добавить, что так называемые "горожане" проживали в индивидуальных домах и одноэтажных строениях барачного типа. По своему облику Советская Гавань никак не соответствовала статусу города, а образ жизни "горожан" с их ментальностью, жизненным укладом, уровнем общей и бытовой культуры более соответствовал сельским жителям, чем городским.

Важным событием для города стало полное завершение строительства железной дороги Комсомольск-на-Амуре – Советская Гавань (Сортировочная) и начало регулярного железнодорожного сообщения по ней 20 июля 1947 г. Поскольку дорога проходила по территории Хабаровского края, а город находился на территории Приморского, Президиум Верховного Совета РСФСР

своим Указом от 15 сентября 1948 г. включил г. Советская Гавань с прилегающим районом в состав Хабаровского края.

По завершению послевоенного восстановления правительство стало больше уделять внимания восточным районам страны, для Советской Гавани это выразилось в решении Совета Министров СССР 1950 г. о строительстве крупного судостроительного завода, который предполагалось возводить в районе бухты Эгге. Возведение еще одного промышленного предприятия должно было дать дополнительный импульс в развитии города (планировалось, что в городе будет проживать 50 тыс. чел.). Выполнять поставленную задачу поручалось Управлению исправительно-трудовых лагерей и Стройтресту № 508 [9, с. 11]. К работам помимо заключенных привлекали и вольнонаемных рабочих, в 1951 г. на строительстве было задействовано почти 10 тыс. чел. (ГАХК. Ф. П-617. Оп. 6. Д. 85. Л. 111)

В первое время велись работы по созданию необходимой транспортной инфраструктуры, прежде всего, дорог и мостов, поскольку от железнодорожной станции до города перевозки осуществлялись в летнее время водным транспортом, а в зимнее – ледовой переправой через бухту. Кроме того, нужно было построить хотя бы простейшее, в виде бараков жильё для вновь прибывших. За три года (1951–1953 гг.) были построены ЛЭП, железная и шоссейная дороги от железнодорожной станции Совгавань-Сортировочная до города, возведены жилые поселки из сборно-щитовых домов барачного типа в Первом и Третьем районе, а для рабочих и служащих Стройтреста № 508 – добротные рубленые четырех-квартирные дома в пос. Окоча [7, с. 241].

В 1954 г. строительство судостроительного завода было законсервировано, первоначальный проект сначала пересмотрели, а затем от него окончательно отказались. Тем самым дальнейшие перспективы по росту города оказались не такими обнадеживающими, как ранее. Но город все же развивался, хотя и не так быстро. Он застраивался согласно генеральному плану, разработанному группой архитекторов института "Ленгипрогор" под руководством А.М. Тидемана (ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 14. Д. 499. Л. 19). В центральной части города на ул. Приморской возводились капитальные строения: жилые трехэтажные дома, здание больницы, гастроном, общежитие для работников Северного судоремонтного завода. С завершением в 1955 г. строительства Дома культуры со сквером и площадью центр Советской Гавани приобретает вид, соответствующий статусу города.

12 сентября 1957 г. Президиум Верховного Совета РСФСР принял Указ, согласно которому города классифицировались на малые, средние, большие и крупные в зависимости от численности населения. Советская Гавань с населением в 25 тыс. чел. [10, с. 70], относилась к малым городам, численность населения которых составляла 12–50 тыс. чел.

Динамичное, поступательное развитие города началось на рубеже конца 1950-х – начала 1960-х гг., что было связано с переменами, проходившими в эти годы в стране. Это было время хрущевской "оттепели", когда партией и правительством был взят новый курс на социально-экономическое развитие страны, в частности, меняется социальная политика, та область жизнедеятельности общества, где реализуются важные потребности человека в жилье, продуктах, товарах, услугах, культуре и образовании. Партия и правительство принимают целый ряд постановлений, направленных на решение социальных проблем, улучшение материального благосостояния и повышение уровня жизни населения. Говоря современным языком, начинается реализация целого ряда программ и проектов, в том числе амбициозной программы массового жилищного строительства, которая должна была "решить жилищную проблему в ближайшие годы". В 1957 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР принимают постановление "О развитии жилищного строительства в СССР" [6], положившее начало широкомасштабному жилищному строительству по всей стране, в том числе на Дальнем Востоке и в Советской Гавани в частности. Город начинает застраиваться типовыми четырех и пятиэтажными домами, квартиры в которых предоставлялись рядовым жителям города из расчета каждой семье отдельную квартиру, а не комнату, как это было ранее. Согласно архивным данным, в начале 1970-х гг. 61% жилья в городе – это многоэтажные, многоквартирные дома с полным набором коммунальных услуг (ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 22. Д. 5. Л. 96).

Помимо жилья в городе строятся и другие объекты социально-бытовой и культурной инфраструктуры. К построенному в 1955 г. Дому культуры добавился кинотеатр "Авангард" (декабрь 1963 г.), открываются новые предприятия торговли, общественного питания и службы быта, медицинские учреждения. Получает развитие общественный транспорт – автобус, легковой такси, морской трамвай. Так, только за один 1962 г. в город поступило 11 автобусов и 8 легковых такси. С пуском асфальтового завода ведутся работы по асфальтированию улиц и шоссе, связывающего город с портом Ванино и железнодорожной станцией Советская Гавань – Сортировочная (ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 14. Д. 499. Л. 71–72).

Меняется образ жизни жителей города, заметно растет их благосостояние. В 1960-е гг. в бытовую повседневность рядовых советских граждан входят товары длительного пользования, которые раньше были им не доступны: стиральные машины, холодильники, радиоприемники, мебель и т.д. Это происходит и в жизни жителей Советской Гавани, они приобретают разнообразные товары широкого потребления, бытовую технику, для ремонта и обслуживания которой в городе создается сеть мастерских; открываются другие предприятия сферы быта – ателье индивидуального пошива одежды, сапожные мастерские, химчистка, пункты проката бытовой техники. Одним из примеров роста благосостояния может служить тот факт, что в конце 1950-х гг. у жителей города в личной собственности появляются первые легковые автомобили "Москвич-407" [8, с. 195]. Развивается сфера досуга, помимо вечерних походов в кино, появляется возможность в домашней обстановке смотреть телевизор – в сентябре 1970 г. в Советской Гавани заработало телевидение, через систему "Орбита" начались трансляции телевизионных программ из Москвы [2, с. 290].

Перемены в социальной политике государства, начавшиеся в хрущевскую "оттепель", изменили советскую модель урбанизации, по которой основной приоритет в городах отдавался созданию, развитию промышленных предприятий, являющихся градообразующими. Градообслуживающие объекты непромышленной сферы (жилищно-городское хозяйство, предприятия и организации, обслуживающие материальные и культурные потребности населения – школы, кинотеатры, медицинские учреждения и т.д.) строились, создавались во вторую очередь, что называется по остаточному принципу. Эта тенденция в целом сохранилась и в 1960-е – 1980-е гг. В частности, в Советской Гавани в развитие двух судоремонтных заводов вкладывались значительные средства: проводилась реконструкция и модернизация – на заводы поступили новые плавучие доки, строились новые цеха, началась реализация судостроительной программы по постройке маломерных судов (самоходных барж) [4, с. 177]. Но если раньше в сталинские времена на социальную сферу выделялись мизерные средства, то в последующие годы диспропорция между финансированием промышленности и социальных объектов стала сокращаться и проблемам социального развития стали уделять больше внимания.

По своей экономической структуре Советская Гавань являлась моногородом, где практически вся жизнедеятельность строится вокруг одного-двух градообразующих предприятий, оказывающих существенное влияние на жизнь города. В Советской Гавани такими главными, градообразующими предприятиями были два судоремонтных завода – завод Министерства морского флота (ММФ) СССР и Северный судоремонтный завод (ССРЗ). На этих заводах работала большая часть жителей города, за счет этих предприятий (через ведомственное финансирование) создавались некоторые объекты, необходимые горожанам в повседневной жизни.

Так, силами двух градообразующих предприятий создавалась спортивно-досуговая инфраструктура. В 1967 в городе был построен новый стадион, основной вклад в его возведение (помимо других предприятий) внёс ССРЗ, который по завершению строительства взял стадион на свой баланс, выделял средства на его обслуживание, ремонт, зарплату работникам спортивно-сооружения. В 1970 г. силами завода ММФ был построен Дворец спорта с плавательным бассейном, двумя игровыми залами, а рядом с ним хоккейная коробка, где заводская команда проводила игры на первенство края (ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 22. Д. 6. Л. 147, 161). Ранее силами завода ММФ была построена больница и поликлиника, в которой проходили лечение не только

работники завода и их семьи, но и горожане из других предприятий и учреждений.

Период 1960-х – 1980-х гг. был самым благоприятным в развитии Советской Гавани, стабильно росло население, достигнув своего максимума в 35,5 тыс. чел. к началу 1990-х гг. Помимо роста населения, качественно повысился уровень жизни горожан по сравнению с послевоенным временем. В городе велось жилищное строительство, возводились объекты социально-культурного назначения, развивался общественный транспорт. Но "успешность" развития Советской Гавани во многом носила условный характер, т.к. ряд проблем так и не был решен. Несмотря на неплохие темпы жилищного строительства, не удалось полностью решить жилищную проблему – обеспечить каждую семью благоустроенной квартирой или домом. В городе и окрестных поселках, входивших в городскую черту, было много барачного, неблагоустроенного жилья – в Первом районе, пос. Окоча, пос. Курикша и др. Кроме того, многие горожане, как и жители других городов в СССР (за исключением Москвы и столиц союзных республик), испытывали проблемы в приобретении ряда продовольственных (мясо, овощи) и промышленных товаров (одежда, обувь, мебель, бытовая техника). Потребительский дефицит был одним из обыденных явлений советской повседневной жизни, и жителям Советской Гавани это явление было знакомо. В годы форсированной индустриализации и первые послевоенные годы люди мирились с отсутствием продуктов и товаров, понимая трудности, с которыми столкнулась страна. В последующие годы проблемы повседневного быта были частично решены, повысился уровень жизни, но в условиях "развитого социализма", когда звучали победные реляции о движении к коммунизму, успешном соревновании по уровню жизни с развитыми странами мира и другие подобные заявления, нехватка отдельных продуктов и товаров болезненно воспринималась горожанами. Архивные документы свидетельствуют, что в 1960-е – 1980-е гг. жители Советской Гавани испытывали нехватку свежих овощей, мясомолочной продукции, широкого спектра товаров повседневного спроса (ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 14. Д. 886. Л. 46; Д. 1126. Л. 93; Д. 1253. Л. 79; Д. 1254. Л. 116; Д. 1492. Л. 77; Д. 1493. Л. 94; Оп. 22. Д. 5. Л. 96; Д. 168. Л. 36).

В целом, несмотря на существующие проблемы, город все же развивался, расширялись существующие предприятия, появлялись новые – в декабре 1984 г. в Советской Гавани вступил в строй завод крупнопанельного домостроения КПД-6 мощностью 100 тыс. кв. м жилья в год. За счет продукции КПД-6 в микрорайоне Окоча вырос новый жилой микрорайон.

Очередная попытка вывести город на новый уровень за счет использования его географических преимуществ (наличие удобной и глубоководной гавани) была предпринята в середине 1980-х гг., когда предполагалось построить в городе крупный судостроительный завод "Паллада", но этот проект не был реализован.

С 1992 г. когда в стране начались радикальные социально-экономические и политические реформы Советская Гавань, как и многие другие моногорода, оказалась в сложном положении. Без государственной поддержки попытки судоремонтных заводов перестроить свою работу и вписаться в рынок оказались безуспешными, сначала они были вынуждены сократить производственную программу, а в дальнейшем вообще прекратили работу. Город лишился перспективы на дальнейшее развитие, население сократилось почти на треть (более чем на 10 тыс. чел.). Как считают специалисты по истории российской урбанизации, кризис, в котором оказались города, в том числе Советская Гавань, был следствием экстенсивного характера экономического развития, при котором общепринятые нормы и стандарты образа и качества жизни горожан на протяжении долгого времени игнорировались руководителями страны, а попытки изменить сложившуюся тенденцию, предпринятые с конца 1950-х гг., оказались недостаточно эффективными [5, с. 228].

Таким образом, в заключении можно сделать вывод, что становление и развитие города Советская Гавань проходило в условиях советской модели урбанизации, для которой характерен приоритет производственной, промышленной составляющей в ущерб социальной. Город в его классическом (европейском) понимании, создании комфортной городской среды, городском образе жизни – все эти тенденции стали формироваться в 1960-е – 1980-е гг. –

наиболее благополучном периоде в истории города, когда помимо экономики уделялось внимание социальной сфере, что способствовало росту населения, изменению облика города и другим позитивным процессам, позволившим создать ту основу, за счет которой он сохранил потенциал для будущего развития.

Литература

1. Вишневецкий А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. 432 с.
2. Города Хабаровского края. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1972. 463 с.
3. Звягольская Н.И. История судостроения Советско-Гаванского района в документах архива // Первые архивные чтения имени В.И. Чернышевой, Хабаровск, 23 марта 2001 г. Хабаровск: ГАХК, 2001 С. 156–162.
4. Кривошеев А.Я. Развитие судоремонта на Дальнем Востоке СССР в 1965–1985 гг. // Власть и управление на Востоке России. 2014. № 1 (66). С. 176–183.
5. Пивоваров Ю.Л. Урбанизация в России в XX веке: идеалы и реальность // География мирового развития. Сб. науч. трудов Сер. "География мирового развития". Москва: ООО Товарищество науч. изданий КМК, 2010. С. 228–239.
6. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР 31 июля 1957 г. "О развитии жилищного строительства в СССР" // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сб. док. Т. 4. 1953–1961 гг. М.: Политиздат, 1968. С. 355–370.
7. Сесёлкин А.Н. О визите Н.С. Хрущева на побережье Татарского пролива // Чтения памяти профессора А.А. Сидоренко. 2019. № 6. С. 237–247.
8. Сесёлкин А.Н. Советско-Гаванский и Ванинский районы: хроника событий. Комсомольск-на-Амуре: ЖУК, 2013. 393 с.
9. Томилин А.И. Город Советская Гавань и его люди. Хабаровск: "РИОТИП" краевой типографии, 2003. 247 с.
10. Численность населения российских городов (1897–1992 гг.): справочник. Ярославль: Ярославский гос. ун-т, 1995. 78 с.

References

1. Vishnevsky A.G. Sickle and ruble: Conservative modernization in the USSR. M.: OGI, 1998. 432 p. (In Russ.).
2. Cities of the Khabarovsk Territory. Khabarovsk: Khabarovsk book. publishing house, 1972. 463 p. (In Russ.).
3. Zvyagolskaya N.I. History of shipbuilding in the Sovetsko-Gavansky region in archive documents // First archival readings named after V.I. Chernyshevoy, Khabarovsk, March 23, 2001. Khabarovsk: GAKhK, 2001. P. 156–162. (In Russ.).
4. Krivosheev A.Ya. Development of ship repair in the Far East of the USSR in 1965–1985 // Power and management in the East of Russia. 2014. No. 1 (66). P. 176–183. (In Russ.).
5. Pivovarov Yu.L. Urbanization in Russia in the twentieth century: ideals and reality // Geography of world development. Sat. scientific works Ser. "Geography of World Development". Moscow: LLC Partnership Scientific. KMK publications, 2010. P. 228–239. (In Russ.).
6. Resolution of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR on July 31, 1957 "On the development of housing construction in the USSR" // Decisions of the party and government on economic issues: collection. doc. T. 4. 1953–1961 M.: Politizdat, 1968. P. 355–370. (In Russ.).
7. Seselkin A.N. About the visit of N.S. Khrushchev on the coast of the Tatar Strait // Readings in memory of Professor A.A. Sidorenko. 2019. No. 6. P. 237–247.
8. Seselkin A.N. Sovetsko-Gavansky and Vaninsky districts: chronicle of events. Komsomolsk-on-Amur: ZHUK, 2013. 393 p. (In Russ.).
9. Tomilin A.I. The city of Sovetskaya Gavan and its people. Khabarovsk: "RIOTIP" regional printing house, 2003. 247 p. (In Russ.).
10. Population of Russian cities (1897–1992): reference book. Yaroslavl: Yaroslavl State. Univ., 1995. 78 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Сергей Александрович Власов, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, e-mail: vlasov54@bk.ru

Information about the author

Sergey A. Vlasov, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: vlasov54@bk.ru

Поступила в редакцию 08.11.2023

Received 08.11.2023

Одобрена после рецензирования 07.02.2024

Approved 07.02.2024

Принята к публикации 25.02.2024

Accepted 25.02.2024

Проблемы адаптации и интеграции бразильских иммигрантов в США во второй половине XX – XXI вв.

Евгений Викторович Журбей

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, zhurbey.ev@dvfu.ru

Виталия Игоревна Бунина

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, bunina.vi@dvfu.ru

Дарья Андреевна Пушкарева

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, pushkareva.da@dvfu.students.ru

Аннотация. В статье рассматриваются многоаспектные проблемы, с которыми сталкиваются бразильские иммигранты в процессе аккультурации в Соединенных Штатах во второй половине XX века и начале XXI века. Исследуя исторические, социальные и экономические измерения, исследование освещает сложности, которые формировали опыт бразильских иммигрантов. Факторы, такие как культурные различия, языковые барьеры и разнообразные социоэкономические факторы, влияют на тонкий процесс аккультурации. Анализируя исторические тенденции и современные проблемы, исследование стремится предоставить всестороннее понимание трудностей, с которыми сталкиваются бразильские иммигранты, и предлагает инсайты в потенциальные стратегии для улучшения их интеграции в американское общество. Это исследование вносит свой вклад в более широкий дискурс об иммиграции, культурном разнообразии и сложной динамике аккультурации в транснациональном контексте.

Ключевые слова: США, Бразилия, иммиграция, аккультурация, ассимиляция, интеграция, адаптация

Для цитирования: Журбей Е. В., Бунина В. И., Пушкарева Д. А. Проблемы адаптации и интеграции бразильских иммигрантов в США во второй половине XX – XXI вв. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 1. С. 96–111. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/96-111>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/96-111>

Problems of adaptation and integration of Brazilian immigrants to the United States in the second half of the XX – XXI centuries

Evgeny V. Zhurbey

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, zhurbey.ev@dvfu.ru

Vitalia I. Bunina

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, bunina.vi@dvfu.ru

Daria A. Pushkareva

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, pushkareva.da@dvfu.students.ru

Abstract. The article examines the multifaceted problems faced by Brazilian immigrants in the process of acculturation in the United States in the second half of the 20th century and the beginning of the 21st century. By exploring historical, social and economic dimensions, the study illuminates the complexities that shaped the Brazilian immigrant experience. Factors such as cultural differences, language barriers, and various socioeconomic factors influence the delicate process of acculturation. By analyzing historical trends and contemporary issues, the study seeks to provide a comprehensive understanding of the challenges faced by Brazilian immigrants and offers insights into potential strategies to improve their integration into American society. This study contributes to the broader discourse on immigration, cultural diversity, and the complex dynamics of acculturation in a transnational context.

Key words: USA, Brazil, immigration, acculturation, assimilation, integration, adaptation

For citation: Zhurbey E. V., Bunina V. I., Pushkareva D. A. Problems of adaptation and integration of Brazilian immigrants to the United States in the second half of the XX – XXI centuries // Ojkumena. Regional researches. 2024. No. 1. P. 96–111. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/96-111>

Изучение опыта адаптации и интеграции бразильцев в США актуально по нескольким причинам. Во-первых, подобные исследования проливают свет на специфику социокультурного опыта бразильцев в Соединенных Штатах, в том числе на их проблемы и возможности, а также на то, как они "договариваются" о своей идентичности в новом культурном контексте. Наконец, это способствует лучшему пониманию сложной динамики мультикультурализма и разнообразия в Соединенных Штатах. Во-вторых, это помогает нам понять, как иммигранты из разных культур адаптируются к Соединенным Штатам, что позволяет государству и обществу моделировать собственное участие в аккультурационной практике и корректировать соответствующие политики и программы, облегчающие их интеграцию. На сегодняшний день существует достаточно большое количество исследований, посвященных аккультурационной практике латиноамериканских иммигрантов в США, но в большинстве своем эти исследования посвящены испаноязычным иммигрантам (например, мексиканцам, кубинцам, пуэрториканцам и др.). По сравнению с аккультурацией латиноамериканцев (испаноязычных) в США опыт бразильцев может в

чем-то отличаться из-за культурных и языковых различий. Хотя обе группы могут сталкиваться с одинаковыми проблемами с точки зрения дискриминации, экономической интеграции и культурной адаптации, могут существовать различия в их культурных ценностях, семейных структурах и социальных связях, которые влияют на их опыт аккультурации. Таким образом, изучение обеих групп по отдельности может обеспечить более тонкое понимание разнообразия среди иммигрантов в Соединенных Штатах.

Целью является исследование проблем адаптации и интеграции бразильских иммигрантов в США во второй половине XX – начале XXI вв. Исследование направлено на анализ влияния таких факторов, как языковые барьеры, культурные различия, дискриминация, социально-экономический и правовой статус, а также фактор самого принимающего американского общества на жизнь бразильских иммигрантов и их семей, а также на стратегии и ресурсы, которые они используют для преодоления этих проблем. С помощью этого исследования мы сможем получить представление о том, как лучше поддерживать и продвигать успешную адаптацию и интеграцию бразильских иммигрантов в Соединенных Штатах, что в итоге будет способствовать разработке политики и мер, способствующих социальной справедливости и вовлечению иммигрантских сообществ.

Процесс адаптации и интеграции бразильцев будет рассмотрен через призму теории социального конструирования и аккультурации (в изложении канадского этнопсихолога Дж. Берри [1; 5; 6; 7; 8]). Теория социального конструирования основывается на фундаментальном принципе, согласно которому люди (ре)конструируют свой опыт и точки зрения посредством социальных взаимодействий, т. е. их трансформация (например, адаптация) является продуктом таких социальных взаимодействий [16]. Когда бразильцы переезжают в США, они должны адаптироваться в новой культуре, найти новую работу, иногда вернуться в школу, завести новых друзей, привыкнуть к другой еде, быть физически вдали от семьи, привыкнуть к климатическим различиям и научиться говорить по-английски. Все эти изменения обычно происходят одновременно, и это может вызвать стресс, перенапряжение сил. "Все формы человеческой деятельности как повторяющийся и рефлексивный процесс, в котором ресурсы (значения) выражаются в практиках (действиях) и в которых практики (ре)конструируют ресурсы. Таким образом, термин "(ре)конструкция" определяет воздействие, которое практика оказывает на ресурсы, изменяет ли она или подтверждает существующий набор ресурсов" [23, p. 23–25]. В этих новых для себя обстоятельствах бразильцы неизбежно воссоздают свой социальный мир. Переезд в другую страну означает изучение новой культуры. Живя в новой для себя стране (в нашем случае США), бразильцы могут создать новый социальный мир или воссоздать старую домашнюю культуру своей родины. В процессе адаптации постоянно возникают новые смыслы, и иммигранты чувствуют, что они всегда испытывают изменения. Социальное строительство представляет собой циклический процесс, так адаптация – непрерывный и никогда не завершающийся процесс [4]. Под адаптацией мы будем понимать "процесс приспособления, который происходит, когда человек вступает в непрерывный, продолжительный непосредственный контакт с новой и незнакомой культурой" [21, p. 320].

Стратегии аккультурации показывают, как мигранты хотят жить в стране после иммиграции, и эти стратегии основаны на двух межкультурных аспектах: сохранении культурного наследия ("поддержание культуры") и контакте с другими людьми за пределами своей группы ("культурный контакт"). Пересечение этих двух аспектов, "культурное поддержание" и "культурный контакт", приводит, по мнению Дж. Берри, к четырем стратегиям аккультурации: ассимиляции, интеграции, сепарации и маргинализации. Ассимиляция относится к процессу принятия новой культуры при отказе от своей первоначальной культуры, что выражается в низкой заинтересованности мигранта в сохранении своей культурной самобытности и низкой заинтересованности во взаимодействии с другими культурами. Интеграция относится к процессу принятия новой культуры при сохранении своей исходной культуры. Это означает, что человек адаптируется к новой культуре, сохраняя при этом элементы своей собственной культуры. Сепарация относится к процессу сохранения своей первоначальной культуры при отказе от новой культуры. Это

означает, что человек не принимает ценности, обычаи или поведение новой культуры, а вместо этого сохраняет свое собственное культурное наследие. Маргинализация относится к процессу отказа как от новой культуры, так и от исходной культуры. Это означает, что человек чувствует себя оторванным от обеих культур и не идентифицирует себя ни с одной из них [2, с. 108].

Согласно теории Дж. Берри, стратегия аккультурации, которую принимает человек, зависит от нескольких факторов, включая его личные характеристики, характеристики новой культуры и обстоятельства переезда. Например, люди с сильным чувством идентичности могут с большей вероятностью принять стратегию интеграции, в то время как те, кто чувствует отчуждение от новой культуры, могут с большей вероятностью принять стратегию сепарации. В целом теория аккультурации Дж. Берри оказала влияние на понимание того, как люди из разных культур адаптируются к новой культурной среде, и применялась в различных условиях, включая образование, здравоохранение и социальные услуги.

Причины иммиграционного потока бразильцев в США объясняются теорией "новой экономики трудовой миграции". Это достаточно новая теория, потому что она объясняет миграцию как коллективный акт, не как индивидуальный выбор и не как рыночную необходимость, а как способ максимизировать доход семьи [20]. Согласно О. Старку, цели семей заключаются в минимизации рисков и восстановлении после сбоев рынка. Согласно его теории, если условия занятости и местная рабочая сила в отправляющей стране негативно коррелируют с экономическими условиями семьи, домашнее хозяйство придет к консенсусу и согласится отправить члена семьи в более развитую страну [29]. Домашние хозяйства отправляют работников за границу не только для повышения доходов в абсолютном выражении, но и в относительном выражении с другими домашними хозяйствами, иммигранты становятся страховым полисом для стареющих родителей и других членов семьи.

Отправной точкой нашего исследования должно стать понимание того, а являются ли бразильцы латиноамериканцами (латинос)? Ответ на первый взгляд весьма прост. Бразилия находится в Латинской Америке, а значит бразильцы – латиноамериканцы с точки зрения своей географии. Однако официальная статистика в США в учете своего бразильского населения исключает последних из латиноамериканского "суперэтнуса". Дебаты о том, кто латиноамериканец, а кто нет, часто подпитывали разговоры об идентичности среди американцев, которые прослеживают свое наследие в Латинской Америке. Кто сегодня считается латиноамериканцем в США?

По оценкам Бюро переписи населения, по состоянию на 2021 год в США насчитывалось около 62,6 миллиона латиноамериканцев, что составляет 19% населения страны, а это новый максимум [17]. За официальными отчетами Бюро переписи населения США скрывается долгая история смены ярлыков, изменений категорий и пересмотра формулировок вопросов в переписных листах, что отражает развивающиеся культурные нормы того, что значит быть латиноамериканцем вообще и латиноамериканцем в США сегодня.

В 1976 году Конгресс США принял закон, который предписывал сбор и анализ данных для конкретной этнической группы: "Американцы испанского происхождения" [27]. Формулировка этого закона описывала эту группу как "американцев, которые идентифицируют себя как испаноязычные и прослеживают свое происхождение или происхождение из Мексики, Пуэрто-Рико, Кубы, Центральной и Южной Америки и других испаноязычных стран" [27]. Сюда входят 20 испаноязычных стран из Латинской Америки и самой Испании, но не Португалия или португалоязычная Бразилия. Стандарты сбора данных об латиноамериканских иммигрантах были разработаны Административно-бюджетным управлением США (OMB) в 1977 году и пересмотрены в 1997 году. Используя эти стандарты, школы, государственные медицинские учреждения и другие государственные учреждения США отслеживают, сколько латиноамериканцев они обслуживают, что и является одной из главных целей закона 1976 года. В 1976 году доля иммигрантов из Бразилии по отношению к испаноязычным иммигрантам из Латинской Америке была незначительной, что исключало бразильцев из специального внимания государственных органов США. Соответственно, люди с предками из Бразилии не соответствуют официальному определению федерального правительства "ис-

паноязычные", потому что страна не является испаноязычной [26]. По большей части люди, которые ведут свое происхождение из Бразилии, Португалии или частично испаноязычных Филиппин, Бюро переписи населения США не считает испаноязычными, даже если они идентифицируют себя как испаноязычные. Согласно опросам 2010–2019 гг., только около 2%–3% иммигрантов из Бразилии считают себя испаноязычными [17].

Бразильская иммиграция в Соединенные Штаты имеет относительно короткую историю по сравнению с другими группами иммигрантов. Самыми ранними иммигрантами из Бразилии в США, вероятно, были восемь еврейских бразильцев, которые въехали в страну в 1645 году. Однако до 1960 года Служба иммиграции и натурализации США не идентифицировала бразильцев как отдельную группу. Известно, что между 1820 и 1960 годами 234 761 человек южноамериканского происхождения въехал в Соединенные Штаты, с пиковыми волнами южноамериканских иммигрантов, прибывших с 1841 по 1850 год и с 1911 по 1930 год. Невозможно сказать, сколько из этих южноамериканцев на самом деле были из Бразилии. Согласно данным Бюро переписи за 1960 год в США, по данным Бюро переписи населения, 27 885 человек бразильского происхождения проживали в Соединенных Штатах [14].

1960-70-е годы ознаменовались периодом экономического спада и политической нестабильности в Бразилии, что побудило многих бразильцев покинуть страну в поисках лучших возможностей. В этот период "наблюдалась относительно ровная модель бразильской иммиграции в Соединенные Штаты; по оценкам, ежегодно иммигрировало от 1500 до 2300 бразильцев... Большинство этих иммигрантов имели европейское происхождение и происходили из среднего и высшего класса бразильского общества" [14].

Более или менее массовый поток иммигрантов приходится на период с 1980-х по настоящее время. До 1980-х годов Бразилия не испытывала постоянного и значительного оттока и это было достаточно долговременным историческим трендом, бразильцы редко эмигрировали. Что заставило бразильцев именно в 1980-е годы начать активно "паковать чемоданы" и уезжать из страны? Почти все бразильские иммигранты в США ссылаются исключительно на экономические причины. За ними закрепился термин "экономические беженцы". Они бежали в Соединенные Штаты в поисках более высокой заработной платы, более низкой стоимости жизни и желания избежать гиперинфляции (в 1990 году инфляция достигла 1795% в год), которая преследовала Бразилию до 1994 года. Однако, даже с 1994 года, когда инфляция закончилась, а цены стабилизировались, бразильцы среднего и нижнего класса столкнулись с существенной потерей в трети покупательной способности в своей заработной плате. Бразильцы стремились и стремятся в Соединенные Штаты, зная, что они могут зарабатывать в четыре раза больше, чем в Бразилии, работая на одной и той же работе. Эта возможность накопить сбережения, пожалуй, является единственным фактором влияния на бразильскую иммиграцию в США.

Наибольший период бразильской иммиграции в Соединенные Штаты произошел между 1984 и 1987 годами в основном в ответ на период сильной гиперинфляции в Бразилии. Приблизительно 2,04 млн туристических виз было выдано бразильцам за восьмилетний период, начавшийся с 1984 г., когда в бразильской экономике начался спад и возросла эмиграция. Примерно 400 000 бразильских "туристов" действительно приехали в США на работу. В это число не входят более ранние прибывшие в 1970-х, но этот поток действительно охватывает наиболее интенсивный период бразильской иммиграции [18, p. 53].

По оценкам бразильского правительства, в период с 1986 по 1990 гг. 1,4 миллиона бразильцев покинули страну навсегда – многие из них иммигрируют в Соединенные Штаты, другие направляются в Японию и различные страны Южной Америки и Европы [14]. К 1990 г. в США насчитывалось 82 000 бразильцев, что в два раза больше десятилетием раньше (41 000 в 1980 году) [32]. В 2000 г. в США проживало 212 000 бразильцев, а в 2010 г. 340 000 [23, p. 32]. Динамика роста численности бразильских иммигрантов в США представлена на *рисунке 1*.

В настоящее время, по данным Института миграционной политики, в США проживает самое большое в мире число бразильских иммигрантов. На середину 2020 г. в США проживало 518 000 бразильцев, также они проживают

в Японии (205 000 человек), Португалии (154 000 человек), в Италии и Испании (примерно по 133 000 человек в каждой). Соседи Бразилии Парагвай (80 000 человек) и Аргентина (49 000 человек) приняли наибольшее количество бразильских мигрантов в Южной Америке [12].

Важно отметить, что число в 518 000 в 2020 г. может включать не всех лиц бразильского происхождения, так как последние могут не идентифицировать себя как бразильцы. Министерство иностранных дел Бразилии сочло, что в 2020 г. в США проживало 177 5000 бразильцев [10]. Многочисленные публикации указывают на факт значительного превышения цифр реального представительства бразильцев в США, нежели дает официальная статистика. Чем объясняется данный факт расхождения? Проблема с этими данными заключается в том, что они включают только легальных иммигрантов из Бразилии, в то время как гораздо большее, но неизвестное количество бразильцев, проживающих в этой стране, не имеют или до недавнего времени не имели документов. Люди, находящиеся в США нелегально, вне зависимости от их национальности не стремятся заявить о своем присутствии. Таким образом, учитывая нелегальный статус столь многих бразильских иммигрантов, проблемы, связанные с отсутствием документов, были фактором их недоучета. Кроме того, страх, несомненно, сыграл ключевую роль в их кажущемся занижении. Многие незарегистрированные бразильцы боялись заполнять формы, потому что не верили, что информация переписи действительно конфиденциальна. В этой связи приведенные цифры представляют собой лишь косвенные доказательства, и к ним следует относиться критически, но они дают некоторое представление о масштабах миграции из Бразилии.

В дополнении отметим, что часть бразильцев прибывали в США с долгосрочным планом потратить от трех до пяти лет на работу и накопление сбережений, которые могут быть использованы для покупки недвижимости или бизнеса, поэтому они усердно работали над планом возвращения в свою страну с капиталом для инвестиций в Бразилию. Социологи, изучающие модели миграции, отметили, что многие бразильцы часто "путешествуют" между двумя странами. Это явление известно как "миграция йо-йо". Бразильцы находят экономические возможности в Соединенных Штатах, но испытывают трудности с разрывом связей с Бразилией. Недавние иммиграционные ограничения, введенные администрацией Д. Трампа и экономический спад в США обратили вспять эти тенденции, и все больше бразильцев возвращаются на родину.

Большинство бразильских иммигрантов в Соединенных Штатах не являются гражданами США, и те, кто получил статус постоянного жителя (также известный как грин-карта) в 2020 финансовом году, в основном полагались на спонсорство семьи или работодателя. У иммигрантов из Бразилии значительно меньше шансов, чем у иммигрантов в целом, стать натурализованными гражданами США. По состоянию на 2019 г. только 35 % бразильских иммигрантов стали гражданами США по сравнению с 52 % всего населения, родившегося за границей. Этот более низкий уровень получения гражданства отчасти является отражением недавнего прибытия бразильцев: 47 % прибыли в страну в 2010 году или позже. Для сравнения, за тот же период прибыло 25% всех иммигрантов США (Рисунок 2). Это также связано с характером циркулярной миграции, которая существовала для многих бразильцев, которые рассматривали свое пребывание в США как временное пребывание. Однако эта тенденция может измениться, поскольку все больше бразильцев покидают родную страну, не собираясь возвращаться [32]. В 2020 финансовом году почти 17 000 бразильцев получили законное постоянное место жительства (также известное как получение грин-карты). Из этой группы 53% сделали это благодаря семейным связям в качестве супругов, детей или родителей граждан США или благодаря другим предпочтениям, спонсируемым семьей, а еще 44% стали постоянными жителями благодаря спонсорской поддержке работодателя. Практически никто из бразильцев не получил грин-карты в качестве гуманитарных мигрантов [32].

Если же говорить о нелегальных бразильских иммигрантах, то в 2019 году в США проживало около 178 000 человек, что составляет менее 2% от примерно 11 миллионов нелегальных иммигрантов в стране. Многие бразильцы въезжали и по сей день въезжают в страну по туристическим визам и остаются после истечения срока действия этих виз, что делает их нелегальными

ми иммигрантами. Если городами США с наибольшим числом иммигрантов из Бразилии были такие города, как Бостон (13%), Майами (13%) и Нью-Йорк (12%), т.е. более одной трети всех бразильских иммигрантов проживало в этих трех городах, то нелегальные иммигранты из Бразилии в качестве основных направлений выбирали округ Бровард во Флориде (12 000), округ Фэрфилд в Коннектикуте (9 000) и округ Ориндж также во Флориде (8 000) (См. Таблицу 1). По состоянию на март 2022 года Служба гражданства и иммиграции США (USCIS) сообщила, что 4640 бразильцев были бенефициарами программы "Отложенное действие в отношении прибытия детей" (DACA), что представляет собой седьмую по величине страну происхождения среди бенефициаров. Из 611 270 нынешних получателей DACA менее 1% родились в Бразилии. Программа DACA обеспечивает временную защиту от депортации и разрешение на работу [32].

Бразильская иммиграция в Соединенные Штаты – это в первую очередь иммиграция среднего и низшего класса Бразилии. Как правило, более бедные бразильцы не имеют финансовых возможностей получить визу и приобрести билет на самолет или заплатить за то, чтобы человек провез его контрабандой через границу США (основной поток нелегальной миграции идет через Мексику). Большинство бразильцев в Соединенных Штатах имеют более светлый цвет лица, что показывает, как цвет кожи и экономические возможности неравномерно переплетаются в бразильском обществе. Бедные бразильцы, как правило, имеют более темный цвет лица или черный цвет лица, в то время как бразильцы с большим количеством финансовых ресурсов, имеют более светлую кожу. Американская статистика показывает, что бразильские иммигранты, имеют более высокий средний доход домохозяйства, чем иммигранты в целом и население США. В 2019 г. средний доход домохозяйства бразильских иммигрантов составлял около 68 000 долларов, в то время как домохозяйства, родившиеся в США, сообщили о среднем доходе в 66 000 долларов, а все домохозяйства иммигрантов – 64 000 долларов. В то же время бразильские иммигранты испытывали бедность в большей степени (15 %), чем население, родившееся в США (12 %), но в относительно таком же количестве, что и иммигранты в целом (14 %) [32].

Средний возраст бразильских иммигрантов в 2019 г. составлял 39 лет, что ниже, чем у всего населения, родившегося за границей (46 лет), но немного выше, чем у населения, родившегося в США (37 лет). Доля бразильских иммигрантов в трудоспособном возрасте (от 18 до 64 лет) выше, чем в общей численности иммигрантов: 85% и 78% соответственно (См. Рисунок 3). Обе группы населения с гораздо большей вероятностью принадлежали к возрастной группе 18–64 лет, чем население, родившееся в США (59 %). Этот более высокий уровень участия бразильцев в рабочей силе отражает экономическую мотивацию, по которой многие переезжают в Соединенные Штаты [32].

Если затронуть уровень образования бразильских иммигрантов, то по сравнению с общим взрослым населением, родившимся за границей и в США, бразильцы имеют более высокий уровень образования. По данным Института международного образования, в 2020–21 учебном году в высшие учебные заведения США было зачислено около 14 000 иностранных студентов из Бразилии, что оставляет относительно небольшую долю от 914 000 иностранных граждан, обучающихся в Соединенных Штатах. Бразилия занимает восьмое место среди стран, выступающих источником происхождения иммигрантов. Это также крупнейшая страна происхождения из Латинской Америки и Карибского бассейна, на которую приходилось почти 20 % всех студентов из этого региона, обучающихся в США.

Однако более высокий уровень образования не ведет к возможности занятия искомым рабочим мест, и тут кроется одна из проблем адаптации бразильцев в США. Многие бразильские иммигранты испытывают разочарованность своей неспособностью найти работу, соответствующую их уровню образования. Бразильцы, имеющие высшее образование, или являются квалифицированными специалистами, часто изо всех сил пытаются найти работу, которую они рассматривают в качестве достойного их образования. Многие трудятся на рабочих местах, которые влекут за собой различную степень физического труда: в качестве строителей, официантов и кухонного персонала, уборщиков и горничных. Эти рабочие места редко обеспечивают какую-либо

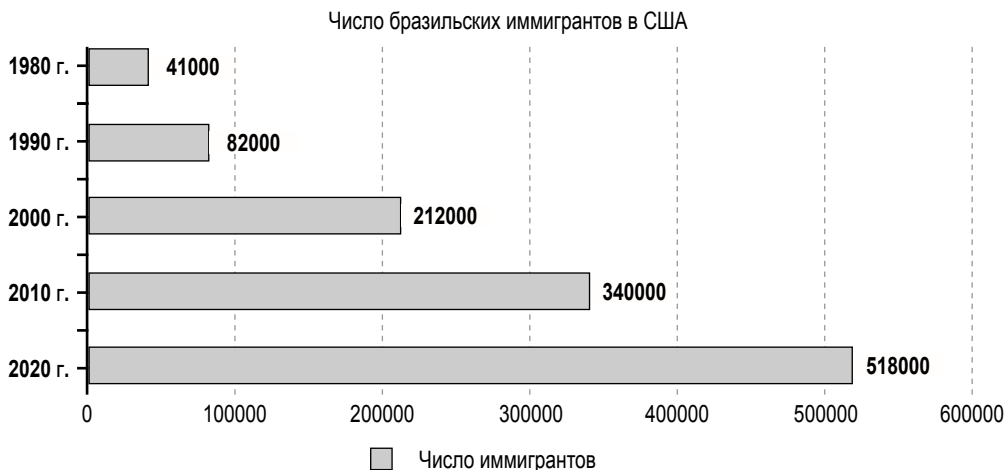

Рис. 1. Динамика роста численности бразильских иммигрантов в США в период 1980–2020 гг.

Fig. 1. Dynamics of growth in the number of Brazilian immigrants to the United States in the period 1980–2020.

Источник: [23, p. 32].

Source: [23, p. 32].

восходящую мобильность или льготы в американском обществе. Кроме того, несмотря на огромное количество колледжей и университетов в Соединенных Штатах, многие бразильцы из поколения тех, кто родились в Бразилии, но прибыли в молодом возрасте, не смогли получить образования, стипендии или финансовой помощи из-за их нелегального статуса и/или статуса иностранных студентов. В результате многие не смогли получить высшее образование, а другие бросили среднюю школу. Эти сложности в доступе к высшему образованию являются барьером для многих бразильских иммигрантов в долгосрочной перспективе.

Весьма важным для понимания успешности или неуспешности интеграции бразильцев в американское общество является вопрос о соотношении латиноамериканской и бразильской культурной самобытности. Культурная самобытность фокусируется на чувствах мигрантов, включая как этническую идентичность, так и национальную идентичность. Этническая идентичность касается их чувства принадлежности к этнической группе мигрантов, а национальная идентичность относится к чувству принадлежности к новому поселенческому обществу [8]. Подавляющее большинство исследований о миграции касались только этнической идентичности; однако для мигрантов актуальны как этническая идентичность, так и национальная самобытность [25]. Именно этническая и национальная идентичность обеспечивают чувство эмоциональной стабильности, личной безопасности и хорошую самооценку для мигрантов [25].

Элементами бразильской культурной самобытности, существенно влияющими на адаптацию в США, являются семейная или коллективистская ориентация и система расовой классификации. "Индивидуалистические общества, как правило, включают людей, которые воспринимают себя как независимые, более рационально ориентированные и управляющие отношениями. Люди в коллективистских культурах в среднем более ориентированы на общество, имеют восприятие себя как взаимозависимого со своими группами и знают свои групповые нормы, то есть принятое и ожидаемое поведение в коллективе" [30, p. 190]. Поэтому новые бразильские иммигранты иногда не знают, как вести себя в деловой, индивидуалистической культуре США.

Бразильцы в Соединенных Штатах часто негативно реагируют на попытки принимать их за людей из испаноязычной Латинской Америки. Они считают, что расизм и предрассудки, с которыми они столкнулись, часто являются случаем ошибочной идентичности, поскольку многие американцы считают бразильцев испаноязычными. Следуя глубоким культурным пред-

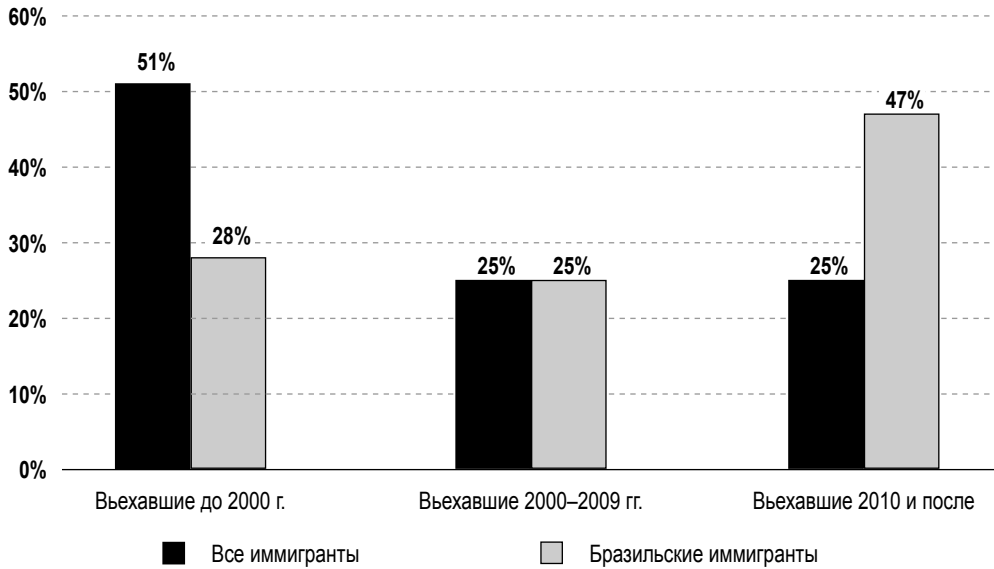

Рис. 2. Бразильцы и все иммигранты в США по периодам прибытия, 2019 г.

Fig. 2. Brazilians and all immigrants to the United States by arrival period, 2019.

Источник: [32].

Source: [32].

ставлениям, которые заставляют бразильцев считать себя уникальными и отличаться от людей, проживающих в других странах Латинской Америки, бразильские иммигранты часто прилагали особые усилия, чтобы выделить себя в качестве уникальной национальности и сообщества, которые отличаются от испаноязычных и/или испаноязычных общин.

Ранее мы обозначили тот факт, что путаница с идентификацией бразильцев, проистекает из того, что бразильцы могут относиться к латиноамериканцам из факта географического нахождения в Латинской Америке, но испанский язык одновременно отнимает у них эту принадлежность. С 2000 г. в переписи США термины латиноамериканцы (латинос) и испаноязычные используются взаимозаменяемо для обозначения лиц кубинской, мексиканской, пуэрториканской, южно- и центральноамериканской или другой испанской культуры или происхождения независимо от расы.

Считается, что латиноамериканская идентичность с упором на преобладание "испанской культуры" уходит корнями в американскую экспансию XIX в. в Северную Мексику и последние колонии Испании в Карибском регионе. Для многих, живущих в этих районах, экспансия США привела к лишению земли, эксплуатации и культурному подчинению. Латиноамериканцы считались "покоренными" людьми, имеющими испанскую, индейскую и черную "кровь", в расовом и культурном отношении ниже белых американцев. Латиноамериканцев (латинос) стали воспринимать в качестве подчиненной расовой группы, связанной с гомогенизированной "испанской культурой". Учитывая тот факт, что бразильцы говорят по-португальски, а Бразилия не подвергалась американской экспансии, можно сделать вывод, что они должны быть кем-то другим, а не латиноамериканцами.

Вместе с тем достаточно долгий период американцы воспринимали, а порой и продолжают воспринимать Бразилию в качестве страны "третьего мира" со смешанным населением, а значит Бразилия находится в той же группе стран, что и все остальные страны Латинской Америки. Отсюда вытекал тезис, что бразильцы тоже латиноамериканцы. Одним из "величайших пропагандистов" этой идеи являлся американский кинематограф, который изображал бразильцев как стереотипных латиноамериканцев. Самая известная бразильянка Голливуда Кармен Миранда в 40-х годах прошлого века

Табл. 1. Максимальная концентрация бразильских иммигрантов по агломерациям США, 2015–2019 годы

Table 1. Maximum concentration of Brazilian immigrants by US metropolitan area, 2015–2019

Столичная территория	Иммигрантское население из Бразилии	% от населения столичной территории
Бостон – Кембридж – Ньютон, MA-NH столичная территория	57000	1,2%
Майами – Форт-Лодердейл – Помпано Бич, FL столичная территория	54000	0,9%
Нью-Йорк – Ньюарк – Джерси Сити, NY-NJ-PA – столичная территория	53000	0,3%
Орlando – Киссимми – Сэнфорд, CA – столичная территория	20000	0,8%
Лос-Анжелес – Лонг Бич – Анахайм, CA – столичная территория	16000	0,1%
Сан-Франциско – Окленд – Беркли, CA – столичная территория	13000	0,3%
Вашингтон – Арлингтон – Александрия, DC-VA-MD-WV – столичная территория	12000	0,2%
Бриджпорт – Стемфорд – Норуолк, CT – столичная территория	12000	1,3%
Атланта – Санди Спрингс – Альфаретта, GA – столичная территория	11000	0,2%
Вустер, MA-CT – столичная территория	10000	1,1%

Источник: составлено авторами на основе: [32].

Source: compiled by the authors based on: [32].

олицетворяла все "латиноамериканское" под своей шляпой тутти-фрутти. В современном сериале Нетфликса "Нарко" бразильский актер Вагнер Моура играет колумбийского наркобарона Пабло Эскобара с акцентом на английском и испанском языках.

Следующим важным источником неопределённости между "латинос" и бразильцами являются различные системы расовой классификации, которые присутствуют в США и Бразилии. В то время как американцы часто воспринимают людей смешанного происхождения как небелых, бразильцы склонны рассматривать расу как континуум и учитывать не только внешний вид и происхождение, но и социально-экономический статус. В США цвет исторически определялся и закреплялся правилом одной капли крови гипотетического происхождения, так что любой человек, имеющий какое-либо африканское происхождение, определяется как "черный" или, по крайней мере, "не белый". Тогда как в Бразилии чернота определяется другим правилом "одной капли", так что любой человек, имеющий какое-либо европейское происхождение, определяется как "потенциально белый" или, по крайней мере, "не черный". Это сделало белизну гораздо всеобъемлющей категорией в Бразилии, чем в США. Поэтому Бразилия демонстрирует четкую иерархию желательности – где белизна стоит гораздо выше на социально-экономическом и культурном тотемных столбах, чем "чернота" – как и во многих других латиноамериканских странах, ее история расового строительства и расового формирования резко контрастирует с поляризованным видением в США [19, p. 428].

Есть ли еще какие-то отличия в восприятии расового вопроса у американцев и бразильцев? Да, есть. Бразильцы, в отличие от американцев, видят расу в оттенках не столько "прямолинейно". В Бразилии существует множество терминов для обозначения расы человека: бранко (белый), мулато (мулат), мулато-каро (светлокожий мулат), мулатиньо (несколько светлокожий мулат), мулат-эскуро (темнокожий мулат), café-com-leite (кофе с молоком), кабокло (афроиндеец), preto de cabelo bom (темнокожий, с волнистыми во-

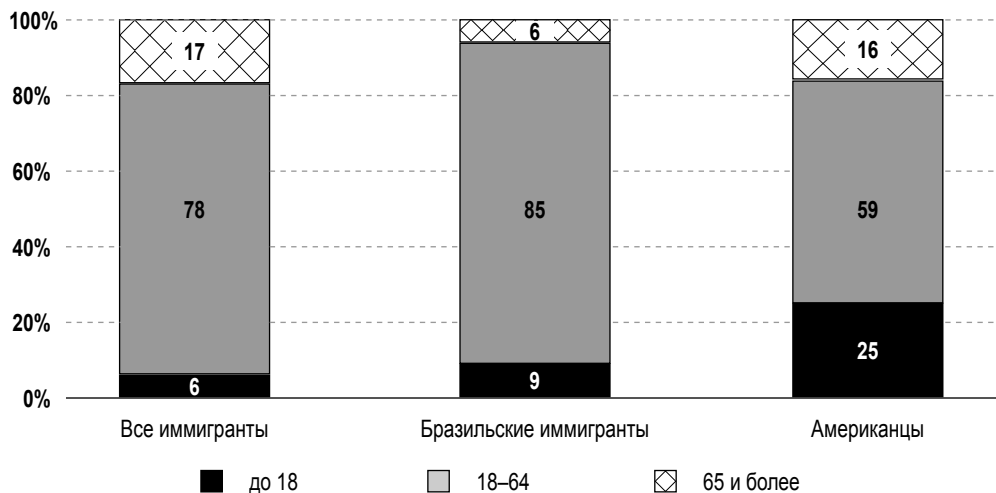

Рис. 3. Возрастное распределение жителей США по происхождению, 2019 г.

Fig. 3. Age change in US residents by origin, 2019 (%).

Источник: [32].

Source: [32].

лосами), *escurinho* (несколько темнокожие), *эскуро* (темнокожие) и др. [24, p. 818–819]. В 1980 г. бразильская перепись перечислила 136 цветов, которые небелые люди использовали для описания цвета лица.

Еще одним отличием является тот факт, что в США раса – это часть любого разговора, а большинство латиносов в США говорят, что цвет кожи влияет на их возможности и формирует повседневную жизнь. Большинство (62%) испаноязычных взрослых говорят, что более темный цвет кожи препятствует способности латиноамериканцев хотя бы немного продвинуться вперед в Соединенных Штатах сегодня. Аналогичная доля (59%) говорит, что более светлый цвет кожи помогает латиноамериканцам продвинуться вперед [22]. И 57% говорят, что цвет кожи формирует их повседневный жизненный опыт, при этом около половины говорят, что дискриминация по признаку расы или цвета кожи является "очень большой проблемой" в США сегодня, согласно Национальному опросу латиноамериканцев Pew Research Center в марте 2021 г. [22]. Бразильцы же считают, что говорить о расе нехорошо, потому что это подразумевает, что такие вопросы поднимают только расисты. Об это пишет Варгос: "Бразильские социальные отношения – их практики и их представления – отмечены гиперсознанием расы. Такое сверхсознание... проявляется в часто яростном отрицании важности расы. Это отрицание убедительно предполагает, что раса не является ни аналитическим и морально обоснованным инструментом, ни играет центральную роль в определении бразильских социальных отношений, иерархий и распределения власти и ресурсов. Попробуйте поговорить с бразильцами разного расового происхождения, места жительства, рода занятий, возраста, пола, сексуальной ориентации и уровня формального обучения по этому вопросу, и чаще вы обнаружите, что вас обвиняют в расизме (за настаивание на теме, которая не имеет отношения к делу) в этой стране и/или разговор будет быстро перенаправлен" [31, p. 444].

В Бразилии, в отличие от США можно перейти в другую расовую категорию независимо от как "темно" ты выглядишь, не меняя места жительства; переход осуществляется за счет достижения экономического успеха или высокого образовательного статуса. По тому же признаку Пенья-Лопес объясняет, что в Бразилии "люди могут поднять человека из группы "темнокожих" в более престижную группу, как только узнают, что этот человек имеет ученую степень или богат" [24, p. 819].

Как же сами бразильские иммигранты в США воспринимают себя? Бразильцы, пытаясь максимально быстро адаптироваться в принимающим

обществе, часто отвечают: это зависит от обстоятельств. Одним из таких обстоятельств является место проживания в США, так как бразильцы селятся в городах с другой расовой историей и динамикой. Например, в Майами, где наибольшая концентрация бразильцев, большинство из них без особых трудностей определяют свою идентичность. Майами – это город с латиноамериканским большинством, где последние обладают властью и имеют больший контроль над своей "расовой классификацией". Бразильцы со светлой кожей или смешанной расы легче интегрируются в общелатиноамериканский мейнстрим как "белые латинос" без потери статуса. Ситуация будет более сложной в северо-восточной части США, где латинос составляет меньшую долю населения, они беднее и имеют меньший доступ к институтам политической власти. В подобной ситуации бразильцы часто объединяются с латиносом независимо от предпочтений.

Таким образом, в целом отношения между латиноамериканскими и бразильскими идентичностями представляют собой сложную и спорную проблему. Разные ученые предлагают разные точки зрения на эту проблему, как и сами бразильцы. В то время как некоторые утверждают, что Бразилия является уникальным случаем в регионе, другие подчеркивают глубокие связи страны с соседями и необходимость сравнительного анализа по региону в целом.

Какую же в итоге аккультурационную стратегию выбирают бразильские иммигранты в США? Исследование Сабины и Кампоса показало, что бразильские иммигранты в США, как правило, используют комбинацию стратегий ассимиляции и интеграции в процессе аккультурации. Это означает, что они перенимают некоторые аспекты американской культуры, сохраняя при этом свою бразильскую идентичность и традиции [28]. Другие исследования свидетельствуют, что бразильские иммигранты в США склонны использовать стратегию интеграции чаще, то есть сохранение собственного культурного наследия, а также развитие тесных связей с принимающим обществом. Чем больше возможностей для поддержания культуры и самобытности, наследия и поиска отношений между группами в американском обществе расселения, тем больше бразильцев, как правило, демонстрируют меньшее одиночество, а значит они проходят весьма успешную психологическую адаптацию.

Концепт "плавильного котла" и лежащая в основе его ассимиляционная стратегия, вероятно, уже являются достоянием прошлого для Соединенных Штатов. Сегодня господствует "концепт салатницы", который побуждает иммигрантов сохранять свои культурные идентичности. Ким отмечает, что "естественная реакция на такие несоответствия было движение, которое бросает вызов статус-кво, заменяя индивидуалистические убеждения и метафору плавильного котла противоположными заявлениями о групповой идентичности и более новыми метафорами, такими как "мозаика", "лоскутное одеяло" и "салатница", которые подчеркивают самобытность каждой группы", а значит в настоящее время иностранцы предпочитают адаптироваться в форме интеграции, а не ассимилироваться. Бразильские иммигранты в США имеют более высокий уровень интеграции бикультурной идентичности по сравнению с другими латиноамериканскими группами, что говорит о том, что они отдают приоритет сохранению своей культурной идентичности, а также перенимают аспекты американской культуры" [3].

Вероятно, что подобное поведение может быть описано диалектической моделью адаптации Андреса и дополнено ранее обозначенной теорией социального конструирования. Диалектическая модель адаптации Андерсона утверждает, что человек может поддерживать свою домашнюю культуру, в то же время привыкает к культуре "хозяина". Эта модель определяет межкультурную адаптацию как мотивированный, целенаправленный процесс, в котором иммигранты учатся приспособливаться к новой культуре; процесс взаимного обучения, циклический, непрерывный и интерактивный процесс; возможность для личного развития [4]. Суть модели Андерсона заключается в том, что иностранцы добровольно хотят узнать о культуре "хозяина", насколько они могут, чтобы добавить свои собственные культурные ценности к культуре принимающей страны. Теория социального конструирования развивает идеи Андерсона. В дополнение к желанию иммигрантов узнать о принимающей культуре, чтобы стать частью принимающего общества, социальные вза-

имодействия, происходящие в родной (домашней) и принимающей культурах иммигрантов, играют фундаментальную роль в приобретении иммигрантами знаний о этой культуре. То есть это как циклический и развивающийся процесс обучения в том смысле, что иммигранты будут продолжать общение на протяжении всего процесса адаптации. Андерсон пишет о том, что адаптация есть диалектический процесс, который может дать как положительный, так и отрицательный опыт, и наиболее эффективные результаты отмечены полноценным участием в обществе в когнитивном, аффективном и поведенческом смысле. Такие участники готовы и стремятся учиться, и рассматривают культурные перспективы, чтобы преодолеть препятствия, и они с большей вероятностью будут эффективными и вовлеченными высокоэффективными людьми [4]. Желание добиться успеха в процессе адаптации у бразильцев в США может быть причиной того, что некоторые иммигранты готовы принять элементы принимающей культуры (например, большую независимость), сохраняя при этом элементы домашней культуры (например, большую семейную ориентацию, теплоту, ориентацию на счастье, спонтанность, неформальность). Использование диалектической модели помогает объяснить процесс навигации между различными культурами одновременно, включая взлеты и падения.

Ряд же других исследований показал, что бразильские иммигранты в США имеют более высокий уровень психологического благополучия по сравнению с другими группами латиноамериканцев. Исследователи предполагают, что это может быть связано с тем, что бразильские иммигранты, как правило, более позитивно относятся к США и с большей вероятностью интегрируются в американское общество [9]. Вероятно, это происходит из хорошо известной характеристики бразильской культуры (*jeitinho brasileiro*). Эта концепция означает, что бразильцы могут решить проблему, избежать неловких ситуаций и даже иметь определенные привилегии, используя свой типичный харизматичный и непринужденный подход [30, p. 192].

Бразильские иммигранты в США сообщают о более высоком уровне социальной поддержки как со стороны их соплеменников, так и их американских друзей по сравнению с другими латиноамериканскими группами. Это говорит о том, что бразильские иммигранты могут поддерживать связь со своей культурой происхождения, а также налаживать отношения с американцами [11; 15].

Почему бразильцы больше стараются интегрироваться, а не ассимилироваться? Бразильские иммигранты в США могут предпочесть интеграцию ассимиляции по нескольким причинам. Одна из причин заключается в том, что бразильская культура придает большое значение социальным отношениям и связям. Поэтому бразильские иммигранты могут испытывать сильное желание сохранить свою культурную самобытность, а также интегрироваться в американское общество. Кроме того, ассимиляция требует, чтобы люди отказались от некоторых аспектов своей культурной идентичности, чтобы полностью принять доминирующую культуру. Для некоторых бразильских иммигрантов это может быть сложно или нежелательно, поскольку они ценят свою культуру и самобытность. Интеграция позволяет им сохранять свою культурную идентичность, а также перенимать аспекты новой культуры, создавая более сбалансированный и удобный подход к аккультурации.

Еще один аргумент против ассимиляционной стратегии у бразильских иммигрантов в США лежит в ранее упомянутой модели "миграции йо-йо", маятниковой миграции. Многие бразильцы, движимые преимущественно экономическими мотивами, не рассматривают США в качестве постоянного дома. Они периодически ездят на родину и не закрывают для себя возможность возвращения при стабилизации социально-экономической ситуации в стране, в отличие, например, от большинства латиноамериканцев, стремящихся на постоянное жительство в США. При такой модели поведения наиболее очевидным видится выбор интеграционной стратегии аккультурации, а не ассимиляционной. Однако всякий раз, когда бразильские иммигранты посещают родину, они неизбежно должны снова адаптироваться к принимающей культуре по возвращении в США.

Стоит отметить, что стратегии аккультурации бразильских иммигрантов не фиксированы и могут со временем меняться в зависимости от различных

факторов, таких как продолжительность жизни иммигранта в принимающей стране, его сеть социальной поддержки и его опыта дискриминации. Теория социального конструирования не ограничивает адаптацию как процесс с началом, серединой и концом. Она рассматривает фазы адаптации в качестве циклических и повторяющихся. Каждая из них развивается в соответствии с ситуацией, происходящей в социальном мире иммигрантов. Непрерывная (ре)конструкция в пределах убеждений, культурной идентичности и социальных взаимодействий делают адаптацию бразильских иммигрантов в США постоянным путешествием. Теория социального конструирования помогает нам понимать адаптацию бразильцев в США как динамичный, эмерджентный, циклический и развивающийся процесс, в которой нет кульминационной фазы.

Литература

1. Берри Дж. Кросс-культурная психология. Исследования и применение / Дж. Берри, А.Х. Пуртинга, М.Х. Сигалл, П.Р. Дасен. Харьков: Гуманитарный Центр, 2007. 554 с.
2. Журбей Е. В. История формирования вьетнамской диаспоры США в 60–80-е гг. XX в.: проблемы адаптации и интеграции вьетнамских беженцев // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 2. С. 107–120.
3. Abreu J. M. Bicultural identity integration and psychological well-being among Latino immigrants: A longitudinal study / J.M. Abreu, M.J. Rotheram-Borus // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2017. No. 48(1). P. 92–108
4. Anderson L. A new look at an old construct: cross-cultural adaptation / L. Anderson // *International Journal of Intercultural Relations*. 1994. No. 18(3). P. 293–328.
5. Berry J. W. Comparative studies of acculturative stress / J.W. Berry, U. Kim U., T. Minde, D. Mok // *International Migration Review*. 1987. No. 21. P. 491–511.
6. Berry J.W. Acculturative stress: The role of ecology, culture and differentiation / J.W. Berry, R.C. Annis // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 1974. No. 5. P. 382–406.
7. Berry J.W. Acculturation attitudes in plural societies / J.W. Berry J.W., U. Kim., S. Power, M. Young, M. Bujaki // *Applied Psychology*. 1989. No. 38. P. 185–206.
8. Berry J. W. Immigrant youth in cultural transition: Acculturation, identity and adaptation across national contexts / J.W. Berry, J.S. Phinney, D.L. Sam, P. Vedder, P. Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates, 2006.
9. Bzostek S. Health and disadvantage among immigrant and native-born Latinos in the United States / S. Bzostek, N. Sastry, N. Goldman, N. // *Journal of immigrant and minority health*. 2015. No. 17(5). P. 1525–1535.
10. Comunidade Brasileira no exterior. Estomativas referenter ao ano de 2020. Brasilia: Ministerio das relacoes exteriores, 2021. 27 p.
11. Dantas D. L. Social support and acculturation: The experience of Brazilian immigrants in the United States / D.L. Dantas, J.D. Santos, A. Avelar // *International Journal of Intercultural Relations*. 2019. No. 71. P. 68–76.
12. Immigrant and Emigrant Populations by Country of Origin and Destination, mid-2020 estimates / Migration policy institute. URL.: <https://www.migrationpolicy.org/programs/data-hub/charts/immigrant-and-emigrant-populations-country-origin-and-destination> (дата обращения: 20.03.2023).
13. Kim Y. Y. Ideology, identity, and intercultural communication: an analysis of differing academic conceptions of cultural identity / Y.Y. Kim // *Journal of Intercultural Communication Research*. 2007. No. 36(3). P. 237–253.
14. Jefferson A. Brazilian American's / A. Jefferson. URL.: <https://www.everyculture.com/multi/A-Br/Brazilian-Americans.html> (дата обращения: 20.03.2023).
15. Koss-Chioino J. D. Migrant mental health: A review of immigrants' adaptations and challenges. In *The Cambridge Handbook of Acculturation Psychology* / J.D. Koss-Chioino, L.A. Vargas, L. A. NY.: Cambridge University Press. 2015. P. 376–392.
16. Leeds-Hurwitz W. Social approaches to communication / W. Leeds-Hurwitz. New York: Guilford Press, 1995.
17. Lopez M. H. Who is Hispanic? / M.N. Lopez, J.M. Krogstad, J.S. Passel / Pew Research Center. URL.: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2022/09/15/who-is-hispanic/> (дата обращения: 20.03.2023).
18. Margolis M. Brazilians and the 1990 United States Census: Immigrants, Ethnicity, and the Undercount / M. Margolis // *Human Organization*. 1995. Vol. 54, No. 1. P. 52–59.
19. Marrow H. To be or not to be (Hispanic or Latino): Brazilian racial and ethnic identity in the United States / H. Marrow // *Ethnicities*. 2003. Vol. 3, No. 4. P. 427–464.

20. Massey D. Theories of International Migration: A Review and Appraisal / Douglas S. Massey, J. Arango, G. Hugo, A. Kouaouci, A. Pellegrino, J. E. Taylor // *Population and Development Review*. 1993. Vol.19, No. 3. P. 431–466.
21. Moon S. Media effects on acculturation and biculturalism: A case study of Korean immigrants in Los Angeles' Koreatown / S. Moon, C. Park // *Mass Communication & Society*. 2007. No. 10(3). P. 319–343.
22. Noe-Bustamente L. Majority of Latinos Say Skin Color Impacts Opportunity in America and Shapes Daily Life Latinos with darker skin color report more discrimination experiences than Latinos with lighter skin color / L. Noe-Bustamente, A. Gonzalez-Barrera, K. Edwards, L. Mora, M. Lopez / Pew Research Center. URL.: <https://www.pewresearch.org/hispanic/2021/11/04/majority-of-latinos-say-skin-color-impacts-opportunity-in-america-and-shapes-daily-life/> (дата обращения: 20.03.2023).
23. Pearce W. B. Communication and the human condition / W.B. Pearce. Carbondale, IL: Southern Illinois University Press. [Selected material: Communication: A perspective, not a thing]. P. 23–31.
24. Penha-Lopes V. What next? On race and assimilation in the United States and Brazil / V. Penha-Lopes // *Journal of Black Studies*. 1996. No. 26(6). P. 809–826.
25. Phinney J. S. Ethnic identity, immigration, and well-being: An interactional perspective / J.S. Phinney, G. Horenczyk, K. Liebkind, P. Vedder // *Journal of Social Issues*. 2001. No. 57. P. 493–510.
26. Race and Ethnic Standards for Federal Statistics and Administrative Reporting. Directive. No. 15 / Office of Management and Budget (OMB). URL.: <https://wonder.cdc.gov/wonder/help/populations/bridged-race/directive15.html> (дата обращения: 20.03.2023).
27. Relating to the publication of economic and social statistics for Americans of Spanish origin or descent. Joint Resolution. Public Law 94-311 – June 16, 1976. URL.: <https://uscode.house.gov/statutes/pl/94/311.pdf> (дата обращения: 20.03.2023).
28. Sabina C. Acculturation strategies of Brazilian immigrants in the United States: An exploratory study / C. Sabina, B. Campos // *Journal of Ethnic and Cultural Diversity in Social Work*. 2020. No. 29(3). P. 201–219.
29. Stark O. The New Economics of Labor Migration / O. Stark, D. E. Bloom // *The American Economic Review*. 1985. Vol. 75, No. 2. P. 173–178.
30. Torres C. V. Brazilian culture, family, and its ethnic-cultural variety / C.V. Torres, M.A. Dessen // *Arizona Journal of Hispanic Cultural Studies*. 2008. No. 12. P. 189–202.
31. Vargas J. H. C. Hyperconsciousness of race and its negation: The dialectic of white supremacy in Brazil / J.N.C. Vargas // *Identities: Global Studies in Culture and Power*. 2004. No. 11. P. 443–447.
32. Waters J. Brazilian Immigrants in the United States / J. Waters, J. Batalova / Migration Policy Institute. URL.: <https://www.migrationpolicy.org/article/brazilian-immigrants-united-states> (дата обращения 10.03.2023).

References

1. Berry J. Cross-cultural psychology. Research and Application / J. Berry, A.H. Poortinga, M.H. Segall, P.R. Dasen. Kharkov: Humanitarian Center, 2007. 554 p. (In Russ.).
2. Zhurbey E. V. History of the formation of the Vietnamese diaspora in the United States in the 60–80s. XX century: problems of adaptation and integration of Vietnamese refugees // *Ojkumena. Regional researches*. 2022. No. 2. P. 107–120. (In Russ.).
3. Abreu J. M. Bicultural identity integration and psychological well-being among Latino immigrants: A longitudinal study / J.M. Abreu, M.J. Rotheram-Borus // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2017. No. 48(1). P. 92–108.
4. Anderson L. A new look at an old construct: cross-cultural adaptation / L. Anderson // *International Journal of Intercultural Relations*. 1994. No. 18(3). P. 293–328.
5. Berry J. W. Comparative studies of acculturative stress / J.W. Berry, U. Kim U., T. Minde, D. Mok // *International Migration Review*. 1987. No. 21. P. 491–511.
6. Berry J.W. Acculturative stress: The role of ecology, culture and differentiation / J.W. Berry, R.C. Annis // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 1974. No. 5. P. 382–406.
7. Berry J.W. Acculturation attitudes in plural societies / J.W. Berry J.W., U. Kim., S. Power, M. Young, M. Bujaki // *Applied Psychology*. 1989. No. 38. P. 185–206.
8. Berry J. W. Immigrant youth in cultural transition: Acculturation, identity and adaptation across national contexts / J.W. Berry, J.S. Phinney, D.L. Sam, P. Vedder, P. Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates, 2006.
9. Bzostek S. Health and disadvantage among immigrant and native-born Latinos in the United States / S. Bzostek, N. Sastry, N. Goldman, N. // *Journal of immigrant and minority health*. 2015. No. 17(5). P. 1525–1535.
10. Comunidade Brasileira No. exterior. Estomativas referenter ao ano de 2020. Brasilia: Ministerio das relacoes exteriores, 2021. 27 p.

11. Dantas D. L. Social support and acculturation: The experience of Brazilian immigrants in the United States / D.L. Dantas, J.D. Santos, A. Avelar // *International Journal of Intercultural Relations*. 2019. No. 71. P. 68–76.
12. Immigrant and Emigrant Populations by Country of Origin and Destination, mid-2020 estimates / Migration policy institute. URL: <https://www.migrationpolicy.org/programs/data-hub/charts/immigrant-and-emigrant-populations-country-origin-and-destination> (accessed 20.03.2023).
13. Kim Y. Y. Ideology, identity, and intercultural communication: an analysis of differing academic conceptions of cultural identity / Y.Y. Kim // *Journal of Intercultural Communication Research*. 2007. No. 36(3). P. 237–253.
14. Jefferson A. Brazilian American's / A. Jefferson. URL: <https://www.everyculture.com/multi/A-Br/Brazilian-Americans.html> (accessed 20.03.2023).
15. Koss-Chioino J. D. Migrant mental health: A review of immigrants' adaptations and challenges. In *The Cambridge Handbook of Acculturation Psychology* / J.D. Koss-Chioino, L.A. Vargas, L. A. NY.: Cambridge University Press. 2015. P. 376–392.
16. Leeds-Hurwitz W. *Social approaches to communication* / W. Leeds-Hurwitz. New York: Guilford Press, 1995.
17. Lopez M. H. Who is Hispanic? / M.N. Lopez, J.M. Krogstad, J.S. Passel / Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2022/09/15/who-is-hispanic/> (accessed 20.03.2023).
18. Margolis M. Brazilians and the 1990 United States Census: Immigrants, Ethnicity, and the Undercount / M. Margolis // *Human Organization*. 1995. Vol. 54, No. 1. P. 52–59.
19. Marrow H. To be or No.t to be (Hispanic or Latino): Brazilian racial and ethnic identity in the United States / H. Marrow // *Ethnicities*. 2003. Vol. 3, No. 4. P. 427–464.
20. Massey D. Theories of International Migration: A Review and Appraisal / Douglas S. Massey, J. Arango, G. Hugo, A. Kouaouci, A. Pellegrino, J. E. Taylor // *Population and Development Review*. 1993. Vol. 19, No. 3. P. 431–466.
21. Moon S. Media effects on acculturation and biculturalism: A case study of Korean immigrants in Los Angeles' Koreatown / S. Moon, C. Park // *Mass Communication & Society*. 2007. No. 10(3). P. 319–343.
22. Noe-Bustamente L. Majority of Latinos Say Skin Color Impacts Opportunity in America and Shapes Daily Life Latinos with darker skin color report more discrimination experiences than Latinos with lighter skin color / L. Noe-Bustamente, A. Gonzalez-Barrera, K. Edwards, L. Mora, M. Lopez / Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/hispanic/2021/11/04/majority-of-latinos-say-skin-color-impacts-opportunity-in-america-and-shapes-daily-life/> (accessed 20.03.2023).
23. Pearce W. B. *Communication and the human condition* / W.B. Pearce. Carbondale, IL: Southern Illinois University Press. [Selected material: Communication: A perspective, No.t a thing]. P. 23–31.
24. Penha-Lopes V. What next? On race and assimilation in the United States and Brazil / V. Penha-Lopes // *Journal of Black Studies*. 1996. No. 26(6). P. 809–826.
25. Phinney J. S. Ethnic identity, immigration, and well-being: An interactional perspective / J.S. Phinney, G. Horenczyk, K. Liebkind, P. Vedder // *Journal of Social Issues*. 2001. No. 57. P. 493–510.
26. Race and Ethnic Standards for Federal Statistics and Administrative Reporting. Directive No. 15 / Office of Management and Budget (OMB). URL: <https://wonder.cdc.gov/wonder/help/populations/bridged-race/directive15.html> (accessed 20.03.2023).
27. Relating to the publication of economic and social statistics for Americans of Spanish origin or descent. Joint Resolution. Public Law 94-311 – June 16, 1976. URL: <https://uscode.house.gov/statutes/pl/94/311.pdf> (accessed 20.03.2023).
28. Sabina C. Acculturation strategies of Brazilian immigrants in the United States: An exploratory study / C. Sabina, B. Campos // *Journal of Ethnic and Cultural Diversity in Social Work*. 2020. No. 29(3). P. 201–219.
29. Stark O. The New Economics of Labor Migration / O. Stark, D. E. Bloom // *The American Economic Review*. 1985. Vol. 75, No. 2. P. 173–178.
30. Torres C. V. Brazilian culture, family, and its ethnic-cultural variety / C.V. Torres, M.A. Dessen // *Arizona Journal of Hispanic Cultural Studies*. 2008. No. 12. P. 189–202.
31. Vargas J. H. C. Hyperconsciousness of race and its negation: The dialectic of white supremacy in Brazil / J.N.C. Vargas // *Identities: Global Studies in Culture and Power*. 2004. No. 11. P. 443–447.
32. Waters J. Brazilian Immigrants in the United States / J. Waters, J. Batalova / Migration Policy Institute. URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/brazilian-immigrants-united-states> (дата обращения 10.03.2023).

Информация об авторах

Евгений Викторович Журбей, канд. ист. наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: zhurbey.ev@dvfu.ru

Виталия Игоревна Бунина, студент Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: bunina.vi@dvfu.ru

Дарья Андреевна Пушкарева, студент Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: pushkareva.da@dvfu.students.ru

Information about the authors

Evgeniy V. Zhurbey, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: zhurbey.ev@dvfu.ru

Vitalia I. Bunina, Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: bunina.vi@dvfu.ru

Daria A. Pushkareva, Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: pushkareva.da@dvfu.students.ru

Поступила в редакцию 18.01.2024

Одобрена после рецензирования 09.02.2024

Принята к публикации 25.02.2024

Received 18.01.2024

Approved 09.02.2024

Accepted 25.02.2024

Научная статья
УДК 316.4
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/112-121>

Социальная активность российской молодёжи (на материалах Приморского края)

Елена Владимировна Гонцовская
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, gontcovskaya.ev@students.dvfu.ru
Анастасия Сергеевна Давыдова
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, davydova.as@students.dvfu.ru
Кирилл Павлович Михалев
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, mikhalev.kp@students.dvfu.ru

Аннотация. Сегодня молодое поколение играет ключевую роль в формировании общества и его дальнейшем развитии, активно участвует в изменении социальных норм, ценностей и институтов. В связи с этим авторами было проведено исследование, направленное на изучение социальной активности молодёжи Приморского края через призму их субъективных оценок и опыта. Полевые работы осуществлялись весной 2023 года. Реализованное исследование состояло из серии полуформализованных интервью, построенных по принципу критериального отбора и включающих в себя вопросы, связанные с мотивами и ценностными установками социально-активного человека, а также затрагивающие определённые черты, влияющие на личностный выбор молодёжи, и различные барьеры, препятствующие осуществлению социальной активности, касающейся помощи обществу, людям из наиболее уязвимых социальных групп и т. д.

Ключевые слова: молодёжь, социальная активность, некоммерческие организации, социальные ценности, Приморский край

Для цитирования: Гонцовская Е. В., Давыдова А. С., Михалев К. П. Социальная активность российской молодёжи (на материалах Приморского края) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 1. С. 112–121. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/112-121>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/112-121>

Social activity of Russian youth (based on the materials of the Primorsky Territory)

Elena V. Gontsovskaya
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, gontcovskaya.ev@students.dvfu.ru
Anastasia S. Davydova
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, davydova.as@students.dvfu.ru
Kirill P. Mikhalev
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, mikhalev.kp@students.dvfu.ru

Abstract. Today, the young generation plays a key role in the formation of society and its further development, actively participates in the formation and change of social norms, values and institutions. In this regard, the authors conducted a research aimed at studying the social activity of youth representatives of Primorye Territory through the prism of their subjective assessments and experiences. Field work was carried out in the spring of 2023. The implemented research consisted of a series of semi-formalized interviews, built on the principle of criterion selection and including questions related to the motives and values of a socially active person, as well as touching upon certain traits that influence the personal choice of young people, and various barriers that hinder the implementation of social activity related to helping society, people from the most vulnerable social groups, etc.

Key words: youth, social activity, non-profit organizations, social values, Primorye Territory

For citation: Gontsovskaya E. V., Davydova A. S., Mikhalev K. P. Social activity of Russian youth (based on the materials of the Primorsky Territory) // Ojkumena. Regional researches. 2024. No. 1. P. 112–121. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/112-121>

Социальная активность молодёжи является одной из важных сфер современных научных исследований, так как молодое поколение играет ключевую роль в формировании общества и его дальнейшем развитии.

Молодые люди представляют собой одну из ключевых социальных групп, которая определяет будущее общества. Молодёжь активно участвует в формировании и изменении социальных норм, ценностей и институтов. Социальная активность молодёжи может оказывать влияние на различные области и сферы общественной жизни, а также обеспечивает быструю реакцию социума на возникшие проблемы и сложности в данном контексте.

В целом в отечественной социологии молодёжь рассматривается как особая социальная и демографическая общность (возрастные рамки принадлежности к которой в науке и законодательстве определены периодом от 14 до 35 лет), выделяемая на основе обусловленной возрастом совокупности характеристик, особенностей социального положения данной группы, её места и

функций в социальной структуре общества, специфических интересов и ценностей, определяемых в значительной степени уровнем социально-экономического, культурного развития, особенностями социализации [5].

С точки зрения современной философской мысли социальная активность рассматривается как понятие, "отображающее характер функционирования индивидов и социальных групп в обществе" [16]. Она связана с превращением интереса в фактор действия, с познанием, целеполаганием и преобразованием действительности, обусловлено деятельной природой человека, противоречием между условиями существования и объективными потребностями личности и направлено на ликвидацию несоответствия между потребностями и условиями бытия человека.

С позиции социологии, в свою очередь, социальная активность рассматривается как способность личности преобразовывать как природную, так и социальную среду для своего существования. Личность находит всё новые сферы и формы приложения своих сил, блокируя отдельные звенья активности с целью усиления тех участков, где потребность в мере социальной активности более актуальна [4].

В целом, социальная активность в большинстве исследований рассматривается во взаимосвязи с социумом, посредством которой субъект познаёт, преобразует социальную реальность и самого себя.

Наиболее развёрнутое определение социальной активности, на наш взгляд, звучит следующим образом: "Социальная активность – это сознательная и целенаправленная деятельность личности и её целостно-социально-психологическое качество, которые, будучи взаимообусловлены, определяют и характеризуют степень или меру персонального воздействия субъекта на предмет, процессы и явления окружающей действительности. Деятельность является реальным проявлением социальной активности человека" [8].

В отечественной науке вопросы, связанные с социальной активностью молодежи, рассматривались такими исследователями, как Ю. А. Зубок, А. И. Ковалева, В. А. Луков, Е. Л. Омельченко и В. И. Чупров и др., которые внесли значительный вклад в исследование процессов социализации российской молодёжи, придавая особое внимание социальной активности как важному аспекту её интеграции в общество.

Так, в контексте социальной активности Ю. А. Зубок разрабатывает концепцию риска как фактора социального развития молодёжи, выявляются связи между уровнем риска, с которым сталкивается данная возрастная группа в нестабильном обществе, и её активным участием в социальных процессах [6]. А. И. Ковалева анализирует разбалансированность социализации молодёжи и выявляет противоречия социализационного процесса [7]. Автор определяет критерии успешной социализации, отражая их в контексте социальной активности, и предлагает концепцию социализационной нормы. Как автор тезаурусной концепции социализации молодёжи, В. А. Луков раскрывает, как ценности и знания влияют на её социальную активность, подчёркивая важность формирования определённых тезаурусов в контексте социальных практик и активности [9]. Е. Л. Омельченко фокусируется на культурных практиках и стилях жизни молодёжи. Её исследования раскрывают, как культурные факторы влияют на формирование социальных предпочтений и активности данной группы [13]. В своих трудах В. И. Чупров рассматривает теоретические и прикладные аспекты социального развития представителей молодого поколения, включая их социальную активность, а также факторы её стимулирующие или тормозящие [17].

АНО "Социологическая мастерская Задорина" в своём аналитическом обзоре, основанном на анализе вторичных источников, в том числе ранее проведенных опросов общественного мнения, описывает основные формы социальной активности молодёжи в России. Согласно авторам исследования, нынешний этап развития гражданского общества в России охарактеризован наличием широкого спектра формальных возможностей для проявления гражданской активности индивида. Эти возможности распространяются на участие в различных общественных объединениях, организациях, партиях с различными идеологическими установками, церковных общинах, а также на органы местного самоуправления [12].

Анализ уже опубликованных работ показывает, что ценностные установки, смыслы жизни и жизненная направленность играют важную роль в формировании социальной активности индивида. Несмотря на обширные исследования в этой области, остаются недостаточно изученными аспекты, связанные с тем, как различные формы социальной активности проявляются в зависимости от социально-демографических характеристик, таких как возраст, тип занятости, условия жизни и другие.

Исследование особенностей, динамики и факторов развития социальной активности требует выявления её существенных характеристик. Таким образом, стоит подчеркнуть такие характеристики социальной активности, как:

1) самоопределение (проявление самодвижения особого качества) – это потребности индивида, внутренняя, осознанная мотивация, которая связана с созданным образом "нужного будущего", значимого для индивида;

2) вовлечённость в социальное взаимодействие (социальная активность – это результат осознания человеком своих взаимоотношений с обществом и построения способа взаимодействия с ним, раскрывающего его потенциал; она проявляется в особой форме – социально продуктивной деятельности, общении, познании);

3) просоциальность (ориентация на преобразование носителя деятельности и общества в социально позитивном направлении на благо общества и личности, следование социальным нормам, законам и моральным идеалам) [18].

Выделяют также различные виды социальной активности. Так, например, познавательная активность направлена на приобретение определённого набора знаний, умений и навыков, необходимого для достижения личностью поставленных целей и реализуется как в учебном процессе, так и в самостоятельной деятельности индивида, направленной на получение знаний, умений и навыков. Источником познавательной активности является потребность в познании, самореализации, признании в обществе, материальном благополучии и др. [2].

К социально-политической активности относится участие в общественных и политических объединениях (политические партии, молодёжные движения, студенческие сообщества и др.), участие в выборах, выполнение общественно полезной деятельности, проявление инициативности в общественной деятельности, временные затраты на социально-политическую деятельность и т. д.

Говоря о трудовой активности, следует принимать во внимание степень важности для индивида процесса и результатов труда. Деятельность, направленная исключительно на получение прибыли, не будет свидетельствовать о заинтересованности человека процессом труда, может быть обусловлена внешними обстоятельствами и не иметь внутренней мотивации. Трудовая деятельность может быть направлена как на получение определённого опыта в профессиональной сфере, умений и навыков, направленных на перспективу дальнейшего карьерного роста, так и только на получение заработка независимо от вида деятельности и дальнейших целей [3].

Таким образом, социальная активность проявляется в форме свободной деятельности, не навязанной извне, а протекающей по внутреннему, осознанному побуждению действующей личности. Качественной характеристикой социальной активности является её направленность. Социальная активность может быть социально-позитивной, социально-нейтральной и социально-негативной в зависимости от того, какие изменения она приносит в общество.

В контексте современных общественных изменений и эволюции ценностных установок, вопрос социальной активности российской молодёжи становится ключевым объектом исследования. Отмеченные формы самостоятельной и осознанной деятельности, как и их направленность, предоставляют обширные возможности для глубокого анализа влияния активности молодого поколения на социокультурные и политические процессы в России. Исследование этого явления позволит более полно раскрыть многогранность социального взаимодействия представителей данной возрастной группы и их вклад в общественные трансформации.

Так, исходя из данных ФОМ, около трети молодёжи публично высказываются по новостными поводам в интернете, участвуют в волонтерстве, подписывают петиции [14].

При этом, согласно данным ВЦИОМ, социальную активность молодёжи замечает каждый второй россиянин, столько же придерживаются обратной точки зрения, считая, что особой активности нет – 45%. Воспринимают активность молодых людей как полезную для общества и страны 43%, и только 4% опасаются, что она может нанести вред. За прошедшие 10 лет наши сограждане стали чаще видеть положительные стороны в активности молодых людей (+9 п.п.). Сегодня о пользе чаще говорят женщины (48% среди женщин против 38% среди мужчин), сами молодые люди 18–24 лет (46%), россияне 35–44 лет (47%) [11].

Важно понимать, что молодое поколение становится базовым ресурсом интеллектуального, инновационного развития конкретного региона, её особое "предназначение" – выступать пионерами общественных преобразований [1].

Для развития привлекательности региона в целом необходима интенсификация взаимодействий молодёжи с властными структурами, что зачастую происходит посредством участия молодых людей в некоммерческих организациях, которые являются значимой силой в развитии общества и государства.

Исследование социальной активности молодёжи в разрезе территорий является важным инструментом для понимания особенностей и потребностей конкретного субъекта РФ, так как каждый регион имеет свои уникальные особенности, которые оказывают влияние на социальную активность его жителей.

Так, Приморский край, расположенный на Дальнем Востоке России, обладает богатым и разнообразным культурным, экономическим и географическим наследием, что формирует специфические условия и возможности для молодёжи.

Кроме того, изучение социальной активности молодёжи имеет особое значение, так как молодёжь является движущей силой общественных изменений и важным элементом развития региона. В свою очередь, молодёжные организации играют значимую роль в формировании активных граждан, способных внести свой вклад в развитие общества и государства.

Работа некоммерческих организаций заключается в решении различных проблем социальной защиты граждан: это и правовая помощь, а также деятельность в сферах здравоохранения, образования, культуры, спорта, удовлетворения духовных и прочих нематериальных потребностей людей и т. д.

Кроме этого, исследование социальной активности молодых людей предоставляет собой ценную информацию для разработки и реализации эффективных региональных социальных проектов и программ. Понимание потребностей и интересов молодёжи позволяет учесть их мнение и предложения при формировании политической повестки и принятии решений, касающихся всех слоёв молодёжи.

В связи с этим авторами было проведено социологическое исследование, направленное на изучение социальной активности молодёжи Приморского края через призму их субъективных оценок и опыта. Задачи исследования: обозначить ряд ключевых характеристик, присущих социально-активной молодёжи; выявить основные ценности социально-активной молодёжи; охарактеризовать основные мотивы к осуществлению социально-активной деятельности молодёжи; определить основные факторы влияния на социальную активность молодежи; описать существующие барьеры в сфере социальной активности.

Исследовательский проект был реализован весной 2023 года, основной метод сбора эмпирических данных – полуструктурированное интервью. Выбор качественной методологии исследования предопределило то, что, по мнению авторов, именно она представляет возможность получить глубокие и контекстуальные данные о социальной активности молодёжи Приморского края, в том числе позволяя выявить индивидуальные ценности, мотивы и переживания молодых людей, активно участвующих в деятельности общественных некоммерческих организаций.

Объектом исследования выступила социально-активная молодёжь в возрасте от 18 до 35 лет, состоящая в НКО Приморского края. Предмет – соци-

альная активность в представлениях и практиках молодых людей, состоящих в НКО Приморского края. Выборка – целевая, критерии отбора – членство в некоммерческой организации от 1 года и более; активное участие в общественной жизни (посещение или организация минимум одного мероприятия за последний месяц); возраст от 18 до 35 лет. Интервью проводилось при личных встречах с информантами и в онлайн-формате (всего было опрошено 24 человека из 19 организаций).

В результате были проведены интервью с членами организаций, занимающихся социально-активной деятельностью в таких сферах, как медицина, благотворительность, спорт, религия, право, образование, культура и экология (в частности, информанты представляли ряд некоммерческих организаций Приморского края)¹.

Говоря об определении социальной активности, каждый информант отметил наличие ориентации на другого человека, то есть социально-активная деятельность – это деятельность, тесно связанная с влиянием на общество и социум. В данном аспекте результаты нашего исследования соотносятся с результатами опроса Фонда "Общественное мнение" 2007 г., который показал, что основной смысловой стержень, вокруг которого формируется отношение молодёжи к общественной работе, – это возможность приносить пользу людям [10]. Так, согласно данному опросу, среди россиян от 18 до 35 лет относительное большинство (42%) общественную работу связывают именно с такой возможностью. Однако, являясь главным признаком общественной работы, эта позиция для молодёжи имеет заметно меньшее значение, нежели для людей старшего поколения (среди 55-летних и старше её отметили больше половины, 53%). Меньшую актуальность для данной возрастной группы имеют и такие признаки общественной работы, как моральное удовлетворение и возможность почувствовать свою нужность людям (12–13% при 19–20% среди пожилых) [15].

Представители общественных организаций выделили определённые черты, свойственные социально-активному человеку. Это человек, который должен постоянно двигаться вперёд, обладать различными коммуникационными навыками, помогать окружающим и привносить что-то новое в мир. Так или иначе, составленный идеализированный образ приближен к реальности: каждый информант – это человек, который всегда готов внести свой вклад на благо общества.

К осуществлению социально-активной деятельности среди работающей и учащейся молодёжи побуждают следующие мотивы: самореализация (*"Ничто так не мотивирует, как результаты, которые можно проследить"*), *"В первую очередь моё желание стать лучше, саморазвитие"*), оказание помощи (*"действительно сильное желание помочь другим людям выбраться из тяжелой ситуации"*), *"Меня мотивируют, наверное, все те же эмоции, когда просто взаимодействуешь с людьми, особенно когда получаешь отдачу, особенно когда это кому-то нужно было"*, *"Отдача, наверное... Я вижу, что то, чем я занимаюсь, действительно важно людям, что им это интересно, что им это помогает, что им становится легче"*), интерес (*"просто это интересно"*), улучшение мира, обратная связь, материальное поощрение (*"ну, сейчас стипендии"*), вера (*"потому что этого хочет Бог"*). Так, самым распространённым среди названных стимулирующих факторов является самореализация и помощь окружающим. Данный факт можно наблюдать среди сфер, деятельность которых направлена на работу с людьми – медицина и благотворительность. Специфической можно назвать мотивацию в религиозной отрасли – у представителей организации данного направления прослеживается связь между самореализацией, помощью и верой.

¹ Школа волонтеров-медиков, Российский Красный крест, благотворительный фонд "Руки помощи", благотворительный фонд "Пища жизни", Институт наставничества ДВФУ, спортивный клуб по гребле-индор "Приморские акулы", региональное отделение Федерации чирлидинга, сборная ДВФУ по футболу, Ассоциация юристов России, Приморский центр защиты прав граждан, Русское общество ДВФУ, Союз писателей России, Медиацентр ЮШ ДВФУ, Русское географическое общество, Клуб дебатов ДВФУ, Интеллектуальный клуб ДВФУ, экологическое движение "РаздельныйСбор", Протестантская христианская церковь, Протестантская пресвитерианская христианская церковь Сэрэм.

Важно отметить, что каждый информант характеризует социальную активность с точки зрения специфики некоммерческой организации, членом которой он является. Таким образом, информанты, состоящие в организации экологического направления, считают улучшение окружающего мира первостепенной задачей, но при этом подчёркивают, что необходимо вовлекать как можно большее количество людей в экологическое движение и повышать уровень осознанности граждан в области охраны окружающей среды. В то же время в сфере спорта информанты выделили ориентацию человека на результат и взаимодействие с большим количеством людей. В медицинских и правозащитных организациях информанты связывают социальную активность с помощью другим людям, при этом в первом случае акцент делается непосредственно на физическую помощь, а во втором – на помощь в юридической сфере.

При этом необходимо отметить, что некоторые информанты отмечают, что обязательной составляющей социально-активной деятельности является самореализация и саморазвитие, исходя из чего мы можем сделать вывод, что, в первую очередь, социальная активность ассоциируется у информантов с внешним воздействием на что-либо (окружающую среду, социум и т. д.)

Таким образом, специализация некоммерческой организации, членом которой является информант, оказывает влияние на его определение социальной активности. Данная закономерность может быть следствием того, что организация выбирается в соответствии с интересом и ценностями информанта.

Пути вступления в некоммерческие организации у информантов были довольно идентичны: все в той или иной степени отмечают, что были знакомы с направлением деятельности своей организации с раннего возраста ("*...я узнала о ней, когда мне было двенадцать лет, и меня привели на литературный кружок, потому что пишу я целенаправленно и централизованно с двенадцати лет...*"; "*...в пионерлагере "English Camp", который находится у нас в городе, вот, когда-то был в своё время...*", "*...приехал сюда, я родом из Уссурийска, и играл в любительской команде <...> И когда закончил школу, мне тренер сказал: вот, есть команда в ДВФУ, ты можешь вступить...*").

Практически у всех информантов существуют проблемы с тайм-менеджментом, некоторые отмечали проблемы с коммуникацией в коллективе и даже в семье на почве их общественной деятельности. Работающие члены общественных организаций отмечали особенные трудности в ресурсном плане: нехватка времени, эмоциональное и физическое выгорание. Представители таких НКО, чья деятельность связана со спортом и религией, указали на то, что их сфера деятельности положительно влияет на их состояние, помогает в бытовых делах учёбе и/или работе. Здесь можно увидеть сильную привязанность к их отрасли ("*церковь "наполняет" энергией*", "*Спорт, в особенности гребля, даёт больше энергии, что позволяет тебе лучше учиться*"). Были выявлены такие случаи, где информанты отмечали, что не испытывают никаких трудностей в осуществлении своей деятельности – это можно объяснить спецификой их работы. Например, глава "Интеллектуальных боёв" занимается организацией больше в дистанционном формате, что делает её график более гибким, а член "Протестантской пресвитерианской христианской церкви Сэром" в связи с расположением дома, места работы и вуза вынужден постоянно перемещаться, что негативно сказывается на состоянии её здоровья.

Через различные формы социальной активности молодёжь пытается раскрыть свои способности и реализовать свой потенциал. Тенденция постоянного развития себя как личности является важной составляющей в деятельности, направленной на развитие общества ("*Ну, если всё перечислять, то на первом курсе я активно была в студенческом совете, СНО (Студенческое Научное Общество), но сейчас в СНО я чуть реже появляюсь, это студенческое научное общество на базе школы медицины, наставник, волонтеры-медики. Плюс я раньше ходила в клуб спелеологов. Было у меня такое в жизни. Я вообще много чем занималась. Я даже сейчас этого всего не вспомню. Обычная волонтерство, ЦПВ (Центр Подготовки Волонтеров) тоже было. Сейчас тоже с ними часто работаю. В проекте "Своих не бросаем" у нас объединённая волонтерская деятельность*").

Многие информанты не получают "стипендию общественника", так как имели трудности в учёбе в связи с нехваткой времени и лишь некоторые отметили положительное влияние различных поощрений в сфере образования на их мотивацию. В любом случае практически все информанты отметили внутренние мотивы для осуществления своей деятельности (*"Для меня сейчас важно не то, какая у меня стипендия. Для меня особо это никогда не было важно, особенно учитывая, что в прошлом семестре у меня вообще не было стипендии общественника. Вот для меня стало больше важным, наверное, то, что я могу реализовать и что я могу сделать"*).

Информанты из сферы благотворительности и экологии отметили улучшение окружающей среды как один компонент из их структуры системы мотивации (*"Социально-активная деятельность – это деятельность людей, которые направлены на благо общества, которые хотят действительно помочь улучшить место людей, где они живут, возможно, их условия, их общице какие-то настроения, мотивы"*).

На социальную активность по мнению представителей общественных организаций оказывает влияние такой фактор, как близкое окружение. Большая часть отметила, что именно родственники повлияли на их выбор заниматься общественной деятельностью – они поддерживают, участвуют в мероприятиях, относятся с уважением и пониманием (*"Мои близкие в первую очередь меня поддерживали во всех моих начинаниях", "Ну относятся положительно и, ну как бы, привлекаются, участвуют, помогают тоже"*). Однако некоторые информанты указывали на негативный опыт, когда родители пытались отбить желание заниматься данным делом, ограничивали и отрицательно высказывались в сторону этого занятия (*"Мои родители очень быстро поняли, что это довольно-таки бесполезная вещь", "Они этого не понимают. Меня на протяжении всей моей жизни и до сих пор ругают за то, что я занимаюсь общественной деятельностью"*). Определить общую тенденцию достаточно трудно, потому что каждый человек индивидуален и у него своя жизненная история, которую зачастую нельзя изменить.

Близкое окружение является основным фактором влияния на социальную активность. Практически все отметили, что именно друзья оказывают зачастую влияние на их деятельность, подталкивают их двигаться дальше и продолжать проявлять социальную активность. Касаемо близких родственников было выявлено, что не у всех они имеют положительное влияние или не имеют вообще никакого воздействия.

В ходе исследования были выявлены основные ценности, присущие социально-активной молодёжи: трудолюбие, дисциплина, ответственность, целеустремлённость, равнодушие, некий перфекционизм. Самой главной ценностью называли безразличие к окружающему миру (*"Но ценности, которыми должен обладать человек, которые будут влиять на эту сферу, я бы сказал, трудолюбие... и желание познавать что-то новое... плюс равнодушие"*), *"Ценности, которые люди хотят донести другим: что надо быть неравнодушным, обращать внимание на людей, нужна ли им какая-то помощь"*, *"Наверное, опять равнодушие, потому что сейчас многим не нужна социально-активная деятельность"*).

Информанты, отвечая на вопрос про их понимание "социально-активной деятельности" и "образ социально-активного человека", подтвердили, что отсутствие безразличия является ключевым признаком их деятельности. При этом ценности, которые привило близкое окружение с самого детства, оказали зачастую немаловажное влияние (*"Опять же, ситуация в семье и плюс относительное желание, ну, не относительное, а действительно сильное желание помогать другим людям выбираться из тяжелой ситуации. Ведь если мне когда-то помогли, надо ж другим помогать тоже"*), *"Нас с детства учат на самом деле благотворительности, как мне кажется, банально в школах"*, *"В какой-то степени, возможно, дома так приучили и показали. В какой-то степени пример моей бабушки: считая её очень социально-активным человеком. Поэтому, наверное, какой-то пример из детства"*, *"Семья постоянно говорила мне, то, что социальная гражданская позиция – "Это хорошо!", "Вот этим надо заниматься!", и всегда так поощряли, когда я начала этим заниматься. Друзья говорили: "Вау, круто. Мы бы так не смогли..."*, *"Мои*

родители отдали меня еще перед школой в Тхэквондо и мне кажется с этого все и началось. Я очень благодарен родителям за интерес к спорту").

Кроме того, мы попросили наших информантов оценить эффективность государственной поддержки некоммерческих организаций, так как известно, что государственный бюджет является значимой частью для существования таких организаций наряду с членскими взносами. В частности, в качестве одной из ведущих форм поддержки были отмечены гранты (фонд Президентских грантов, конкурсы от Росмолодёжи и т. д.). Другие формы поддержки – материальная помощь при покупке билетов на соревнования, организация конкурсов. Заметна тенденция: члены более крупных организаций рассказывают о мерах поддержки, которые их организация получала или пыталась получить, в то время как руководители и основатели маленьких НКО говорят либо об отсутствии поддержки со стороны государства (*"Знаете, это, наверное, больше руководители федераций крупных вам ответят. Потому что мы как бы особо поддержки государства никак не чувствуем и все своими силами"; "Секции по футболу в городах, в большинстве своем платные. Как-то еще поддержка – я ее тоже не замечаю. Вот. Поддержка от государства – они купили нам билеты на соревнования..."*).

Таким образом, анализ полученных данных показывает, что молодёжь, занятая работой и учёбой, испытывает трудности с управлением своим временем. Однако многие из них все равно находят мотивацию для социально-активной деятельности. Близкое окружение, в основном друзья и семья, также оказывает влияние на их участие в общественных организациях. Социально-активные люди представляют собой тех, кто стремится к развитию, обладает коммуникационными навыками и делает значимый вклад в общество. В ценности такой молодёжи входят трудолюбие, дисциплина, ответственность, целеустремлённость, неравнодушные и стремление к совершенству.

Обобщая всё вышеперечисленное, можно сказать, что феномен социальной активности, в представлении молодёжи Приморского края, совмещает в себе все тенденции современного общества, от которых как раз и зависит общественная деятельность. Современному социально-активному молодому человеку присущи такие черты, как стремление к изменениям и улучшению окружающей действительности, ориентация деятельности на пользу для социума и отсутствие безразличия к значимым проблемам современного общества.

Таким образом, данное исследование социальной активности молодёжи в Приморском крае, основанное на качественном анализе данных, подчеркивает актуальность регионального изучения данной проблематики. Разнообразие культурных паттернов, экономических условий и социальных феноменов в региональном контексте делает особенно важным понимание факторов, влияющих на социальную активность молодежи. Выстраивание молодёжной политики, адаптированной к уникальным характеристикам Приморского края, в свою очередь, становится ключевым элементом обеспечения активного и конструктивного участия молодёжи в общественной жизни. Такой подход способствует формированию устойчивого социокультурного пространства, способного эффективно отвечать на вызовы и стимулировать развитие молодёжного потенциала в регионе.

Литература

1. Антонова Н.Л., Абрамова С.Б. Городской активизм молодёжи: практики и барьеры // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 2 (57). С. 96–103.
2. Балог А.И. Место социальной активности в структуре социокультурного потенциала молодёжи // Вестник ВятГУ. 2013. № 3 (1). С. 33–36.
3. Ганиева М.Х., Латипова Н.М. Социальная активность современной узбекистанской молодёжи // EESJ. 2018. № 3-6 (31). С. 40–44.
4. Гончарова Н.В., Поповкина О.П. Социальная активность личности: теоретический аспект в научной литературе // Евразийский Союз Ученых. 2019. № 4-5 (61). С. 17–19.
5. Елишев С.О. Современные подходы к определению понятия "молодежь" в социологии // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2009. № 3. С. 187–189.
6. Зубок Ю.А. Риск как фактор социального развития молодежи: автореферат дис. ... доктора социологических наук: 22.00.04. Ин-т соц.-полит. исслед. РАН. Москва, 2003. 47 с.

7. Ковалева А.И. Концепция социализации молодежи: нормы, отклонения, социализационная траектория // Социологические исследования. 2003. № 1(225). С. 109–115.
8. Коган В.З. Теория информационного взаимодействия: философско-социологические очерки. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1991. 320 с.
9. Луков В.А. Тезаурологическая концепция молодежи // Социологический сборник. Вып. 5. Институт молодежи. М.: Социум, 1999. С. 8–23.
10. Общественная активность и участие населения в НКО и неформальных сообществах // Фонд "Общественное мнение". 2007. URL: <https://bd.fom.ru/pdf/socat12.pdf> (дата обращения: 10.10.2023).
11. Общественная активность молодежи (дата публикации: 10.08.2022) // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obshchestvennaja-aktivnost-molodezhi> (дата обращения: 10.10.2023).
12. Общественная активность населения и восприятие гражданами условий развития гражданского общества. Аналитический обзор по результатам общероссийских опросов Фонда "Общественное мнение". М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007.
13. Омельченко Е.Л. Уникален ли российский случай трансформации молодежных культурных практик? // Мониторинг. 2019. № 1 (149). С. 3–26.
14. Социальная и политическая активность молодежи. Какие виды активности распространены среди молодых? (дата публикации: 13.04.2017) // Фонд "Общественное мнение". URL: <https://fom.ru/TSennosti/13286> (дата обращения: 10.10.2023).
15. Троцук И.В., Сохадзе К.Г. Социальная активность молодежи: подходы к оценке форм, мотивов и факторов проявления в современном российском обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2014 № 4. С. 58–74.
16. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 5-е изд. М., 1986. 590 с.
17. Чупров В.И., Зубок В.И. Молодежь в общественном воспроизводстве: проблемы и перспективы. М.: Институт социально-политических исследований РАН, 2000. 114 с.
18. Fatykhova R., Shilyaeva I., Yushchenko I., Negodyaeva E. Social Activity of Student Youth: Levels and Factors of Its Development // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. European Publisher, 2020. P. 1001–1010.

References

1. Antonova N.L., Abramova S.B. Urban youth activism: practices and barriers // Ojkumena. Regional researches. 2021. No. 2 (57). P. 96–103. (In Russ.).
2. Balog A.I. The place of social activity in the structure of the sociocultural potential of youth // Herald of Vyatka State University. 2013. No. 3 (1). P. 33–36. (In Russ.).
3. Ganieva M.Kh., Latipova N.M. Social activity of modern Uzbek youth // EESJ. 2018. No. 3-6 (31). P. 40–44. (In Russ.).
4. Goncharova N.V., Popovkina O.P. Social activity of the individual: theoretical aspect in scientific literature // Eurasian Union of Scientists. 2019. No. 4-5 (61). P. 17–19. (In Russ.).
5. Elishev S.O. Modern approaches to defining the concept of "youth" in sociology // Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science. 2009. No. 3. P. 187–189. (In Russ.).
6. Zubok Yu.A. Risk as a factor in the social development of youth: abstract of dissertation of Doctor of Sociological Sciences: 22.00.04. ISPR FCTAS RAS. Moscow, 2003. 47 p. (In Russ.).
7. Kovaleva A.I. The concept of youth socialization: Norms, deviations, socialization trajectory. Sociological Studies. 2003. No. 1(225). P. 109–115. (In Russ.).
8. Kogan V.Z. Theory of information: Philosophical-Sociological Essays // Novosibirsk: Novosibirsk State University, 1991. 320 p. (In Russ.).
9. Lukov V.A. Thesaurological concept of youth // Sociological collection. Vol. 5. Youth Institute. M.: Sotsium, 1999. P. 8–23. (In Russ.).
10. Social activity and participation of the population in NPOs and informal communities // Public Opinion Foundation. 2007. URL: <https://bd.fom.ru/pdf/socat12.pdf> (accessed 10.10.2023). (In Russ.).
11. Social activity of youth (Date of Publication: 10.08.2022) // Russian Public Opinion Research Center. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obshchestvennaja-aktivnost-molodezhi> (accessed 10.10.2023). (In Russ.).
12. Social activity of the population and citizens' perception of the conditions for the development of civil society. Analytical review based on the results of all-Russian surveys by the Public Opinion Foundation. M.: National Research University Higher School of Economics, 2007. (In Russ.).
13. Omelchenko E.L. Is the Russian case of transformation of youth cultural practices unique? // Monitoring. 2019. No. 1 (149). P. 3–26. (In Russ.).
14. Social and political activity of youth. What types of activities are common among young people? (Date of Publication: 13.04.2017) // Public Opinion Foundation. URL: <https://fom.ru/TSennosti/13286> (accessed 10.10.2023). (In Russ.).

15. Trotsuk I.V., Sokhadze K.G. Social activity of youth: approaches to assessing the forms, motives and factors of manifestation in modern Russian society // Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology. 2014 No. 4. P. 58–74. (In Russ.).
16. Philosophical Dictionary / ed. by I.T. Frolova. 5th ed. M., 1986. 590 p. (In Russ.).
17. Chuprova V.I., Zubok V.I. Youth in social reproduction: problems and prospects. M.: Institute of Socio-Political Research, 2000. 114 p. (In Russ.).
18. Fatykhova R., Shilyaeva I., Yushchenko I., Negodyaeva E. Social Activity of Student Youth: Levels and Factors of Its Development // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. European Publisher, 2020. P. 1001–1010.

Информация об авторах

Елена Владимировна Гонцовская, студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: gontcovskaya.ev@students.dvfu.ru

Анастасия Сергеевна Давыдова, студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: davydova.as@students.dvfu.ru

Кирилл Павлович Михалев, студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: mikhalev.kp@students.dvfu.ru

Information about the authors

Elena V. Gontsovskaya, Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: gontcovskaya.ev@students.dvfu.ru

Anastasia S. Davydova, Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: davydova.as@students.dvfu.ru

Kirill P. Mikhalev, Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: mikhalev.kp@students.dvfu.ru

Поступила в редакцию 06.12.2024

Одобрена после рецензирования 17.02.2024

Принята к публикации 25.02.2024

Received 06.12.2024

Approved 17.02.2024

Accepted 25.02.2024

Научная статья
УДК 327.51
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/122-132>

Археологические объекты в этнокультурных ландшафтах Дальнего Востока России

Юрий Викторович Латушко
Институт истории, археологии, этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия, latushko@mail.ru
Анна Ильинична Панкина
Институт истории, археологии, этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия, pankina1995b@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается важный элемент этнокультурных проекций коренных народов Дальнего Востока – интроекция объектов археологического наследия как части этнокультурного ландшафта той или иной территории. Данный процесс тесно связан с вопросом о трактовке этническими общинами права на культурное наследие и подразумевает наличие конструктивного диалога между представителями власти, научного сообщества и коренного населения. В результате анкетирования жителей национальных поселков пяти дальневосточных субъектов Российской Федерации удалось выявить особенности восприятия археологических объектов культурного наследия и очертить круг проблем, требующих дальнейшего решения.

Ключевые слова: этноархеология, этнокультурный ландшафт, этнокультурные проекции, коренные народы, Дальний Восток

Авторы выражают большую признательность к. и. н. А.П. Самару (ИИАЭ ДВО РАН) и директору Школы им. Акима Самара А.С. Койгеровой за помощь в организации проведения анкетирования

Для цитирования: Латушко Ю. В., Панкина А. И. Археологические объекты в этнокультурных ландшафтах Дальнего Востока России // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 1. С. 122–132. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/122-132>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/122-132>

Archaeological objects in the ethnocultural landscapes of the Russian Far East

Yuri V. Latushko
The Institute of History, Archeology, Ethnology of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch
of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, latushko@ihaefe.ru
Anna I. Pankina
Institute of History, Archeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch
of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, pankina1995b@mail.ru

Abstract: The article examines an important element of the ethnocultural projections of the indigenous peoples of the Far East – the introjection of objects of archaeological heritage as part of the ethnocultural landscape of a particular territory. This process is closely related to the issue of how ethnic communities interpret the right to cultural heritage and implies the existence of a constructive dialogue between representatives of the authorities, the scientific community, and the indigenous population. As a result of a survey of residents of ethnic settlement in five Far Eastern regions of the Russian Federation, it was possible to identify the peculiarities of perception of archaeological objects of cultural heritage and outline a range of problems requiring further solutions.

The authors express great gratitude to candidate of historical sciences A.P. Samar (IIAE FEB RAS) and the director of the school named after Akim Samar A.S. Koigerova for assistance in organizing the survey

Key words: ethnoarchaeology, ethnocultural landscape, ethnocultural projections, indigenous peoples, the Far East
For citation: Latushko Yu. V., Pankina A. I. Archaeological objects in the ethnocultural landscapes of the Russian Far East // Ojkumena. Regional researches. 2024. No. 1. P. 122–132. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/122-132>

В исследованиях российских этнологов, посвященных коренным народам, большое внимание уделяется анализу механизма моделирования исторического и мифологического восприятия сакральных ландшафтов посредством знаково-символического контекста культуры, выраженного в понятии этнокультурной проекции. Осмысление природного ландшафта средствами этнокультурных проекций создаёт поле культурной коммуникации. Комплексы таких представлений образуют своего рода проективные матрицы, сравнимая которые мы можем понимать общее и особенное в большом культурном ареале, взаимосвязь человек-природа, механизмы и структуры исторической памяти и этнической идентичности [7].

В окрестностях современных поселений тунгусо-маньчжуров и палеоазиатов (нанайцев, негидальцев, нивхов, орочей, удэгейцев, уйльта, ульчей, эвенков) на территории амуро-сахалинского региона расположены природные и рукотворные объекты, генезис которых связан с двумя основными ментальными вариантами. Один – с образами сверхъестественных существ, с мифическими предками, основателями конкретных родовых подразделений. Другой – с **потенциально реальными предками**, которые проживали на этом месте еще в каменном веке и оставили о себе память в виде разнообразных петроглифов [3, с. 24].

Ввиду того, что все объекты: природы и созданные человеком артефакты, существующие ныне и существовавшие в прошлом, – входят в одну и ту же матрицу, исследование отдельных ее компонентов позволяет выявлять ценностную иерархию и описывать мировоззрение местного населения. Как пример, петроглифы на реке Хор некоторыми специалистами по искусству, отождествляются с современным искусством нанайцев, ульчей и других народов амуро-сахалинского региона. Сами хорские удэгейцы не просто считают, а настаивают на том, что они произошли от неолитического населения рек Хор и Сукпай, представители которого оставили эти рисунки на скалах около 2000 лет назад. Более того, выявляется даже родовая принадлежность этого священного этнокультурного памятника древности. По мнению местных удэгейцев, петроглифы могут быть связаны с современным удэгейским родовым подразделением Кимонко [27. р. 121]. Но не только петроглифы являются частью этнокультурного ландшафта коренных народов Дальнего Востока России. Многочисленные археологические артефакты, стоянки и местонахождения на территории этнических общин также имеют под собой как реальную, так и чаще всего проекционную (интериоризированную) связь с современными этнокультурами и социальными процессами на их территории.

В настоящей статье мы бы хотели обсудить проблему обратного влияния археологических объектов и проводимых мер по их изучению и сохранению на культуры коренного населения. Как было сказано, археологические объекты, расположенные на территории проживания коренных народов, являются неотъемлемой частью этнокультурного ландшафта. Под термином "этнокультурный ландшафт" понимается ареал проживания конкретного народа, с учетом всех особенностей рельефа, состава биологического разнообразия, а также существующих культурных реалий и исторических особенностей формирования культурного наследия на данной территории, то есть учитывается вся совокупность элементов материального и нематериального наследия, принадлежащего всем этносам, оставившим след в культуре данного региона [11, с. 108].

Если для профессионального археолога археологические объекты, полученные в результате подъемных сборов или раскопок стратифицированных памятников, являются частью определенного культурно-хронологического периода, то для представителей коренного населения такие объекты после их обнаружения становятся частью собственной культуры. Известны случаи вторичного использования археологических артефактов, включение их в хозяйственную и культурную практику, мифологические сюжеты. Особенности формирования и протекания этих процессов обычно слабо освещаются в археологических работах в виду смещенного фокуса исследователя на "объективное изучение" артефактов.

Стоит отметить, что археологическое исследование памятника в большинстве случаев подразумевает полное или частичное его разрушение (проведение раскопок), а также ряд мер по сохранению полученных материалов, в том числе хранение артефактов в специализированных местах, находящихся нередко за пределами исследуемого региона. Подобные меры, диктуемые необходимостью современного научного подхода к исследуемым артефактам, могут приводить к непредвиденным изменениям в местной культуре и конфликтным ситуациям между представителями научного сообщества и коренного населения.

Право коренных народов на культурное наследие. Вопрос взаимодействия научных сообществ и общин коренных народов в мировой практике решается разными путями в зависимости от сложившихся подходов и конкретных условий. Для стран Северной и Южной Америки, Африки, Вели-

кобритании, Австралии и Новой Зеландии, в рамках заявляемого постколониального дискурса, проблема прав на культурное наследие является одной из ключевых наряду с вопросами о правах аборигенов на землю, природные ресурсы и полезные ископаемые.

Решение конфликтных ситуаций между представителями общин коренных народов и научного сообщества на Западе в последние десятилетия выстраиваются на платформе "новой этики" в археологии. Она была закреплена на Всемирном археологическом конгрессе в Южной Дакоте в 1989 г. в Вермилленском соглашении о костных остатках. Данное соглашение в пунктах 5 и 6 провозглашает признание интересов различных этнических групп и необходимости переговоров на основе взаимного уважения интересов общин в отношении надлежащего захоронения их предков и законных интересов науки и образования [30].

На практике идеи соглашения реализуются по-разному в законодательных актах США и Канады, согласно которым коренные жители имеют право на участие в управлении "культурными ресурсами" в довольно широком диапазоне: от простой консультации до обязательного письменного согласия на раскопки от руководящего органа общины. Это обусловлено разными правовыми статусами общин коренных народов и тех земель, на которых они проживают. На практике это порождает большое количество судебных разбирательств и конфликтов, а также негативное отношение к "академическим археологам" [21, с. 31–32; 28; 29; 31, р. 303–304].

Для Европы, стран бывшего СССР, Южной и Восточной Азии характерен поиск легитимации прав на территорию в глубине истории. Археология здесь пользуется большим авторитетом со стороны правительства и местного населения, однако нередко перед исследователями ставятся задачи удовлетворения политических интересов коренных народов, прежде всего титульных [24, с. 104; 22, с. 52].

Особенностью российской науки, как археологии, так и этнографии, с самого начала являлся комплексный подход, отразившийся в задачах и деятельности научных экспедиций в Сибири и на Дальнем Востоке, работавших сразу по нескольким направлениям (естественно-научному, этнографо-историческому и др.) [12, с. 12]. Формат экспедиций подразумевал тесное общение с представителями коренных народов в качестве проводников и информантов, известны случаи привлечения местных жителей к проведению раскопок [14, с. 75; 8, с. 27]. В различных отчетах и статьях, публиковавшихся по итогам экспедиций, содержится ценная информация как об археологических объектах, так и об отношении к ним коренного населения. В большинстве случаев упоминается сакральный характер таких предметов, получивших вторичное использование и вошедших в ритуальные комплексы. Например, у салымских остяков (хантов) бляшки эпохи раннего железного века служили *тонхамми* – фигурами хозяина места [26, с. 195]. Археологические артефакты также попадали в мифологические сюжеты и легенды, нередко им приписывались целебные свойства, иногда отношение к ним было настороженным или резко негативным [10, с. 17; 2, с. 6–8].

В современной отечественной науке сбор информации об археологических объектах у представителей коренных народов является распространенной практикой в рамках археологических разведок [4, с. 10]. Однако полученная информация попадает в публикации выборочно, особенно часто игнорируются интерпретации таких объектов со стороны коренного населения, поскольку разного рода "легенды" не представляют интереса для собственно археологических исследований [9, с. 170]. В отдельных регионах, где имеется богатый культурный слой, изучаются и вводятся в научный оборот артефакты, попавшие в этнографические коллекции, вместе с их интерпретацией [2]. А также обсуждаются вопросы этногенеза коренного населения и наличия/отсутствия преемственности в археологическом и этнографическом материалах [5]. Но число таких работ оставляет желать большего.

Конечно, в дискуссиях специалистов часто справедливо указывается на тот факт, что любого рода "кодексы" задают лишь формальные рамки. Взаимодействие ученых и местных жителей в каждом конкретном случае зависит и от личных качеств исследователя, цели его работы и социально-политической обстановки в регионе. Например, известен случай конфликта вокруг так

называемой "Алтайской принцессы"¹, дошедший до серии судебных разбирательств, что демонстрирует отсутствие процедур согласования интересов и правил диалога научного сообщества и коренного населения [21, с. 38]. А следовательно, наличие формализованных правил все-таки крайне желательно.

Анкетирование представителей коренных народов Дальнего Востока России об отношении к объектам археологии на территории их проживания. Одним из возможных условий как археологического, так и этнографического исследования может стать процедура опроса коренного населения на старте археологических работ либо как самостоятельная этнологическая задача для выявления ценностной иерархии и места таких объектов в современных этнокультурах. Очевидно, что индивидуальный опыт, локальная обстановка, организация образования и просвещения на территории, средства коммуникации и включенность в информационный поток, в котором пребывают этнические общины, сильно влияет и на картину мира, и на ценностное отношение к археологическому наследию. Нами была предпринята попытка небольшого качественного исследования в данной области. Были опрошены респонденты из населенных пунктов, расположенных в местах традиционного проживания коренных малочисленных народов Дальнего Востока. Важным условием выбора места являлось наличие объектов археологического наследия в непосредственной близости от поселения; наличие подъемного материала; археологических и этнографических выставок в местных музеях. Села Кондон и Омми (Солнечный и Амурский районы Хабаровского края, соответственно), наиболее полно соответствуют вышеперечисленным критериям. Помимо них для сравнения и более объемной картины были опрошены жители ряда национальных поселков Камчатского края, Сахалинской и Магаданской областей.

Село Кондон располагается на правом низком берегу р. Девятка, которая берет начало в оз. Эворон и впадает в р. Горин, приток Амура. Противоположный берег высокий, покрыт тайгой, напротив села располагается скалистая сопка *Кайласон* – спящий дракон, которая является примером сакрального ландшафта тунгусо-маньчжуров и символом села [11, с. 110]. Археологические материалы данной территории представлены многочисленными подъемными сборами на протяжении всего XX века, лишь небольшая часть которых попала в руки исследователей. Самыми знаменитыми являются коллекции каменных изделий и фрагментов керамики, собранные этнографом Е.Р. Шнайдером в 1927 году (передана в отдел археологии Эрмитажа) и школьным учителем Н.П. Шабуровым (передана в начале 1960-х годов А.П. Окладникову). Археологические работы, включая разведки и раскопки, проводились на территории села Кондон и окружающих территориях: в 1960 году под руководством Ю.А. Мочанова, в результате была обнаружена стоянка с каменным инвентарем; в 1962–1963, 1971–1972 гг. дальневосточной археологической экспедицией под руководством А.П. Окладникова изучены эталонные памятники Сарголь и Кондон-Почта, а в 1990 г. на р. Девятка в результате совместных исследований сотрудников ИИАЭ ДВО РАН и Дальневосточного центра палеоэкологии обнаружено более 30 местонахождений [17, с. 3; 6, с. 37; 23, с. 56–58].

Мировую известность среди археологических находок получила антропоморфная женская скульптура, названная "Кондонской Нефертити". Массовым же материалом являются фрагменты керамических сосудов, пряслица, каменный инвентарь, включая овалы в сечении шлифованные или оформленные ретушью тесла, ножевидные пластины, наконечники даурского типа, призматические нуклеусы, галечные грузила с желобом или отверстием на одном конце. Помимо неолитических материалов, на р. Девятка были обнаружены следы культур эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья [17, с. 75–77; 13, с. 61].

Важно отметить, что сборы подъемного материала на придомовых участках жителей села Кондон продолжаются и по сей день, часто после больших

¹ Принцесса Укока (Алтайская принцесса) – данное журналистами и жителями Республики Алтай название мумии молодой женщины возрастом примерно 28–30 лет, найденной в ходе археологических раскопок на могильнике Ак-Алаха урочища Укок в 1993 году. Местное население отождествило ее с одной из важных героинь алтайского эпоса.

Фото 1. Подъемные сборы жителя с. Кондон. 2019 г.
Photo 1. Surface finds a resident of the village of Condon. 2019.

Источник: фото Ю.В. Латушко.
Source: photo by Yu. V. Latushko.

паводков и подтопления части территории села. Например, во время экспедиции Амурского этнологического отряда ИИАЭ ДВО РАН в 2019 г. сотрудникам лаборатории Северной Пасифики жителем села Кондон была показана коллекция артефактов, собранных на собственном участке. Предметы представлены шлифованными и ретушированными теслами, имеются нуклеус, грузило, а также крупный камень с просверленным углублением (*фото 1*).

Важной особенностью села Кондон являются проводимые здесь меры по сохранению родной этнической культуры и обучение азам научного исследования местных школьников. Ведущим культурно-просветительским центром является средняя школа им. Акима Самара и этнографический музей, расположенный в здании школы. В экспозиции музея представлены предметы этнографических и археологических коллекций: неолитические каменные орудия и фрагменты керамики, традиционная нанайская одежда, изделия из кожи и меха, орудия труда, берестяная посуда, металлические и каменные украшения (ПМА. Кондон, 2019)² [1, с. 3].

Нанайское село Омми в археологическом плане изучено слабее. В 1935 г. А.П. Окладниковым было обнаружено два поселения: Омми-1 и Омми-2, датируемые эпохой неолита и ранним железным веком. В 1991 г. здесь была проведена экспедиция под руководством П. В. Кондратьева на памятнике Андрюшкин бугор. Местонахождение указано в реестре археологических памятников Хабаровского края, представляет собой грунтовый могильник, датируемый периодом от I тыс. до н. э. до XIX в. н. э. Научной публикации, подробно рассказывающей о проведенных здесь раскопках, издано не было. Однако, по свидетельствам местных жителей и краеведов, на территории села и в округе встречаются многочисленные подъемные материалы от эпохи камня до средневековья. Часть обнаруженных археологических материалов (каменный инвентарь и фрагменты керамики эпохи неолита) находится в экспозиции местного музея, расположенного в здании школы с. Омми [26; 15].

² ПМА – полевые материалы автора (Ю.В. Латушко)

Территории Камчатского края, Сахалинской и Магаданской областей богаты археологическими и этнографическими материалами, в хронологическом диапазоне от эпохи неолита до современности (ушкорская, тарынская, охотская, древнеиттельменская, древнекорякская культуры и др.) [18; 25]. В Магадане, Петропавловске-Камчатском и Южно-Сахалинске имеются официально поставленные на государственный учет археологические памятники [19; 20], однако археологические экспедиции в отдаленных районах на территории данных городских округов, не говоря уже о дальних муниципальных районах, проводятся нечасто в силу финансовой затратности, труднодоступности и удаленности от крупных исследовательских центров. Полученные здесь материалы, особенно редкие индивидуальные находки, чаще всего вывозятся в музеи и научные учреждения столиц субъектов или в аналогичные столичные организации страны. Археологические же коллекции краеведческих музеев в небольших поселениях составлены в основном из подъемных материалов и случайных сборов. Бывает и так, что экспозиции таких музеев лишены какого-либо археологического материала, но могут иметь ценный этнографический материал (рис. 1).

В нашем опросе среди коренного населения приняли участие 37 человек. Хабаровский край: Кондон (15), Омми (1); Камчатский край: Сосновка (2), Малки (1), Петропавловск-Камчатский (3), Мильково (1), Анавай (1), Оссора (1), Тымлат (2); Магаданская область: Магадан (3), Эвенск (1); Сахалинская область: Поронайск (5), Южно-Сахалинск (1). В возрасте от 15 до 75 лет, с преобладанием групп от 15 до 24 лет и 46-55 лет. Большая часть респондентов представлена коренными малочисленными народами Дальнего Востока (нанайцы, нивхи, уйльта, ительмены, камчадалы, коряки, эвенки, эвены (ламути)), а также метисами с идентичностью русский, болгарин, но имеющие в родне аборигенное население Дальнего Востока. Лишь несколько человек не пожелали указать своей этнической принадлежности.

Предлагаемая для ответов анкета состояла из четырех тематических частей. **Первая группа** вопросов направлена на выявление *владения респондентами общими сведениями об археологических памятниках и артефактах на территории их проживания*, что из себя представляют эти артефакты и где была получена информация о них. За исключением двух человек (из Магадана и Оссора на Камчатке), все опрошенные ответили, что знают о наличии археологических памятников и видели археологические находки в своем районе. Среди артефактов наиболее часто встречали каменные (63,9%) и костяные орудия (55,6%), украшения (бусины и подвески) (52,8%), черепки сосудов (41,7%)³. В одном случае были дополнительно указаны находки иконок и крестов. В качестве основного места получения информации об артефактах указан местный музей (64,9%), в некоторых случаях упоминаются публикации в СМИ и научные издания (21,6 %). Важно отметить, что больше половины респондентов указали, что они обнаруживали подобные артефакты, как подъемный материал, самостоятельно или видели схожие находки у своих знакомых (27% и 40,5% соответственно).

Вторая группа вопросов касалась *соотнесения археологических объектов на территории с собственной этнической культурой*. Все респонденты ответили на этот вопрос положительно, указав на прямую историческую связь археологических объектов с их этнической культурой, за исключением двух человек (Магадан и Оссора). В целом такая картина подтверждает тезис об объектах археологического наследия как части этнокультурной проекционной матрицы. Тем не менее основными признаками связи археологических предметов с собственной культурой отмечались сходство используемых материалов (камень/кость/металл/материал растительного происхождения) – 65,7% и визуальная общность узоров, орнаментов и рисунков – 60%. Значительно реже упоминалось сходство геометрической формы изделия (37,1%) и функционального назначения предмета (11,4%).

Третья группа вопросов касалась *тех археологических объектов, с которыми у респондента есть наибольшая эмоциональная связь и/или про которые он мог рассказать легенду/предание, бытующую на данной территории*.

³ Ответы суммарно составляют более 100%, поскольку в анкете были возможны несколько вариантов на выбор (здесь и далее).

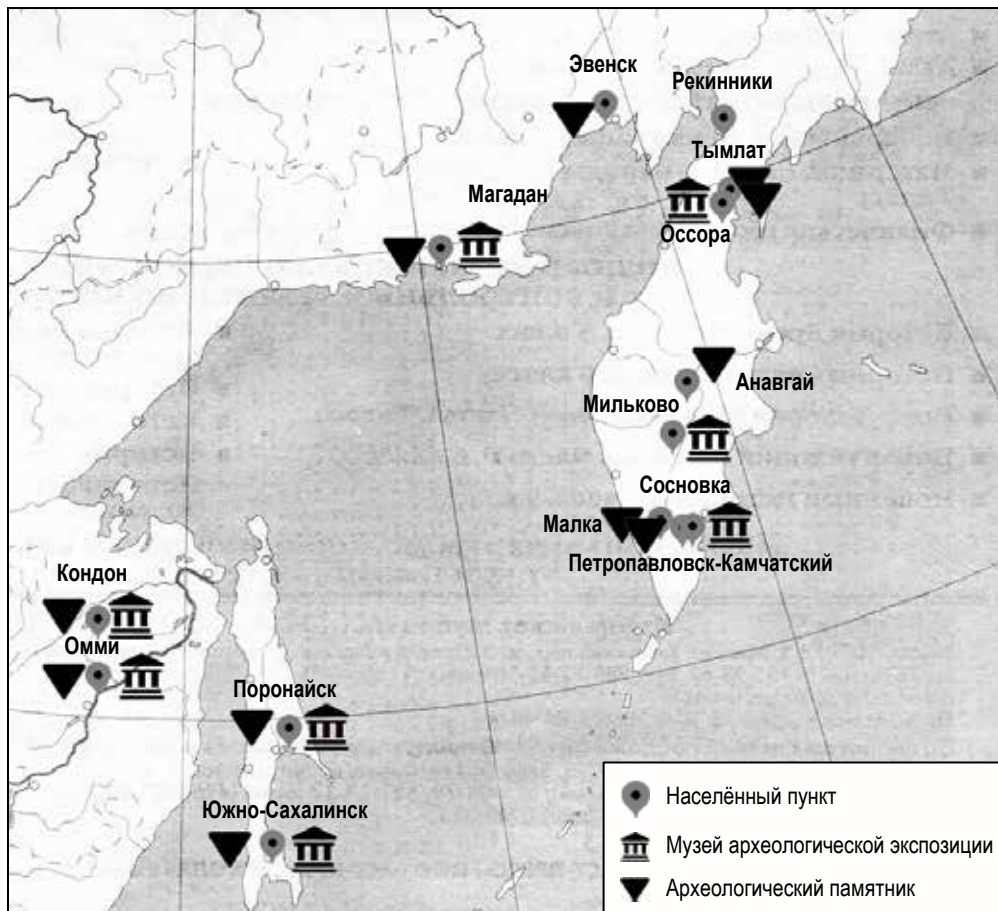

Рис. 1. Населенные пункты и археологические памятники. Хабаровский край: с. Кондон, *Сарголь* и *Кондон-Почта*, с. Омми, *Омми-1*, *Омми-2*, *Андрюшкин бугор*; Магаданская область: г. Магадан, *Уптар*, *Каменный венец*, *Светлая* и *Ольская*, пгт. Эвенск, *Наяхан*; Камчатский край: Петропавловск-Камчатский, *Авача-1*, *Авача-7*, *Авача-9*, *Оссора*, *Оссора* и *Оссора-4*, *Сосновка*, *Малки*, *раскопки на оз. Карагинский*, *Мильково*, *Анавай*, *Анавай-поле* и *Анавай-2*, *Тымлат*, *Тымлат*; Сахалинская область: Южно-Сахалинск, *Олимпия-4*, *Олимпия-5*, *Поронайск*, *Поселение Бердянское*, *Река Кенга*.

Fig. 1. Places of residence and archaeological sites. Khabarovsk Territory: the village of Kondon, *Sargol* and *Condon-Pochta*, the village of Ommi, *Ommi-1*, *Ommi-2*, *Andryushkin bogor*; Magadan Oblast: Magadan, *Uptar*, *Kamenny vnez*, *Svetlaya* and *Olskaya*, village Evensk, *Nayakhan*; Kamchatka Territory: Petropavlovsk-Kamchatsky, *Avacha-1*, *Avacha-7*, *Avacha-9*, *Ossora*, *Ossora* and *Ossora-4*, *Sosnovka*, *Malki*, *excavations on the lake Karaginsky*, *Milkovo*, *Anavgai*, *Anavgai-pole* and *Anavgai-2*, *Tymlat*, *Tymlat*; Sakhalin Oblast: Yuzhno-Sakhalinsk, *Olympia-4*, *Olympia-5*, *Poronaysk*, *Berdiansk settlement*, *Kanga River*.

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Среди артефактов в анкетах из Кондона наибольшее количество раз (7) упоминалась неолитическая антропоморфная скульптура "Кондонской Венеры" (фото 3), единожды упоминались нефритовый браслет, нефритовая блесна, нуклеус, топоры и халаты из рыбьей кожи. Среди легенд были названы топонимические предания о птице Кори, о спящем драконе и об основании села. При этом часть реальных археологических объектов была вплетена в рассказ. Важно отметить, что топонимические легенды приводили в основном представители старшего поколения; большая часть указанных легенд все же не имеет прямой связи с археологическим материалом. Скорее часть респондентов логически связывала в ходе опроса свои знания по местной археологии с глубоко укорененной мифологией места [11, с. 110–112].

В анкетах из других районов упоминались следующие артефакты и находки: бивни мамонта (Мильково, Камчатский край), церковные книги (Малки, Камчатский край), мамонтенок Дима (Магадан). Среди топонимических легенд указан сюжет об озере Невском (Поронайск), о красавице, играющей на бубне на святом острове (Тымлат), о кресте, выложенном по дороге на Березовый (Магадан).

Четвертая группа вопросов направлена на выявление отношения местных жителей к проведению археологических исследований на своей малой родине. Отрицательные ответы дали два человека (Малки и Кондон), объяснив свою позицию возможным вредом от раскопок местной природе или неудобством для местного населения. Пять человек заняли нейтральную позицию, – "в зависимости от условий организации и проведения археологических работ". Один респондент объяснил своё равнодушие непониманием смысла и необходимости проведения археологических раскопок. Остальные ответы были положительными. Среди объяснений своей позиции респонденты чаще всего называли тезис о необходимости изучения прошлого своего народа для его существования в настоящем и будущем. Приведем такое высказывание участника опроса: "Достоинство предков – это наследие потомков". Еще одна позиция признает археологические раскопки достоверным способом познания прошлого. Некоторые респонденты указывали, что если бы такие работы проводились на их территории в настоящий момент или же планировались в ближайшем будущем, то они бы желали принимать в них активное участие. Заметная доля ответов подчеркивала важность проведения только официальных раскопок с соответствующими разрешениями и профессиональными учеными. При этом лишь двое респондентов отметили необходимость предварительной консультации самих археологов с представителями местной общины, без учета мнения которой работы вестись не должны.

Некоторые выводы. Мы полагаем, что археологические работы в районах исторического проживания и традиционного природопользования коренных малочисленных народов России должны проводиться в тесном контакте с представителями общин как по этическим, так и по юридическим причинам, поскольку гарантии культурных прав и сохранения традиционного образа жизни коренным народам провозглашены в законодательстве России. Вопрос этот важен еще и с точки зрения эффективности самой научной процедуры исследования этнокультурных ландшафтов и проекций, и средствами археологии и средствами этнологии.

Анкетирование показало большую вовлеченность коренных жителей в прошлое своего района. Значительная работа по распространению таких знаний у населения лежит на плечах местных краеведческих музеев, которые при этом зачастую не располагают собственным зданием и имеют очень

Фото 2. "Кондонская Нефертити" или "Амурская Венера". Антропоморфная скульптура. Кондон.

Photo 2. "Condon Nefertiti" or "Amur Venus". Anthropomorphic sculpture. Condon.

Источник: Музей истории и культуры Сибири и Дальнего Востока ИАЭТ СО РАН.

Source: Museum of History and Culture of Peoples of Siberia and Russian Far East.

ограниченные разрозненные коллекции и слабое методическое сопровождение. Большинство опрошенных связывает археологические объекты на их территории с собственной этнической культурой, в частности отмечается общность материалов, из которых изготовлены эти предметы. Отношение к археологическим раскопкам в целом положительное, большая часть респондентов объясняет свою позицию тем, что археологические исследования позволяют изучить прошлое своего региона и собственную культуру. Однако присутствует и полное непонимание деятельности археологов-исследователей и как следствие этого нейтральное или отрицательное отношение к проводимым исследованиям. Также важно отметить, что в достаточно большом объеме происходит самостоятельный сбор археологического материала, который оседает в частных коллекциях. Сказанное выше требует соответствующей работы со стороны местных властей, работников науки и образования, их большей интеграции и коммуникации с местным населением в целях решения общей задачи – исследования, сохранения и развития культуры коренных народов.

Литература

1. Ахметова А.В., Дементьева В.В. Музей и школа национального села Кондон как этнокультурные ресурсы Хабаровского края // Научно-методический электронный журнал "Концепт", 2016. Т. 11. С. 1526–1530. URL: <http://e-koncept.ru/2016/86327.htm>. (дата обращения: 15.10.23)
2. Бауло А.В. Древняя бронза из этнографических комплексов и случайных сборов. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2011. 260 с.
3. Березницкий С.В. Сакральные ландшафты и этнокультурные проекции коренных народов амурсо-сахалинского региона // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 3 (58). С. 24–29.
4. Бунин Д.С. Археология. Методы археологического исследования. Классическая археология: учеб. пособие; Владим. гос. ун-т им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2016. 96 с.
5. Гемуев И.Н., Молодин В.И., Сагалаев А.М. Древняя бронза в обрядности манси // Проблемы реконструкций в этнографии: (сборник научных статей). Новосибирск, 1984. С. 62–80.
6. Деревянко А.П. Ранний железный век Приамурья. Новосибирск: Наука, 1973. 356 с.
7. Звиденная О.О., Латушко Ю.В. Этнокультурный ландшафт р. Бикин – от времени В.К. Арсеньева до наших дней // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2023. № 40. С. 31–44.
8. Зуев В.Ф. Село Кондон – земля легенд и сказаний. Комсомольск-на-Амуре: Агора, 2016. 390 с.
9. История Амурской области с древнейших времен до начала XX века / Под ред. А.П. Деревянко, А.П. Забияко. Благовещенск, 2008. 424 с.
10. История и культура удэгейцев /Л.Я. Иващенко, В.В. Подмаскин, А.Ф. Старцев и др.; АН СССР, Дальневост. отд-ние, Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1989. 186 с.
11. Латушко Ю.В., Самар А.П., Белая Е.Г., Левченко А.В. Историко-культурные ландшафты Амура в современной нанайской культуре (по материалам полевого исследования 2019 г.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 4. С. 106–121.
12. Ломоносов и академические экспедиции XVIII века / Авторы-составители: О.А. Александровская, В.А. Широкова, О.С. Романова, Н.А. Озерова, М.: Издательство "РТСофт", 2011. 271 с.
13. Медведев В.Е., Филатова И.В. Керамика эпохи неолита Приамурья (орнаментальный аспект). Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2014. 168 с.
14. Мурашко О.А., Кренке Н.А. Культура аборигенов Обдорского Севера в XIX веке (по археологическим коллекциям Музея антропологии МГУ). М.: Наука, 2001. 155 с.
15. Наш музей // МБОУ ООШ с. Омми. URL: <https://ommis.edusite.ru/p8aa1.html> (дата обращения: 16.10.2023).
16. Общий список вновь выявленных памятников археологии Хабаровского края. URL: <https://textarchive.ru/c-2693114.html> (дата обращения: 16.10.2023).
17. Окладников А. П. Древнее поселение Кондон (Приамурье). Новосибирск: Наука. 1983. 159 с.
18. Понкратова И.Ю. Каменный век полуострова Камчатка: Дисс. ... д-р. ист. наук. Спец. 5.6.3. Магадан, 2022. Т.1. 243 с.
19. Перечень выявленных объектов культурного наследия, расположенных на территории Магаданской области. URL: https://www.49gov.ru/common/upload/1/editor/file/PERECHEN_VYVALENNYKH09.12.2021.pdf?ysclid=lnsf3xqb6549290846 (дата обращения: 16.10.2023).

20. Перечень выявленных объектов археологического наследия, расположенных на территории Сахалинской области. URL: https://okn.sakhalin.gov.ru/site_get_file/4759/ (дата обращения: 16.10.2023).
21. Плещ Г., Соёнов В.И., Константинов Н.А., Робинсон Э. Международное значение "Укокской принцессы" (готова ли российская археология к диалогу с коренными народами? // Древности Сибири и Центральной Азии. 2014. № 7 (19). С. 17–45.
22. Самашев З., Базарбаева Г., Джумабекова Г., Сунгатай С. "Berel-Берел. Альбом". Алматы, 2000. 50 с.
23. Шевкомуд И.Я. Поздний неолит Нижнего Амура. Владивосток: ДВО РАН, 2004. 156 с.
24. Шнирельман В.А. Археология, историческое наследие и проблемы этики // Сибирские исторические исследования. 2020. № 1. С. 97–122.
25. Шубина О.А. Археология в Сахалинском областном краеведческом музее: страницы истории (к 125-летию музейного дела в Сахалинской области) // Вестник Сахалинского музея. 2022. № 3(40). С. 192–230.
26. Шульц Л. Салымские остяки (из материалов к этнографии южных остяков) // Зап. Тюменского об-ва науч. изучения местного края. Тюмень: Гостинография. 1924. Вып. 1. С. 166–200.
27. Berezniitsky S.V. Forest problems in today's culture of the Khor Udeghe // Russia County Report. IGES Forest Conservation Project / Japan, Yokohama: Published by Institute for Global Environmental Strategies / ed. By. H. Kakizawa. January 2004. P. 121.
28. Historic resources act. RSY. 2002. P. 109. URL: <https://laws.yukon.ca/cms/images/LEGISLATION/PRINCIPAL/2002/2002-0109/2002-0109.pdf> (дата обращения: 16.10.2023).
29. Native American Graves Protection and Repatriation Act. URL: [translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.41ab44be-64e3e9bd-e903638d-74722d776562/https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-104/pdf/STATUTE-104-Pg3048.pdf](https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-104/pdf/STATUTE-104-Pg3048.pdf) (дата обращения: 16.10.2023).
30. The Vermillion Accord on Human Remains // World Archaeological Congress. URL: <https://worldarch.org/code-of-ethics/> (дата обращения: 16.10.2023).
31. Zimmerman L.J. Epilogue: A New and Different Archaeology? // American Indian Quarterly. 1996. No. 20. P. 297–307.

References

1. Akhmetova A.V., Dementieva V.V. Museum and school of the national village of Condon as ethnocultural resources of the Khabarovsk Territory // Scientific and methodological electronic journal "Concept". 2016. Vol. 11. P. 1526–1530. URL: <http://e-koncept.ru/2016/86327.htm> (accessed 10/15.23) (In Russ.).
2. Baulo A.V. Ancient bronze from ethnographic complexes and random collections. No.vosibirsk: Publishing House of IAIE SB RAS, 2011. 260 p. (In Russ.).
3. Berezniitskiy S.V. Sacred landscapes and ethnocultural projections of indigenous peoples of the Amur-Sakhalin region // Ojkumena. Regional researches. 2021. No. 3 (58). P. 24–29. (In Russ.).
4. Bunin D.S. Archeology. Methods of archaeological research. Classical Archaeology: stud. Manual: Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov. Vladimir: Publishing House of VISU, 2016. 96 p. (In Russ.).
5. Gemuev I.N., Molodin V.I., Sagalaev A.M. Ancient bronze in the Mansi ritual // Problems of reconstructions in ethnography: (collection of scientific articles). No.vosibirsk. 1984. P. 62–80. (In Russ.).
6. Derevyanko A.P. The Early Iron Age of the Amur region. No.vosibirsk: Nauka, 1973. 356 p. (In Russ.).
7. Zvidennaya O.O., Latushko Yu.V. Ethnocultural landscape R. Bikin – from the time of V.K. Arsenyev to the present day // Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography FEB RAS. 2023. No. 40. P. 31–44. (In Russ.).
8. Zuev V.F. Village Condon – land of legends and legends. Komsomolsk-on-Amur: Agora, 2016. 390 p. (In Russ.).
9. History of the Amur region from ancient times to the beginning of the twentieth century / Edited by A.P. Derevyanko, A.P. Zabiyaiko. Blagoveshchensk, 2008. 424 p. (In Russ.).
10. History and culture of the Udege people / L.Y. Ivashchenko, V.V. Podmaskin, A.F. Startsev, etc.; Academy of Sciences of the USSR, Far East. Department, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East. L.: Nauka: Leningr. department, 1989. 186 p. (In Russ.).
11. Latushko Yu.V., Samar A.P., Belaya E.G., Levchenko A.V. Historical and cultural landscapes of the Amur in modern Nanai culture (based on the materials of a field study in 2019) // Ojkumena. Regional researches. 2019. No. 4. P. 106–121. (In Russ.).
12. Lomonosov and academic expeditions of the XVIII century / Authors-compilers: O.A. Alexandrovskaya, V.A. Shirokova, O.S. Romanova, N.A. Ozerova, Moscow: Publishing house "RTSoft", 2011. 271 p. (In Russ.).

13. Medvedev V.E., Filatova I.V. Ceramics of the Neolithic period of the Amur region (ornamental aspect). No.vosibirsk: Publishing House of the Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, 2014. 168 p. (In Russ.).
14. Murashko O.A., Krenke N.A. Culture of the aborigines of the Obdorsky No.rth in the XIX century (according to the archaeological collections of the Museum of Anthropology of Moscow State University). Moscow: Nauka, 2001. 155 p. (In Russ.).
15. Our museum // MBOU OOSH S. Ommi. URL: <https://ommis.edusite.ru/p8aa1.html> (accessed 16.10.2023) (In Russ.).
16. General list of newly identified archaeological monuments of the Khabarovsk Territory. URL: <https://textarchive.ru/c-2693114.html> (accessed 16.10.2023) (In Russ.).
17. Okladnikov A.P. The ancient settlement of Condon (Amur region). No.vosibirsk: Nauka. 1983. 159 p. (In Russ.).
18. Ponkratova I.Y. The Stone Age of the Kamchatka Peninsula: Diss. ... doctor of Historical Sciences. Spec. 5.6.3. Magadan, 2022. Vol.1. 243 p. (In Russ.).
19. The list of identified objects of cultural heritage located on the territory of the Magadan region. URL: https://www.49gov.ru/common/upload/1/editor/file/PERECHEN_VYYAVLENNYKH09.12.2021.pdf?ysclid=lnsf3xqb6549290846 (accessed 10.16.2023) (In Russ.).
20. List of identified objects of archaeological heritage located on the territory of the Sakhalin region. URL: https://okn.sakhalin.gov.ru/site_get_file/4759/ (accessed 10.16.2023) (In Russ.).
21. Plets G., Soenov V.I., Konstantinov N.A., Robinson E. The international significance of the "Ukok Princess" (is Russian archaeology ready for dialogue with indigenous peoples? // Antiquities of Siberia and Central Asia. 2014. No. 7 (19). P. 17–45. (In Russ.).
22. Samashev Z., Bazarbayeva G., Dzhumabekova G., Sungatai S. Berel-Berel. Album. Almaty, 2000. 50 p. (In Russ.).
23. Shevkomud I.Ya. Late Neolithic of the Lower Amur. Vladivostok: FEB RAS, 2004. 156 p. (In Russ.).
24. Shnirelman V.A. Archeology, historical heritage, and problems of ethics // Siberian Historical Research. 2020. No. 1. P. 97–122. (In Russ.).
25. Shubina O.A. Archeology in the Sakhalin Regional Museum of Local Lore: pages of history (to the 125th anniversary of museum business in the Sakhalin region) // Bulletin of the Sakhalin Museum. 2022. No. 3(40). P. 192–230. (In Russ.).
26. Shultz L. Salym Ostyaks (from materials for the ethnography of the southern Ostyaks) // Zap. Tyumen Region scientific study of the local region. Tyumen: Gostypografiya. 1924. Issue 1. P. 166–200. (In Russ.).
27. Berezniysky S.V. Forest problems in today's culture of the Khor Udeghe // Russia County Report. IGES Forest Conservation Project / Japan, Yokohama: Published by Institute for Global Environmental Strategies / ed. By. H. Kakizawa. January 2004. P. 121. (In Russ.).
28. Historic resources act. RSY. 2002. P. 109. URL: <https://laws.yukon.ca/cms/images/LEGISLATION/PRINCIPAL/2002-0109/2002-0109.pdf> (accessed 16.10.2023).
29. Native American Graves Protection and Repatriation Act. URL: https://www.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.41ab44be-64e3e9bd-e903638d-74722d776562/https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-104/pdf/STATUTE-104-Pg3048.pdf (accessed 16.10.2023).
30. The Vermillion Accord on Human Remains // World Archaeological Congress. URL: <https://worldarch.org/code-of-ethics/> (accessed 16.10.2023).
31. Zimmerman L.J. Epilogue: A New and Different Archaeology? // American Indian Quarterly. 1996. No. 20. P. 297–307.

Информация об авторах

Юрий Викторович Латушко, канд. ист. наук, руководитель лаборатории антропологии Северной Пацифики Института истории, археологии, этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия, e-mail: latushko@ihaefe.ru

Анна Ильинична Панкина, младший научный сотрудник лаборатории антропологии Северной Пацифики Института истории, археологии, этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия, e-mail: pankina1995b@mail.ru

Information about the authors

Yuri V. Latushko, Candidate of Historical Sciences, Head of the Laboratory of Anthropology of the Northern Pacific, Institute of History, Archeology, Ethnology of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: latushko@ihaefe.ru

Anna I. Pankina, Junior Researcher, Laboratory of Anthropology of the Northern Pacific, Institute of History, Archeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: pankina1995b@mail.ru

Мастер-планы городов Приморского края как ресурс брендинга территории

Петр Юрьевич Самойленко

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, samoilenko.pyu@dvfu.ru

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы имиджевого позиционирования Приморского края как само-го интегрированного на сегодняшний день в Азиатско-тихоокеанский регион субъекта Российской Федерации. Анализируется заявленная и ныне обсуждаемая тема формирования мастер-планов крупнейших городов региона как дополнительного ресурса развития территории, в том числе с точки зрения формирования ее бренда. Автором предпринята попытка проанализировать возможности – истинные и мнимые, – которые возникают в рамках принятия мастер-планов соответствующих населенных пунктов. Также в статье проведен сравнительный анализ концептуального видения имиджевого развития соответствующих территорий в исторической ретроспективе для понимания того, насколько предлагаемые в рамках нынешних программных документов развития городов решения в принципе могут быть поводом для нового видения развития как самих городов, так и региона в целом.

Ключевые слова: *Приморский край, города, имидж, брендинг территории, перспективы, развитие, Азиатско-тихоокеанский регион, "Восточный вектор", Свободный порт Владивосток, территории опережающего развития*

Для цитирования: Самойленко П. Ю. Мастер-планы городов Приморского края как ресурс брендинга территории // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 1. С. 133–141. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/133-141>

Original article

<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/133-141>

Master plans of cities of Primorye Territory as a resource for territory branding

Petr Yu. Samoilenko

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, samoilenko.pyu@dvfu.ru

Abstract: The article discusses the problems of image positioning of the Primorsky Territory as today the most integrated subject of the Russian Federation in the Asia-Pacific region. The declared and currently discussed topic of the formation of master plans for the largest cities in the region as an additional resource for the development of the territory, including from the point of view of the formation of its brand, is analyzed. The author has made an attempt to analyze the opportunities – true and imaginary – that arise within the framework of the adoption of master plans for the corresponding settlements. The article also provides a comparative analysis of the conceptual vision of the image development of the relevant territories in historical retrospect to understand how the solutions proposed within the current program documents for urban development are fundamentally new and can be the reason for a new vision of the development of both the cities themselves and the region as a whole.

Key words: *Primorsky Territory, cities, images, territory branding, prospects, development, Asia-Pacific region, "Eastern Vector", Free Port of Vladivostok, priority development areas*

For citation: Samoilenko P. Yu. Master plans of cities of Primorye Territory as a resource for territory branding // Ojkumena. Regional researches. 2024. No. 1. P. 133–141. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/133-141>

Целью данного исследования является рассмотрение мастер-планов современных городов Приморского края как ресурса брендинга территории, на основе разноплановых современных источников и междисциплинарного подхода. Основными использованными методами были анализ, синтез, сравнение и обобщение. Мастер-планы рассмотрены как самостоятельные имиджевые единицы, которые являются одним из факторов формирования общей картины информационного восприятия региона.

Развитие Приморского края в последние годы напрямую связано с внешнеэкономической деятельностью и практической реализацией современной российской политики "Разворота на Восток" [4]. Начало СВО и введение массовых антироссийских санкций в 2022 году, наряду с дальнейшим закреплением данного тренда противодействия развитию отечественной экономики, еще более усилили значение "Восточного вектора" в российской политике. Помимо развития хозяйственных проектов с привлечением иностранного капитала, введением в действие специальных экономических режимов территорий опережающего развития (ТОР) и Свободного порта Владивосток (СПВ), для Приморского края актуальной остается задача формирования международного бренда территории, повышения известности как региона в целом, так и его отдельных локаций, прежде всего крупнейших городов, в которых сконцентрированы человеческие ресурсы и с которыми связана собственно хозяйственно-экономическая деятельность. Именно такие города призваны стать точками экономического роста в масштабах всего региона. Такая положитель-

ная известность нужна не только для привлечения внимания к региону в рамках политики "Восточного вектора" со стороны ведущих экономик АТР, но и для решения внутренних задач политического и социально-экономического характера, прежде всего укрепления регионального патриотизма, снижения оттока населения из региона и привлечения дополнительных переселенцев в регион. Успешность достижения указанных целей напрямую будет коррелировать не только с содержанием мастер-планов соответствующих территорий, но и с тем, насколько создаваемый образ городов Приморского края будет сочетаться с тем имиджем, который у них уже сложился и который, соответственно, в прошлом им целенаправленно создавали.

Разработка мастер-планов была анонсирована президентом страны на шестом Восточно-экономическом форуме, в число городов, подпадающих под разработку такого планирования, вошли административные центры всех регионов Дальнего Востока и другие города с населением свыше 50 тысяч человек. В сентябре 2023 года на ВЭФ были представлены мастер-планы большинства городов Дальнего Востока России, попавшие под данную программу [11].

Исходя из критерия численности населения, в Приморском крае выбраны пять крупнейших городов региона: Владивосток, Находка, Уссурийск, Арсеньев и Артем.

В целом проблемы формирования устойчивых брендов крупнейших городов являются достаточно характерными для Приморского края. В основном, если обратить внимание на прошлое, это было типично для второй половины прошлого века, когда шло активное освоение территории, проходило массовое переселение сюда граждан из западных регионов страны. Поэтому, с одной стороны, нет ничего принципиально нового в том, чтобы сформировать некие стратегические приоритеты развития ключевых территорий региона, а с другой стороны, такие действия могут действительно реально продвинуть вперед экономическое и социальное развитие края [3].

Следует отметить, что в целом Приморский край, как и практически любой другой регион Дальнего Востока, в своей структуре имеет в основном приезжее население, которое переселялось сюда в разные исторические периоды из западных регионов страны. При этом в целом непродолжительная (в сравнении с западными, южными и даже западно-сибирскими регионами) история освоения территории региона говорит о том, что здесь основной упор должен быть сделан на социально-экономические предпочтения, удобство проживания, льготы для местного населения и переселенцев. Объявленное создание мастер-планов тесно связано с нововведениями в национальном законодательстве последнего времени, в рамках которых в стране в целом активизируется политика комплексного развития территории и реновации, в особенности этот процесс становится характерен для крупных городов. Эти термины используются и представителями власти при обсуждении указанных концепций. Более подробное рассмотрение мастер-планов городов региона показывает, что указанные термины активно используются в их описании.

Согласно общепринятой терминологии, данные дефиниции имеют следующие ключевые определения.

Мастер-план – инструмент планирования развития территорий, который не имеет законодательно утвержденных требований к составу, содержанию и границам проектирования, что делает его гибким и открывает широкие возможности для применения самых разнообразных механизмов его реализации. Разработка мастер-плана начинается тогда, когда город или его часть нуждаются и готовы к перезагрузке, к определению для себя основополагающих направлений развития путем перемещения на первый план общегородских ценностей и формулирования общих принципов. По сути, это договор между горожанами и властью, целью которого является всестороннее обоснование и формулирование программы длинных и скорых дел, о приоритетности которых договорится городское сообщество. Мастер-план предъявляет комплексное видение, каким должно быть проектируемое пространство в отдаленном будущем, формирует общественный консенсус относительно целей, повестки и направлений развития, определяет ресурсы и механизмы достижения поставленных целей, подготавливает среднесрочные документы оперативного планирования [10].

Мастер-план разрабатывается в целях выбора лучшего сценария жизнеустройства территории и реализации генерального плана города с учетом согласованности мероприятий по жилищному, инфраструктурному и инвестиционному строительству, организации стрит-ритейла и обустройству общественных пространств, представляет собой концепцию комплексного социально-экономического и пространственного развития территории [13, с. 142].

Реновация – процесс улучшения, реконструкции и реставрации без разрушения целостности структуры. В строительстве это технико-экономический процесс замещения выбывающих из эксплуатации вследствие износа зданий и сооружений, может включать изменение функционального назначения объектов капитального строительства либо их замену новыми. При этом важной задачей является не только замена ветхих и аварийных зданий, но и сохранение существующей городской среды в целом [14, с. 77].

Комплексное развитие территории – это деятельность, направленная на создание благоприятных условий существования населения. В рамках этого направления создаются не только конкретные объекты, но и инфраструктура. Застройщик не только реализует сам проект, но также занимается бумажной работой и готовит необходимую документацию [15, с. 325]. Основные цели КРТ: содействие в создании объектов социально-транспортной инфраструктуры, повышение доступности таких объектов для населения; создание мест обслуживания, мест труда; повышение эффективности использования территорий; привлечение внебюджетных источников. При реализации данной концепции высчитывается индекс качества городской среды. Учитываются разнообразие функций в жилой зоне, доля озелененных территорий, обеспеченность инженерными системами и многое другое [8].

География расположения городов, подпадающих под проект с мастер-планами в Приморском крае с географической точки зрения имеет явное преимущество, поскольку 4 из 5 городов находятся в южной части региона в относительной близости друг от друга, а значит, возникают возможности для формирования своеобразного "пояса городской реновации" в масштабах южного Приморья. С другой стороны, очевидно, что необходимо предпринимать усилия для того, чтобы в имиджевом плане использовать такое преимущество. К примеру, сделать это можно было бы на основе существовавшего около 10 лет назад проекта "агломерации Владивостока" или существовавших в еще более ранние периоды концепций "Большого Владивостока", естественно, с соответствующими наработками и адаптацией. Нуждается в проработке и тематика подобного конструирования бренда территории, поскольку, с одной стороны, Владивосток неизбежно будет ядром такого пояса, с другой – прочие города должны иметь свои уникальные черты и особенности, на основе которых можно было бы формировать их уникальные и узнаваемые имиджи [6, с. 24].

Естественно, в мастер-планы заложены не только и не столько конкретные планы по строительству или реконструкции конкретных объектов, но и определенная стратегия развития территорий. Кстати, следует отметить, что именно в таких "урбанистических идеологемах" и должен содержаться базис брендинга территории [1].

Если посмотреть на историю указанных населенных пунктов, то из пяти только три устойчиво публично упоминались за пределами региона: Владивосток, Находка и Уссурийск. Владивосток всегда имел большое количество информационных поводов – и краевой центр, и главная база Тихоокеанского флота, один из крупнейших морских портов всего Дальнего Востока [2, с. 70]. Находка – также один из крупнейших морских портов международного уровня, который в 60-е – 80-е годы имел особое "международное" значение, поскольку Владивосток был закрытым городом для иностранцев и обладал соответствующим статусом. Уссурийск (в прошлом Ворошиловск и Никольск-Уссурийский) в большей степени всегда воспринимался как один центров дислокации вооруженных формирований, а также как крупный агротехнический центр, который окружают традиционные сельскохозяйственные районы региона – Надеждинский, Пограничный, Октябрьский, Хасанский. Начиная с девяностых годов прошлого века Уссурийск начинает приобретать бренд центра приграничного сотрудничества на российско-китайском направлении. Таким образом, все три города исторически были известны и нередко

упоминались в федеральных и даже международных новостях. Артем остается менее известным, поскольку долгое время был шахтерским городом, а потом, утратив данный статус, стал в большей степени позиционироваться как город-спутник Владивостока, а также и часть логистической системы столицы региона – в части автомобильных дорог, железнодорожных узлов и международного аэропорта, расположенного в границах его территории. Арсеньев как центр промышленности, в том числе оборонного значения, а также по масштабам региона достаточно удаленный от Владивостока географически, был наименее известным за пределами региона и в большей степени имел значение как региональный производственный центр, а также "кустовая" локация для окружающих районов в социальном плане, поскольку в городе исторически расположены многие межмуниципальные учреждения здравоохранения, образования, социальной поддержки населения и так далее.

Что же в настоящее время можно увидеть в мастер-планах, которые формируют вектор развития городов на период до 2030 года?

Поскольку мастер-план должен способствовать, прежде всего, хозяйственной и экономической деятельности на территории, то можно предположить, что обсуждаемые ныне проекты получают и дополнительное развитие в данном направлении, поскольку из информации в открытых источниках пока неочевидна привязка экономической составляющей к развитию соответствующих городов, как минимум она не детализована. Кроме этого, если рассматривать мастер-планы как существенную часть стратегии развития территории, то можно говорить о том, что в них сделан очень приблизительный "форсайт" будущего развития.

Так, современные города сталкиваются с двумя основными пространственными тенденциями в своем развитии – расширением или наоборот, сжатием [9, с. 322]. Первое характерно для поступательного развития, второе для депрессивных или инерционных сценариев событий на тех или иных территориях. Согласно озвученным планам, по всем приморским городам подразумевается оптимистичный сценарий развития, то есть постепенное расширение и застройка территории и рост населения. В этом отношении сразу возникают вопросы, в том числе и имиджевого характера.

Очевидный пример – Владивосток и Артем, которые на протяжении последних 30 лет как властью, так и бизнесом обсуждаются как в перспективе единый город, то есть Артем должен утратить статус самостоятельного муниципального образования и "влииться" в состав Владивостока в качестве внутренней административно-территориальной единицы. Если исходить из представленных мастер-планов, то будущее Владивостока и Артема рассматривается отдельно, причем даже фактически нынешний статус Артема как города-спутника не обсуждается. В такой ситуации не совсем понятно насколько видится экономическая интеграция указанных территорий, которая активно происходит как минимум на основе логистического бизнеса, имеющего явный рост в настоящее время.

Кроме того, аналогичные вопросы возникают и применительно к Уссурийску. После создания единого городского округа и объединения ранее существовавших двух отдельных муниципалитетов – Уссурийска и Уссурийского района – город стал вторым по населению в регионе после Владивостока, обогнав Находку, которая традиционно была вторым городом на протяжении десятилетий. Связь экономики Уссурийска с двумя отраслями экономики региона – внешнеэкономической деятельностью на китайском направлении и сельским хозяйством – остается очевидно и стабильной. Исходя из представленного мастер-плана неочевидно, как предлагаемые меры по реконструкции городского хозяйства отразятся на его экономике. Кроме того, важно понимание того, по каким направлениям необходимо развитие бренда территории города, поскольку в медийном пространстве он часто фигурирует в негативном ключе – прежде всего в связи с практически ежегодными сезонными паводками и ущербом для местного населения, бизнеса и коммунальной инфраструктуры. По-видимому, образ города должен больше интегрироваться с международной и приграничной проблематикой, с упоминанием в международных проектах, в том числе связанных с политикой "Восточного вектора".

Находка в рамках мастер-плана представлена как точка экономического роста, в частности развития контейнерной грузовой логистики и произ-

водства минеральных удобрений. Также речь идет о реконструкции объектов культуры, строительстве набережной озера Соленого в границах города как места рекреации. При этом не совсем ясно, в какой степени приоритетными остаются остальные отрасли городского хозяйства, достаточно традиционные и существующие долгие годы – перегрузка угля, вылов морских биологических ресурсов, сезонный отдых у моря и туризм. Исторически один из крупнейших портов Дальнего Востока рассматривался как город моряков и рыбаков, поэтому явно в информационном образе территории эти черты должны быть сохранены хотя бы частично, а в идеале – активно развиты.

Арсеньев как горнолыжный курорт, что определяется в рамках мастер-плана как перспективное и ключевое направление, также нуждается в соответствующем ребрендинге. Существенная удаленность в масштабах региона этого города от Владивостока ставит на повестку дня более подробную проработку логистических условий для въездного и внутреннего туризма, не совсем ясны преимущества этой локации и те условия, благодаря которым должен возникать поток желающих воспользоваться горнолыжным курортом. Также можно говорить о том, что составляющая туризма может быть намного активнее использована и в мастер-планах остальных городов региона, тем более что они значительно ближе к Владивостоку и удобнее в плане внутри-региональной логистики.

В ряде сообщений в медиа упоминается и Большой Камень, который в современных условиях является точкой роста и локацией крупнейшего судостроительного кластера, но по формальным основаниям не подходит под критерии города для создания мастер-плана, поскольку имеет население менее 50 тысяч человек, во всяком случае пока, на настоящий момент. Вместе с тем данная локация практически идеально вписывается в формирование единого пространства развития на территории юга региона, которое образуют Уссурийск, Артем, Владивосток и Находка. В этом отношении стоит вспомнить, что идеи создания "Большого Владивостока" в той или иной степени обсуждаются на протяжении последних 30 лет. В частности, уже возникал предварительный проект агломерации на юге региона с миллионным населением на основе большей интеграции и связанности Владивостока, Находки и Уссурийска. Оставаясь на уровне просто идей, это показывает наличие определенного тренда на создание в южном Приморье единой зоны экономического роста с улучшенными социальными условиями для жизни населения.

В мастер-планах, вероятно, должна быть активно отражена экологическая составляющая, очень популярная в современной урбанистике и являющаяся актуальной для приморских городов [7, с. 72]. К примеру, для Находки это шумевшая проблема перевалки угля, для Уссурийска – сезонное затопление паводковыми водами, для Владивостока – загрязнение выхлопными газами от наземного транспорта. Все эти вопросы, которые напрямую влияют на имидж соответствующих территорий, должны быть более явно отражены в мастер-планах и быть конструктивным элементом формируемого бренда территории [5, с. 155].

Таким образом, анализируя содержательную сторону представленных мастер-планов городов Приморского края, можно сделать вывод о следующих основных целях их формирования:

- Получение финансирования из федерального бюджета и иных источников на развитие региона, прежде всего крупнейших городов, которые все чаще в региональной прессе называют "агломерациями", хотя по урбанистическим критериям они таковыми не являются, поскольку в регионе нет даже ни одного города-"миллионника".
- Модернизация за счет привлекаемых средств коммунальных сетей и решение ряда иных вопросов, связанных с инфраструктурой жизнеобеспечения, общественными зданиями и сооружениями, что затруднительно реализовывать в рамках существующих местных и регионального бюджета.
- Описание ключевых целей существования крупнейших городов региона, их профильных направлений социально-экономического развития.
- Актуализация необходимости развития крупных городов региона как точек экономического роста и способа решения социально-экономических проблем региона в рамках современной политики "Восточного вектора".

- Привязка к конкретным территориям региона стратегий реновации и комплексного развития территории. По сути, в мастер-планах эти механизмы пока прописаны мало, но явно сделан "замах" на более активное их применение в будущем.

- Повышение комфортности проживания жителей благодаря развитию территории, новых, прежде всего, строительных проектов и проектов благоустройства [16, с. 180].

- Повышение известности городов региона за его пределами, поскольку мастер-планы презентуются и обсуждаются на масштабных международных мероприятиях, таких как Восточный экономический форум.

- Анализ опубликованной о мастер-планах общедоступной информации позволяет говорить о наличии ряда противоречий, которые касаются, прежде всего, их имиджевого восприятия и влияния на бренд территории. К числу таковых, по мнению автора, можно отнести следующие:

- Неочевидная, или же слабая в публичном поле, связь с другими заявленными ранее проектами развития территории, что вызывает сомнения в реалистичности реализации на практике указанных планов [12]. К примеру, развитие мастер-планов Владивостока и Артема пока в общем понимании крайне слабо "стыкуются" с появившейся два года назад концепцией создания города-спутника Владивостока и формирования первой на Дальнем Востоке миллионной агломерации в границах Владивостокского городского округа, Артемовского городского округа и Надеждинского муниципального района.

- Поскольку заявленные к реконструкции объекты капитального строительства и инженерной инфраструктуры явно представляют лишь часть тех фондов, которые нуждаются в ремонте, восстановлении или достройке, то непонятно, за счет чего будет модернизирована, обновлена или построена иная необходимая инфраструктура, которая в любом случае составляет единое целое.

- Говоря об имиджевой составляющей, мастер-планам явно не хватает информационных конструктивных элементов, которые могли бы образовывать единое восприятие территории того или иного города в заявленном "целевом" ключе. Наиболее очевидным здесь выглядит Владивосток, перспективы которого постоянно обсуждаются в публичном поле, а потому его мастер-план является лишь частью такого "полотна смыслов". В мастер-плане сегодня присутствуют как уже многократно обсуждавшиеся элементы, вроде Владивостокской кольцевой автомобильной дороги (ВКАД), так и новые идеи, к примеру, "легкое метро". Такие транспортные проекты имеют важное значение для города и позитивно воспринимаются населением, однако являются лишь отдельными явно "прорисованными" с имиджевой точки зрения частями общей "картины будущего" для города, что нельзя не заметить. Что касается других городов, то сложно увидеть в планах явные "точки притяжения" внимания, которые служили бы неким "брендовым каркасом" в имидже соответствующих территорий.

- Не совсем понятно, в какой степени в мастер-планы вписывается необходимость формирования местных производств, выпускающих товары, востребованные как на местном рынке, так и имеющие экспортную составляющую, поскольку такая продукция традиционно играет важную роль в формировании бренда территории. На сегодняшний день в Приморье таких товаров мало, и решение этой проблемы могло бы существенно усилить роль мастер-планов в повышении известности соответствующих городов региона. Рассуждая о мастер-планах как ресурсе брендинга территории, нельзя не затронуть и тему инвестиционной привлекательности региона, которая наряду с социальными вопросами жизни населения в последнее время достаточно стабильно присутствует в стратегиях развития края и федерального округа [14, с. 150]. В этом отношении мастер-планы должны в более очевидной форме затрагивать следующие аспекты, которые и формируют собственно ценность восприятия территорий как внутри региона, так и за его пределами.

- Развитие Приморского края как региона с высокотехнологичной экономикой. С момента появления политики "Восточного вектора" в 2014 году вопросы создания в регионе современной IT-индустрии, производств компьютерной техники, формирования технопарков и производственных высокотехнологичных кластеров обсуждаются стабильно, однако в рамках мастер-пла-

нов такой контент прослеживается крайне слабо, что явно будет ослаблять и общий информационный образ как отдельных крупных городов Приморья, так и всего региона в целом.

- Данность современности – постепенное внедрение высоких технологий в управление городским хозяйством и освоение территории, концепция "умного города" и использование "Big Data" в муниципальном управлении и взаимодействии властей с бизнесом – также явно должны прослеживаться в мастер-планах и отражать как минимум высокую конкурентность региона.

- В формировании бренда территории можно более активно использовать выигрышные черты уже существующей экономики края. Примером тут является сфера строительства, которая развивается достаточно активно, но связана в основном с Владивостоком, где эта отрасль наиболее высокомаржинальна. Думается, что такие аспекты должны быть использованы более осязаемо как в мастер-планах, так и в брендировании территории.

- Поскольку регион развивается в условиях декларируемой интеграции с ведущими экономиками АТР, думается, что в мастер-планах должны отражаться вопросы инвестиционной привлекательности региона, связанные в том числе и с привлечением иностранного капитала. Это поможет существенно усилить базу для внешнеэкономической деятельности региона и сформировать его международный имидж.

- Говоря о вопросах инвестиционной привлекательности территории, необходимо отметить и необходимость имиджевой связи пяти приморских городов с другими муниципальными образованиями края, прежде всего это граничащие с ними территории, которые имеют существенное значение для экономического развития. Для Находки это Лазовский и Партизанский район, для Усурийска – Надеждинский, Пограничный и Октябрьский, для Артема – Надеждинский и Шкотовский, для Владивостока – Надеждинский, Хасанский, Шкотовский. Арсеньев в прямом смысле слова окружен территориями, связанными с ним в социально-экономическом плане. Это Дальнегорск, Кавалеровский район и так далее. Такие связи "кустового" образца имеют большое значение для развития экономики и территории, прежде всего производства и туризма, а также пространственной и транзитной логистики, которая сегодня базируется на морских портах региона [17, p. 40].

- Вопросы развития городов тесно связаны и с населением как с трудовыми ресурсами, и в этом отношении также необходимо отразить эти аспекты в программных документах развития крупных городов, поскольку такие ключевые аспекты, как закрепление населения на территории и трудовая миграция тесно связаны с развитием любого города, его "расширением", "стабильностью" или "сжатием".

Значение мастер-планов крупнейших городов Приморского края для формирования бренда территории во многом будет зависеть также и от реальных шагов по их воплощению, особенно в ближайшее время. Именно мастер-планы в стадии своей практической реализации могут стать существенным драйвером формирования бренда Приморского края как динамично развивающегося и интегрированного в АТР региона страны, а также его городов как узнаваемых локаций, без которых региональный бренд сформировать невозможно. Сама по себе тема планов развития крупнейших городов края, в случае ее регулярного присутствия в информационной повестке, будет ресурсом формирования бренда территории.

Литература

1. Архитектура Владивостока в контексте устойчивости. URL: <https://www.forma.spb.ru/archiblog/2020/11/07/architektura-vladivostoka-v-kontekste-ustoychivosti/>. (дата обращения: 26.10.2023).
2. Бурдина Д.П., Казанцев П.А. Принципы устойчивого развития автономных островных территорий залива Петра Великого // Урбанистика. 2020. № 2. С. 62–76.
3. Владивосток – 2050: пространственное развитие. URL: <https://www.vlc.ru/architecture/Vladivostok-2050>. (дата обращения: 29.10.2023).
4. Город спустя 30 лет: как открывали закрытый порт Владивосток. URL: https://vladnews.ru/2022-01-19/198884/gorod_spustya. (дата обращения: 30.10.2023).

5. Казанцев П.А., Смеловская А.М., Кутенков В.Е. Береговая линия Владивостока как объект архитектурно-экологической реновации // Вестник инженерной школы ДВФУ. 2020. № 4(45). С. 154–167.
6. Казанцев П.А., Марус Я.В., Смеловская А.М. Особенности формирования устойчивой городской среды в условиях реновации водной системы Владивостока // Урбанистика. 2019. № 1. С. 18–32.
7. Калинин Е. В. Проблемы и перспективы развития Свободного порта Владивосток в условиях конкуренции // "Молодой ученый". 2018. № 45 (231). С. 71–74.
8. Комплексное развитие территорий: все нюансы правового регулирования // Сфера. Справочник градостроителя. URL: <https://legalacademy.ru/sphere/post/kompleksnoe-razvitie-territorii-vse-nyuansy-pravogo-regulirovaniya>. (дата обращения: 30.10.2023).
9. Ложкин А. Стратегии и реалии: опыт стратегического пространственного планирования в российских городах // Стратегический мастер-план: инструмент управления будущим. М: КБ "Стрелка", 2014. С. 314–331.
10. Мастер-план: дефиниции и особенности // Институт территориального планирования ГРАД. URL: <https://itpgrad.ru/services-and-solutions/master-plan/> (дата обращения: 30.10.2023).
11. На ВЭФ Владимиру Путину представили мастер-планы развития городов Дальнего Востока. "Вести-Приморье", 12.09.2023 г. URL: <https://vestiprim.ru/livettv/140683-na-vjef-vladimiru-putinu-predstavili-master-planu-razvitiya-gorodov-dalnego-vostoka.html> (дата обращения: 05.11.2023).
12. Невероятные пертурбации проекта кольцевой автомобильной дороги Владивостока длиной в десятилетия. URL: <https://primamedia.ru/news/1400171/?from=37>. (дата обращения: 01.11.2023).
13. Смирнов М.М. Системное моделирование развития городов в зарубежном опыте мастер-планов // Управление развитием крупномасштабных систем. Материалы пятой международной конференции. Том 2. Общая редакция: С.Н. Васильев, А.Д. Цвиркун. 2011. С. 139–140.
14. Торгашев Р.Е. Маркетинговые и коммуникационные стратегии и инструменты построения позитивного имиджа региона // Муниципальная академия. 2022. № 4. С. 148–155.
15. Хисматуллин Д.Д., Бурцев А.Г. Опыт применения стратегического мастер-плана в крупных городах Европы // Новые идеи нового века: материалы международной научной конференции фад тогу. 2016. Том: 2. С. 321–327.
16. Шевцова И.К., Бедерсон В.Д. Факторы эффективного согласования интересов в проектах трансформации городских территорий: постановка исследовательской проблемы и поиск теоретического объяснения // Солидарность и конфликты в современном обществе / Материалы научной конференции XII Ковалевские чтения 15-17 ноября 2018 года / Отв. редактор: Ю.В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2018. С. 180–181.
17. Samoylenko P.Yu. The main challenges for the image of Vladivostok as a free port and international logistics hub in the context of anti-Russian sanctions // Asia-pacific journal of marine science and education. 2023. Vol 13, No. 1. P. 35–46.

References

1. Architecture of Vladivostok in the context of sustainability. URL: <https://www.forma.spb.ru/archiblog/2020/11/07/arhitektura-vladivostoka-v-kontekste-ustoychivosti/>. (accessed 10.26.2023). (In Russ.).
2. Burdina D.P., Kazantsev P.A. Principles of sustainable development of autonomous island territories of Peter the Great Bay // Urbanism. 2020. No. 2. P. 62–76. (In Russ.).
3. Vladivostok – 2050: spatial development. URL: <https://www.vlc.ru/architecture/Vladivostok-2050>. (accessed 10.29.2023). (In Russ.).
4. The city 30 years later: how the closed port of Vladivostok was opened. URL: https://vladnews.ru/2022-01-19/198884/gorod_spustya. (accessed 10.30.2023). (In Russ.).
5. Kazantsev P.A., Smelovskaya A.M., Kutenkov V.E. The Vladivostok coastline as an object of architectural and environmental renovation // Bulletin of the FEFU engineering school. 2020. No. 4(45). P. 154–167. (In Russ.).
6. Kazantsev P.A. Marus Y.V. Smelovskaya A.M. Features of the formation of a sustainable urban environment in the conditions of renovation of the water system of Vladivostok // Urbanism. 2019. No. 1. pp.18–32. (In Russ.).
7. Kalinich E. V. Problems and prospects for the development of the Free Port of Vladivostok in a competitive environment // "Young Scientist", 2018. No. 45 (231). P. 71–74. (In Russ.).
8. Integrated development of territories: all the nuances of legal regulation // Sphere. Urban Planner's Handbook. URL: <https://legalacademy.ru/sphere/post/kompleksnoe-razvitie-territorii-vse-nyuansy-pravogo-regulirovaniya>. (accessed 10.30.2023). (In Russ.).
9. Lozhkin A. Strategies and realities: experience of strategic spatial planning in Russian cities // Strategic master plan: a tool for managing the future. M: KB "Strelka", 2014. P. 314–331. (In Russ.).
10. Master plan: definitions and features // Institute of Territorial Planning GRAD. URL: <https://itpgrad.ru/services-and-solutions/master-plan/>. (accessed 30.10.2023). (In Russ.).

11. At the EEF, Vladimir Putin was presented with master plans for the development of cities in the Far East. "Vesti-Primorye", 09.12.2023 URL: <https://vestiprim.ru/livettv/140683-na-vjef-vladimiru-putinu-predstavili-master-plany-razvitija-gorodov-dalnego-vostoka.html>. (accessed 11.05.2023). (In Russ.).
12. Incredible perturbations of the Vladivostok ring road project lasting decades. URL: <https://prima-media.ru/news/1400171/?from=37>. (accessed 11.01.2023). (In Russ.).
13. Smirnov M.M. System modeling of urban development in foreign experience of master plans // Management of the development of large-scale systems. Proceedings of the fifth international conference. Volume 2. General editor: S.N. Vasiliev, A.D. Tsvirkun. 2011. P. 139–140. (In Russ.).
14. Torgashev R. E. Marketing and communication strategies and tools for building a positive image of the region // Municipal Academy. 2022. No. 4. P. 148–155. (In Russ.).
15. Khismatullin D.D., Burtsev A.G. Experience in applying a strategic master plan in large European cities // New ideas of the new century: materials of the international scientific conference fad togu. 2026. Vol. 2. P. 321–327. (In Russ.).
16. Shevtsova I.K., Bederson V.D. Factors of effective coordination of interests in projects for the transformation of urban areas: formulation of a research problem and search for a theoretical explanation // Solidarity and conflicts in modern society / Proceedings of the scientific conference XII Kovalev Readings No.vember 15-17, 2018 / Rep. editor: Yu.V. Asochakov. St. Petersburg: Skifia-print, 2018, P. 180–181. (In Russ.).
17. Samoylenko P.Yu. The main challenges for the image of Vladivostok as a free port and international logistics hub in the context of anti-Russian sanctions // Asia-pacific journal of marine science and education. 2023. Vol 13, No. 1. P. 35–46.

Информация об авторе

Петр Юрьевич Самойленко, канд. полит. наук, доцент департамента коммуникаций и медиа Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: samoilenko.pyu@dvfu.ru

Information about the author

Petr Yu. Samoilenko, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Communications and Media, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: samoilenko.pyu@dvfu.ru

Поступила в редакцию 11.11.2023

Одобрена после рецензирования 07.02.2024

Принята к публикации 25.02.2024

Received 11.11.2023

Approved 07.02.2024

Accepted 25.02.2024

Научная статья
УДК 321
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/142-148>

Гомогенная и плюралистическая формы общественно-политической целостности: проблемы и перспективы в цифровую эпоху

Антон Дмитриевич Уханов
Владивостокский государственный университет, Владивосток, Россия, vin-chun.95@list.ru

Аннотация. Общественно-политическая целостность, представляющая собой качественное состояние общественной системы, может мыслиться с позиции гомогенного и плюралистического подходов. В первом случае акцент делается на базовом единстве общества (народа), лежащем в основании социальных и политических институтов. Плюралистический подход, напротив, указывает на фундаментальную неоднородность и сложностность общества, конструируемого посредством политико-правовых средств в целостное образование. Оба подхода основаны на определенных допущениях, представлениях о сущности общества, формах институционализации и поддержания целостности. В статье каждый из этих подходов рассматривается в контексте цифровой трансформации, оказывающей влияние на все сферы жизни общества. Осмысляются проблемы и перспективы подходов в условиях процессов цифровизации.

Ключевые слова: *гомогенность, плюрализм, цифровизация, общественно-политическая целостность, демократия, единство*

Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта Минобрнауки РФ и ЭИСИ № FZUG-2023-0001

Для цитирования: Уханов А. Д. Гомогенная и плюралистическая формы общественно-политической целостности: проблемы и перспективы в цифровую эпоху // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 1. С. 142–148. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/142-148>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/142-148>

Homogeneous and pluralistic forms of socio-political integrity: problems and prospects in the digital age

Anton D. Ukhanov
Vladivostok State University, Vladivostok, Russia, vin-chun.95@list.ru

Abstract. Socio-political integrity, which represents the qualitative state of the social system, can be thought of from the perspective of homogeneous and pluralistic approaches. In the first case, the emphasis is on the basic unity of society (people), which underlies social and political institutions. The pluralistic approach, on the contrary, points to the fundamental heterogeneity and complexity of society, which is constructed through political and legal means into a holistic education. Both approaches are based on certain assumptions, ideas about the essence of society, forms of institutionalization and maintenance of integrity. In the article, each of these approaches is considered in the context of digital transformation, which has an impact on all spheres of society. The problems and prospects of approaches in the context of digitalization processes are comprehended.

Key words: *homogeneity, pluralism, digitalization, socio-political integrity, democracy, unity*

The work was carried out with financial support from the Ministry of Education and Science of the Russian Federation and EISI No. FZUG-2023-0001

For citation: Ukhanov A. D. Homogeneous and pluralistic forms of socio-political integrity: problems and prospects in the digital age // Ojkumena. Regional researches. 2024. No. 1. P. 142–148. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/142-148>

Введение

В настоящий момент одним из ключевых факторов, задающих направление трансформации политического процесса, правовых отношений и общественных институтов, является цифровая трансформация, под которой можно понимать "комплекс экономических, управленческих, социальных процессов, связанных с применением и широким распространением собственно цифровых, компьютерных, информационных, электронных и сетевых (телекоммуникационных) технологий, систем ИИ в современной жизни" [3].

Общественная система как весьма сложное и комплексное образование, мыслимое через совокупность признаков, находится под влиянием внедряемых в повседневную жизнь и публично-властное взаимодействие цифровых технологий. Ранее различные аспекты влияния цифровизации на обществен-

ные отношения не раз рассматривались в научной литературе. Так, можно выделить работы, в которых исследовалось влияние цифровизации на коллективную и индивидуальную память [7], доверие к властным институтам [12], трансформации функций государства [9] и форм гражданского активизма [2], а также самого человека [8].

Таким образом, характер трансформации и степень влияния цифровизации на общество требуют всестороннего анализа и оценки рисков и угроз с целью формирования комплексных социальных программ и создания инструментов поддержания общественных отношений и сохранения социально-политической целостности.

Однако проведение любого анализа должно предварять построение адекватной теоретико-методологической модели, включающей в себя представления о исследуемых объектах, их базовых свойствах, элементах и формах существования и проч. Государственно организованное общество, как весьма сложное образование, представители которого рассредоточены на значительной территории и по чисто физическим причинам никогда не смогут встретиться друг с другом, не является непосредственно данным в опыте феноменом. Отдельный человек взаимодействует не с обществом, а лишь с другими людьми, тогда как система отношений, складывающаяся между ними, и может называться обществом. Более того, именно эта система отношений позволяет распространять и передавать представления о том, кто является и кто не является человеком, а следовательно, может или не может выступать равноправным субъектом коммуникации. Таким образом, положение человека во многом является вторичным и производным от той общественной системы, в которой он существует.

Существенную роль в поддержании существования общества играет его "воображаемость". Этот тезис, как известно, принадлежит Б. Андерсону, который отметил, что всякое большое сообщество, выходящее за пределы личного круга знакомств, не может не быть воображенным [1, с. 40–50]. Однако значительную роль в распространении мировоззренческих, ценностных и культурных оснований "воображения" общества играют различные технические средства, социальные технологии и инструменты, а также формы политического участия, арсенал которых меняется от эпохи к эпохе, позволяя вовлекать в общество все большее количество людей, живущих на огромной территории, но чувствующих свою общность (единство). Важно подчеркнуть, что общество в этом случае становится не просто компиляцией индивидуумов или локальных сообществ, но самостоятельным субъектом, который проявляет себя, репрезентирует, действует, имеет потребности и т.д.

Концептом, который позволяет помыслить общество в качестве некоторого единого социально-политического образования, является целостность. Иными словами, социально-политическая целостность – это качественное свойство общества, сообщающее его представителям о принадлежности к одному социально-политическому образованию. Однако данное качественное свойство может быть проанализировано различным образом, на что влияют исходные теоретико-методологические пристрастия исследователя, выбор концептуального подхода восприятия социально-политической целостности.

Нам представляется, что существуют два ключевых подхода к пониманию социально-политической целостности, её базовых допущений. К их числу относятся *гомогенный* и *плюралистический*. Каждый из них, соответственно, позволяет помыслить гомогенную и плюралистическую формы социально-политической целостности. Таким образом, первоначально надлежит рассмотреть данные теоретические модели.

Второй аспект заявленной темы состоит в анализе влияния цифровизации на социально-политическую целостность. Господствующим считается позиция, согласно которой цифровизация вытесняет и разрушает традиционные инструменты и формы поддержания социально-политической целостности [4; 5]. Однако, как представляется, этот тезис нуждается в содержательном рассмотрении, которое будет проведено нами в рамках изложенных далее моделей социально-политической целостности.

Методологической основой исследования выступает герменевтика, с помощью которой концептуализируются теоретико-методологические подходы к пониманию социально-политической целостности. Обращение к

герменевтике обусловлено тем, что рассматриваемые подходы были представленный в текстах мыслителей. Далее сами подходы выступают исходной теоретико-методологической рамкой для рассмотрения проблемы общественно-политической целостности в контексте проблем цифровизации. Иными словами, проводится операционализация сформулированных концептов применительно к цифровой трансформации.

Гомогенный и плюралистический подходы к пониманию социально-политической целостности

Итак, социально-политическая целостность может мыслиться с позиции гомогенной и плюралистической модели. Данные модели были представлены в трудах различных мыслителей. К их числу относятся немецкие государственоведы К. Шмитт и Г. Кельзен, которые рассматривали их в контексте своих учений о демократии. Так, основной посыл состоит в представлении о базовой организации общества. Шмитт становится на сторону *гомогенности* общества (или народа), т.е. его единства и однородности. Гомогенность народа предполагает, что он является неким единым субъектом, который не должен быть расколот многообразием мнений и позиций (таких позиций, которые угрожают этой гомогенности). Кельзену близка идея *плюрализма*, т.е. общество мыслится не в качестве единого субъекта, а как совокупность индивидов, образующих самостоятельные группы, единство которых является не исходным постулатом, а достигаемым состоянием, поддерживаемым определенными институциональными механизмами.

Аналитически подход каждого из мыслителей включает в себя: *во-первых*, наиболее фундаментальную мировоззренческую часть, которая связывает понимание социально-политической целостности с некоторым способом восприятия мира и базовыми допущениями, которые конструируют целостность. *Во-вторых*, институциональное измерение, которое одновременно является продолжением первого аспекта, но при этом поддерживает его. Основной акцент в институциональной стороне делался мыслителями на политических и правовых институтах поддержания и воспроизводства целостности. Последовательно рассмотрим взгляды мыслителей на каждый из аспектов.

Мировоззренческие основы. По мнению Кельзена, мировоззренческой основой мышления социально-политической целостности через плюралистическую оптику является политический релятивизм как принятие любых ценностей и субъективных установок, которому противоположен политический абсолютизм как претензия на знание предельных истин о природе политического устройства, назначении социально-политической организации общества, содержании справедливости и т.д. [14, p. 370].

По Кельзену, рациональный взгляд на общество, не основанный на парадигме знания о его истинной природе, которая известна лишь избранным, приводит о том, что общество состоит из зачастую несвязанных индивидов и сообществ, которые не могут разделять единого мировоззрения. Вопрос о социально-политической целостности общества не может вытекать из желаемого содержания социального порядка, установленного посредством доступных для этих политических форм методов, а является отражением индивидуального мировоззрения. Иными словами, принятие плюралистической позиции, т.е. представление об отсутствии в обществе единства в строгом смысле, возможно по мировоззренческим причинам.

По мнению Шмитта, мировоззренческим корнем гомогенного подхода к социально-политической целостности является особого рода мифология, органически связанная с демократическими веяниями XIX века. Именно демократические тенденции сформировали представление об обществе как едином, субъектом организме: "В XIX в. и вплоть до XX в. этот род очевидности был, несомненно, на стороне демократии. Ранке называл идею народного суверенитета самой сильной идеей эпохи, а её столкновение с монархическим принципом – ведущей тенденцией столетия. Между тем, столкновение временно окончилось победой демократии" [13, с. 165, 166].

Весьма важно, что представление о гомогенности народа было органически вписано в историософскую логику исторического развития. Поэтому расширения избирательного права, т.е. включение индивидов в состав нации, стало движением к прогрессу, которому мешали антипрогрессивные силы,

стремящиеся затормозить ход исторического процесса, отстаивающие сословные привилегии, т.е. отрицающие гомогенность общества [13, с. 165].

Онтологическим элементом этой мифологии является понятие народа, который признаётся верховной инстанцией, вытесняющей Бога, к которому восходит монархический принцип, на основе которого прежде структурировалось общество. Между народом и Богом обнаруживается функциональное сходство [13, с. 128], поскольку они выступают первичной инстанцией (субъектом), именем которой легитимируются любые свершения в отношении отдельных лиц. Однако на мифологический (воображаемый) характер народа (общества) указывает то обстоятельство, что "целое" народа есть лишь идея" [13, с. 136].

Таким образом, Шмитт и Кельзен, признают, что разделение того или иного взгляда на социально-политическую целостность требует базового мировоззренческого допущения. Шмитт акцентирует внимание на мифологии, которая состоит в вере в существование народа. Кельзен делает акцент на способе восприятия мира конкретным субъектом. Плюралистическая целостность вытекает из мировоззрения, которое отказывается от знания абсолютной истины о природе и устройстве общества.

Институциональный аспект целостности. Из вышесказанного вытекают вполне определенные формы институционализации общества на политико-правовом уровне, а также инструменты поддержания социально-политической целостности.

По Кельзену, плюралистическая модель предполагает возможность участия членов общества в решении общественных вопросов. Для этого необходимы определенные политические институты. В первую очередь таковым является парламент, поскольку он представляет собой обобщенную волю избирателей, т.е. тех, кто составляет общество. Лишь последовательный парламентаризм выступает институциональным оформлением плюралистически мыслимого общества [15, р. 20–23].

Таким образом, парламент становится институтом, отражающим сложносоставную структуру общества, и позволяет защитить интересы отдельных индивидов и меньшинств. Этой же цели служат и другие контрмэжоритарные институты (например, суд, в частности конституционный), функционирование которых позволяет меньшинству не только быть защищенным, но и иметь возможность стать большинством. Следовательно, к числу политико-правовых институтов, поддерживающих плюралистическую целостность, является парламент, на площадках которого встречаются представители разных сообществ, входящих в общество.

Шмитт четко не оговаривает, какое институциональное оформление вытекает из гомогенной модели социально-политической целостности. Можно полагать, что Шмитт видит ключевым политическим институтом, вытекающим и поддерживающим гомогенную модель, диктатуру, имеющую народную легитимность, поскольку в одном лице репрезентируются единой народ [13, с. 170].

Парламент же, напротив, раскалывает общество, дробит его на множество сообществ, придерживающихся узконаправленных интересов. Основой парламента является представительство, что вытекает из плюралистического понимания общества, тогда как гомогенный подход требует тождества, которое и достижимо в близких к диктаторским режимах.

Цифровизация и общественно-политическая целостность

Ещё во введении мы отметили, что вопрос о влиянии цифровых технологий на социально-политическую целостность общественной системы решается, как правило, не в пользу целостности. Распространено представление, что цифровизация совершенно по-новому переструктурирует (переучредит) общество, лишив привычные категории и концепты (в том числе концепт социально-политической целостности) какого-либо смысла. В этой парадигме цифровое общество будет основываться не на социально-политической целостности, а на цифровой целостности. Традиционные политико-правовые формы и институты, складывавшиеся веками и продемонстрировавшие свою устойчивость, будут разрушены под натиском внедряемых цифровых технологий, проникающих во сферы человеческого взаимодействия.

Данный подход является излишне пессимистичным. Уже сейчас становится очевидным влияние существующей социокультурной и институциональной сред на цифровые технологии. Во-первых, уже на уровне разработки программ, наполнения виртуальных миров, создания машинных кодов и т.д. прослеживается влияние уже существующего общества с его восприятием социально-политической целостности, которое проникает в цифровое пространство через разработчиков [10]. Весьма показателен пример о том, что Европейский союз планирует выстроить практику применения искусственного интеллекта на таких принципах, как "человекоцентричность, приоритет малого и среднего бизнеса в сфере ИИ, партнерство с частным сектором, риск-ориентированный подход к ограничению ИИ" [6]. Тем самым в программы осознанно внедряются характеристики и черты, присущие обществу, тому как оно видится.

Другой пример, когда внедрение цифровых технологий и использование машинного обучения приводит к тому, что базовые общественные установки, распространенные в той или иной среде, проникают в цифровую среду. В этом контексте показательны примеры, когда искусственный интеллект, обученный на определенном материале, начинает дискриминировать отдельные категории населения [11]. В данном контексте нельзя забывать, что любое общество помимо представления о себе предполагает представление о тех, кто отличается и не входит в состав этого общества.

Именно тут следует обратиться к тем моделям социально-политической целостности, которые были изложены ранее. Видится, что цифровые технологии могут органически дополнить обе модели. С одной стороны, цифровые технологии, позволяющие коммуницировать между собой людям, разделенным огромным пространством, способны поддерживать базовое представление о гомогенности общества. При этом возможен и обратный сценарий, когда в виртуальном пространстве будут образовываться весьма замкнутые сообщества, разделяющие узкогрупповую мораль и интересы. Речь идет о своеобразных "локальных цифровых политиях", существование представителей которых в реальном мире может поддерживаться только благодаря политико-правовым институтам. Тем самым возникает некоторая раздвоенность индивида, принадлежащего к двум обществам, построенным на разных моделях социально-политической целостности.

Если же мы возьмём институциональные аспекты каждой из моделей, то вновь можно сделать вывод, что цифровые технологии вписываются в каждую из них. Использование дистанционной формы голосования позволяет увеличить гомогенность общества, вовлекая в принятие политических решений большее количество людей. Тогда как сетевые формы политического активизма, напротив, органически вписываются в плюралистическую модель.

Таким образом, цифровые технологии и традиционные политико-правовые формы поддержания социально-политической целостности могут органически дополнять друг друга.

Заключение

Таким образом, следует заключить, что базовые теоретические модели осмысления социально-политической целостности, к числу которых мы отнесли гомогенную и плюралистическую модели, сохраняют актуальность при осмыслении влияния цифровизации на общественную систему. Доминирующая точка зрения, согласно которой внедрение цифровых технологий полностью разрушит традиционные формы поддержания социально-политической целостности, вытеснит сложившиеся институты и политико-правовые, выглядит несостоятельной. Напротив, насколько это возможно прогнозировать, цифровые технологии могут вступить в "конвергенцию" с традиционными институтами, не только не ослабив их влияние, но, напротив, усилив. Ключевую роль в этих процессах играют не сами цифровые технологии, а практика и масштаб их ведения, которые могут быть урегулированы в рамках формируемых регулятивных комплексов.

Каждая из предложенных моделей социально-политической целостности может найти в цифровых технологиях как средство поддержания существующей системы социально-политических отношений, так и орудие её разрушения. При этом примечательно, что если не брать самые мрачные

прогнозы, которые гласят, что человечество непременно ожидает "цифровой концлагерь", то ослабление институтов, поддерживающих плюралистическую модель, ведёт к усилению институтов, укрепляющих гомогенную модель. Сказанное справедливо и в обратном отношении. Таким образом, может быть обнаружена устойчивая закономерность, что общество представляет собой динамическую систему, движущуюся от состояния гомогенности до плюралистического столкновения отдельных волей.

В этом аспекте вновь подчеркнём, что цифровые технологии на данном этапе развития преимущественно являются инструментами, которые не предполагают собственной модели устройство общества, а следуют в рамках логики адаптации и встраивания в существующие социальные, политические и правовые институты, которые, в свою очередь, основаны и напрямую вытекают из представления о природе социально-политического единства общества.

Литература

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.
2. Бронников И.А. Кризис представительной демократии и новые практики гражданского активизма // Politbook. 2018. № 1. С. 64–78.
3. Гайворонская Я. В., Мирошниченко О. И., Мамычев А. Ю. Нескромное обаяние цифровизации // Legal Concept. 2019. № 4. С. 40–47.
4. Деланда М. Война в эпоху разумных машин. М.: Кабинетный ученый, 2014. 338 с.
5. Деланда М. Новая философия общества: теория ассамбляжей и социальная сложность. Пермь: Гиле Пресс, 2018. 170 с.
6. Европейский союз решил проиграть гонку по искусственному интеллекту // Закон.ру. 2021. 19 апреля. URL: https://zakon.ru/blog/2021/04/19/evropejskij_soyuz_reshil_proigrat_gonku_po_iskusstvennomu_intellektu (дата обращения 17.12.2023).
7. Индивидуальная и коллективная память в цифровую эпоху. М.: Аквилон, 2022. 400 с.
8. Мамедова Н.М. Человек в эпоху цифровизации: на грани реального и виртуального // Век глобализации. 2021. № 3. С. 74–85.
9. Мамычев А.Ю. "Цифровой Левиафан": сценарии развития гоббсовского чудовища в XXI веке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. № 3. С. 367–391.
10. Мамычев А.Ю., Гайворонская Я.В., Мирошниченко О.И. Современные доктринально-правовые и этические проблемы разработки и применения роботизированных технологий и систем искусственного интеллекта (на примере автономных необитаемых подводных аппаратов) // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2018. Т. 10. № 3. С. 135–150.
11. Робот провалил тест на толерантность. Он оказался расистом и сексистом // Нож. URL: <https://knife.media/robot-racist/> (дата обращения 18.12.2023).
12. Чепелюк С.Г. Феномен "цифрового доверия" и его влияние на становление цифрового правительства в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. № 3. С. 447–459.
13. Шмитт К. Политическая теология. М.: Кучково поле, 2000. 336 с.
14. Kelsen H. Allgemeine Staatslehre. Berlin, 1925. 433 S.
15. Kelsen H. Vom Wesen und Wert der Demokratie. Tübingen. 1920. 48 S.

References

1. Anderson B. Imaginary communities. Reflections on the origins and spread of nationalism. Moscow: Kuchkovo pole, 2016. 416 p. (In Russ.).
2. Bronnikov I.A. The crisis of representative democracy and new practices of civic activism // Politbook. 2018. No. 1. P. 64–78. (In Russ.).
3. Gaivoronская Ya. V., Miroshnichenko O. I., Mamychев A. Y. Immodest charm of digitalization // LegalConcept. 2019. No. 4. P. 40–47. (In Russ.).
4. Delanda M. War in the age of intelligent machines. M.: Cabinet scientist, 2014. 338 p. (In Russ.).
5. Delanda M. The New Philosophy of Society: the theory of assemblages and social complexity. Perm: Gile Press, 2018. 170 p. (In Russ.).
6. The European Union has decided to lose the artificial intelligence race // Low. 2021. April 19. URL: https://zakon.ru/blog/2021/04/19/evropejskij_soyuz_reshil_proigrat_gonku_po_iskusstvennomu_intellektu (accessed 17.12.2023).

7. Individual and collective memory in the digital age. Moscow: Aquilon, 2022. 400 p. (In Russ.).
8. Mammadova N.M. Man in the era of digitalization: on the verge of the real and the virtual // *Century of Globalization*. 2021. No. 3. P. 74–85. (In Russ.).
9. Mamychev A.Y. "Digital Leviathan": scenarios for the development of the Hobbesian monster in the XXI century // *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science*. 2022. No. 3. P. 367–391. (In Russ.).
10. Mamychev A.Yu., Gaivoronskaya Ya.V., Miroshnichenko O.I. Modern doctrinal, legal and ethical problems of the development and application of robotic technologies and artificial intelligence systems (on the example of autonomous uninhabited underwater vehicles) // *The territory of new opportunities. Bulletin of the Vladivostok State University of Economics and Service*. 2018. Vol. 10. No. 3. P. 135–150. (In Russ.).
11. The robot failed the tolerance test. He turned out to be a racist and sexist // *Knife*. URL: <https://knife.media/robot-racist/> (accessed 18.12.2023).
12. Chepelyuk S.G. The phenomenon of "digital trust" and its impact on the formation of digital government in Russia // *Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series: Political Science*. 2022. No. 3. P. 447–459. (In Russ.).
13. Schmitt K. *Political Theology*. Moscow: Kuchkovo pole, 2000. 336 p. (In Russ.).
14. Kelsen G. *The General Doctrine of the state*. Berlin, 1925. 433 p. (In Ger.).
15. Kelsen G. *The nature and value of democracy*. Tubingen, 1920. 48 p. (In Ger.).

Информация об авторе

Антон Дмитриевич Уханов, канд. полит. наук, старший преподаватель кафедры теории и истории российского и зарубежного права Владивостокского государственного университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: vin-chun.95@list.ru

Information about the author

Anton D. Ukhanov, Candidate of Political Sciences, Senior Lecturer, Department of Theory and History of Russian and Foreign Law, Vladivostok State University, Vladivostok, Russia, e-mail: vin-chun.95@list.ru

Поступила в редакцию 28.12.2023

Одобрена после рецензирования 18.02.2024

Принята к публикации 25.02.2024

Received 28.12.2023

Approved 18.02.2024

Accepted 25.02.2024

Социокультурный аспект политической коррупции в Японии на современном этапе

Елена Николаевна Давыборец
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, westlake@yandex.ru
Артём Владимирович Шкотов
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, shkotov.av@students.dvfu.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию социокультурного аспекта политической коррупции в Японии на современном этапе. Политическая коррупция представлена как устойчивое социокультурное явление, которое установилось в Японии в результате многовековых социальных практик, берущих свое начало с VII в. н. э., когда были зафиксированы первые антикоррупционные законы. Работы последних лет, которые рассматривают сохранение политической коррупции преимущественно как недостаток антикоррупционных реформ, упускают из внимания преемственность традиционных взглядов японского общества на общественные институты, в котором коррупция остается нормой. В данной статье авторы дополняют бюрократический подход социокультурным срезом проблематики.

Ключевые слова: политическая коррупция, Япония, политическая культура, японское общество, железный треугольник, политическая философия, история Японии

Для цитирования: Давыборец Е. Н., Шкотов А.В. Социокультурный аспект политической коррупции в Японии на современном этапе // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 1. С. 149–158. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/149-158>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/149-158>

The socio-cultural aspect of political corruption in Japan nowadays

Elena N. Davyborets
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, westlake@yandex.ru
Artyom V. Shkotov
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, shkotov.av@students.dvfu.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the socio-cultural aspect of political corruption in Japan at the present stage. Political corruption is presented as a stable socio-cultural phenomenon that has been established in Japan as a result of centuries-old social practices dating back to the VII century AD, when the first anti-corruption laws were recorded. Recent works, which consider the persistence of political corruption mainly as a lack of anti-corruption reforms, overlook the continuity of traditional views of Japanese society on public institutions, in which corruption remains the norm. In this article, the authors complement the bureaucratic approach with a socio-cultural cross-section of the problem.

Key words: political corruption, Japan, political culture, Japanese society, iron triangle, political philosophy, history of Japan

For citation: Davyborets E. N., Shkotov A. V. The socio-cultural aspect of political corruption in Japan nowadays // Ojkumena. Regional researches. 2024. No. 1. P. 149–158. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/149-158>

Введение

Научная проблема, рассматриваемая в данной статье, затрагивает понимание и анализ сложной взаимосвязи между социокультурными факторами и распространенностью политической коррупции в современной Японии. *Объект исследования* – политическая коррупция в Японии. *Предмет* – социокультурный аспект политической коррупции в Японии на современном этапе. *Целью* данного исследования является изучение того, как различные социокультурные элементы, такие как исторические традиции, социальные нормы и межличностные отношения, способствуют сохранению коррупции в политическом "ландшафте" Японии. Изучая данную динамику, исследование призвано дать представление о многогранной природе политической коррупции в Японии и предложить потенциальные стратегии для борьбы с ней и ее предотвращения в современных реалиях.

В результате рассмотрения как отечественных, так и зарубежных исследований, связанных с политической коррупцией в Японии, обращает на себя внимание то, что *степень изученности проблемы* достаточно низка. Представленные в обзоре литературы работы затрагивают те или иные аспекты изучаемого явления.

Одной из фундаментальных работ по социокультурному аспекту политической коррупции в западной политологии является работа Рейсмана В.М., в

которой он рассматривает политическую коррупцию как социальное явление с устойчивыми механизмами воспроизводства, что позволяет утверждать ее институализированный характер в каком-либо государстве [2]. Данная теория коррелирует с представлениями Муробоси Тэцуро 室伏哲郎 (1930–2009) о политической коррупции в Японии, выраженными в его теории о "структурной коррупции" (яп. 構造汚職 *ко:дзо: осёкү*) [12]. Подобное совпадение взглядов позволяет синтезировать представления о социальном аспекте политической коррупции с учетом японских реалий.

На примере последних работ по политической коррупции в Японии мы обнаружили, что многие исследователи при рассмотрении проблемы предпочитают применять бюрократический срез [5; 6]. Такой подход не даёт ответов на многие вопросы. Например, почему сохраняется политическая коррупция в Японии вопреки низкому индексу коррупции в стране [8; 12].

Важным для данного исследования являются работы о социокультурных причинах политической коррупции Японии [10; 11]. Ряд российских исследователей-японистов [1; 3], посвятили свои работы японским алгоритмам адаптации зарубежных достижений (в том числе и в области внутренней политики) и механизмам защиты этнопсихологических детерминант японцев, которые не позволяют реформам развиваться и быть более прогрессивными. Выводы в монографиях российских японистов позволяют экстраполировать, что подобный поверхностный характер реформ, обусловленный этнопсихологическими причинами, может затрагивать и такой темпоральный социокультурный феномен в Японии, как политическая коррупция, который существует и сегодня, несмотря на антикоррупционные реформы и низкий индекс коррупции в стране.

Однако проблема лежит и в столкновении западной и восточной политической философии, которые безуспешно пытаются определить такую сложную категорию, как "политическая коррупция", и какой оттенок она несет [4; 13]. К сожалению, подобный конфликт двух политико-философских и морально-этических систем остается не разрешен, поскольку в силу внутренних противоречий ни одна из систем не предлагает ясных ответов на вопросы о толковании и характере политической коррупции. Вследствие этого, антикоррупционные реформы в Японии могут показаться неэффективными, и суть проблемы политической коррупции в стране иногда ускользает как от японских законодателей, так и от некоторых исследователей данного феномена.

Контекст проблемы политической коррупции в Японии

В свете обнародования в 2022 г. последних на момент написания статьи коррупционных скандалов (в частности, связь ЛДП с Церковью объединения и назначение сына действующего премьер-министра Фумио Кисиды на должность секретаря по "политическим делам") [13; 14] можно констатировать факт того, что сегодня политическая коррупция в Японии сохраняется. Она имеет глубокие корни в японском обществе (примерно с VII в. н.э., когда были зафиксированы первые антикоррупционные законы). Границы между взяточничеством/непотизмом и давней традицией патрон-клиентских отношений крайне размыты. Данная особенность японского общества зачастую упускается из внимания современных исследователей коррупции в Японии, поскольку те апеллируют исключительно к недостаткам японской бюрократии [5, p. 162–164]. Однако в силу применения узкого подхода не удастся найти ответ на парадоксальный вопрос: как в такой стране с низким индексом коррупции, как Япония, сохраняются прочные механизмы её воспроизводства? Можно попытаться ответить на этот и другие сопутствующие вопросы, которые могут возникнуть в рамках исследования поставленной темы, если попробовать подойти к проблеме политической коррупции в Японии с точки зрения ее социокультурных причин.

Эволюция политической коррупции в Японии

Политическая коррупция в Японии имеет давнюю историю, однако в рамках статьи предлагаем выделить лишь общие положения её исторического развития. С древности (538–710 гг.) в Японии издавались антикоррупционные законы: они не только сохранялись в последующих политических режимах, но и улучшались. Особенно показателен в этом отношении Императорский рес-

крипт об образовании 1890 г., направленный на индоктринацию школьников и студентам идей модернизации Мэйдзи (1868–1912 гг.), среди которых была и преемственность антикоррупционных тенденций предыдущих эпох.

В силу коллективного характера японского общества антикоррупционные законы так или иначе соблюдались, причем у общества вызывало негодование не сам факт наличия коррупции в стране, а отсутствие принесений публичных извинений конкретного человека, совершившего коррупционное преступление против общественных институтов или, можно сказать, "общины". Поэтому "общинная" этика компенсировала отсутствие применение тяжелых мер наказаний в отношении преступников (за редким исключением в эпоху Эдо (1603–1868 гг.), когда иногда применялась смертная казнь).

В эпоху Мэйдзи и Тайсё (1912–1926 гг.) общенародным указам бросала вызов политическая элита, явно выделялись *ханбацу* (олигархи). Элита понимала, что, во-первых, политическая роль императора исторически была символической (начиная с середины периода Хэйан (794–1185 гг.)). Во-вторых, риск роста влияния появляющихся в конце XIX–начале XX вв. политических партий был довольно ощутим. Элита стремилась подкупить страдающих от нехватки денег политиков и чиновников. Поэтому в большей степени основная причина многих скандалов и в последующие эпохи является острая потребность политиков в финансировании со стороны олигархов предвыборных кампаний и поддержания работы политических партий [8, p. 169].

Бедность как традиционный фактор участия чиновников и политиков в коррупционных действиях прослеживается и в предыдущих эпохах (Эдо, Хэйан и др.). Несмотря на то, что с эпохи Хэйан в Японии коррупция считалась противоправным деянием, так как государство объявило его незаконным и заклеило аморальным преступлением. Тем не менее коррупция все же процветала и стала образом жизни. Вопрос, на который еще предстоит исследователям ответить, состоит в том, были ли чиновники неспособны понимать законы государства или же они являлись невосприимчивыми к моральному осуждению и этическим стандартам. Многие госслужащие того времени смирились со своими незаконными действиями, рассматривая взятки как часть своей обычной зарплаты или как "подарки". Вот почему на фоне доминирования конфуцианской догмы, осуждавшей коррупцию эксплицитно, с эпохи Хэйан начинает закрепляться практика дарения "подарков" со стороны влиятельных людей как имплицитное проявление различных форм коррупции (взятничество, непотизм, кинетизм и др.), масштабы которого охватывали весь архипелаг.

Вероятно, именно повсеместное распространение конфуцианства в Японии повлияло на то, что слово "коррупция" (汚職 *осёку*) записывается иероглифами "загрязнять" (汚 *кэгацу*) и "место работы" (職 *сёку*), тем самым подчеркивается предосудительное отношение к данному явлению в политической культуре страны. Таким образом, с древности устанавливается двойственная ситуация: коррупция в стране есть, и она осуждается и законом, и даже иероглифически, однако те же своего рода законодательные и лингвистические ритуалы дают алиби для тех, кто обращался к практике дарения "подарков", которая, по сути, может являться как раз проявлением коррупции.

Несмотря на возмущение общественности каким-нибудь коррупционным скандалом, впоследствии, когда проводились расследования, вину многих политиков удалось оправдать ввиду отсутствия состава преступления: в показаниях взятки олигархов политикам воспринимались скорее как индивидуальные подарки или частью "нормального политического процесса", поэтому прокуроры, ссылаясь на расплывчатость в законах, находились в замешательстве, а общественность быстро успокаивалась и больше не поднимала этот вопрос [8, p. 138]. Действительно, даже сегодня в японском законодательстве сохраняется то обстоятельство, что юридически коррупция рассматривается как преступление, которое включает все возможные формы коррупции (например, непотизм, клиентизм, взятничество и др.) без их дифференциации. Более того, прокуроры могли сами участвовать в коррупционных сделках до тех пор (в том числе и прикрывали их отказом возбуждать уголовное дело), пока об этом не узнавала общественность [8, p. 139]. Подобные механизмы воспроизводства политической коррупции наблюдаются и сегодня на примере

того, как быстро угасают коррупционные скандалы из информационного поля, создаваемого японскими СМИ.

Ритуализация политической коррупции

Строго говоря, любые политические скандалы в Японии, в том числе и коррупционные, носят ритуальный характер. Такой точки зрения придерживается Пруса И., который предлагает с позиции неофункционализма воспринимать социальные практики в японском обществе как ритуалы и, следовательно, японское общество – сильно ритуализированым [11, р. 261–267]. Иначе говоря, ритуалы носят важную функцию контроля общественных процессов и являются неотъемлемой частью жизни общества, поэтому коррупционные скандалы в каком-то смысле можно считать одним из таких "ритуалов", служащих тем же сдерживающим механизмом общества, что и, например, строгая японская корпоративная этика, известная жесткими иерархическими установками и социальными обязательствами. В силу влияния синкретичности конфуцианства и синтоизма подобные ритуалы складываются на основе сочетания "праксиса" (*修行 сюгё*), то есть неоднократного повторения подобных "ритуалов", и "чувств" (*気持ち кимоти*), то есть эмоциональной привязанности к "ритуалу". Сочетание данных компонентов дает эстетизацию "ритуала", превращая его не только в псевдорелигиозный механизм регулирования общества, но и сакральное событие, сравнимое с драмой. Теория о ритуализации японской общественной жизни сильно коррелирует с понятием "гражданской религии" Руссо Ж.-Ж., но если Белла Р. универсалистки критикует его за излишнюю сакральность и призывает к реконструкции данного понятия до морального единства [4], то Пруса И. настаивает именно на некой псевдорелигиозной составляющей данного термина, аргументируя это сильным влиянием синкретичности конфуцианства и синтоизма на японскую политическую культуру [11, р. 266]. Действительно, с точки зрения этнопсихологии коллективистское японское общество напоминает "общину", принадлежность к которой имеет важное значение хотя бы потому, что японцу скорее будет важнее "не потерять лицо", и это стремление отражается на строгих правилах вхождения в общество (например, та же японская корпоративная этика). Потеря лица в результате нарушения некоторых из этих обязательств оказывает негативное влияние на социальную группу (иначе говоря, "общину"), к которой принадлежит японец, но этот дефект может быть устранен с помощью "ритуала" очищения – практикой публичного раскаяния.

Японская практика публичного раскаяния носит специфический театральный оттенок. Во время дачи показаний или судебных разбирательств признание преступником вины является необходимым условием для запуска так называемой практики "восстановительного правосудия" (*修復定期正義 сю:фукутеки сэйги*), при котором реабилитация преступника в общество осуществляется посредством коррекции поведения вместо наказания (например, тюремного заключения). Это, вероятно, объясняет, почему за коррупционные преступления японские чиновники или политики исторически (за редким исключением в эпоху Эдо, например) не получали серьезных сроков или штрафов и продолжали заниматься своей карьерой без ущерба репутации. Подобная практика реабилитации коррумпированных чиновников на прежние посты коррелирует с древним синтоистским понятием *мисоги* (*禊*) – ритуальное очищение под струями водопада или в водоеме, которому подвергались те, кто хотел очиститься от "грязи" и вернуться к духовному единению с природой и ее обитателями (иными словами, к "общине" или к японскому обществу). Таким образом, идея реабилитации в японском понимании справедливости с сочетанием синтета синтоизма и конфуцианства подчеркивает драматический оттенок коррупционных скандалов как особого ритуала.

Публичные выражения чувств не приветствуются в японском обществе, но многие, например, пресс-конференции, на которых политики приносят извинения за свое поведение, выглядят достаточно зрелищными в том смысле, что те слова, которые провинившееся политики говорят, и то, как они говорят, чуть ли не навзрыд и кланяются, являются сакральным событием. Возможно, поэтому коррупционные скандалы в Японии так притягивают внимание общества и в то же время быстро теряют у него интерес: с одной стороны, "ритуалы" коррупционных скандалов – это в каком-то смысле театральное пред-

ставление, которое выступает неотъемлемой частью политической культуры Японии; с другой – "ритуалы" выступают мощным механизмом регуляции общественной жизни, поскольку человек извиняется не столько за преступление, сколько за неприятности, который он доставил обществу. Именно поэтому исповедь японских чиновников и политиков легко может стать их блефом для дальнейшего совершения коррупционных преступлений. Несмотря на кажущийся пессимистичный расклад положения, возможно, это и есть некий общественный договор: иначе, почему эти же политики до сих пор у власти? Скорее всего, это объясняет полувековое доминирование партии ЛДП в современной Японии с 1955 г.

Роль "железного треугольника" в установлении политической коррупции послевоенной эпохи

В основе современной послевоенной японской политической системы (1945–1952 гг.) лежит так называемый "железный треугольник" – термин, применимый в основном в отношении американской политической системы, но японоведы тоже им оперируют – это способ взаимоотношений политиков, чиновников и бизнес-кругов на основе пересечения общих интересов, один из которых – деньги [3, с. 31]. Строго говоря, принцип взаимоотношений в рамках "железного треугольника" состоит в том, что для увеличения электората, например, во время предвыборных кампаний, политики заручаются финансовой поддержкой у бизнес-кругов, а последние, в свою очередь, в обмен на финансирование лоббируют свои интересы в правительстве. Причем это может происходить и в форме предоставления государственных подрядов, и небольших бюрократических послаблений. Похожая ситуация наблюдалась в эпоху Эдо, Мэйдзи, Тайсё и другие, когда политики и чиновники в силу своей бедности обращались к олигархам за помощью. Таким образом, можно сделать предположение о том, что "железный треугольник" в японской политической культуре – исторически характерное явление.

При этом научные работы о том, что в предыдущих периодах истории Японии этот "треугольник" был характерной особенностью, и в которых бы этот термин фигурировал, отсутствуют. Кроме того, встает вопрос о том, насколько продолжительна эта черта политической культуры Японии: либо "железный треугольник" существовал на протяжении всей истории страны с момента формирования первого правого государства (538–710 гг.), либо же он когда-то разрывался, либо возник в более поздние периоды истории? В связи с возникшей совокупностью вопросов, необходимо ученым в будущем подробнее изучить проблему "железного треугольника" в японской политической культуре как ее традиционной черты.

"Железный треугольник" создает парадоксальную ситуацию, при которой в Японии – в стране с низким индексом коррупции – сохраняется коррупция. Этот факт можно объяснить послевоенной политической системой, которая позволяет партии ЛДП доминировать в правительстве и по сей день как раз в той или иной степени благодаря "железному треугольнику". Это является риском возникновения абсентеизма в стране, поскольку большинство кандидатов в верхнюю палату парламента представляют интересы ЛДП в силу пересечения их политических программ, а борьба ведется по существу между фракциями правящей партии [3, с. 169]. Отсюда следует, что победит тот кандидат, у которого будет больше денег на разворачивание масштабной предвыборной кампании и подкуп избирателей. Сама ЛДП не имеет стабильного источника дохода, поэтому еще 1948 г. в момент формирования современной политической системы был издан Закон о регулировании политических фондов, который, вероятно, служит правовым предлогом возникновения "железного треугольника".

Роль "клуба репортеров" в поддержании политической коррупции в послевоенной Японии

Ещё одним фактором сохранения политической коррупции в Японии сегодня – это контроль ЛДП над СМИ. Японская мейнстримная медиасфера состоит из 5 крупнейших и наиболее влиятельных национальных газет ("Йомиури", "Асахи", "Майнити", "Никкей" и "Санкей"), одной общественной телекомпания (NHK), 5 основных коммерческих телевизионных станций и более

100 еженедельных журналов. С точки зрения медиаполитических отношений особенно значимыми являются тесные связи между ЛДП и крупнейшей газетой Йомиури, которая ежедневно пропагандирует консервативное мировоззрение с опорой на ЛДП. Аналогичную политическую позицию занимает некоммерческое общественное телевидение NHK, которое обеспечивает сбалансированное освещение, но не предлагает мнения или анализ ситуации, поскольку японское правительство иногда оказывает давление на NHK с целью изменения программ, которые являются направленными против ЛДП, но преподносятся как политически предвзятые. Поэтому в основном японские СМИ тяготеют к своей роли молчаливого партнера власти, традиционно выбирая для репортерских сюжетов только безопасные вопросы, которые поддерживают цели истеблишмента, отвлекая внимание от более глубоких структурных проблем. ЛДП осуществляет контроль за счет официальной цензуры и ограничения информационного потока, что приводит к единообразному и стандартизированному освещению новостей. Если возникает скандал с властью, основные средства массовой информации либо вынуждены его поднимать, либо замалчивать, чтобы сохранить свой имидж квазибеспристрастности и удержать общественное доверие. Данные особенности дают основания полагать, что японские СМИ не освещают, а скорее маскируют коррупционные скандалы.

Следует также учесть, что, с одной стороны, СМИ избегают громких журналистских расследований, поскольку им нужно обратиться к широкой группе консервативных читателей и рекламодателей. С другой – вероятность освещения определенного скандала зависит во многом от устоявшейся со второй половины XX в. структурой взаимоотношений между СМИ и официальным источником информации – государством. Подобная структура взаимоотношений воплощена в системе так называемой "клуб репортеров" (記者クラブ *кисья курабу*), которая предлагает доступ к официальной информации по статистке, сводке чрезвычайных ситуаций и иных докладов правительства только ограниченному числу информационных изданий и налагает санкции в случае нарушения внутрigrупповых норм. Данное обстоятельство порождает в рамках клуба условия возникновения сговора репортеров с близкими к истеблишменту источниками. Тем не менее информация о коррупционных действиях государственных лиц просачивается через независимые СМИ ("The Japan Times"), не входящие в "клуб", но имеющие своих информаторов в нем, а также желтую прессу, которая зачастую подвергается критике со стороны истеблишмента за вторжение в частную жизнь политиков и чиновников.

Роль японской общественности в сохранении статуса-кво

Может сложиться впечатление, что японский электорат – довольно апатичен и легко поддается влиянию. Действительно, японское общество крайне флегматично относится к политической коррупции в стране, что во многом обусловлено следующим. Политики тратят много денег и времени на организацию мероприятий (в том числе и на встречу с будущими избирателями), раздачу различных подарков населению и региональным влиятельным кругам, что дает основания заявлять не столько о наличии в японской политической культуре "ритуала" подкупа избирателей, сколько "ритуала" дарения подарков, сравнимого со средневековыми патронат-клиентскими отношениями. Однако стоит отметить, что японская общественность скорее менее терпима к коррупции среди чиновников, чем среди ярких политиков. Подобная тенденциозность исходит из традиционных представлений о приятном имидже чиновников до 1945 г. как представителей императорской власти. Данные же представления переключались и в послевоенную эпоху (1945–1952 гг.) [8, p. 137]. Напротив, политик воспринимается как наследник самурайского прошлого, поскольку самурай, по представлениям японского общества, стоял с точки зрения морали выше законов и обладал чувством долга перед своим сюзереном, а в контексте разговора о коррупции – покровителем. Причем небезосновательно – многие политики в эпоху Эдо (1603–1868 гг.), Мэйдзи, Тайсэ и особенно в эпоху японского милитаризма (1920–1945 гг.) действительно имели самурайское прошлое и апеллировали к нему, и, скорее всего, подобное представление о ярком политике сохранилось и сегодня. Опровергнуть или подтвердить выводы о японском электорате, в частности нарратив о "самурайском

прошлом" политика, не удастся в силу неразработанности данного вопроса. Но не стоит исключать вероятности того, что "самурайский нарратив" может быть искусственно выдуман и педалирован олигархами через подкупных политиков для оправдания коррупционных преступлений.

Однако в 1990-е гг. произошли события, которые не могли состояться без давления общественного мнения. К началу 90-х г. в Японии произошла серия крупных коррупционных скандалов, в которые были вовлечены не только политическая элита, но и госслужащие, что вызвало у японской общественности сильное возмущение. Например, так называемый "рекрутский" скандал в 1989 г., когда были задержаны за получение взятки глава департамента по делам трудоустройства министерства труда, заместитель министра труда и заместитель министра образования Японии, закончился отставкой 15 человек, а в 1993 г. из-за скандала вокруг одного концерна были задержаны министр национального благосостояния и несколько губернаторов. В течение последующих пяти лет велись судебные разбирательства по обвинениям против Министерства финансов, народного благосостояния, транспорта и коммуникаций. Самым крупным и шокирующим делом считается скандал 1998 г., когда были наказаны за злоупотребление властью 32 чиновника, были отправлены в отставку 5 чиновников, оштрафованы 80, а один из подозреваемых даже покончил с собой. Кроме того, коррупционные скандалы продемонстрировали необходимость перемен еще и потому, что политическая коррупция больше всего ударила по министерству финансов, которое контролирует налоги, бюджеты и финансы и даже задела оборону страны и дипломатию (скандал с торговлей оружием 1998 г. привел к отставке 4 человек и назначению штрафов 42 лицам).

Причина коррупционных преступлений в 1990-х гг. лежала все еще в том обстоятельстве, что законы были расплывчатыми в своем толковании и не всегда подразумевали санкции за нарушения. Более того в силу того, что в рамках японской политической культуры если политик попадал в скандал, то он устраивал театральное покаяние, фигуранты самых громких скандалов той эпохи вернулись на прежние посты. Существующий порядок вещей долгое время устраивал ЛДП, но оппозиция была слишком слаба. Кроме того, очевидно, оппозиция сама приняла подобные правила игры. ЛДП яростно выступала против реформ, сокращая инакомыслящих в партии. Только поражение на выборах 1993 г. побудило партию пересмотреть свою стратегию поведения.

Внутрипартийный кризис и отстранение ЛДП от власти привели к формированию нескольких коалиционных правительств и дали долгожданный импульс реформам. В 1993–1994 гг. в Закон о политических фондах были внесены поправки, ограничивающие общее финансирование частных лиц компаниями, что предвещало усиление борьбы с политической коррупцией. В 1994 г. была изменена избирательная система в целях решения проблемы конкуренции между членами партии: отныне средние округа были упразднены и заменены небольшими общинами с одной возможной партией. Кроме того, в целях совершенствования урегулирования деятельности политических фондов в 1994 г. был разработан Закон о государственной поддержке политических партий, который установил бюджетное финансирование для партий, имеющих более 5 депутатов в парламенте или 2% на выборах. Еще одним шагом по снижению затрат на выборы является ограничение избирательной кампании 12 днями. В 1998 г. был также введен запрет на финансирование отдельных политиков коммерческими компаниями, что ослабило наиболее значительные лоббистские формирования в парламенте.

На этом совершенствования не закончились. В 2000 г. был принят Закон об этике государственной службы, который предполагал ограничения на получение подарков и услуг госслужащим со стороны предпринимателей. В том же году был обеспечен контроль за соблюдением новых антикоррупционных законов благодаря формированию комитета по этическим расследованиям в рамках департаментов Совета по делам персонала, в обязанность которого входит проведение расследований и назначение штрафов. Кроме того, в целях борьбы с предоставлением политиками услуг бизнес-кругам в 2001 г. был принят Закон о наказании за посреднические услуги, запрещающий деятельность депутатов и даже секретарей в пользу частных лиц и компаний. Запрет также коснулся представителей префектурных и муниципальных властей,

который предусматривал до 3 лет лишения свободы за помощь в получении аренды, контракта, купли-продажи.

Однако законы даже к концу 2010-х гг. не возымели должного эффекта [5, p. 162–164], данный неутешительный вывод будет понятен на следующем примере. В 2007 г. в целях пресечения практики *амакудари* (天下り букв. сходжение с небес на землю) – назначения отставленного в силу возраста высокопоставленного чиновника в бизнес-структуру (что, к слову, обеспечивало доступ олигархов к связям из верхней и нижней палаты японского парламента) – была принята поправка к Закону о государственной службе, ограничивающая данную практику. Отныне в течение пяти лет запрещается занимать должность, связанную с прямой выгодой от работы должностного лица. Однако на практике в последующие годы чиновники придумали, как обойти закон: сначала они работают на одну компанию или государственную должность в течение двух лет, и затем очень незаметно переходят на другую должность в бизнес-структуре, и таким образом практика *амакудари* сохраняется. Безусловно, антикоррупционные законы 1990-2000-х гг. имеют важное значение в борьбе с политической коррупцией, в это время активно делались попытки подавить её очаги. Но само явление коррупции, видимо, настолько древнее и традиционное, что японские политики и чиновники нового времени находят обходные пути совершения коррупционных действий, словно практика "подарков" в эпоху Хэйан.

К проблеме определения термина "коррупция" с учетом японских реалий

С 1990-х гг. на фоне непрекращающейся чреды обнародованных коррупционных скандалов в японоведческой социологии стала набирать популярность теория о "структурной коррупции" (構造汚職 ко:дзо: осёку) – теория политической коррупции в Японии (сформулированная Муробоси Тэцуро 室伏哲郎 (1930-2009)) [14, p. 27], которая подразумевает следующее: высокая вовлеченность в коррупционные действия высокопоставленных политиков на протяжении всей истории Японии (с момента фиксирования первых антикоррупционных законов) позволяет воспринимать японские политические институты как изначально коррумпируемые и никак не поддающиеся фундаментальным изменениям. Однако назвать "структурную коррупцию" исключительно японским явлением сложно, поскольку данные положения теории коррелируют с более общими представлениями о политической коррупции, встречающейся и в других странах. Например, Рейсмен В.М. исследовал политическую коррупцию на примере США через социокультурное восприятие проблематики и обнаружил, что со временем регулярные практики коррупции институализируют прочную систему отношений в обществе и потому не могут являться частным проявлением власти или аморального поведения.

Подобная система может сложиться там, где совпадают интересы акторов коррупции, коими выступают не только общество, но и политики. По Рейсмену, антикоррупционные законы служат неким мифом, который можно воспринимать как важную составляющую диалектической картины феномена коррупции в целом. Несмотря на законы, коррупция все равно процветает. Борьба мифа, что коррупционное регулирование поможет искоренить явление теневых коррупционных сделок, и мифа, что эти же теневые сделки – явление неискоренимое, и нужно смириться, что таковы условия политической жизни. Такая дихотомия в целом может считаться вполне естественным и неотъемлемым процессом в общественной жизни, а не какой-то неотложной и серьезной проблемой, требующей полного действенного решения [2, с. 5–9]. Несмотря на подобное совпадение взглядов японских и американских ученых, попытка Муробоси Тэцуро оформить явление политической коррупции в Японии с точки зрения социокультурного аспекта проблематики заслуживает внимания, поскольку его теория сфокусирована преимущественно на японских реалиях.

Важным представляется также формулировка универсального термина "политической коррупции", который мог бы быть применим и в описании многовековой ситуации в Японии и, следовательно, решить данную проблему в стране. Как резюмирует Спарлинг Р.А. в своей монографии "Политическая коррупция: Обратная сторона гражданской морали", вопрос коррупции – это вопрос идеального политического режима, но ответить на последний мешает противоречие телеологических предпосылок, возникающих при формулирова-

нии партикулярных и универсальных ценностей, и, таким образом, неспособность артикулировать понимание человеческого блага [13, p. 215, 217]. Во многом ученый исходит из понимания "политической коррупции" как проблемы морали и видит трудность ее разрешения в продолжительном доминировании в политической философии универсалистских подходов к этическим вопросам (например, Канта И.), вследствие чего влияние этого доминирования делает бесполезной любую попытку нащупать общее понимание "политической коррупции", пока политическая философия не сможет окончательно дифференцировать универсальные и партикулярные нормы морали. Изложенные соображения Спарлинга нелегко отвергнуть, поскольку, действительно, не совсем ясно в контексте Японии, что есть патронат-клиентские отношения между сюзереном и самураем, но что есть непотизм, взяточничество и другие формы коррупционных преступлений; иначе говоря, что можно назвать частными, но что общими ценностями?

Учитывая японскую многовековую традицию адаптации последних зарубежных достижений в различных областях, характерная черта которой – существенное видоизменение этих новшеств, можно предположить, что представления о коррупции в Японии, которые и без того обладают неоднозначным статусом, имеют весьма специфический оттенок, что отличает эти же представления от того, что было ранее апроприировано: будь то адаптация в древности (538-710 гг.) китайской системы правосудия на основе конфуцианства или строительство в послевоенную эпоху (1945-1952 гг.) современного политического устройства Японии по примеру американской [1, с. 4–6]. Кроме того, неспособность японского языка точнее артикулировать сложные абстрактные понятия зарубежной политической философии в силу примордиальной (в каком-то смысле) ориентации языка на выражение эмоций влияет на искажение восприятия достижений этой философии и открывает широкое поле (местами иррациональных) интерпретаций японской адаптации политической философии извне [1, с. 11, 33–36], а значит, может создавать предлоги для возникновения политической коррупции в стране. Поэтому японский политик, задействованный в коррупционном скандале, будет чувствовать скорее стыд от того, что его поймали, нежели от того, что его терзает совесть.

Заключение

Политическая коррупция остается одним из противоречивых явлений в современной Японии. Многие выводы о данном феномене не являются завершенными в силу довольно субъективистских суждений различных авторов. Однако если учитывать их, то не стоит в этом отношении критиковать японскую ритуализированную политическую культуру потому, что, безусловно, сама мировая политическая философия, которую Япония на протяжении всей своей истории копировала, сталкивается с противоречиями. Таким образом, исходя из социокультурного аспекта проблематики, можно констатировать, что трудность вопроса о разграничении партикулярных и универсальных ценностей в японском обществе, а также проблема уязвимого положения категории "коррупция" в политических науках влияет не только на успех исследования, но и на разрешение самой проблемы политической коррупции в Японии.

Литература

1. Прасол, А.Ф. Лики времени. Менталитет и традиции в современном интерьере. М.: Натали, 2008. 359 с.
2. Рейсмен В.М. Скрытая ложь: Взятки: "крестовые походы" и реформы / В. М. Рейсмен; Пер. с англ. Беленького М. И.; [Под общ. ред. и со вступ. ст. Яковлева А. М.]. М.: Прогресс, 1988. 327 с.
3. Стрельцов Д.В. «Система 1955 года»: внешняя и внутренняя политика Японии эпохи холодной войны. М.: Восточная литература, 2019. 240 с.
4. Bellah R.N. Civil Religion in America http://www.robertbellah.com/articles_5.htm (дата обращения: 11.12.2022).
5. Carlson M.M, Reed. S.R. Political Corruption and Scandals in Japan. NY: Cornell University Press, 2018. 204 p.
6. Lapshakov G.S. Political Corruption in Japan: Specificity and Experience of Counteraction // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2021. Vol. 62 (57). P. 169–171.

7. LDP execs and ministers must sever church ties, Kishida says // The Japan Times. 22.08.2022. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2022/08/22/national/politics-diplomacy/ldp-code-of-conduct-unification-church> (дата обращения: 27.12.2022).
8. Mitchell, R.H. Political Bribery in Japan. Honolulu: University of Hawai'i Press, 1996. 224 p.
9. Nepotism claims are latest setback for embattled Kishida // The Japan Times. 08.10.2022. <https://www.japantimes.co.jp/news/2022/10/08/national/politics-diplomacy/fumio-kishida-son-appointment-nepotism/> (дата обращения: 27.12.2022).
10. Prusa I. Japanese scandals and their production // Japan Forum. 2021. No. 1 (44). P. 1–19.
11. Prusa, I. Japanese scandals and their ritualization // Japan Forum. 2019. No. 2 (33). P. 261–277.
12. Rothacher A. The Japanese Power Elite. London: Palgrave Macmillan Limited, 1993. 330 p.
13. Sparling R.A. Political Corruption: The Underside of Civic Morality. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2019. 272 p.
14. 室伏哲郎. 日本汚職全史–ミレニアム構造汚職 130 年史 (腐蝕 立国・日本–室伏哲郎コレクション). = Муробуси Тэцуро. Полная история «коррупции в Японии – 130 лет «структурной коррупции» в преддверии миллениума (Из сборника «Коррозия Японии как государства») // 東京都:世界書院 = Токио: Изд-во Сэкай сё:ин., 2000. 313 с.

References

1. Prasol A.F. Faces of the times. Mentality and tradition in modern interior. Moscow: Natali, 2008. 327 p. (In Russ.).
2. Reisman W.M. (ed.) Implicit lie: Bribery: "crusades" and reforms. Moscow: Progress, 1988. 327 p. (In Russ.).
3. Strelcov D.V. "The 1955 System": Japan's Foreign and Domestic Politics in the Cold War Era. Moscow: Vostochnaya literatura, 2019. 240 p. (In Russ.).
4. Bellah R.N. Civil Religion in America http://www.robertbellah.com/articles_5.htm (accessed 11.12.2022).
5. Carlson M.M., Reed. S.R. Political Corruption and Scandals in Japan. NY: Cornell University Press, 2018. 204 p.
6. Lapshakov G.S. Political Corruption in Japan: Specificity and Experience of Counteraction // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2021. Vol. 62 (57). P. 169–171.
7. LDP execs and ministers must sever church ties, Kishida says // The Japan Times. 22.08.2022. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2022/08/22/national/politics-diplomacy/ldp-code-of-conduct-unification-church> (accessed 27.12.2022).
8. Mitchell, R.H. Political Bribery in Japan. Honolulu: University of Hawai'i Press, 1996. 224 p.
9. Nepotism claims are latest setback for embattled Kishida // The Japan Times. 08.10.2022. <https://www.japantimes.co.jp/news/2022/10/08/national/politics-diplomacy/fumio-kishida-son-appointment-nepotism/> (accessed 27.12.2022).
10. Prusa I. Japanese scandals and their production // Japan Forum. 2021. No.1 (44). P. 1–19.
11. Prusa, I. Japanese scandals and their ritualization // Japan Forum. 2019. No.2 (33). P. 261–277.
12. Rothacher A. The Japanese Power Elite. London: Palgrave Macmillan Limited, 1993. 330 p.
13. Sparling R.A. Political Corruption: The Underside of Civic Morality. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2019. 272 p.
14. Muroboshi, T. The Complete History of Corruption in Japan – 130 Years of "Structural Corruption" in the begging of the Millennium (From "The Corrosion of Japan as a State" collection). Tokyo: Seikaishoin, 2000. 313 p. (In Jap.).

Информация об авторах

Елена Николаевна Давыборец, канд. полит. наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: westlake@yandex.ru
 Артём Владимирович Шкотов, студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: shkotov.av@students.dvfu.ru

Information about the authors

Elena N. Davyborets, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: westlake@yandex.ru
 Artyom V. Shkotov, Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: shkotov.av@students.dvfu.ru

Пограничная безопасность Монголии: современные угрозы и возможности совершенствования

Ганболд Цагаан
Университет внутренних дел Монголии, Улан-Батор, Монголия, ganbold_btl@yahoo.com
Дамдин Доржиевич Бадараев
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук
Улан-Удэ, Россия, damdin80@mail.ru

Аннотация. Статья подготовлена на основе исследования факторов, влияющих на безопасность государственной границы Монголии. Подчеркивается, что обеспечение безопасности границ и борьба с трансграничными международными преступными группировками требуют совместной работы с сопредельными странами и регионами на международном уровне. Основная концепция статьи включает транснациональную организованную преступность, представляющую угрозу безопасности национальной границе Монголии, рассмотрены её последствия, а также ряд мер по обеспечению безопасности границы, формы преступлений на границе, некоторые предложения по их нейтрализации.

Ключевые слова: пограничная безопасность, трансграничная преступность, пограничный менеджмент, Монголия

Для цитирования: Цагаан Ганболд, Бадараев Д. Д. Пограничная безопасность Монголии: современные угрозы и возможности совершенствования // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 1. С. 159–165. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/159-165>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/159-165>

Current Problems of Border Security in Mongolia

Ganbold Tsagaan
University of Internal Affairs of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia, ganbold_btl@yahoo.com
Damdin D. Badaraev
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ulan-Ude, Russia, damdin80@mail.ru

Abstract. The article was prepared based on a study of factors influencing the security of the state border of Mongolia. It is emphasized that ensuring border security and combating cross-border international criminal groups require joint work with neighboring countries and regions at the international level. The main concept of the article includes transnational organized crime, which poses a threat to the security of the national border of Mongolia, its consequences, as well as a number of measures to ensure border security, forms of crimes on the border, and some proposals for their neutralization are considered.

Key words: border security, cross-border crime, border management, Mongolia

For citation: Tsagaan Ganbold, Badaraev D. D. Current Problems of Border Security in Mongolia // Ojkumena. Regional researches. 2024. No. 1. P. 159–165. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/159-165>

В начале XXI века с углублением процесса мировой глобализации организованная преступность как явление, имеющее трансграничное измерение, принимает всеобъемлющий характер. Её масштабы и разрушительное влияние стали представлять собой силу, угрожающую развитию любого государства.

В данной статье предпринимается попытка обоснования возросшего значения среди глобальных угроз трансграничной преступности, а также проанализировать видовой состав, тенденции и факторы ее развития. Целью данной работы является определение ключевых угроз пограничной безопасности Монголии на современном этапе и некоторых подходов к их преодолению.

Вследствие интенсификации легальных и нелегальных трансграничных потоков товаров, мигрантов и услуг, во многих странах увеличилось количество транснациональных, в том числе трансграничных, преступлений, которые в своей основе носят организованный характер. К ним относятся терроризм, незаконный оборот наркотиков и оружия, торговля радиоактивными веществами и ядерными материалами, отмывание незаконно приобретенных денежных средств, работоторговля, незаконная миграция, торговля человеческими органами и тканями для трансплантации и многое другое.

Как известно, трансграничные организованные преступления не совершаются без пресечения субъектами государственных границ либо без перемещения материальных и нематериальных средств через государственные границы. Следовательно, они совершаются на территории двух или более

государств либо гражданином одного государства на территории другого государства. Такие виды преступления, как правило, связаны с деятельностью трансграничных преступных группировок и международных террористов.

Рассматриваемая тема требует точной характеристики содержания и порядка логических связей таких употребляемых в статье понятий, как "пограничная безопасность", "трансграничная преступность", "пограничный менеджмент" и "пограничная политика". Наиболее общим из этих понятий является "пограничная политика", как регулирование трансграничных отношений в пределах территориального суверенитета отдельного государства (в данном случае – Монголии). Пограничная политика направлена на достижение двух основных целей – обеспечение безопасности и развития данного государства и общества в пограничном пространстве (т.е. "пограничной безопасности" и "пограничного развития"). Пограничный менеджмент – это компонент пограничной политики, совокупность управленческих мероприятий по практическому осуществлению ее целей и задач. Трансграничная преступность – это один из объектов пограничной политики и пограничного менеджмента, специфическая нелегальная разновидность трансграничных отношений, воздействие на которую является необходимой составной частью обеспечения пограничной безопасности любого общества [1, с. 56, 201, 417].

Опасная оперативная обстановка, складывающаяся в настоящее время в связи с активизацией всех видов криминальной деятельности в пограничных пространствах многих государств, определяется и её неблагоприятными качественными характеристиками. Наиболее типичными чертами трансграничной организованной преступности, тенденциями развития её структуры можно назвать постоянное совершенствование деятельности трансграничных преступных сообществ и расширение сфер их влияния; захват новых рынков; жизнестойкость и эффективную систему управления; опору на стратегические союзы и использование коррупции; наличие мощнейшей материально-финансовой базы и другие.

Как видно, понятие "трансграничная организованная преступность" органически связано с понятием "пограничная безопасность", хотя последнее оспаривается многими учёными. На наш взгляд, понятие "пограничная безопасность" – это важная современная категория, широко используемая исследователями и лицами, принимающими решения. В связи с обострением проблем, имеющих трансграничное измерение, таких как региональные конфликты, нелегальная миграция, активизация деятельности международных террористов и транснациональных преступных группировок, интерес к данному термину только возрастает.

Некоторые российские специалисты полагают, что пограничная безопасность это то состояние пограничных отношений, при котором обществу, государству и его гражданам не наносится вреда [3, с. 8]. По мнению С. Голунова, выявить и измерить точные параметры такого состояния невозможно, и поэтому научная ценность такой версии определения оказывается под вопросом. Более того, оно может легко стать идеологизированным лозунгом, оправдывающим принятие чрезвычайных и дорогостоящих мер – допустим, ради "спасения рубежей Отечества" [2].

Некоторые исследователи сомневаются в целесообразности употребления понятия пограничной безопасности [5], предлагая использовать вместо него получивший распространение в странах ЕС термин "пограничный менеджмент" [9]. Термин "пограничный менеджмент", на наш взгляд, имеет право на существование, хотя данный термин не полностью раскрывает суть проблем, связанных с пограничной безопасностью. Такое словосочетание смещает акцент на отсутствие чрезвычайности, постулирует заурядность, обыденность пограничных проблем, необходимость отказа от абсолютизации интересов безопасности при их решении.

Однако приходится согласиться с мнением того же С. Голунова о том, что полностью вывести обсуждение пограничных проблем из комплекса вопросов обеспечения безопасности вряд ли возможно, так как подавляющее большинство вопросов, которые приходится решать на границе, относятся к нетрадиционным аспектам безопасности [2].

По мнению российских ученых, содержание пограничной безопасности определяется, прежде всего, её территориальными рамками и проблемным

наполнением. Исходя из этого, пограничную безопасность определяют "как приемлемое для правящей элиты и общественного мнения соответствующей страны состояние защищенности пределов её территории от опасных трансграничных потоков и условий, как правило, подразумевающих серьёзное нарушение территориальной целостности государства и установленного пограничного режима" [2]. Такое состояние достигается путём мероприятий, проводимых специальными силами, ответственными за охрану границы и контроль над трансграничными потоками.

В связи с вышеизложенным следует обратить внимание на то, что в Концепции национальной безопасности Монголии, пограничная безопасность не рассматривается как одна из форм национальной безопасности, с чем сложно согласиться, но в то же время ст. 3.1 Концепции гласит: "...суверенитет Монголии, неприкосновенность границы, целостность территории являются основой безопасности существования государства" [8, с. 181]. Монголия имеет границу длиной более 8250 км, из которых 888 км проходит по воде. Она граничит с Китайской Народной Республикой на протяжении 4700 км и на 3500 км с Российской Федерацией.

Между тем, солидаризируясь с концептуальным подходом вышеуказанных российских учёных, монгольские специалисты определяют пограничную безопасность "как состояние гарантированной защищённости внешних и внутренних факторов, обеспечивающих национальную безопасность на государственной границе, приграничной территории, пограничном пространстве" [4, с. 79].

Пограничная безопасность обеспечивается, по мнению монгольских ученых, осуществлением целого ряда мероприятий политического, правового, дипломатического, экологического, военного, оперативно-разведывательного, таможенного и многого другого характера, проводимых государственными и местными административными органами, а также неправительственными организациями на пограничном пространстве Монголии посредством единой и скоординированной их деятельности.

Уровень пограничной безопасности определяется как состояние защищённости государственной границы и приграничной территории Монголии, жизненно важных интересов личности, общества и государства от реальных и возможных внешних и внутренних угроз в пограничной сфере. Он является важным показателем стабильности государственных систем, тесно связанных с безопасностью границ и обстановкой в пограничном пространстве. По своей сути обеспечение пограничной безопасности – это одно из важнейших направлений, концентрированных выражений пограничной политики государства, формируемой на основе его национальных интересов.

В XXI в. приоритеты обеспечения пограничной безопасности радикально меняются. Значение её военной составляющей для многих стран, в том числе Монголии, уменьшилось. Важнейшее место в повестке дня пограничной безопасности стали занимать проблемы трансграничной преступности и незаконной миграции.

Как известно, понятие трансграничной организованной преступности не тождественно понятиям транснациональной и международной преступности. Транснациональные преступления в первую очередь – это преступления наднациональные, которые представляют наивысшую опасность для человечества, мира и безопасности народов [7, с. 5].

Организованная преступная деятельность становится трансграничной, если она: а) связана с незаконными операциями по перемещению материальных и нематериальных средств через государственные границы, которые приносят существенную экономическую выгоду; б) при её осуществлении используются благоприятная рыночная конъюнктура других государств, значительные различия в системах уголовного правосудия разных стран, а также проникновение в их легальную экономику с помощью коррупции и насилия [6].

Трансграничная организованная преступность является одним из видов организованной преступности, осуществляемой в пограничных пространствах двух и более государств, и сопряжённой с систематическим (регулярным) противоправным пересечением государственной границы.

Трансграничные организованные преступления отличаются специфическими характеристиками как самой преступной деятельности (непрерывный характер, глобальные масштабы, структурное сходство с легальным бизнесом, её многообразие и высокая степень защиты от социального контроля, использование коррупции и насилия в качестве основных методов достижения целей), так и её субъектов (высокая степень организованности, семейная или этническая основа, наличие трансграничных связей с другими преступными организациями, стремление к достижению и защите узко корпоративных интересов, быстрая адаптация к усилению воздействия правоохранительных органов) [6].

Следует отметить, что транснациональная, трансграничная и международная преступность для Монголии является слабо проработанным явлением, которое требует формулировки и реализации принципиально новых подходов к её борьбе, создания правовой базы, обеспечивающей защиту от такой преступности, формирования эффективной системы правоохранительных органов.

Становятся традиционными для приграничных районов Монголии такие преступные промыслы, как контрабанда, нелегальная торговля потребительскими импортными товарами, ввоз, вывоз и транзитная перевозка наркотических средств и психотропных веществ, торговля оружием и боеприпасами, торговля людьми, вывоз драгоценных цветных металлов (золота) и минералов, вывоз палеонтологических материалов (костей динозавров и редких животных), вывоз произведений искусства и предметов культуры (антикварных, религиозных изделий), вывоз сельскохозяйственного сырья и т. д.

Большинство видов трансграничной преступности, совершаемой в Монголии, имеют экономическую направленность. Особенно неблагоприятна в этом отношении граница с КНР. На пограничном пространстве обоих государств активно формируется криминальная инфраструктура, пропускающая через себя наркотики, нелегальных мигрантов, фальшивые документы, огромные суммы скрытых от налогообложения доходов и сырья.

Трансграничные преступные сообщества Монголии осуществляют самую разнообразную незаконную деятельность, причём невозможно составить перечень всех видов их деятельности. Тем не менее некоторые из них имеют особое значение и заслуживают пристального внимания. Так, к основным видам трансграничной преступной деятельности в Монголии можно отнести следующие:

1) Торговля людьми. Противодействие торговле людьми на сегодняшний день является одной из актуальных проблем в Монголии. Особенно в последние годы в Монголии усиленными темпами увеличивается число таких преступлений. По неофициальным сведениям, примерно 48% жертв трансграничной торговли людьми составляют женщины и девочки, которые подвергаются сексуальной эксплуатации в коммерческих целях, 32% становятся жертвами работорговли, 9% женщин были склонены к принудительному бракосочетанию с иностранными гражданами, 11% были вынуждены продать свои органы для трансплантации.

Преступления, связанные с торговлей людьми, отличаются высоким уровнем латентности, являются сложными для раскрытия, особенно преступления, совершаемые в виде организованной проституции. Как показывает следственная практика, в последние 5 лет в Монголии привлечено к уголовной ответственности всего 35 лиц, инкриминируемых в 19 преступлениях. Рассматриваемые преступления совершаются в основном людьми в возрасте 19-35 лет. Из числа осужденных более 90% не имели постоянного источника дохода, почти все были безработными.

Вышеприведённые цифры, относящиеся к числу преступлений, связанных с торговлей людьми, не отражают реальную обстановку, поскольку, по оценке экспертов, выявляется не более 10% таких преступлений, из 10 зарегистрированных преступлений лишь 2 доводится до суда [4, с. 110–111].

2) Незаконный оборот наркотиков. В настоящее время в Монголии наркомания пока ещё не занимает ведущее место среди всех негативных социальных явлений, реально угрожающих физическому и духовному здоровью нации и процессу воспроизводства населения. Однако сохраняющийся в течение многих лет без заметного изменения уровень совершения преступлений,

связанных с незаконным оборотом наркотиков, за короткий промежуток времени вдруг стал расти динамичными темпами, несмотря на некоторое снижение общего уровня преступности. Так, общее количество зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, выросло к концу 2020 г. в 20 раз по сравнению с 2010 г. Только в течение последних 5 лет возбуждено 28 уголовных дел по факту изготовления, сбыта, хранения, перевозки наркотических средств и психотропных веществ, в том числе перевозки через границу, привлечены к уголовной ответственности 66 лиц [4, с. 110–111]. Многие граждане Монголии отбывают наказание в КНР и других странах за транзит наркотиков.

Среди регистрируемых преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, основную долю (92,3 %) составляют предусмотренные ст. 192 УК Монголии деяния: незаконное изготовление, приобретение, хранение, перевозка, пересылка либо сбыт наркотических или психотропных веществ, препаратов и медикаментов [4, с. 110–111].

Удельный вес преступлений, связанных с нарушением правил производства, изготовления наркотических или психотропных веществ, препаратов и медикаментов (ст. 193 УК Монголии), составляет 1,2 %, хищением наркотических или психотропных веществ, препаратов и медикаментов (ст. 194 УК Монголии) – 1,4 %, посевом, выращиванием, сбором наркосодержащих растений (ст. 195 УК Монголии) – 1,6 %, организацией притонов для потребления наркотических и психотропных веществ (ст. 196 УК Монголии) – 0,7 %, перемещением через границу Монголии наркотических веществ (ст. 188 УК Монголии) – 2,8% [4, с. 110–111].

Данная структура не остаётся неизменной. Так, судя по официальным данным, с каждым годом увеличивается удельный вес преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических и психотропных веществ, препаратов и медикаментов, составляя от 1,3 до 2,1 процентный прирост. Однако высокая латентность преступности в сфере незаконного оборота наркотиков, наряду с другими факторами, не позволяет в полной мере определить масштабность и значимость рассматриваемой проблемы и её тесную связь с другими видами преступлений.

3) Вывоз драгоценных цветных металлов (золота). В постсоциалистические годы в Монголии активно процветает незаконная деятельность по добыче золота и его контрабандный вывоз за границу. Самовольные добытчики золота, так называемые "ниндзя", стали организовывать нелегальный намыв золота в горах и руслах таёжных ручьев, в том числе в заброшенных рудниках, оборудуя примитивные промысловые устройства. Добытое золото вывозится через границы в тайниках и в личных вещах граждан Монголии, а также иностранных граждан. При этом контрабандисты используют изопрённые приемы сокрытия нелегального груза, что осложняет задачу пограничным, таможенным и другим правоохранительным органам, даже оснащенным современным оборудованием.

Граждане КНР, въезжающие на территорию Монголии, охотно скупают золото для вывоза на родину. С целью установления контактов с местными группировками они выезжают в места, где особенно много "ниндзя", пытаются организовывать продажу товаров широкого потребления или покупку сельскохозяйственного сырья, как прикрытие своей нелегальной деятельности.

Помимо вышеперечисленных основных видов, вызывает тревогу и серьёзно угрожает национальной безопасности Монголии трансграничная преступная деятельность по таким видам, как отмывание денежных средств, коррупция, торговля оружием и боеприпасами, перевозка опасных для здоровья материалов и химикатов через границу, вывоз археологических экспонатов и произведений искусства. Косвенные данные не отражают масштабы и реальную ситуацию по этим видам трансграничной преступности, следовательно, нуждаются в комплексном совершенствовании методов учета и мониторинга таких видов преступности.

Таким образом, анализ практики обеспечения пограничной безопасности показывает, что на сегодняшний день в этой области существует немало серьёзных проблем, требующих своего незамедлительного разрешения. Ранее принятые правовые акты нуждаются в изменениях и дополнениях в соответствии с новыми вызовами и угрозами национальной безопасности страны.

Интенсификация трансграничного взаимодействия между странами приведет к еще большему усилению потоков ресурсов, товаров и услуг, что, вероятно, увеличит и объемы перечисленных видов трансграничной преступности. В связи с этим предлагается ряд практических рекомендаций и предложений в области пограничной безопасности Монголии:

1. В целях эффективного обеспечения пограничной безопасности Монголии, прежде всего, необходимо создать согласованную и взаимосвязанную систему нормативных правовых актов, регламентирующих основные вопросы её обеспечения. Необходимо скорейшее принятие Концепции пограничной безопасности Монголии взамен устаревшей и не адекватной современному положению дел в данной сфере пограничной политики Монголии.

2. Необходимо развивать криминологическую концепцию правовой работы в пограничных органах, основывающейся на установлении её антикриминогенной, антикоррупционной направленности, места, содержания и роли правоохранительных органов пограничной службы, её взаимодействии с органами разведки, полиции, прокуратуры и др.

3. Необходимо актуализировать потребность комплексной научной разработки теории пограничной безопасности и соответствующей учебной дисциплины, значимость которой для офицеров пограничных органов трудно переоценить.

4. Необходим поиск более эффективных механизмов взаимодействия государственных, в том числе пограничных, полицейских, таможенных органов с силовыми организациями (антикриминальными, антитеррористическими) различных стран мира, в первую очередь соседних государств – Китайской Народной Республики и Российской Федерации, с целью выработки новых подходов в борьбе с трансграничной организованной преступностью. Массовый незаконный экспорт драгоценных металлов и других ресурсов из Монголии в соседний Китай требует обоюдной ответственности сторон и ужесточения пограничной политики с обеих сторон. Односторонние усилия снижают качество предпринимаемых мер, необходимы согласованные действия по достижению эффективности в обеспечении пограничной безопасности.

Таким образом, трансграничная преступность признается одной из важнейших угроз пограничной безопасности любой страны. В проведенном аналитическом обзоре трансграничной преступности в Монголии представлены видовой состав, факторы и тенденции ее развития. Как показывает практика, на современном этапе в Монголии существуют реальные проблемы, требующие особого внимания со стороны органов национальной безопасности, необходимы новые подходы для организации учета и мониторинга видов трансграничной преступности, нуждаются в фундаментальной проработке теоретико-методологические основы пограничья. Ключевые угрозы пограничной безопасности Монголии на современном этапе требуют принятия концептуальных мер по совершенствованию нормативно-правовой базы, обеспечения эффективного межведомственного взаимодействия всех задействованных структур, а также расширения направлений межгосударственного сотрудничества с различными странами мира для предотвращения и качественной борьбы с трансграничной организованной преступностью. Существующие реалии и перспективы увеличения транснациональных и трансграничных потоков выдвигают в число стратегических приоритетов готовность Монголии быть на страже безопасности своих границ в тесном сотрудничестве с соседними странами.

Литература

1. Введение в исследования границ / под ред. С.В. Севастьянова, Ю. Лайне, А.А. Киреева. Владивосток: Дальнаука, 2016. 426 с.
2. Голунов С. Безопасность пограничных пространств // Международные процессы, 2007. № 2 (14). С. 27–37.
3. Гришин М.Л., Губченко В.Н., Дмитриев В.А. и др. Проблемы пограничной политики государства и пути их решения. М.: Издательская группа «БДЦ - Пресс», 2001. 276 с.
4. Жаргалсайхан Мунхболд. Уголовно-правовые и криминологические проблемы незаконного изготовления, приобретения, хранения, перевозки, пересылки либо сбыта наркотических или психотропных веществ, препаратов и медикаментов: по уголовному законодательству Монголии:

дисс. ... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Жаргалсайхан Мунхболд; [Место защиты: Моск. ун-т МВД РФ]. М., 2008. 176 с.

5. Макарычев А. Безопасность: трудности перевода? // Евразийский дом. 2006. 24 авг. Информационно-аналитический портал. URL.: <https://www.eurasianhome.org> (дата обращения: 25.08.2023).

6. Номоконов В.А. Транснациональная организованная преступность: дефиниции и реальность. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та. 2001. 375 с.

7. Проблемы борьбы с транснациональной организованной преступностью: сб. науч. тр. / Калинингр. гос. ун-т; под ред. Т.С. Волчецкой. Калининград: Изд-во Калинингр. гос. ун-та, 2002. 66 с.

8. Шишмишиг Ж. Конституция Монголии 1992 г. и вопросы национальной безопасности // Актуальные проблемы современной юридической науки и практики: материалы Международной научно-практической конференции. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2018. С. 181–193.

9. Дагважамц Г. Хил судлалын үндэс = Основы пограничьеведения // Хил судлал эмхэтгэл = Сборник по пограничьеведению. Улаанбаатар, 2011.

10. Gupta A. Border Management: Challenges and Opportunities (Пограничный менеджмент: вызовы и возможности). URL.: <https://www.vifindia.org/article/2021/october/28> (дата обращения: 10.04.2022).

References

1. Introduction to Border Studies / edited by Sergei V. Sevastianov, Jussi P. Laine, and Anton A. Kireev. Vladivostok: Dalnauka, 2016. 426 p. (In Russ.).

2. Golunov S. Security of border spaces // International processes. 2007. No. 2 (14). P. 27–37. (In Russ.).

3. Grishin M.L., Gubchenko V.N., Dmitriev V.A. and others. Problems of state border policy and ways to solve them. M.: Publishing Group «BDC - Press», 2001. 276 p. (In Russ.).

4. Zhargalsaikhan Munkhbold. Criminal legal and criminological problems of illegal production, acquisition, storage, transportation, shipment or sale of narcotic or psychotropic substances, drugs and medicines: according to the criminal legislation of Mongolia: diss. ... Candidate of Legal Sciences: 12.00.08 / Zhargalsaikhan Munkhbold; [Moscow. University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation]. M., 2008. 176 p. (In Russ.).

5. Makarychev A. Security: lost in translation? // Eurasian House. 2006. 24 Aug. Information and analytical portal. URL.: <https://www.eurasianhome.org> (accessed 25.08.2023). (In Russ.).

6. Nomokonov V.A. Transnational organized crime: definitions and reality. Vladivostok: Far Eastern University Publishing House. 375 p. (In Russ.).

7. Problems of combating transnational organized crime: collection of scientific papers / Kaliningrad state University; edited by T.S. Volchetskaya. Kaliningrad: Kaliningrad State University Publishing house, 2002. 66 p. (In Russ.).

8. Shishmishig Zh. The 1992 Constitution of Mongolia and issues of national security // Current problems of modern legal science and practice: materials of the International scientific and practical conference. Ulan-Ude: Buryat State university Publishing House, 2018. P. 181–193. (In Russ.).

9. Dagvajamts G. Fundamentals of Border Studies // Collection of Border Studies. Ulaanbaatar, 2011. (In Mong.).

10. Gupta A. Border Management: Challenges and Opportunities. URL.: <https://www.vifindia.org/article/2021/october/28> (accessed 10.04.2022).

Информация об авторах

Цагаан Ганболд, Ph.D, научный сотрудник, Институт пограничной безопасности Объединённого научно-исследовательского института при Университете внутренних дел Монголии, г. Улан-Батор, Монголия, e-mail: ganbold_btl@yahoo.com

Дамдин Доржиевич Бадараев, д-р. соц. наук, ведущий научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия, e-mail: damdin80@mail.ru

Information about the authors

Tsagaan Ganbold, Ph.D., Researcher, Institute for Border Security Studies, Integrated Institute for Scientific Research of University of Internal Affairs, Ulaanbaatar, Mongolia, e-mail: ganbold_btl@yahoo.com.

Damdin D. Badaraev, Doctor of Sociology, Leading Researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Ulan-Ude, Russia, e-mail: damdin80@mail.ru

Научная статья
УДК 327
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/166-175>

Геополитический треугольник "Россия-Иран-Китай" в условиях глобальных трансформаций

Елена Геннадьевна Гарбузарова
Киргизско-Российский Славянский университет, Бишкек, Киргизия, play_elenag@mail.ru

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена стратегическим динамизмом в двустороннем и многостороннем сотрудничестве России, Ирана и Китая, что дает серьезные основания предполагать возможное появление в ближайшем будущем трехстороннего альянса. Эти основания подкрепляются усилившимся дискурсом на уровне политиков и экспертов. В статье предпринята попытка анализа и оценки перспектив формирования геометрии отношений "Россия-Иран-Китай". Корреляция интересов сближает три влиятельных державы, отстаивающих демократические принципы формирования будущего мирового порядка. Если международная обстановка будет и дальше накаляться, а уровень агрессивной политики стран коллективного Запада расти, то вероятность появления геополитического треугольника "Россия-Иран-Китай" только увеличится.

Ключевые слова: мировой порядок, геополитический треугольник "Россия-Иран-Китай", Евразия, Центральная Азия, ШОС, безопасность

Для цитирования: Гарбузарова Е. Г. Геополитический треугольник "Россия-Иран-Китай" в условиях глобальных трансформаций // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 1. С. 166–175. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/166-175>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/166-175>

The geopolitical triangle "Russia-Iran-China" in the context of global transformations

Elena G. Garbuzarova
Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan, play_elenag@mail.ru

Abstract. The importance of the article is due to the strategic dynamism in bilateral and multilateral cooperation between Russia, Iran and China which gives serious reason to believe that a trilateral alliance can appear in the near future. These convictions are supported by an increased discourse at the level of politicians and experts. The article attempts to analyze and evaluate the prospects for the formation of the geometry of relations "Russia-Iran-China". The correlation of interests brings together three influential powers defending the democratic principles of shaping the future world order. If the international situation continues to heat up and the level of aggressive policy of the countries of the collective West increases then the probability of the appearing of a geopolitical triangle "Russia-Iran-China" will only increase.

Key words: world order, geopolitical triangle "Russia-Iran-China", Eurasia, Central Asia, SCO, security

For citation: Garbuzarova E. G. The geopolitical triangle "Russia-Iran-China" in the context of global transformations // Ojkumena. Regional researches. 2024. No. 1. P. 166–175. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/166-175>

Кардинальные изменения, происходящие на глобальной арене, сопровождающиеся ужесточением геополитического соперничества между ведущими акторами мировой политики, создали условия для формирования новой конфигурации геополитических сил. Речь идет о возможном появлении геополитического треугольника "Россия-Иран-Китай", который все больше привлекает к себе исследовательское внимание политиков, ученых, экспертов. На современном этапе Москва, Пекин и Тегеран играют значительную роль в глобальных и региональных процессах, а характер и динамика отношений между этими влиятельными центрами мировой политики отражается на всей системе международных отношений.

Дискурс о возможном появлении нового трехстороннего формата взаимодействия в Евразии усилился после того, как постпред России при международных организациях в Вене Михаил Ульянов назвал сотрудничество России, Ирана и Китая новым треугольником в международной дипломатии [18]. Подобные заявления основываются на том, что в настоящее время эти три стороны добились впечатляющих успехов в развитии сотрудничества в двустороннем и многостороннем форматах и проявляют готовность вместе отстаивать свои национальные интересы.

Вероятность появления трехстороннего альянса "Россия-Иран-Китай" во многом связана с геополитическими процессами в Евразии. Неустанные попытки стран Запада усилить свое влияние на евразийском пространстве

делают появление треугольника "Россия-Иран-Китай" делом ближайшего будущего. При этом возникает вопрос, насколько вероятно появление подобного трёхстороннего альянса при наличии разногласий между Россией, Ираном и Китаем, но при неприятии ими гегемонии однополярного мира и стремлении коллективными усилиями поддерживать стабильность на евразийском континенте, жизненно важную для реализации их национальных интересов, которую пытаются расшатать страны коллективного Запада?

Теоретические подходы к пониманию концепта "треугольник" в международных отношениях

Геополитические треугольники стали обычным явлением в системе международных отношений, формирование которых символизирует новую конфигурацию сил как политико-дипломатический ответ на происходящие глобальные трансформации. Однако не всегда интересы участников, формирующих треугольное взаимодействие, как это бывает в подавляющем большинстве случаев, совпадают. Примером наиболее яркого треугольника в мировой политике служат взаимоотношения между США, СССР и Китаем в 1970-е г. во время разрядки международной напряженности. В том случае речь шла скорее о геополитическом соперничестве между тремя крупными игроками, нежели чем об общих интересах. Воспользовавшись возникшем антагонизмом в советско-китайских отношениях, США приняли решение наладить взаимодействие с Китаем и найти точки соприкосновения с СССР по вопросу ограничения стратегических вооружений (ОСВ). Треугольное взаимодействие Китая, США и СССР вошло в историю международных отношений под названием "большой треугольник" и по своему содержанию отличалось конфронтационностью и асимметричностью. В нынешней международной среде подобный треугольник сложно воспроизвести [22, с. 72].

В противовес асимметричным треугольникам можно выделить такой формат сотрудничества государств, в котором участники объединены общими интересами и готовы координировать свои действия. Не всегда эти интересы полностью совпадают, но как минимум коррелируются в одной из следующих сфер – безопасность, экономика или идеология. Такой взаимовыгодный треугольник невоенного назначения в 1998 г. предложил создать экс-премьер-министр России Е.М. Примаков в составе России, Индии и Китая. По мнению Е.М. Примакова, подобный стратегический "треугольник" был необходим для укрепления безопасности и проведения консультаций по острым международным вопросам [16, с. 205]. Е.М. Примаков подчеркивал, что эта "геометрическая фигура" не должна превратиться в военный союз и быть направлена против кого бы то ни было. То есть, в понимании Е.М. Примакова, стратегическое треугольное взаимодействие призвано способствовать конструктивному диалогу между участниками, которые демонстрируют готовность координировать свои действия и вырабатывать общие позиции, например, по поддержанию мира и безопасности как в региональном, так и в глобальном масштабе. Так, если говорить о предполагаемом треугольнике "Россия-Иран-Китай", то характер отношений между этими взаимодействующими государствами будет отличаться конструктивным сотрудничеством, хотя и при наличии элементов конкуренции, например, за влияние в Центральной Азии. Условный треугольник "Россия-Иран-Китай" по аналогии с треугольником "Россия-Индия-Китай" можно отнести к разновидности естественных геометрических фигур, образованных тремя наиболее влиятельными акторами в системе международных отношений и представляющих собой объективное явление мировой политики [6, с. 28].

С позиции школы политического реализма геополитические треугольники служат одним из основных механизмов поддержания баланса сил, особенно в условиях дестабилизации системы международных отношений. Не случайно австрийский дипломат Георг Шварценберг отмечал, что равновесие в международных отношениях достигается альянсом государств [27, p.212]. Альянсы подразделяют на два вида: наступательные и оборонительные. Оба они связаны с балансом сил, поскольку наступательный альянс стремится нарушить равновесие, а оборонительный – его реанимировать. В настоящее время страны коллективного Запада во главе с США интенсифицируют свою политику в Евразии, что проявляется в активизации усилий на различных

направлениях, связанных с изменением регионального баланса сил. То есть речь идет о стремлении американской администрации свести к минимуму региональное влияние России и Китая. Это создает предпосылки для формирования контуров геополитического треугольника "Россия-Иран-Китай".

Сотрудничество России, Китая и Ирана в двусторонних форматах

В последнее время наметилась тенденция укрепления взаимного доверия в отношениях между Россией и Ираном, Ираном и Китаем, а также в двустороннем сотрудничестве России и Китая. В новых международно-политических реалиях ввиду изменившихся глобальных обстоятельств эти влияющие центры мировой политики стремятся расширить взаимодействие во всех ключевых сферах двустороннего сотрудничества, придав отношениям стратегическую динамику.

Российско-иранским отношениям всегда придавали большое значение как в России, так и в Иране. Однако эти отношения испытывали недостаток динамики, а их потенциал нуждался в дальнейшем развитии [12]. В настоящее время в условиях жесткой геополитической конфронтации между странами коллективного Запада и Россией Москва и Тегеран готовятся подписать договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве, который значительно упрочит и расширит двустороннее сотрудничество. Рекордными темпами растет товарооборот между странами. По итогам 2023 г. этот показатель достиг 5 млрд. долл. [17], что, безусловно, отражает не раскрытый потенциал двустороннего экономического сотрудничества. Однако, по словам иранского посла в России Казема Джалали, обе страны настроены решительно продолжать увеличивать объемы взаимной торговли и реализовывать совместные инфраструктурные проекты [7].

Дипломатический конфликт, разразившийся между Россией и Ираном летом 2023 г. из-за документа, который был принят по итогам министерской встречи в формате Россия – Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), не уменьшил стремления Москвы и Тегерана к развитию более тесного прагматичного сотрудничества. Поддержка Россией усилий по достижению мирного решения вопроса о спорных островах в Персидском заливе, которые Иран считает исторически своими, обострила внутриполитическую обстановку в Иране, где в очередной раз возникли споры о том, какую стране следует проводить внешнюю политику. Большинство иранских политиков и общественных деятелей придерживаются мнения о необходимости соблюдения Ираном баланса в отношениях со странами Востока и Запада [20]. Интересно, что годом ранее Китай занял такую же позицию, как и Россия, подписав аналогичный документ с ССАГПЗ. Впоследствии Россия, так же как и Китай, заявила об уважении территориальной целостности Ирана.

Однако, несмотря на подобные дипломатические коллизии, Россию и Иран объединяет общая позиция по вопросу сценария будущего развития мирового устройства, свободного от однополярного диктата и построенного на принципах справедливости, равноправия и равенства. Стратегическое сближение России и Ирана, сопровождающееся укреплением взаимного межгосударственного доверия, стало проявляться во время объединения усилий в борьбе с террористической угрозой в Сирии. Оба государства приложили немало военных, политических и дипломатических усилий, чтобы остановить американскую экспансию на Ближнем Востоке. Благодаря этому имидж России серьезно укрепился в глазах политической элиты Ирана и в сознании простых иранцев [19].

Находясь под беспрецедентным санкционным давлением со стороны стран Запада, Россия и Иран ищут возможности и создают благоприятные условия для взаимовыгодного сотрудничества. В январе 2024 г. обе страны, отключенные от системы SWIFT, приняли решение соединить свои финансовые системы. Следующим шагом запланировано создание совместных инвестиционных комитетов для осуществления проектов в нефтегазовой, нефтехимической, фармацевтической и ряде других сфер при поддержке Фондов национального благосостояния двух стран.

В настоящее время именно в Иране пророссийские силы активно обсуждают идею создания стратегического треугольника совместно с Россией и Китаем, направленного против США. Этот дискурс формируется как ирански-

ми политиками, так и СМИ. Еще в начале 2022 г. представитель комитета по национальной безопасности и внешней политике иранского парламента Махмуд Аббасзаде Мешкини заявил, что "в новом мировом порядке в Азии сформировался треугольник, состоящий из трех держав – Ирана, России и Китая. Этот союз знаменует конец несправедливой гегемонии Соединенных Штатов и Запада" [26]. В 2023 г. бывший главнокомандующий Корпусом стражей Исламской революции (КСИР) в своем выступлении упомянул о формирующемся треугольнике, вершины которого формируют Россия, Иран и Китай. Также он отметил, что стратегия технологического развития Ирана напрямую связана с его стратегическими партнерами Россией и Китаем, с которыми Иран надеется построить новый мировой порядок [23].

В последние годы отношения между Китаем и Ираном развиваются по восходящей линии. Китай заинтересован в богатом углеводородном потенциале Ирана, а руководство Ирана – в китайских инвестициях и технологиях. Иран, так же как и Россия, является участником мультимодального транспортно-коридора "Север-Юг", без которого вряд ли получится создать полноценную евразийскую транспортно-коммуникационную систему. Именно поэтому логично было бы сопрягать этот проект с китайской инициативой "Один пояс-Один путь" (ОПОП) [9, с. 69]. Руководство Китая, понимая значимость транзитного потенциала Ирана, еще в 2016 г. во время официального визита Си Цзиньпина в Иран предложило подписать "Меморандум о взаимопонимании по совместному продвижению Экономического Пояса Шелкового Пути и Морского Шелкового Пути в XXI веке". Тогда же Китай и Иран заключили "Совместное заявление об установлении отношений всеобъемлющего стратегического партнерства" и подписали 17 двусторонних соглашений о сотрудничестве в экономике и технологической сфере. Следовательно, оба государства продемонстрировали обоюдную заинтересованность в укреплении и расширении взаимовыгодного двустороннего сотрудничества. Благодаря китайскому трансконтинентальному проекту перед Ираном открываются широкие экономические перспективы развития, а также появляется возможность усилить свое евразийское влияние. Столь значительное сближение Пекина и Тегерана взволновало политиков и экспертов в странах Запада. Историческая встреча Си Цзиньпина и Хасана Рухани в 2016 г. усилила дискурс о возможном формировании нового евразийского "мирового порядка". Так, американско-немецкий исследователь Уильям Энгдал писал, что ирано-китайское сближение положило начало формированию "евразийского золотого треугольника" России, Китая и Ирана [24]. Вероятное появление подобных альянсов с большим опасением рассматривается в США. Не случайно в 2021 г. президент США Дж. Байден подчеркнул, что китайско-иранское сотрудничество беспокоит его уже на протяжении многих лет [15].

На пике своего развития находятся российско-китайские отношения, которые как в Москве, так и в Пекине характеризуют как "превосходные, лучшие за всю историю" [3, с. 35]. Успехи в этих отношениях основываются на урегулировании споров, доставшихся в наследство от прошлого, и на обоюдно заинтересованности в тесном сотрудничестве друг с другом на долгосрочную перспективу [3, с. 35]. В 2023 г. свой первый визит после очередного переизбрания председатель КНР Си Цзиньпин совершил в Москву, продемонстрировав особое отношение к историческому соседу.

Стремительными темпами растут объемы торговли между Россией и Китаем. Так, по итогам 2023 г. двусторонний товарооборот увеличился на 26,3% и составил \$240,11 млрд. долл. Это рекордный показатель в отношениях двух стран. Российско-китайская модель сотрудничества – это не просто механическое сложение потенциалов, это сформировавшийся механизм взаимодополняемых потенциалов: военно-стратегических возможностей России и экономико-технологических ресурсов Китая [11, с. 101]. Оба государства, находясь под давлением США, будут и дальше стремиться к более тесному сотрудничеству. Являясь противниками однополярного мироустройства, Россия и Китай будут усиливать координацию действий и вместе закладывать фундамент полицентричного мира.

Центральная Азия – пространство конкуренции и корреляции интересов России, Китая и Ирана

Активность России, Китая и Ирана заметно усилилась в Центральной Азии, что обусловлено глобальными трансформационными процессами и обострением геополитического соперничества между крупными центрами силы. Коллективный Запад, используя различные инструменты влияния, пытается подорвать позиции России, Китая и Ирана в странах Центральной Азии и своими деструктивными действиями подталкивает Москву, Пекин и Тегеран к сближению.

Исторические связи и общая географическая граница связывают Россию и страны Центральной Азии. Существующие в регионе кризисные явления проецируют угрозу национальной безопасности России. Ключевой стратегической задачей российского руководства является недопущение такого сценария, при котором бывшие союзные Центральноазиатские республики превратились бы во враждебные по отношению к России государства.

Китай признает особую роль Москвы в регионе, однако не прочь закрепить за собой статус регионального лидера. На современном этапе Пекин обошел всех своих геополитических конкурентов и стал для стран региона экономическим партнером номер один. В Центральной Азии Китай пока проводит осторожную политику, но параллельно с экономическим влиянием, пытается расширить и военное [9, с. 73].

Иран, так же как и Китай, учитывает особые интересы России в регионе, но намерен повысить свою значимость за счет привлекательного транспортно-коммуникационного потенциала. Оторванные от мировых рынков, страны Центральной Азии проявляют интерес к сотрудничеству с Ираном в сфере транспорта и логистики. Однако международные санкции, наложенные на Иран, выступают одним из главных ограничителей расширения сотрудничества между Ираном и странами региона. Однако фактор общего историко-культурного наследия Ирана со странами Центральной Азии, а также этнолингвистическая схожесть с Таджикистаном будут и дальше использоваться Тегераном как основа для укрепления своих позиций в качестве важного игрока в регионе. В настоящее время заметно, как Тегеран повысил активность своей дипломатии на центральноазиатском внешнеполитическом направлении. Так, в 2021 г. свой первый официальный визит президент Ирана И. Раиси совершил в Таджикистан, где стороны подписали 17 документов о сотрудничестве [4]. Визит иранского лидера в Таджикистан стал "поворотным моментом" в двусторонних отношениях. Растущее влияние Турции в странах Центральной Азии также будет служить серьезным стимулом для иранского руководства к укреплению отношений с республиками региона.

Между тем в Центральной Азии Россию, Китай и Иран объединяют схожие интересы, связанные с обеспечением безопасности и поддержанием региональной стабильности. Проблемы Центральной Азии и общая заинтересованность в мирном развитии данного региона побудили руководство России, Китая и Ирана объединить усилия. Это доказывает участие всех трех государств в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) на правах полноправных членов. Недавнее решение о принятии Ирана в ШОС имеет большое значение для эффективной борьбы с трансграничными вызовами и угрозами. Не случайно руководство Китая все время подчеркивает большой вклад Ирана в решение таких проблем, как наркотрафик и беженцы. В рамках ШОС страны-участницы, во-первых, активно согласовывают усилия по предотвращению общих вызовов и угроз, во-вторых, вместе выступают за формирование справедливого мирового порядка [1, с. 7]. Несмотря на имеющиеся разногласия в организации, интересы стран-участниц глубоко переплетаются, а общая озабоченность проблемами региональной безопасности, например, решение афганской проблемы, подталкивает к более тесной кооперации.

Идейные основы концепции полицентричного мира поддерживают на официальном уровне все три государства. Не случайно руководство Ирана склонно рассматривать ШОС как смещение центра глобальной мощи от США к не-Западу [25]. Евразийская идеология и китайская концепция "сообщества единой судьбы" носят инклюзивный и взаимовыгодный характер. Обе идеологии очерчивают траекторию совместного развития посредством создания коалиций стран, заинтересованных в формировании нового мирохозяй-

ственного уклада, исключая конфронтацию и применение военной силы в международных отношениях, которые должны основываться на уважении национальных интересов и особенностей всех стран, на взаимовыгодном добровольном сотрудничестве и строгом соблюдении международного права [5, с. 18]. В свое время экс-президент Ирана М. Хатами (1997-2005) выдвинул схожую концепцию "диалога цивилизаций", суть которой заключалась в построении диалога между цивилизациями и различными культурами во имя "отрицания и отвержения насилия, терроризма и войны" [21].

От стабильности и безопасности Центральной Азии будет зависеть успешность реализации евразийского проекта и китайского трансконтинентального проекта "Экономический пояс Шелкового пути" (ЭПШП). Российский интеграционный проект (ЕАЭС) и китайская глобальная инициатива нацелены на создание благоприятных условий с целью формирования более тесной модели кооперации между всеми странами "Большой Евразии". В этом случае именно ШОС может стать площадкой состыковки ЕАЭС и ЭПШП [10, с. 11]. Успех сопряжения и перспективы формирования "Большой Евразии" будут зависеть от стратегической устойчивости российско-китайских отношений [11, с. 101].

Иран уделяет значительное внимание развитию экономического сотрудничества с евразийскими государствами, пытаясь вписаться в существующие форматы взаимодействия. В 2023 г. Иран подписал со странами ЕАЭС полноформатное соглашение о свободной торговле, благодаря которому торгово-экономические отношения между указанными странами выходят на новый уровень развития. В соответствии с Соглашением страны получают возможность торговать друг с другом на беспощинной основе и по широкой номенклатуре товаров [8].

На Ближнем Востоке Россия, Китай и Иран уже продемонстрировали свою готовность совместными усилиями купировать угрозы и поддерживать региональную безопасность. Так, 16 марта 2023 г. были проведены трехсторонние военно-морские учения "Морской пояс безопасности-2023". Учения прошли вблизи иранского побережья в районе морского порта Чабахар, расположенного на берегу Оманского залива. Во время морского этапа трехстороннего учения участники отработали формирование межнационального отряда боевых кораблей, совместное маневрирование, выполнение артиллерийскую стрельбу как днем, так и в ночное время [13]. В фокусе стратегических интересов трех стран находятся вопросы обеспечения безопасности углеводородных маршрутов. Например, Китай, являясь крупнейшим импортером углеводородных ресурсов, будет крайне уязвим в случае дестабилизации обстановки в Персидском заливе и Ормузском проливе [2]. Также трехсторонние военно-морские учения "Морской пояс безопасности-2023" призваны были показать странам коллективного Запада, что Москва, Пекин и Тегеран намерены отстаивать свои геополитические интересы в регионе. Интересно, что эту же линию на самостоятельное обеспечение безопасности и стабильности без внешнего вмешательства только теперь касательно Центральной Азии продвигал Китай на саммите глав правительств государств-членов ШОС в Бишкеке 26 октября 2023 г. Выступая на заседании, премьер Государственного совета КНР Ли Цян подчеркнул, что странам-участникам необходимо вместе укреплять заслон региональной безопасности и решительно противостоять попыткам внешнего вмешательства и блоковой конфронтации [14].

Крупные евразийские державы – Россия, Иран и Китай – демонстрируют готовность взять на себя ответственность за будущее мирное развитие Евразии и совместно купировать любые попытки извне, направленные на дестабилизацию региона. К внешним дестабилизирующим факторам относится геополитическая активность США в Евразии и предпринимаемые Вашингтоном усилия по сдерживанию традиционных евразийских игроков. Например, в Стратегии США в Центральной Азии (2019-2025) подчеркивается значимость региона для интересов национальной безопасности США [28]. Исходя из этого документа, политика США в регионе будет направлена на дискредитацию любых российских и китайских экономических и инфраструктурных проектов, не говоря уже об Иране, которого Вашингтон несколько десятков лет рассматривает в качестве своего главного противника и стремится ослабить его влияние в Евразии. Враждебная политика США будет только усили-

вать политическую консолидацию России, Китая и Ирана и подталкивать их к созданию более гибких механизмов защиты своих национальных интересов.

Заключение

В целом Россия, Китай и Иран смогли установить между собой устойчивые и взаимовыгодные отношения и заложить фундамент для будущего формирования геополитического треугольника "Россия-Китай-Иран". Выход российско-иранских отношений, в которых нередко наблюдалось недопонимание и серьезные противоречия, на стратегический уровень сотрудничества повышает вероятность появления трехстороннего альянса.

Совпадающие взгляды на принципы мирового устройства, высокий уровень сотрудничества, которого удалось достигнуть в двустороннем и многостороннем форматах, а также сходные интересы, преобразовали отношения России, Китая и Ирана в стратегическое партнерство, готовое в будущем трансформироваться в геополитический трехсторонний альянс. Американский фактор будет оказывать определяющее влияние на перспективы формирования геометрии отношений "Россия-Китай-Иран". Усиливает сближение России, Китая и Ирана негативное восприятие американским истеблишментом этих стран, зафиксированное в стратегических внешнеполитических документах. Например, в Стратегии национальной безопасности США от 2022 г. Россия и Китай рассматриваются как государства, которые бросят вызов американским национальным интересам. Также США убеждены, что Иран для них представляет опасность. И речь идет не столько о ядерных амбициях Ирана, сколько о неприятии ими особенностей иранского политического режима.

Корреляция интересов, а также общие вызовы и угрозы будут оказывать консолидирующий эффект на взаимоотношения между Россией, Китаем и Ираном и подталкивать их к углублению сотрудничества в ключевых направлениях. Предложенные проекты и инициативы трех влиятельных акторов мировой политики будут успешно развиваться в том случае, если будет обеспечена стратегическая безопасность Евразии. Этого можно достичь только при непосредственном участии России, Китая и Ирана.

Несмотря на оживленный дискурс о геополитическом треугольнике "Россия-Иран-Китай", его реальное появление пока не состоялось. Все три государства отдают предпочтение координации политики в двустороннем формате и придерживаются принципа стратегической независимости, стараясь не обременять себя лишними обязательствами. Кроме того, во взаимоотношениях между ними присутствует и элемент конкуренции: каждое из этих государств стремится закрепить свои лидерские позиции в Центральной Азии.

Появление подобного треугольника станет важным фактором мировой политики и будет восприниматься на Западе как вызов, за которым может последовать еще большая эскалация напряженности и увеличится вероятность дестабилизации обстановки в Евразии. В то же время если международная обстановка будет и дальше накаляться, а уровень агрессивной политики стран коллективного Запада расти, то вероятность появления геополитического треугольника "Россия-Иран-Китай" только увеличится. Между тем первыми вызов России и Китаю бросили страны коллективного Запада, создав так называемый оборонный союз под названием AUKUS.

Литература

1. Алимов Р. ШОС: «глобальный профиль» в архитектуре международных отношений // Обозреватель. 2018. № 5. С. 5–18.
2. Аслани А. Учения ВМС Ирана, России и Китая: кусочек пазла в геополитической игре. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/ucheniya-vms-irana-rossii-i-kitaya/> (дата обращения: 24.01.2024).
3. Бажанов Е. Россия между Западом и Востоком // Современный мир и геополитика / Отв. ред. М.А. Неймарк. Москва: Издательство «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. С. 9–47.
4. Визит Раиси в Душанбе стал «поворотным моментом» в ирано-таджикских отношениях. URL: https://www.iran.ru/news/politics/124284/Vizit_Raisi_v_Dushanbe_stal_povorotnym_momentom_v_irano_tadzhikskih_otnosheniyah (дата обращения: 15.01.2024).
5. Глазьев С. Ю., Кефели И. Ф. К вопросу об идеологии Евразийского экономического союза // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 1. С. 10–21.

6. Дегтерев Д.А., Рамич М.С. Стратегические треугольники как инструмент балансирования в мировой политике // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2021. том 14. № 3. С. 23–43.
7. Джалали К. «Иран готов заниматься своповыми операциями по российскому газу». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6320367> (дата обращения: 8.01.2024)
8. ЕАЭС и Иран подписали полноформатное соглашение о свободной торговле. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6426328> (дата обращения: 21.01.2024)
9. Кефели И.Ф. Геополитические аспекты инициатив и проектов формирования «Большого евразийского партнерства» // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2019. № 3 (29). С. 65–76.
10. Ли Синь. Китайский взгляд на создание евразийского экономического пространства. Доклад международного дискуссионного клуба «Валдай». М., 2016. 22 с.
11. Лузянин С.Г., Клименко А.Ф. Сотрудничество России и Китая в ШОС по реализации концепции Большого Евразийского партнерства // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. 2019. том 24. № 24. С. 98–113.
12. Мехди Санаи об ирано-российских отношениях. URL: <https://ru.valdaiclub.com/multimedia/video/mekhdi-sana-i-ob-irano-rossiyskikh-otnosheniyakh/> (дата обращения: 5.01.2024)
13. Партнерство Ирана и России укрепляется Китаем. URL: https://www.ng.ru/armies/2023-03-16/2_8687_china.html (дата обращения: 23.01.2024)
14. Полный текст выступления премьера Госсовета КНР Ли Цяна на 22-ом заседании Совета глав правительств государств-членов ШОС. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/zyjh/202310/t20231027_11169677.html (дата обращения: 24.01.2024)
15. Почему китайцы с иранцами беспокоят американцев, но радуют русских. URL: <https://ria.ru/20210330/politika-1603345407.html> (дата обращения: 16.01.2024).
16. Примаков Е.М. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2016. 255 с.
17. Путин заявил о достижении почти \$5 млрд товарооборота РФ и Ирана. URL: <https://iz.ru/1617088/2023-12-07/putin-zaiavil-o-dostizhenii-pochti-5-mlrd-tovarooborota-rf-i-irana> (дата обращения: 6.01.2024)
18. Россию, Иран и Китай назвали новым треугольником в международной дипломатии. URL: <https://lenta.ru/news/2022/12/01/diplomat/> (дата обращения: 2.01.2024)
19. Саджари Реза С.М., Леонтьева Н. Прощать прошлое: Иран верит в серьезные отношения с Россией и с Востоком. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/proshchat-proshloe-iran-verit-v-sereznyie-otnosheniya-s-rossiei-i-s-vostokom/?sphrase_id=127312889&ysclid=lqgwbowdu5850430206 (дата обращения: 12.01.2024)
20. Сажин В. Три «острова раздора» в Заливе. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/41617> (дата обращения: 10.01.2024)
21. Хатами: Идея диалога цивилизаций – это отрицание насилия, терроризма и войны. URL: https://www.iran.ru/news/politics/29072/Hatami_ideya_dialoga_civilizaciy_eto_otricanie_nasiliya_terrorizma_i_voynu (дата обращения: 19.01.2024)
22. Хуашэн Ч. «Новый треугольник» в отношениях между Китаем, Россией и США // *Сравнительная политика*. 2019. том 10. № 2. С. 69–85.
23. Frantzman S.J. Tehran predicts Russia-China-Iran triangle of power – analysis. URL: https://www.fdd.org/analysis/op_ed/2023/11/08/tehran-predicts-russia-china-iran-triangle-of-power-analysis/ (дата обращения: 15.01.2024)
24. Golden Triangle: Iran, China, Russia to Drive the World Away From Dollar. URL: <http://www.brics-info.org/golden-triangle-iran-china-russia-to-drive-the-world-away-from-dollar/> (дата обращения: 15.01.2024)
25. Grajewski N. Iranian Membership in the Shanghai Cooperation Organization: Motivations and Implications. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/iranian-membership-shanghai-cooperation-organization-motivations-and-implications> (дата обращения: 15.01.2024)
26. Iran Forms New Power 'Triangle' With Russia, China, Hardliners Say. URL: <https://www.iranintl.com/en/202201198952> (дата обращения: 15.01.2024).
27. Palmer N. D., Perkins H.C. *International Relations. The World Community in Transition*. Delhi, 2007. 818 p.
28. United States Strategy for Central Asia 2019–2025: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity. URL: <https://www.state.gov/united-states-strategy-for-central-asia-2019-2025-advancing-sovereignty-and-economic-prosperity/> (дата обращения: 15.01.2024).

References

1. Alimov R. SCO: "global profile" in the architecture of international relations // *Obozrevatel*. 2018. No. 5. P. 5–18. (In Russ.).
2. Aslani A. Naval exercises of Iran, Russia and China: a piece of the puzzle in the geopolitical game. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/ucheniya-vms-irana-rossii-i-kitaya/> (accessed 24.01.2024) (In Russ.).
3. Bazhanov E. Russia between the West and the East // *Modern world and geopolitics* / Ed. by M.A. Neymark. Moscow: Publishing house "Canon+" ROOI "Rehabilitation", 2015. P. 9–47. (In Russ.).
4. Raisi's visit to Dushanbe was a "turning point" in Iranian-Tajik relations. URL: https://www.iran.ru/news/politics/124284/Vizit_Raisi_v_Dushanbe_stal_povorotnym_momentom_v_irano_tadzhikskih_otnosheniyah (accessed 15.01.2024) (In Russ.).
5. Glazhev S. Yu., Kefeli I. F. On the question of the ideology of the Eurasian Economic Union // *Eurasian integration: economics, law, politics*. 2022. Vol. 16. No. 1. P. 10–21. (In Russ.).
6. Degterev D.A., Ramich M.S. Strategic triangles as a balancing tool in world politics // *Contours of global transformations: politics, economics, law*. 2021. Vol. 14. No. 3. P. 23–43. (In Russ.).
7. Jalali K. "Iran is ready to engage in swap operations for Russian gas." URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6320367> (accessed 8.01.2024) (In Russ.).
8. The EAEU and Iran have signed a full-fledged free trade agreement. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6426328> (accessed 21.01.2024) (In Russ.).
9. Kefeli I.F. Geopolitical aspects of initiatives and projects for the formation of the "Great Eurasian Partnership" // *Eurasian integration: economics, law, politics*. 2019. No. 3 (29). P. 65–76. (In Russ.).
10. Li Xin. The Chinese view on the creation of the Eurasian economic space. Report of the Valdai International Discussion Club. Moscow, 2016. 22 p. (In Russ.).
11. Luzyanin S.G., Klimenko A.F. Cooperation between Russia and China in the SCO on the implementation of the concept of the Great Eurasian Partnership // *China in world and regional politics. History and modernity*. 2019. Vol. 24. No. 24. P. 98–113. (In Russ.).
12. Mehdi Sanai on Iranian-Russian relations. URL: <https://ru.valdaiclub.com/multimedia/video/me-khdi-sanai-ob-irano-rossijskikh-otnosheniyakh/> (accessed 5.01.2024) (In Russ.).
13. The partnership between Iran and Russia is being strengthened by China. URL: https://www.ng.ru/armies/2023-03-16/2_8687_china.html (accessed 23.01.2024) (In Russ.).
14. The full text of the speech by Premier of the State Council of the People's Republic of China Li Qiang at the 22nd meeting of the Council of Heads of Government of the SCO member States. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/zyjh/202310/t20231027_11169677.html (accessed 24.01.2024) (In Russ.).
15. Why the Chinese and Iranians bother the Americans, but please the Russians. URL: <https://ria.ru/20210330/politika-1603345407.html> (accessed 16.01.2024) (In Russ.).
16. Primakov E.M. A world without Russia? What does political monopoly lead to? Moscow: Publishing Activity CJSC, 2016. 255 p. (In Russ.).
17. Putin announced the achievement of almost \$5 billion in trade turnover between Russia and Iran. URL: <https://iz.ru/1617088/2023-12-07/putin-zaiavil-o-dostizhenii-pochti-5-mlrd-tovarooborota-rf-i-irana> (accessed 6.01.2024) (In Russ.).
18. Russia, Iran and China have been called a new triangle in international diplomacy. URL: <https://lenta.ru/news/2022/12/01/diplomat/> (accessed 2.01.2024) (In Russ.).
19. Sajari Reza S.M., Leontieva N. Forgiving the past: Iran believes in serious relations with Russia and the East. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/proshchat-proshloe-iran-verit-v-sereznye-otnosheniya-s-rossiei-i-s-vostokom/?sphrase_id=127312889&ysclid=lqgpbow-du5850430206 (accessed 12.01.2024) (In Russ.).
20. Sazhin V. Three "islands of discord" in the Bay. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/41617> (accessed 10.01.2024) (In Russ.).
21. Khatami: The idea of a dialogue of civilizations is the denial of violence, terrorism and war. The URL: https://www.iran.ru/news/politics/29072/Hatami_Ideya_dialoga_civilizaciy_eto_otricanie_nasilija_terrorizma_i_voyny (accessed 19.01.2024) (In Russ.).
22. Huasheng Ch. The "new Triangle" in relations between China, Russia and the United States // *Comparative politics*. 2019. Vol.10. No. 2. P. 69–85. (In Russ.).
23. Frantzman S.J. Tehran predicts the triangle of power Russia-China-Iran – analysis. URL: https://www.fdd.org/analysis/op_ed/2023/11/08/tehran-predicts-russia-china-iran-triangle-of-power-analysis/ (accessed 15.01.2024).
24. The Golden Triangle: Iran, China, Russia, to turn the world away from the Dollar. URL: <http://www.brics-info.org/golden-triangle-iran-china-russia-to-drive-the-world-away-from-dollar/> (accessed 15.01.2024).
25. Graevsky N. Iran's membership in the Shanghai Cooperation Organization: motives and consequences. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/iranian-membership-shanghai-cooperation-organization-motivations-and-implications> (accessed 15.01.2024).

26. Iran is forming a New power Triangle With Russia and China, hardliners say. URL: [https:// www.iranintl.com/en/202201198952](https://www.iranintl.com/en/202201198952) (accessed 15.01. 2024).

27. Palmer N. D., Perkins H.C. International Relations. The World Community in Transition. Delhi, 2007. 818 p.

28. United States Strategy for Central Asia 2019–2025: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity. URL: <https://www.state.gov/united-states-strategy-for-central-asia-2019-2025-advancing-sovereignty-and-economic-prosperity/> (accessed 15.01. 2024).

Информация об авторе

Елена Геннадьевна Гарбузарова, д-р. полит. наук, доцент кафедры международных отношений и политологии Киргизско-Российского Славянского университета, г. Бишкек, Киргизия, e-mail: play_elenag@mail.ru

Information about the author

Elena G. Garbuzarova, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Department of International Relations and Political Science, Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan, e-mail: play_elenag@mail.ru

Поступила в редакцию 30.01.2024

Одобрена после рецензирования 17.02.2024

Принята к публикации 25.02.2024

Received 30.01.2024

Approved 17.03.2024

Accepted 25.02.2024

Требования к объему и оформлению предоставляемых в редакцию материалов

1. Допустимые форматы файла: docx, odt.
2. Файл не должен содержать сложных стилей и форматирования, переносов, неразрывных пробелов. В заголовках **не применять ПРОПИСНЫЕ** символы. Простановка буквы ё обязательна.
3. Шрифт Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
4. Поля: верхнее и нижнее – 2 см., правое – 1,5 см., левое – 2,5 см.
5. Порядок оформления статьи: УДК, сведения об авторе (авторах) (Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы и должность, рабочий (домашний) телефон, e-mail), название статьи (не более 80 знаков), текст статьи, список литературы, аннотация (от 500 до 700 знаков), ключевые слова (от 5 до 10). Название, аннотация и ключевые слова, а также сведения об авторе (авторах) предоставляются на русском и английском языках. Вся вышеуказанная информация высылается одним файлом. Файлу следует присваивать только имя (фамилию) автора.
6. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками **жирным шрифтом**. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведенной цитаты. Например: [2, с. 5]. Если страница не указывается, а дается ссылка на работы целиком, то их нумерация дается через точку с запятой. Например: [2; 5; 7].
7. Ссылка на неопубликованный архивный документ помещается только в тексте самой статьи в круглых скобках, также **жирным шрифтом**. Например: (ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4–5); (**Рукопись Иванова А. К. Из архива автора**).
8. Расшифровка сокращений и аббревиатур (кроме общепринятых) обязательна (дается в конце текста статьи или сноской). Например: ГАПК – Государственный архив Приморского края. Слова "годы" и "века" должны даваться в сокращении, а для обозначения веков следует использовать римские цифры в латинской раскладке. Например: 1990 г.; 1990-х; 1990-е гг.; 1980-х – 1990-х гг.; 1980-е – 1990-е гг.; XIX в.; XX–XXI вв. и т.д.
9. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учета соавторов и хронологии.
10. В списке сначала указывается литература на кириллице (начиная с литературы на русском языке), далее на латинице, и после в других системах письма.
11. Библиографическое описание должно включать полное наименование книги или статьи, место издания, издательство, год, общее количество страниц (для статьи – страницы, на которых она помещена).
12. Ссылка на Интернет в списке литературы оформляется следующим образом: **Автор. Название материала // Название сайта. URL: адресная строка (дата обращения: 31.12.2022)**.
13. В англоязычной версии списка литературы ("References") описания всех неанглоязычных публикаций должны быть переведены на английский язык. При этом в скобках после описания публикации должен быть указан ее оригинальный язык. Например: (In Russ.).
14. Порядок расположения публикаций в списке литературы и "References" идентичен.
15. Транслитерация неанглоязычных имен и фамилий выполняется по стандарту BSI (British Standards Institution). Образец оформления рукописи, включая список литературы и "References", доступен на сайте журнала.
16. При наличии у цитируемой публикации идентификатора цифрового объекта (DOI), его необходимо указывать. Например: <https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2017.05.009>.
17. Объем статьи – от 0,5 до 1,0 п.л. (от 20 до 40 тыс. зн. с пробелами). Объем других материалов – до 0,3 п.л.
18. Рисунки, карты, графики и другой иллюстративный материал принимаются в наиболее распространенных (jpeg, tif) форматах, и предоставляются отдельными файлами. К графикам обязательно прилагать таблицу, на основании которой этот график сделан. Для всех подписей в графиках использовать только шрифт Arial Narrow.
19. Указание источника иллюстраций – обязательно.
20. Русскоязычные заголовки иллюстраций обязательно сопровождаются переводом на английский язык.
21. Ввиду черно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. не должна содержать более трех цветов (черный, белый, серый 50 %).
22. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации по электронной почте (e-mail: ojkum@rambler.ru).

Статьи проходят обязательное рецензирование.
Редакция оставляет за собой право отбора публикаций.
Файлы, подготовленные с нарушением требований, не рассматриваются.
Плата за публикацию не взимается.

Научное издание

Ойкумена. Регионоведческие исследования
научно-теоретический журнал

2024 № 1 (68)

Подписано к печати 04. 03. 2024 г. Вышло в свет 21. 03. 2024 г. формат 70x108/16
Усл. п. л. 15,40. Уч. -изд. л. 17,64. Тираж 200 экз. Заказ
Цена свободная

Издательство Владивостокского государственного университета
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

Отпечатано во множительном участке ВВГУ
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

